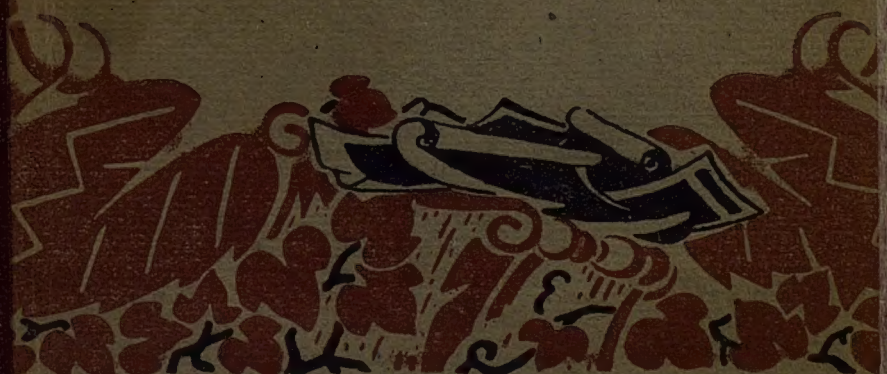
БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННЫХ МЕМУАРОВ

BE312
Э872

М. ЭРЦБЕРГЕР

ГЕРМАНИЯ и АНТАНТА

ВОСПОМИНАНИЯ Б. ГЕРМАНСКОГО
МИНИСТРА ФИНАНСОВ



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗД-ВО

М. Эрцбергер.

ГЕРМАНИЯ и АНТАНТА

МЕМУАРЫ

Перевод с немецкого Е. ФЕДОТОВОЙ
Вводная статья В. КРЯЖИНА:
„Крушение германского империализма".

Государственное Издательство
Москва.—Петроград.
1923.

1987

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2009

ВЕ312 Р
Э 872

Библиотека ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

388658 388058

СО 87-80

Типография ПЕПО, Лештуков пер., д. № 13.

Петрообл. № 3920. Гиз. № 5335. Тираж — 7000.

Крушение германского империализма.

I.

Молниеносное крушение Германской империи, наряду с генезисом мировой войны и русской революцией, является, несомненно, одной из трех кардинальнейших проблем современной мировой истории. В настоящее время, когда процесс распадения Германской империи в сущности еще продолжается, мы не можем рассчитывать на появление сколько-нибудь исчерпывающих трудов, посвященных последнему. Сборники оффициальных документов, необозримая полемическая литература, наконец, мемуары близких участников или свидетелей событий (Людендорфа, Гинденбурга, Вильгельма II, кронпринца, Э. Бернштейна, Г. Носке, Ф. Шейдемана и др.)—вот все, чем мы располагаем в настоящее время.

В ряду мемуарной литературы одно из наиболее видных мест занимает книга М. Эрцбергера: „Германия и Антанта". Вплоть до своей трагической смерти (26 VIII 1921 г.) от руки крайних националистов, Эрцбергер играл крупнейшую роль в политической жизни Германии. Бывший народный учитель, Эрцбергер, попав в рейхстаг, стал признанным вождем католической партии центра, опирающейся на огромные массы мелкой буржуазии и на католических рабочих.

Благодаря своим интимным связям с Ватиканом и с католическим двором Габсбургов, Эрцбергер играл подчас совершенно самостоятельную политическую роль, и правительство часто использовало его для разного рода „деликатных“ дипломатических поручений.

Как вождь мелкой буржуазии и мещанского слоя пролетариата, Эрцбергер не был чужд известного демократизма: мемуары ярко подчеркивают борьбу, которую он вел за утверждение парламентаризма, за отказ от аннексионистских целей войны и т. д. Но в этом отношении не надо впадать в ошибку: демократизм и пасифизм Эрцбергера падают на вторую половину войны, когда для всех дальновидных политиков выяснилась невозможность принудить Антанту к капитуляции. До этого Эрцбергер был ярким шовинистом, да и значительно позже он выступал на защиту Брестского мира, протестуя лишь против его „дополнительных статей“. Эти колебания чрезвычайно характерны для Эрцбергера и они об'ясняются, конечно, той шаткостью и расплывчатостью, которые всегда свойственны политическому миросозерцанию мелкой буржуазии.

Работая в начале войны по организации иностранной пропаганды, в середине 1917 г. Эрцбергер становится одним из вождей оппозиции в рейхстаге и, наконец, после военного краха—вступает в „военный кабинет“ принца Макса Баденского. Именно он чуть ли не единолично ведет переговоры с союзниками о перемирии, а затем открывает ожесточенную кампанию в пользу безоговорочного принятия Версальского мирного договора. Какими же мотивами руководствовался Эрцбергер, агитируя за принятие беспощадных условий перемирия? Об этом он совершенно открыто говорит в своих мемуарах, и в этом заключается их подлинная историческая ценность. Таким побудительным мотивом был для него страх перед большевизмом, наступление которого он, как проницательный политик, предвидел в случае дальнейшего сопротивления Германии. Ведя переговоры с Фошем, он десятки раз указывает, что слишком жестокие условия перемирия „предадут Германию в руки

большевизма". В период уличных боев в Берлине он сговаривается с верховным командованием, „что если бы союзники потребовали образовать общий фронт против большевиков, я могу подписать такое соглашение".

Тот же панический страх перед наступающей социальной революцией руководит этим типичным идеологом и вождем мелкой буржуазии и при кампании в пользу принятия Версальского мира. В записке, которую он подает на рассмотрение всех фракций рейхстага, он подчеркивает „рост большевизма, который видит, что его время пришло", и грозит, что в „Германии фактически установится положение дел, как в России".

Ведя эту агитацию, Эрцбергер мог, впрочем, опираться не на одни только прогнозы, но и на факты. Так, он приводит замечательный факт, что в Гамбурге ряд купцов решили поставить в случае продолжения войны свой город под английский протекторат для того, чтобы защитить себя от угрожающего большевизма, а также, чтобы предотвратить уничтожение своего родного города.

Защищая эту позицию, Эрцбергер, впрочем, как известно, имел солидных помощников не только справа, но и слева. Не говоря уже о Носке и Шейдемане, ведь даже Гаазе утверждал, что „Антанта готова предложить Германии при нынешнем правительстве подходящие условия мира, а также снабдить ее продовольствием. Но все это до тех пор, пока в Германии нет большевизма. Поэтому необходимо обороняться от русской пропаганды".

Эта тактика капитуляции перед Антантой возбудила против Эрцбергера неслыханную вражду со стороны милитаристической клики, аграриев, металлургических королей, пароходовладельцев и др. Антагонизм этот особенно усилился после того, как Эрцбергер, будучи министром финансов, начал проводить обложение крупных капиталов, для покрытия послевоенных обязательств Германии. Против него был поднят судебный процесс по обвинению в лихоимстве, который и заставил его на время отстраниться от политической

деятельности. Для сторонников Каппа и Гельфериха этого было, однако, мало. Эрцбергер, этот вождь мелкой буржуазии и почти всей католической Германии, оставался слишком опасным соперником.

Уже в 1918 г. на его жизнь производится несколько покушений, случайно оказывающихся безрезультатными. 26 августа 1921 г. в Грисбахе (в Бадене) на Эрцбергера во время прогулки нападают двое молодых людей, и буквально расстреливают из револьверов. Политический смысл убийства Эрцбергера, последовавшего после убийства Эйснера и Гаррейса, был, конечно, совершенно ясен. Недаром „Фрейхейт" писала, что убийцами являются Гельферих, Капп и их помощники. Подстрекатели убийц в редакциях „Крейц-Цейтунг" и „Дейтче Цейтунг". Там заряжались револьверы, которые завершили дело в Грисбахе. Характерно, что и правые газеты признавали политический характер убийства Эрцбергера, но приэтом заявляли, что именно он виновен в бедствиях, постигших Германию.

2.

Вполне понятно, что мемуары государственного деятеля такого крупного калибра, как Эрцбергер—представляют совершенно исключительный интерес. Благодаря его большой осведомленности в международной жизни, он дает новое освещение целому ряду событий: напр., обстоятельствам вступления Италии в войну, роли массонства, балканским событиям, комбинациям Ватикана и т. д., и т. д.

Интерес этих воспоминаний увеличивается благодаря значительной широте политического кругозора Эрцбергера, умеющего смотреть на мир не только „через пушечное дуло", в чем он обвиняет немецких политиков. В этом отношении книга Эрцбергера выгодно отличается от записок Шейдемана, так и блещущих близорукостью, самовлюбленностью, и, last not least, просто глупостью. Вождь мелкой буржуазии не смакует, подобно „вождю" социал-демократии, канцлерские си-

гары, рукопожатия, титулы „превосходительство“ и др. забавные мелочи, которыми испещрен дневник Шейдемана. В то время, как последний, по собственным признаниям, выслушивает „отеческие увещания“ канцлера и вообще используется милитаристами, как „государственно - охранительная сила“, Эрцбергер проводит свою собственную политическую программу, идущую в значительной степени вразрез со стремлениями пангерманцев, придворной камарильи и военной клики.

Один момент в записках Эрцбергера заслуживает того, чтобы на нем более подробно остановиться, это политическая жизнь Германии во время войны.

После ознакомления с большинством мемуаров, относящихся к этой эпохе, не исключая и книги Шейдемана, у читателя получается впечатление, что Германия все четыре года войны жила в общем нормальной парламентской жизнью. Рейхстаг занимался законодательной работой, оказывая давление на правительство, причем после 1917 г. это давление перешло чуть ли даже не в прямой политический контроль. Записки Эрцбергера ярко показывают, какой иллюзией является это представление о внутренней жизни Германии за время войны.

Реальная власть, начиная с момента мобилизации и *вплоть до заключения перемирия*, находилась беспрерывно в руках главного командования. Не Вильгельм II, не Бетман - Гольвег, не Макс Баденский и уж, конечно, не Шейдеман с Давидом и присными, а Людендорф, возглавлявший милитаристические круги, являлся в течение 4-х лет подлинным диктатором Германии.

Вплоть до военного разгрома, заявляет Эрцбергер, Людендорф „оставался почти неограниченным властителем Германии и частью сам решал политические вопросы, частью существенно влиял на их решение“... Иллюстрациями к этому положению полна буквально вся книга. Германский поход на Бельгию произошел без предварительного согласия рейхстага, по приказу верховного командования, хотя во главе его тогда

стоял и не Людендорф, а Мольтке. Попытки вступить в мирные переговоры с Антантой, предпринимаемые рейхстагом, всегда разбивались о противодействие того же командования, которое желало удержать Бельгию, как ценный военный „залог", а на самом же деле мечтало присоединить ее к Германии. Крупнейший политический акт о восстановлении Польского государства (5 XI 1916 г.) последовал, по инициативе военных властей. Людендорф рассчитывал получить от автономной Польши компенсацию в виде 350.000 солдат: „позже он заявлял, что никогда не посоветовал бы и не сделал бы этого политического акта, если бы его не заверили, что будет легко получить такое количество войск".

Я не буду умножать дальнейших фактов: вопрос о судьбе Эльзас-Лотарингии, о провозглашении „беспощадной" подводной войны, одним словом, важнейшие и наиболее острые политические вопросы—все это решалось не в Берлине, а в ставке верховного командования. Даже Шейдеман, который всячески пыжится доказать, какую крупную роль играли он сам и предводительствуемая им социал-демократия во время войны, вынужден признать, что „за границей знали так же хорошо, как и в стране, что в конечном итоге политику делает главное командование".

Но вот в июле 1917 г. под влиянием ряда военно-политических неудач в Германии начинается политическая весна: по инициативе Эрцбергера, которую у него, впрочем, оспаривает Шейдеман, рейхстаг принимает резолюцию о заключении „мира на основах соглашения". Спустя три месяца после этого, уже образуется „первое парламентское правительство" принца Макса Баденского, и Германия вступает на путь внутренних реформ...

Так ли на самом деле развертывались события? Лучшим ответом это является изумительная беседа Вильгельма II с депутатами рейхстага после принятия резолюций о мире, о которой почему-то умалчивает Шейдеман, принимавший в ней участие.

„Слово „соглашение—превосходно", заявляет с обычной экспансивностью Вильгельм. „А соглашение состоит в том, что мы возьмем у врагов деньги, сырые материалы, хлопок, масла и из их кармана переложим в наш карман: это—замечательное слово". Члены фракции большинства, к своему ужасу, не только увидели, что император не осведомлен о том, чего они хотели, но даже чувствовали издевательство в этих словах."

Далее император развивает перед изумленными депутатами программу „второй пунической войны" против Англии и заканчивает свою декларацию замечательным по ясности заявлением: „Где появляется гвардия—там не место демократии".

Перед лицом всеобщей оппозиции император все же принужден отставить канцлера фон Бетман-Гольвега. Однако преемник его Михаэлис назначается, вопреки обещанию, без всякого ведома парламента. „Говорят", эпически сообщает Эрцбергер, „что искали сильного человека, а так как Михаэлис однажды в прусском ландтаге употребил выражение, что он никому не позволит путаться у него под ногами и т. д., то военные обратили на него внимание."

Вскоре, правда, этот „сильный человек" также должен был уйти, но назначенный на его место престарелый граф Гертлинг откровенно жаловался, что верховное командование „водит его за нос". Действительно, именно в этот период Людендорф задумал, минуя германское правительство, превратить Крым в вассальное государство, чтобы получить оттуда 50.000 рекрут....

Не стоит останавливаться на дальнейших опытах парламентаризации, которые так умиляют оптимиста Шейдемана.

Смысл их очень хорошо выразил нач. кабинета Ф. Валентини, заявивший, что „в эти дни—главное было сохранить доброе настроение императора; вся же эта парламентаризация—один „маскарад", который продолжится несколько месяцев."

Но вот совершенно неожиданно для упоенных победными реляциями членов рейхстага происходит воен-

ный крах. Начинаются прямые переговоры с Антантой, и опять-таки по инициативе главного командования. „Не только под военным давлением, но по военному приказу была отправлена 5 октября первая нота президенту Вильсону, набросанная вчерне ген. Людендорфом.“ Чтобы оценить вполне этот факт, укажу лишь, что в то время в Берлине уже функционировало „парламентское“ правительство, в которое от с.-д. фракции входил Шейдеман. Впрочем, и здесь не заканчивается обще-политическая роль командования. В Германии происходит революция, Вильгельм бежит в Голландию, и вот санкцию на принятие условий перемирия дает не канцлер, не рейхстаг, а то же верховное командование...

Все эти факты, выпукло представленные в мемуарах Эрцбергера, имеют огромное историческое значение. Они доказывают уже выставленное выше положение, что в течение всей войны в Германии царила беспощадная диктатура милитаристических кругов, опиравшихся, разумеется, на близкие им слои аграриев и представителей тяжелой индустрии. Эта диктатура и являлась, несомненно, одной из главных причин того исторического феномена, который носит название крушения Германской империи.

В. Кряжин.

I. Пропаганда.

Несмотря на крупные военные морские программы, осуществленные в законопроектах 1911, 12 и 13 гг., мировая война застигла немецкий народ *неподготовленным* в военном, хозяйственном и политическом отношении; без гениальнаго открытия способа добывания азота из воздуха, в начале 1915 года, производство пороха в Германии должно было бы прекратиться. По какой-то иронии судьбы 31 июля 1914 года в военное министерство поступила бумага из имперскаго казначейства, в которой отклонялись новые требования на увеличение снабженія на 1915 сметный год. Время от времени в обществе высказывалось требование плана хозяйственной мобилизации, но эта идея не получала осязательной формы. В конце июля 1914 года один крупный немецкий купец обратился в морское министерство с запросом, не должен ли он направить в Германию несколько пароходов с машинным маслом, предназначенным для Англии. Ответ был отрицательный: считалось, что для подобной меры нет никаких оснований. В политической области к войне были совершенно не подготовлены. Почти все руководящие правительственные деятели в июле месяце были в отпуску или в поездках. Союзникам в Вене, правда, дали понять, что в Берлине готовы поддержать Дунайскую монархию в необходимых счетах с Сербией до конца, в надежде, что военный конфликт может быть локализирован, и что ни Россия, ни Франция, ни Англия не вмешаются.

Так стоял политический карточный домик в июле 1914 года. После передачи австрийского ультиматума я имел несколько бесед в министерстве иностранных дел. Мне заявили, что нет никаких оснований для беспокойства. Заведующий французским политическим отделом заявил 27 июля: „На следующей неделе с удовольствием поеду в отпуск". Одно ответственное лицо на мой вопрос, может ли состояться предположенный в августе с'езд католиков в Мюнстере, сказало, что нет никаких оснований прерывать подготовительные работы: о войне не может быть и речи. Так только можно об'яснить, что в роковые июльские дни народные представители беззаботно пользовались каникулами и все, решительно все, предоставили правительству--весьма характерная черта для идиллическаго характера старой бюрократической государственности. Только социалдемократическая фракция рейхстага заявила тогда протест канцлеру. Парламент же собрался лишь тогда, когда последовали об'явления войны. Во внешней политике, так же, как и во внутренней, он был поставлен перед совершившимся фактом.

Когда венский ультиматум и произведенное им впечатление до крайности обострили мировую ситуацию, ни в Берлине, ни в Вене не сочли нужным установить контакт с Италией и Румынией и подготовить необходимое соглашение. Вручение копии ультиматума в *Риме* происходило прямо трагикомически. Итальянский министр иностранных дел Сан-Джулиано находился в курорте: австрийский дипломат, который должен был передать копию, забыл ее взять с собою. Так как он имел поручение только передать копию, то он во время своего визита не счел себя в праве говорить о делах, так что итальянский министр иностранных дел должен был ознакомиться с ультиматумом на следующий день по газетам. Правда, и в кругах берлинского дипломатического ведомства держались того взгляда, что конфликт между Австро-Венгрией и Сербией не представляет союзного обязатель-

ства для Италии. Юристы при министерстве иностранных дел постарались обосновать это в подробной записке. Немногие дни, предусмотренные сроком ультиматума, не были использованы для того, чтобы притти к соглашению с *Румынией*, которая заключила военную конвенцию с центральными державами. Король Карл изо всех сил старался сдержать свое слово. В совете министров он остался одинок; только седой Петр Карп поддержал его. С разбитым сердцем он думал об отречении, чтобы закончить свои дни в Швейцарии, в тихом Эйнзидельнском монастыре. Внезапная смерть оборвала его богатую трудами и успехами жизнь.

Правительство империи было совершенно не подготовлено к неразрывно связанной с современной войной *просветительной* работе внутри страны и за границей, хотя в балканской войне Болгария показала миру, что мало давать и выигрывать битвы,—нужно завоевать для себя общественное мнение невоюющего мира. Рейхстаг часто упрекали в том, что он не утвердил необходимых сумм для политической пропаганды; это неверно. У правительства не хватало или смелости, или понимания, чтобы потребовать необходимые суммы для организации, которая давно уже существовала в Англии и Франции. Рейхстаг боролся только против увеличения тайного фонда. Я сам предлагал в 1911 году создать фонд „для распространения немецких известий заграницей". Затребованная для этого ведомством иностранных дел сумма в пол-миллиона ежегодно была понижена казначейством до 300.000 марок. Рейхстаг без отговорок принял эту сумму и предусмотрел для нее упрощенную отчетность. Было еще и второе несчастье. В качестве депутата я из года в год указывал, что в империи нет *единого управления по делам печати*. Иностранное ведомство имело давно уже свой отдел печати, морское устроило свой отдел лет двадцать тому назад. Оба они часто работали, намеренно и не преднамеренно, вразброд. В 1914 году и военное министерство старалось создать себе собственный отдел печати.

Прусское министерство внутренних дел имело, в свою очередь, собственный аппарат печати. Представительства немецкой прессы заграницей встречались редко. Если при дипломатической миссии и находился какой-нибудь представитель прессы, то он получал такое жалкое вознаграждение, что не мог по своей общественной и политической роли оказать серьезных услуг отечеству. К упомянутым отделам печати во время войны прибавилось еще два: один—при верховном главнокомандующем и один—при заместительстве генерального штаба в Берлине. Путаница и хаос росли со дня на день, даже и после создания военного управления по делам печати. Несмотря на мои старания и представления, не удалось достигнуть единого руководства.

Когда разразилась мировая война, Германия была изолирована врагами. Но она и сама изолировала себя. Военные власти тотчас издали распоряжение, чтобы ни одна немецкая газета не попадала за-границу, и это несмотря на внутреннюю цензуру. Иностранному ведомству было сообщено об этом лишь три недели спустя. Немецкие газеты, которые могли бы служить самым действительным средством для спокойной пропаганды среди нейтральных и противников, лежали в гигантских тюках на пограничных станциях. Оффициальная немецкая „белая книга" давала, как показали ее позднейшие добровольные и недобровольные дополнения, лишь неполную картину самых черных восьми дней мировой истории. Когда, после об'явления войны, большое число американцев пожелали вернуться на родину, отсутствовал всякий материал, чтобы показать чужому народу, как Германия пришла к мировой войне. Один энергичный капитан из морского министерства предложил мне и другим немецким политикам написать в 48 часов небольшую книгу о событиях, предшествовавших войне, чтобы раздать ее от'езжающим американцам. С большим трудом это было сделано. То была первая немецкая пропагандистская работа во время войны. Оффициальные сферы и народные массы были так опьянены первыми реляциями о победах, что придавали

мало весу мнению заграницы. Лишь немногие в то время обнаружили проницательность. К ним принадлежит нынешний прусский министр юстиции, Ценгоф, который сказал мне 4-го августа, что эта война кончится поражением Германии. Лишь после того, как немецкие купцы вернулись из нейтральных стран в Берлин и сообщили о господствовавшем там настроении, стало ясно, что в первые три недели достигли военных успехов, но в то же время понесли не одно политическое поражение. Один весьма крупный гамбургский купец, прибывший из Голландии, докладывал в некоторых оффициальных учреждениях, как настоятельно необходимо поставить планомерно организованную просветительную работу заграницей. В некоторых учреждениях предложение было встречено пожиманием плеч, но два морских офицера его приняли и обратились ко мне с просьбой. взять на себя руководство заграничной пропагандой. Заместитель канцлера (канцлер находился уже в главной квартире, в Кобленце), по их словам, не только дал на это свое согласие, но выразил настоятельное пожелание, чтобы я занялся этой работой. Я заявил, что уже в день мобилизации я предоставил себя в распоряжение военного министерства (я был в течение 10 лет докладчиком по военному бюджету), что я считаю теперь, после начала войны, невозможной успешную работу в этой области, и особенно трудно, по моему мнению, наверстать то, что упущено в первые три недели войны; я опасаюсь также, что всемогущество военных властей сделает невозможной целесообразную политическую пропаганду. В ответ на эти возражения, апеллировали к моему патриотизму и убедительно просили меня сделать опыт. После переговоров в министерстве иностранных дел, я, в конце концов, согласился. Велико же было мое разочарование, когда я запросил различные ведомства, какие агенты до сих пор работали для Германии в нейтральных странах.

Этому вопросу чрезвычайно изумились и сказали мне, что таких агентов нет нигде. Одновременно с этих пор открылся целый ряд *вольных бюро пропаганды*. Раз-

дался призыв: „Правду для заграницы!“. Теперь тысячи и десятки тысяч немецких газет посылались в дружественные и нейтральные страны. Некоторые лица из нейтральных жаловались мне, что они получали в один день дюжину и более одинаковых нумеров немецких газет. Приэтом поступали так бессмысленно, что, например, газеты, в роде „Deutsche Tageszeitung“, „Post“, „Tägliche Rundchau“, которые отстаивали самую резкую антидатскую политику в северном Шлезвиге, массами посылались в Данию. В октябре 1914 г. я мог констатировать, что внутри империи занимались заграничной пропагандой не менее 27 бюро или ведомств, каждое на собственный риск и страх, без всякой об'единяющей их идеи. Преодолев многочисленные затруднения, удалось постепенно взять в руки эту вольную деятельность и создать в *центральном бюро для работы за-границей* средоточие для пропаганды путем брошюр, книг и иллюстраций. Бывший посланник барон ф.-Мумм, управляя этим центральным бюро, стяжал себе большие заслуги, что не помешало позднее, в 1917 г., распустить и эту с трудом созданную организацию и устроить опять нечто новое под эгидой военного управления. На этот раз это был генерал Людендорф, который поддался магическому слову „пропаганда“ и схватился за нее со всей своей энергией.

Для моей собственной деятельности у меня не было никакого подходящего персонала; я должен был набирать его с большой поспешностью. Один „бравый“ майор из военного министерства впоследствии сделал мне упрек, что я пригласил в бюро пропаганды большое количество иностранцев—они работали в качестве переводчиков. Но всем известно, что хороший, безупречный перевод на иностранный язык может сделать только лицо, принадлежащее к данному народу. Именно Германия за несоблюдение этого правила должна была заплатить насмешками за-границей. В первое время несколько священников из общества Иисуса достойно потрудились в деле просвещения за-границей.

Всем моим сотрудникам—их было немного—я предоставил большую самостоятельность, но пред'являл к ним самые высокие требования; эта система всегда и везде давала мне хорошие результаты.

От влияния на внутреннее общественное мнение Германии я воздерживался и старался воздействовать лишь постольку, поскольку это было необходимо для заграничной работы. За-границу сообщались только абсолютно подлинные факты; что приэтом встречались и ошибки, это неизбежно, по человеческой слабости. Немецкая пропаганда никоим образом не должна была натравлять народы друг на друга, или отравлять их сознание, но стараться спокойно и деловито защищать правоту немецкой точки зрения и достойно отражать нападения и заподозривания противной стороны.

Самым быстрым и верным средством для этого была краткая, бьющая в точку, телеграмма. Рядом с ней имели свое место: передовая статья, интервью, письмо в газету, брошюра, книга, доклад, иллюстрированный журнал, кино и театр,—все это не в первые месяцы, а в течение долгой упорной работы. Лучшим и надежнейшим источником известий о положении Антанты являлись для меня газетные об'явления—там тоже затушевывали и умалчивали, но не лгали. В отделе об'явлений обнаруживались без прикрас потребности и запасы товаров, количества и цены. Цены на масло в парижской прессе, на одежду в лондонских газетах и т. д. были для мена всегда надежнейшим барометром для действия наших подводных лодок. Отдел об'явлений был для меня почти неистощимым источником политических оценок, более важным обыкновенно, чем весь политический отдел подцензурной прессы. Тотчас после начала моей деятельности, я должен был убедиться, что, кроме упомянутых затруднений, на пути к поставленной цели стоял целый ряд новых препятствий. Военные власти в 1914 и 1915 г.г. чрезвычайно мало сознавали необходимость информации за-границу. Так, в течение продолжительного времени все попытки разрещить нейтральным

журналистам поездки на фронт отклонялись под неопределенным предлогом „шпионажа“. Когда удалось пригласить ряд итальянских журналистов приехать в Германию, военные их встретили чрезвычайно холодно. Сопровождавший их немецкий офицер публично назвал журналистов „шпионами“ и заявил, что славный немецкий меч стоит больше, чем весь этот трезвон. На просьбу итальянцев об интервью с ответственными немецкими генералами было отвечено отказом, а один запасный немецкий офицер, помогавший организовать поездку, был арестован по какому-то ничтожному поводу. В течение долгих месяцев я напрасно старался освободить несправедливо арестованного из заключения; в августе 1915 г. я получил от соответствующей военной инстанции отказ с классической мотивировкой, что арест произведен „в интересах охраны империи в виду его прошлого поведения“, и что он должен быть продолжен в его „собственных интересах“, „дабы он не впал в соблазн вступить на прежний путь“. Запасный офицер провинился только в том, что он, с ведома властей, работал в пользу единения с Италией. Поэтому неудивительно, что все представления генералом о том, что Антанта поступает совершенно иначе и снабжает, особенно итальянскую прессу, блестящими картинами французской и английской фронтовой жизни, натыкались на глухую стену.

Ответственные немецкие генералы не понимали психологии войны вплоть до ее ужасного конца. Ежедневные военные донесения постоянно доказывали это. Почти все донесения говорили только о победах; поражения замалчивались или так скрашивались, что были понятны лишь немногим посвященным. Эти донесения были одинаково опасны и внутри, и вне страны. Массы немецкого народа спрашивали, почему же нет мира, когда каждый день одерживают победы. Заграницей эти отчеты самым тяжелым образом колебали веру в немецкое дело. Далее, не взирая на все мои старания, немецкая цензура исключила один из самых могущественных факторов: горячее *сострадание* к голодающе-

му, тяжко страждущему народу. Немецкий припев в стране и за границей был: „С нами не справиться!". Все описания о скудости в немецком народе, о его недоедании, страданиях и вымирании были под запретом. Немецкие врачи и ученые должны были писать и писали, что для немца очень здорово, если он ест меньше, чем до войны. Составляли обширные статистические таблицы минимума того, с чем может прожить человек; так хотели доказать заграницей, что запасы жизненных средств и предметов повседневного потребления настолько велики, что Германия никогда не может погибнуть от голода. Но власти не подумали о том, что заграницей легко можно узнать немецкое меню, немецкие пайки, а еще меньше о том, что немцы, получившие заграничный паспорт, в заграничных отелях громко выражали свое удовлетворение: „наконец-то, можно поесть, как следует". Антанта поступала совершенно иначе. Она заставляла служить себе сострадание, которое смягчает самое суровое сердце. Если не было агитационного материала для возбуждения сострадания, его изобретали. Напомню только о бельгийских детях с отрубленными руками. Во время моего пребывания в Риме я узнал, что английская воспитательница при королевском дворе умела с таким искусством рассказывать своим питомцам об участи бельгийских детей, что они однажды бросились к своему отцу с криком: „Papa, papa, faccia la guerra!—подумай о бедных бельгийских детях без рук и без ног!" Вся пропаганда военных зверств, как она была поставлена Антантой, имела своею целью сделать Германию ненавистной, как страну варваров, и вызвать симпатию к ее противникам; поэтому она апеллировала к могущественному чувству сострадания. Немецкая пропаганда не могла создать никакого противовеса под давлением военных властей. Вторжение в Бельгию вооружило против Германии почти весь мир. Бельгия сделалась, как я сказал в рейхстаге, „любимицей мира". Немецкие ссылки на необходимую оборону не являлись достаточным аргументом. Когда осенью 1916 г. прибавились

еще бельгийские высылки, Германия окончательно проиграла партию. Правда, стараниями папы Бенедикта XV удалось получить от императора Вильгельма обещание прекратить высылки. Но, к сожалению, это обещание вскоре затем подверглось раз'яснению военных кругов; прекратились высылки в Германию, но продолжались—на работы в прифронтовой полосе. Все мои представления о том, что нельзя колебать и перетолковывать императорское слово, остались безуспешны. Покойный кардинал нью-йоркский Фарлей, который до сих пор занимал благожелательно нейтральную позицию, сообщал мне тогда, что он в ужасе от немецких мероприятий, и публично сказал, что „со времен мидян и персов не происходило такого насильственного переселения народных масс". Когда я заявил об этом в парламенте, тогдашний прусский военный министр фон-Штейн сказал, что подобные выражения его не трогают, так как Германия приняла эту меру для того, чтобы бороться с саботажем в Бельгии и так как Антанта своей блокадой делает необходимым использование всех человеческих сил и в оккупированной области. Колебания в военных целях и неясная позиция руководящих сфер даже на третий и на четвертый год войны необычайно затрудняли немецкую пропаганду. Беспощадная подводная война, характер ее мотивировки и раздувание ее действительных или мнимых успехов лишили нас искренних друзей заграницей. Когда немецкий морской штаб сообщал, что в один месяц потопил 600.000 тонн и какое количество жизненных припасов и сырых материалов при этом погибло, он не думал, несмотря на мои представления о том, какое впечатление это производило на нейтральных, которые также страдали от подводной войны и говорили себе, что Германия виновата в их лишениях и дороговизне. Немногих можно было убедить в том, что подводная война с торговыми судами являлась мерой обороны против блокады немецкого народа, противной международному праву; эта блокада едва затрагивала нейтральных, а подводная война им

вредила. Целый ряд необ'яснимых промахов со стороны оффициальных и полуоффициальных телеграфных агентств возбуждал насмешки заграницей. Когда я в декабре 1916 года жил в Швейцарии, туда пришла телеграмма, что император приказал, по случаю занятия Бухареста, вывесить флаги и салютовать победу. Честный швейцарец соображал: „значит, даже на праздник немцев сгоняют по команде". Еще больше усмехались заграницей, когда несколько дней спустя после назначения канцлером Михаэлиса, стало известно, что последний произведен в капитаны. В этом и подобных казусах видели воплощение немецкого милитаризма. Когда же мы выступали с представлениями, то наталкивались на глухую стену. Так было со мной, когда я в начале сентября 1914 года предложил канцлеру пригласить в главную квартиру бывшего президента Соединенных Штатов, Теодора Рузвельта, так как мне из влиятельных американских сфер сообщали, что Рузвельт охотно примет такое приглашение. Неудача моих безуспешных попыток повторялась так часто, что я нередко носился с мыслью отказаться от всякой деятельности. По принятии рейхстагом резолюции о мире в июле 1917 г., это в значительной степени и осуществилось. Я сохранил только ту часть моей работы, которая сводилась исключительно к моей личности и моим связям.

Описать работу по пропаганде *исчерпывающим образом* было бы преждевременно да и невозможно по весьма понятным причинам. Это было преступлением перед немецким народом, когда от меня потребовали опубликовать сведения относительно мероприятий и лиц, служивших в германской информации. Кто из нейтральных мог бы предоставить себя в распоряжение Германии, рискуя подобной опасностью? Но я должен с особой настойчивостью опровергнуть неправильное представление, что такого рода пропаганда состоит в подкупах, приобретении газет и т. п. Тот, кто строит на таком фундаменте, скоро потеряет много денег и сильно скомпрометтирует себя. Так, например, я настойчиво

противился плану купить во время войны одну крупную французскую газету. Через подставных лиц 10 миллионов франков были все-таки, к сожалению, брошены, но, как я предсказывал, лишь с отрицательным результатом. Также и основание новых газет я отклонял, к великому неудовольствию многих „компентентных лиц". Основной моей целью всегда было следующее: показать заграницей, как обстоит дело в Германии, к чему стремится большинство немецкаго народа—и таким образом создать прочный фундамент для правильной *оценки немецкого дела.* Когда же выяснилась невозможность достигнуть единства в заграничной пропаганде, я сосредоточил главную часть своей деятельности на *информации католиков в нейтральных, а также и враждебных странах.*

2 сентября 1914 г. конклаву римских кардиналов был вручен „меморандум немецких католиков о мировой войне". „Необычный шаг" оправдывался тем обстоятельством, что „Германия была почти отрезана от общения со всем миром". Наиболее видные немецкие католики, во главе с депутатами рейхстага, заявляли,

> „что немецкий народ не желал войны, что об'явление войны и мобилизация повлекли за собою глубокое религиозное обновление, что в дни испытания немецкий народ показал свою крепость в вере, но перед одним врагом он совершенно безоружен: перед ложью. Германия ведет войну не ради завоеваний, но борется за свое существование. Самое тяжелое нападение в настоящей войне приходится выдерживать со стороны православных московитов. Россия хочет подчинить всех славян не только своему политическому, но и религиозному деспотизму. Победа России нанесла бы тягчайший урон католичеству. Католицизм во всей Западной Европе не имеет более опасного врага, чем русский насильник, который уже столетия тому назад, при помощи зверских мер, вырвал из-под власти церкви польских католиков".

К меморандуму (в латинском переводе) были приложены телеграммы, которыми обменялся император с русским царем, тронная речь императора и речь канцлера от 4 августа 1914 г. Один из римских прелатов передал это послание, не содеравшее никаких жалоб или нападок на католиков других стран, кардина-

лам, которые приняли его сочувственно. Поэтому в Германии были чрезвычайно изумлены, когда в начале 1915 г. целый ряд выдающихся французских католиков, во главе с кардиналами и епископами, выпустили в свет книгу „La guerre allemande et le catholicisme", представлявшую жестокое оскорбление немецкого народа и немецких католиков. Ответ был неизбежен. В мае 1915 г. я обратился к нескольким видным католикам, с предложением образовать „Комитет немецких католиков", который должен был составить опровержение. Согласно желанию его святейшества папы Бенедикта XV, подобное возражение не должно исходить от самых высоких князей церкви, но если оно необходимо, оно могло быть составлено и распространено „группой уважаемых католиков-мирян". Профессор Розенберг из Падерборна из'явил готовность составить ответ. Почти одновременно, по моему настоянию, занялись планом составления ответной книги во Фрейбурге, в Брейслау и в Мюнстере—в Вестфалии. Фрейбургский комитет считал участие немецкаго епископата абсолютно необходимым; он требовал опровержения, составленного самыми видными немецкими учеными католиками, и немедленной посылки протеста.

Главная трудность заключалась в разрешении вопроса об участии в этом деле немецкого епископата. Я твердо стоял на том, „что немецкие католики не должны следовать дурному французскому примеру", „что в раздирающей народы мировой войне епископы не должны выступать против епископов и кардиналы против кардиналов..." Оба немецких кардинала и большинство епископов разделяли мое мнение. Кардиналы кельнский и мюнхенский выразили императору от имени немецкого епископата свое глубочайшее негодование по поводу этой книги и заявили, что подадут жалобу главе церкви. 17 августа 1915 г. она была подана в форме почтительного адреса папе от немецкого епископата. Ответ Ватикана от 6 сентября 1915 г. призывал всех католиков „избегать всякого раздора

и способствовать единению христианской братской любви и восстановлению мира, соответствующего требованиям справедливости и достоинству народов..."

Таким путем было достигнуто соглашение, и постоянный „Деловой комитет немецких католиков" мог быть образован на широком базисе. Этот комитет опроверг в сдержанном меморандуме французские обвинения и выразил сожаление, что даже князья церкви освятили своим авторитетом эти нападения, преисполненные страстной ненависти. Профессор Розенберг в короткий срок закончил свою ценную работу: „Германская война и католицизм". Книга была благоприятно встречена в Германии и за-границей. Она была переведена на английский, французский, голландский, итальянский, испанский и португальский языки. Организация французских католиков и борьба, которую они продолжали, делали необходимой постоянную организацию католиков Германии. В середине июля 1915 г. образовался „деловой комитет" из университетских профессоров: Финке — Фрейбург, Грауэрта — Мюнхен, Шульте—Бонн, Маусбаха—Мюнстер (прелат, он же председатель) и пишущего эти строки. Этот комитет, пополнив себя сорока видными учеными, преобразовался в „Деловой комитет для защиты немецких и католических интересов в мировой войне". Рядом с ним существовал, образованный еще в сентябре 1914 г. и после расширенный, большой комитет для организации выступлений немецких католиков. При содействии делового комитета был выпущен солидный том—„Германская культура, католичество и война", на 7 языках. Особенно потрудился над этой книгой проф. университета Пфейльшифтер... Социал-демократ Пернерсторфер писал в то время: „Эта книга делает честь католическому ученому миру, но еще большей похвалы заслуживает то, что авторы не впали в тон озлобления. Они написали свои статьи в подлинно христианском духе примирения, хотя и с твердой решительностью". Эти слова мы оценим, если вспомним о молитве, напечатанной в одном французском солдатском молит-

веннике, который был мне прислан с фронта (Livre de piété du soldat, par un aumônier militaire, Paris, 1915, libr. St. François, стр. 5 и 6): „Сжалься, святое сердце Иисуса, над людьми, на которых напал враг, которых варвар топчет, грабит, избивает и сжигает без пощады, над ребенком, над старцем, над женщиной, над раненым, которого враг калечит и умерщвляет, над священником, монахом, сестрой, которых немец расстреливает". Я ответил тем, что, по желанию мюнхенского нунция, кардинала Фрювирта, горячо поддержал предложение епископа ларошельского о том, чтобы попавшие в немецкий плен французские семинаристы получили возможность продолжать свое богословское образование. В мюнстерском лагере для военнопленных было собрано около 60 французских семинаристов, и им читались теологические лекции профессорами французских семинарий и конгрегаций. Деятельность делового комитета развивалась все шире: некоторые работы он осуществлял сам, другие пропагандировал или поддерживал. Чрезвычайно ценна книга — „Письма солдат-католиков", проф. Пфейльшифтера... Этот сборник представлял великолепное отражение религиозной жизни германской армии. Перевод на французский язык обеспечил его распространение на западе и востоке. Книга проф. Кребса (Фрейбург в Бризглау) „Военнопленные в Германии", на немецком и французском языках, является вечным памятником немецкого человеколюбия, которое смягчало и ужасы войны. По моей мысли проф. Штрукер составил „Сборник папских документов по вопросу о мире". Деловой комитет оказал также содействие двухтомному труду Мейнерца и Захера „Германия и католицизм". Журнал „Katholische Monatsbriefe" (с декабря 1915 г.) издавался по моему почину фрейбургским проф. Кребсом, в целях „отражать обвинения в варварстве и *иммора-лизме* и заботливо охранять доброе имя и дружественные отношения с иностранными единоверцами. Редактору и издателю „Католических ежемесячников" я предоставил самый широкий простор;

я не мог только согласиться с нередко выражаемым желанием распространять этот журнал и на родине и придавал весьма большое значение сдержанности в бельгийском вопросе. Журнал пользовался большой популярностью. Он издавался в 30.000 экземпляров ежемесячно, на семи языках. Немецкие католики в Америке на собственный счет выпускали ежемесячное издание его в 10.000 экземплярах. Насколько важно было это орудие пропаганды, особенно в кругах католической интеллигенции, показывает то обстоятельство, что в Лондоне „The british Catholic Information Society" выпускало тоже католические ежемесячники при сотрудничестве выдающихся духовных лиц Британии под редакцией иезуита Мартиндаля.

К сожалению, иностранное ведомство по заключении перемирия не продолжало этого столь ценного и полезного для Германии издания. Другим заслуживающим внимания органом были „Katholische Wochenbriefe", которые были предназначены в первую очередь для монастырей, конгрегаций и католических еженедельников за-границей и нашли компетентного редактора в лице д-ра Шницлера. „Деловой комитет германских католиков" счел своим долгом принять участие и в *интернациональных* организациях подобного направления. В первой половине 1916 г. в Швейцарии пробудилось стремление создать интернациональное об'единение христианского международного права, которое должно было пропагандировать идею приемлемого мира и требовать перестройки международного права на христианских началах. По моему почину, 3 ноября 1917 г. была основана немецкая группа „Союза христианского международного права" с генеральным секретарем проф. Эберсом в Кёльне. В Австрии, Испании и даже во Франции скоро проявились подобные же стремления. Немецкая группа издавала серию брошюр под общим заглавием „Das Völkerrecht", которая нашла живой отклик. Она имела не раз случай подчеркивать во время войны идеи международного права. В начале февраля 1918 г. мне стало

известно, что военное министерство желает все церковные предметы, которые были взяты из оккупированных областей, предоставить в распоряжение правительств соответствующих стран. Я подал военному министерству докладную записку, где, стоя на почве международного права, требовал возвращения взятых ценностей их собственнику, т.-е. подлежащей церковной общине; в случае невозможности разыскания собственников, церковная утварь, как часть церковнаго имущества, должна быть передана ближайшим образом епископу, а затем папе; возвращение же в казну, как наследницу безхозяйного имущества, никогда не может иметь места. При заключении перемирия вопрос был разрешен в смысле возвращения собственникам.

Самый живой интерес связывал меня с *международным католическим союзом*. Однако, неправда, что это—мое создание. Первая идея была подана видным швейцарским католиком, одним из католических вождей Италии. Она была сочувственно встречена в швейцарских кругах и была поддержана мною, как средство для достижения прочного мира. В феврале 1917 г. должен был состояться в Цюрихе первый „Католико-политико-социальный всемирный конгресс". По желанию швейцарцев, я взял на себя приглашение австрийцев, венгерцев, чехов, поляков, литовцев и голландцев. Приглашение итальянцев, испанцев и французов исходило от Швейцарии. К сожалению, голландцы отказались, а испанцы не могли прибыть, благодаря трудностям путешествия. Первый конгресс происходил в Цюрихе в феврале 1917 г. и прошел весьма удовлетворительно, благодаря усердной работе швейцарских католиков и президента, члена Совета Вирца. Адрес святейшему отцу удостоился благосклонного ответа. Одновременно последовало выступление для смягчения участи военнопленных и интернированных. К сожалению, просьба, обращенная к правительствам воюющих держав позаботиться о религиозных нуждах военнопленных в пасхальные дни, осталась без результата.

Немецкому командованию в те дни был подан донос на международный католический союз, как на вредную для немецких интересов организацию, и я был вынужден в особой записке опровергнуть это представление. Уже в ноябре 1917 г. последовало приглашение на второй конгресс... Вторая конференция состоялась в конце января 1918 г. и была представлена чрезвычайно многолюдными организациями Дании, Германии, Литвы, Австро-Венгрии, Боснии, Лихтенштейна, России, Чехии, Швейцарии. Союз приветствовал в своих резолюциях ноту о мире папы Бенедикта XV от 1 августа 1917 г., требовал для святого престола „свободы и независимости в интересах св. церкви и человечества", рекомендовал „привлечение канонических консультантов при мирных переговорах", „создание секций для восстановления международного права" и высказал пожелание „о скорейшем созыве международного конгресса католических и христианско-социальных организаций работников и работниц". Этот конгресс также собрался весною 1918 г. в Люцерне.

Из моей многосторонней пропагандистской деятельности укажу еще на следующее. Я оказывал самую живую поддержку женскому движению и международному, поскольку это было возможно во время войны. Благодарной книгой для пропаганды был ежемесячник „*Kriegschronik*", который я издавал на семи языках в количестве свыше 100.000 экземпляров. Он содержал в первой части важнейшие военные документы, затем календарь военных событий и вслед за ним интересные военные описания, солдатские письма и пр. И это пропагандистское издание, вскоре после своего появления, нашло подражание в Англии.

На одно предприятие я, в качестве католика-политика, смотрю с особым удовлетворением. Это „Evangelische Wochenbriefe", которые, по моему предложению, начал с ноября 1914 г. издавать берлинский теолог Дейсман, в целях укрепить церковные и богословские связи между Германией и Америкой. Церковно-протестантские отношения между Германией и Америкой не

имеют оффициального характера, но существует бесконечно много исторических и личных связей, напр., в миссионерской области. Еще теснее были богословско-научные связи между Германией и Америкой. Проф. Дейсман весьма искусно сделал выбор адресатов. Он обратился почти исключительно к своим бывшим ученикам, дружественным и знакомым учреждениям и к выдающимся лицам. Начавшись с 300 адресатов, круг их увеличивался с каждой неделей. Содержание писем было сознательно расчитано на американские интересы. „Изображення общего душевного настроения Германии чередовались с картинами религиозно-церковной жизни". Много внимания уделялось армянскому вопросу; многочисленные запросы адресатов не оставались без ответа. Проф. Дейсман мог быть весьма доволен отношением к своему ценному изданию. Генеральный секретарь „Federal Council of the Churches of Christ in Amerika", обнимающего 30 евангелических кооперацій в числе 125.000 общин, поддерживал тесные связи с издателем „Евангелического Еженедельника". Вся работа по церковно-теологическому об'единению была прервана благодаря беспощадной подводной войне и невозможности отправлять регулярно посылки в Соединенные Штаты. Вторая серия „Евангелического Еженедельника" издавалась для северных государств и Швейцарии, а также для проповедников на фронте.

В частых беседах с издателем „Евангелического Еженедельника" я научился ценить этого благороднаго человека. Мы оба во время войны работали в том духе, чтобы по возможности избегать конфессиональных споров в обоих лагерях. 1 марта 1917 г. я мог написать Дейсману:

„Речи в палате депутатов по поводу торжества реформации—весьма отрадное явление. Я позаботился о том, чтобы католическая пресса избегала всего, что могло бы привести к расколу исповеданий в связи с юбилеем реформации, и твердо убежден, что все серьезные круги думают подобно мне, в чем убеждает меня воззвание Евангелического высшего церковнаго Совета".

Я мог тем более сделать такое заявление, что, как мне сообщали из Ватикана, уже в начале 1916 г. его святейшество выразился, что юбилей Лютера не должен быть омрачен со стороны католиков возбуждающими статьями. Лишь в том случае, если против католиков будет сделано нападение в оскорбительной форме, последние могут поднять свой голос для защиты.

В конце 1915 г. я приобрел для немецкой пропаганды весьма талантливого интернационального журналиста. Эльзасец по происхождению, он был свыше 30 лет представителем печати во Франции и в Англии, играл крупную роль в деле Буланже и в деле Дрейфуса и был хорошо известен во влиятельных кругах Франции. Я одобрил его предложение издавать на четырех языках „Correspondance politique de l'Europe Centrale". Благодаря блестящему стилю, пользуясь вниманием политиков вражеских стран, журнал прекрасно защищал немецкие интересы, причем удалось сохранить в тайне имя издателя и редактора. В начале 1917 г. я издавал под его редакцией еженедельники „La Paix" и позднее „La Pace". Они должны были служить для пропаганды среди французских и итальянских военнопленных и быть органом, который давал бы возможность защищать на французском языке немецкие интересы во время и до переговоров о мире. Заглавие журналов, повидимому, не нравилось немецким генералам; распространение их было запрещено в Германии, так же, как и на Балканах, хотя именно там интеллигенция часто владеет французским языком.

Я не желаю отвечать здесь на многочисленные, неслыханно-позорящие меня обвинения, которые бросались мне за мою пропаганду из немецких кругов. Моя деятельность сделалась даже предметом запроса в рейхстаге (в июне 1918 г.) со стороны парламентского вождя всенемецкой партии, графа Вестарпа. Это вызвало сильное возбуждение среди друзей Германии за-границей, о чем свидетельствовали мне многочисленные письма. Моя молчаливость спасла их от неприятностей. По рецепту всенемцев нельзя было вести заграницей ника-

кой пропаганды. Сумма, которую я употребил для пропаганды, не составляла даже 12 миллионов марок; с этой небольшой суммой было сделано многое.

Вести пропаганду в пользу Германии во время войны было самым неблагодарным делом, какое могло только выпасть на долю немца. С этой мыслью я прекратил свою деятельность летом 1918 г., не предчувствуя, что в близком будущем на меня будут возложены должности еще более неблагодарные.

II. Вступление Италии в войну.

В первый месяц войны немецкая политика по отношению к Италии была очень неустойчива. Обязательство Италии воевать на стороне союзных держав отрицалось даже во многих влиятельных кругах. Исходившие от Италии в начале войны предложения—на основании 7 статьи тройственного договора установить соглашение с Австро-Венгрией, в связи со стремлением последней расширить сферу своего влияния на Балканах,—встречались в Берлине холодно, пока германская армия продолжала свое победоносное шествие через Бельгию и северную Францию. После битвы на Марне запели другие песни. Вина в том, что Италия не выступила на немецкой стороне, приписывалась все резче и определеннее нашему римскому посланнику фон-Флотову. Особенно когда выяснилось, что в критические июльские и августовские дни, когда Франция оставила на итальянской границе лишь небольшую армию, тысяч в 35 и, двинув альпийские войска, могла серьезно повлиять иа исход марнской битвы—в это время ф.-Флотов находился даже не в Риме, как французский, английский и русский посланники, а на курорте неподалеку от Рима. Все громче раздавались голоса, что посланник ф.-Флотов, близкий друг статс-секретаря ф.-Ягова, должен оставить свой пост, и что следует отправить в Рим с чрезвычайной миссией бывшего канцлера князя Бюлова. Несмотря на происшедший у меня в 1906 г. конфликт с тогдашним канцлером, я решительно выступил за миссию князя, в том убеждении,

что он является единственным немцем, популярным и Италии и способным, хотя и не без жертв, сохранить ее нейтралитет. Его старые и искренние симпатии к Италии и обусловленные ими связи с этой прекрасной страной, которая была родиной его образованной и изящной супруги, где он сам служил в качестве атташе, а позже посланника и где он поселился по выходе в отставку, следуя собственной склонности,— все это были благоприятные предзнаменования.

С самим князем я неоднократно беседовал осенью 1914 г. об общем политическом положении... У меня составилось убеждение, что общие взгляды князя делают для меня национальным долгом содействовать миссии бывшего канцлера в Рим. Главное препятствие, однако же, находилось в Берлине, на Вильгельмштрассе, где опасались, что князь окружным путем через Рим совершит свой в'езд в канцлерский дворец. Это опасение неоднократно выражалось мне со стороны влиятельных кругов.

Еще в последние ноябрьские дни 1914 г. статс-секретарь ф.-Ягов назвал миссию Бюлова совершенно невозможной, пока внезапно не наступила перемена, и князя Бюлова просили взять на себя неблагодарную задачу в Риме. Но и после того к трудной деятельности князя относились без достаточной справедливости. Первые отчеты князя из Рима не могли быть благоприятны. Тотчас же из Вильгельмштрассе распространилась версия: „князь Бюлов рисует все в черных красках; видно, что он—искусный режиссер. Если после дело пойдет хорошо, князь скажет, что, несмотря на плохие шансы, ему удалось трудное дело. Пойдет плохо—князь скажет, что его послали в Италию слишком поздно". Я глубоко заглянул в эту отвратительную игру интриги, пережил по этому поводу сильное внутреннее отвращение и часто высказывал его; я не понял, как можно в такое тяжелое время поставить выдающуюся личность на чрезвычайно опасный пост и не относиться с полным доверием к донесениям уполномоченного, не сообразоваться с ними в своих действиях. Глупейшую болтовню подпольных агентов о том, что итальянское

правительство никогда не осмелится выступить, выдвигали против серьезных и правдивых донесений князя, чтобы иметь право ничего не предпринимать. Так немецкая политика качалась, как маятник, вместо того, чтобы использовать время. В своей описываемой далее поездке в Рим я мог посодействовать тому что был положем конец вредному шатанию, и затем, хотя весьма медленно и мешкотно, проводилась более прямая политика, ибо я мог и должен был во всем подтвердить правдивость бюловских денесений.

Князь Бюлов нашел в Риме малоутешительное положение. 24 декабря он писал мне из „Villa-Malta“:

> „Я нашел ситуацию еще худшей, чем полагал, не взирая на все пессимистические сообщения. Я никогда не думал, что мы могли бы в несколько месяцев в такой мере потерять почву под ногами не только в римском обществе, но и в широких слоях населения... И энергичные усилия с моей стороны не смогут предотвратить катастрофы, если Австрия не обнаружит понимания положения и не поправит его исключительно искусной политикой“.

Фактически князю удалось не только остановить ухудшение положения к невыгоде Германии, но и создать известное улучшение. Один всемирно известный французский историк (духовное лицо) выразился тогда, что князю Бюлову удалось снова настроить дружественнее к Германии руководящие круги римского общества и интеллигенции.

Политика старого канцлера была направлена к соглашению Италии с Дунайской монархией, к продлению и возобновлению тройственного союзного договора и тем самым к ускорению мира. Он мог бы добиться полного и прочного успеха, если бы в Берлине и Вене работали с той же определенностью и энергией, как и в Риме. Но этого-то и не было. Многочисленные приглашения и просьбы от знакомых мне итальянских и немецких кругов в Риме побудили меня в начале февраля 1915 г. поехать туда на несколько недель. О моих наблюдениях я представил канцлеру ф.-

Бетман-Гольвегу подробный письменный отчет, из которого приведу здесь следующее место:

„Я имел случай вступить в Риме в сношения прямо или косвенно со всеми кругами и услышать их мнения. Единодушное убеждение, за исключением австрийского посланника, таково: Италия будет неминуемо вовлечена в войну, если не будет достигнуто скорого соглашения с Австрией. Безусловного нейтралитета Италии без уступок со стороны Австрии не сохранить, при самой доброй воле правительства. Это единодушное мнение Италии представляется мне столь твердо укоренившимся, что изменение этого взгляда невозможно".

Один дружественно расположенный к Германии *итальянский* депутат с начала войны неутомимо старался избежать конфликта. Я встретил в его доме радушный прием. С настоящим восторгом он показал мне письменный стол, за которым Бисмарк и Кристи подписали первый договор тройственного союза; он передал мне, как взгляд министра барона Соннино, что австрийская политика сознательно водит Италию за нос. В течение трех месяцев переговоры затягиваются; австрийский посланник в Риме, бар. Маккио, избегает говорить по главному вопросу. Соннино имеет определенные известия из Вены, что там нет ни малейшей склонности вступать в сколько-нибудь серьезные переговоры. Австриийский министр иностранных дел, бар. Буриан, стремится прежде всего свести итальянские притязания к минимуму, чтобы затем в решительный момент ровно ничего не дать. Соннино окончательно надоела эта неискренняя политика оттяжек, и в дальнейшие переговоры с Австрией он вступит лишь тогда, если Австрия сама даст понять свою готовность и примет во внимание итальянские пожелания. Министр вполне убежден в optima fide кн. Бюлова, но без уступок с австрийской стороны он не может итти ни на что. Мой собеседник сообщил мне еще, что он считает для соглашения достаточным уступку Трентино и обещание абсолютно лойяльного отношения к итальянцам, живущим под австрийским господством в Триесте и по Адриатическому побережью...

Бывший *болгарский* министр Геннадиев, с которым я много беседовал в Риме, считал совершенно невозможным, чтобы Болгария сражалась на стороне центральных держав, если прежде не последует соглашения между Италией и Австрией; во всяком случае, он, который об'езжает с чрезвычайной миссией европейские столицы, в этом смысле осведомит Софию. Как показал возбужденный против него впоследствии политический процесс, он так и поступил...

С общим настроением расходился только австрийский посланник бар. Маккио, который выразил мне убеждение, что итальянское правительство сумеет сохранить нейтралитет без всяких уступок со стороны Австрии, если только серьезно пожелает: благоприятное развитие военных операций на востоке могло бы освободить достаточное количество войск, чтобы сдерживать Италию. Австрия готова только на экономические уступки. Итальянские интересы лежат не в Трентино, а на Средиземном море. Он согласился, однакоже, с моим взглядом, что ближайшие два месяца являются решающими, но нужно попытаться удержать Италию. Но как это сделать, он не мог сказать.

На основании этих всесторонних информаций, я обратился к германскому правительству со следующими предложениями:

1. Необходимо во что бы то ни стало возможно скорее добиться соглашений между Австрией и Италией при посредстве Германии и при гарантиях со стороны последней.

2. Сопротивление в Вене можно преодолеть, так как существует серьезная надежда на то, что святейший престол употребит свое влияние в интересах сохранения мира.

3. В возмещение предоставляемых Италии уступок, Германия должна дать Австрии регулирование Эльбы без пошлин на судоходство и передать Сосновицкий каменноугольный бассейн, по отчуждении его у настоящих владельцев.

4. Опасения, что при черезчур сильном давлении со стороны Германии Вена могла бы заключить с Россией сепаратный мир, ни на чем не основаны...

Мои устные и письменные доклады из Рима, а особенно последовавшая в связи с ними беседа с германским императором, имели своим последствием, что колебания в Берлине прекратились и в Вене настоятельно потребовали скорейшего соглашения с Италией Много затруднений предстояло еще устранить.

В Вене главными противниками уступки Трентино были: ближайшее окружение старого императора, граф Тисса, а также влиятельные вожди христианско-социальной партии. От соглашения, которое предлагалось самому императору одной весьма высокой особой, император отказывался, говоря, что уступка Трентино означала бы самоубийство Австрии. На меня была возложена задача сломить сопротивление среди христианско-социальной партии. Бывший австрийский министр Гесман и ландмаршал принц Алоиз Лихтенштейн тотчас признали серьезность положения для самого существования двуединой монархии и употребили все свое влияние в смысле соглашения. Не без успеха предложенные мною немецкие компенсации сломили лед в Вене. Вена выразила готовность вступить в переговоры с Италией. Этот новый оборот дела произвел в Риме хорошее впечатление и на ближайшее время рассеял угрозу войны. Но Италия продолжала вооружаться...

К сожалению, в Берлине удовлетворялись радостью по поводу принципиального согласия в Вене, а различные венские круги считали возможным медлительностью поведения сделать снова иллюзорным принципиальное согласие.

По настоятельной просьбе моих римских друзей, я поехал на страстной неделе 1915 г. вторично в *Рим*, чтобы снова завязать переговоры. Из бесед выяснилась обсолютно ясная картина: „Италия требует от Австрии уступок, которые идут дальше первого предложения; Италия выставит гораздо большие требования, но бу-

дет довольна, если будет достигнуто соглашение по средней линии, без войны. В то время, как во многих кругах смотрели еще спокойно на положение, мой друг, вождь одного из церковных орденов, оценивал его уже весьма пессимистически: итальянские массоны ставят ненависть против католической Австрии выше всех национальных задач в Трентино. Один известный депутат так формулировал свой взгляд на вещи: правительство не хочет войны; к воинственному генералу Кадорна правительство приставило, в качестве заместителя, умеренного генерала Порро; Соннино сдержаннее, чем когда-либо. Во вторник на Пасху я имел длинную беседу с министром иностранных дел *бароном Соннино*, которому я подробно изложил немецкие старания в целях соглашения, и мог заявить, что Германия вполне готова взять на себя гарантию в исполнении условий договора между Римом и Веной. Барон сказал на это, что представляется абсолютно необходимым поднять отношение Австрии к Италии на уровень той же сердечной дружбы, которая существует между Германией и Италией... Иначе все усилия бесплодны. Он присоединился к моему мнению, что дело должно быть закончено скорее, указав на то, что говорил еще несколько месяцев тому назад князю Бюлову: bis dat, qui cito dat, в ответ на что я заметил: bis accipit, qui cito accipit. Саландра вернется сегодня вечером, и он тотчас установит с ним подробности итальянских контр-предложений... Соннино считал возможным еще в конце этой недели представить свои контр-предложения в Вену, причем дал понять, что ускорению переговоров отнюдь не содействует настойчивое желание барона Буриана, чтобы они велись в Вене. Из переговоров с бароном Соннино я вынес впечатление, что он еще не связан перед Антантой, но весьма неудовлетворен характером венских переговоров.

Из Рима я поехал прямо в *Вену*, чтобы там побеседовать с влиятельными кругами о необходимости ускорить дело, а также подготовить почву для новых неизбежных итальянских требований. Вена должна была

бы выступить с новым предложением, удовлетворить некоторые из возможных для Австрии условий, неисполнимые же отклонить. Принц Лихтенштейн отправился, по поручению христианско-социальной партии, к бар. Буриану сказать ему, что его партия, хотя и скрепя сердце, готова на дальнейшие уступки и хочет помешать разрыву с Италией. В Пармском дворце недовольны Германией, потому что из Берлина оказывалось слишком сильное давление. Но после моих раз'яснений, именно члены этого эрцгерцогского дома, включая будущую императрицу Циту, выразили убеждение в необходимости быстрого соглашения с Италией. Тогда сложилась в Вене легенда, при энергичном содействии известных берлинских кругов, что будто бы князь Бюлов является врагом Австрии и что, исключительно благодаря его поведению, Италия требует компенсаций...

Переговоры подвигались медленно. Австрийская нота Италии была неловко средактирована; ударение поставили на отказах и упомянули о новых уступках в короткой фразе.

Так как переговоры в Вене, несмотря на все оказываемое давление, двигались черепашьим шагом, Антанта выступила в Риме с конкретными предложениями. Титтони передал их во второй половине апреля в Рим, откуда мне сообщали:

„Эти соблазнительные для итальянской фантазии предложения произвели здесь впечатление, и даже миролюбивые круги, не исключая короля, освоились с идеей войны против нас. Поэтому, чтобы Италия не отпала к Антанте, Вена должна уступить".

Прусский посланник при Ватикане писал мне 19 апреля 1915 г.:

„Озабочивает нас передвижение итальянских войск к северной границе, которое почти закончено. Так как там находятся несколько предприимчивых генералов, то, по мнению специалистов, существует опасность, что при малейшем поводе ружья сами начнут стрелять. Правительство боится революции, которую оно безсильно подавить вооруженной рукой. Этот страх опасен, так как он может побудить правительство настаивать на его безмерных требованиях и искать выхода из „внутренних осложнений в войне".

Одновременно я получил настойчивое приглашение и от князя Бюлова, немедленно ехать в Рим. 1 мая я отправился. Полученные в дороге и в Риме впечатления, переговоры с политиками и другими влиятельными лицами ясно показывали, что Италия стремится к войне. Несмотря на это, было сделано все, чтобы по крайней мере оттянуть взрыв. Германский генеральный штаб настойчиво просил употребить все средства, чтобы война не была об'явлена до 11-го мая. В своем донесении канцлеру в числе главных причин, которые вели к войне, я указал на следующее:

1. Воля короля, ибо без разрешения короля Италия не вступит в войну. Король заявлял многим членам парламента, что он должен вести войну, так как иначе вспыхнет революция, и он может лишиться трона. Победоносная война даст возможность укрепить Савойский дом в Италии.

2. Многолетняя подпольная работа массонства против католической Австрии и бюрократической Германии.

3. Чрезмерная медлительность и запоздалость делаемых Австрией уступок, а также способы, которыми австрийский посланник в Риме ведет переговоры.

В настоящее время еще невозможно опубликовать полный текст моего обширного отчета, в форме дневника, который я представил в оффициальные сферы. Пусть читатель удовлетворится следующими выдержками:

Воскресенье, 2 мая. Телеграмма влиятельным венским кругам: „Все висит на волоске. Предположение венского министерства, что здесь предстоит министерский кризис, ошибочно. Но если бы и так, опасность положения не меняется. Кадорна хочет войны. Он считает распадение Австрии неизбежным и хочет заблаговременно обеспечить для Италии на Адриатике опорный пункт против славянской волны. Италия готова к войне. Наша общая участь, будущее династии Габсбургов, исход всей войны зависит от решимости удержать Италию от войны посредством уступок ее требованиям. При настоящем положении вещей нельзя терять ни одного часа". Я присовокупил просьбу сделать в Вене необходимые шаги.

Понедельник, 3 мая. Как я узнал, существует серьезная опасность, что министр Соннино уже договорился с Антантой или стоит непосредственно перед решением; самая пора для Австрии сейчас же сделать выигрышный встречный ход. Я только-что имел детальную беседу с бароном Соннино, который подчеркнул, что для Италии дело идет не только о территориальных приобретениях, но об обеспечении национальных интересов и о положении монархии, сила которой коренится в национальной идее; в национальном вопросе она не должна ничего упускать, чтобы не оказаться в противоречии с народным чувством. Вена ведет переговоры с ним в течение шести месяцев. Берлин и князь Бюлов сделали все для соглашения. Но неоднократно случалось, что прямые оффициальные заявления, которые Вена делала в Риме, не соответствовали даже приблизительно тому, что из Берлина сообщалось ему, как окончательное и твердое решение. Пусть Берлин употребит все свое влияние в Вене, чтобы она без уверток быстро и решительно пошла навстречу Италии. Скорое и ясное решение совершенно необходимо. Я тотчас послал канцлеру следующую депешу: „Для нас не должно быть никаких колебаний. Мы должны определенно и, если этого недостаточно, беспощадно в течение трех дней принудить Австрию к уступкам. Иначе наше дело здесь потеряно". Работавшее в пользу войны массонство желало расстроить мирное соглашение с Веной. По общему решению обоих Великих Востоков Рима и Парижа, предстоящий праздник гарибальдийцев должен был обратиться в такую резкую демонстрацию против центральных держав, что этим мог быть создан политический инцидент. Следует отметить, что король и министры, предполагавшие быть на празднике, в последнюю минуту от этого отказались. Это можно было об'яснить опасением, что в различных кругах народа царило сильное беспокойство, когда стало известным, что стоящая под покровительством массонов манифестация сделается шагом к войне. В этот день австрийский посланник в Риме твердо стал, наконец, на точку зре-

ния, которую я защищал с февраля месяца, и заявил мне, что сообщил в Вену о серьезности положения; необходимо немедленное быстрое решение, нельзя делать уступок постепенно. Вена должна не позднее конца недели представить Италии все свои уступки.

Во вторник, 4 мая, я имел беседу с министром-президентом Саландра, длившуюся около полутора часа. Недоверие по отношению к Вене, составлявшее основной тон об'яснений Соннино, выступало у него еще сильнее, так как он в большей мере потерял самообладание. Он сомневался, как в добросовестности намерений Австрии, так и в точном исполнении будущих соглашений в административной сфере. В частности, Саландра заявил, что установление новой границы Трентино не представит особых трудностей, так как он не придает значения Боцену и Мерану; там живут добрые немцы, но они всегда будут плохими итальянцами. Основным вопросом для него является Адриатика, особенно обеспечение Валоны. Наибольшие трудности представляет Триест, который не должен оставаться у Австрии; но он также не желает делать его итальянским. Поэтому Триест, подобно Сан-Марино из Монако, должен сделаться маленьким свободным государством, не подвластным ни Австрии, ни Италии, живущим по своим собственным законам и обладающим достаточной силой, чтобы отбиваться от славянской волны. Я заметил, что такое мелкое государство не может долго продержаться; цель Саландра могла бы быть достигнута муниципальной конституцией с достаточными гарантиями для защиты итальянцев при поручительстве Германии; о форме можно было бы еще столковаться. По вопросу о границах Изонцо Саландра не дал определенного об'яснения, но по вопросу об островах подчеркнул, что им руководит здесь не одна военно-стратегическая точка зрения. Затем министр-президент сильно жаловался на внешние и внутренние трудности, с которыми ему приходится бороться. Италия требует решения; Австрия же ничего не сделала, чтобы удовлетворить этому совершенно естественному желанию.

Положение трагично. Италия ничего не имеет против Германии и ничего от нее не требует, но имеет против себя Австрию, с которой, повидимому, нельзя жить. Италия никогда бы не пошла против Германии. Теперешнее положение не может долго продолжаться.

В среду, 5-го, и четверг, 6-го мая, положение обострилось, хотя германский император несколькими открытыми телеграммами посланнику князю Бюлову по поводу прорыва в Горлице и его военных последствий пытался воздействовать на итальянское правительство. Мне было сообщено, что Саландра и Соннино желают войны. Только смена кабинета могла бы принести изменение или, по крайней мере, отсрочку до желанного 11 мая. В этот критический момент обострились частые разногласия в инструкциях Вены и Берлина и делали почти невозможной работу для сохранения мира. Поэтому мое требование в Берлин гласило: „Если Вена будет хозяйничать попрежнему, у нас через несколько дней будет война. В такое время нельзя обращать внимания на неуместную чувствительность Вены".

В итальянском министерстве возрастала оппозиция против об'явления войны, еще больше в парламенте. Плодотворная работа с австрийским посольством была невозможна. Сознательно резкой телеграммой я обратился 9 мая к канцлеру и требовал устранения австрийского посланника:

„Ни снисхождения, ни жалости к Маккио; не обращайте внимания на Вену. Жалкая нерешительность Маккио может стать для нас роковой. Он готов бросить свой пост и ведет переговоры с американцами о спасении своих ценностей. Человек, впадающий в истерику, когда у него колеблется почва под ногами, должен быть устранен беспощадно. Судьбы миллионов, плоды кровавых жертв нации, будущее нашего отечества не должны зависеть от неспособности одного человека, который мешает нашей работе. Я прошу ваше превосходительство вспомнить об ответственности, которую вы берете на себя перед немецким народом и историей, оставляя нас попрежнему в зависимости от этого глупца. Если он заболеет, положение прояснится. Времени для его замещения нет, и переговоры переходят сами собой в одни руки, чего иначе было бы трудно достигнуть. Я готов отвечать в Вене за каждое слово этой телеграммы".

Прусский посланник фон-Мюльберг приписал: „Я всецело подписываюсь под оценкой Маккио. Его поведение не поддается квалификации. Если мы не желаем потерять наших последних шансов, он должен быть устранен". Мы были в ужасном положении. Сведения из министерства, от депутатов и политиков оставляли еще некоторую надежду, что смелое решение может склонить чашку весов в пользу мира.

Но такому решению препятствовал австрийский посланник. Этим и об'ясняется моя телеграмма. Вечером того же дня мне сообщили итальянские депутаты, что вследствие моих переговоров с итальянскими политиками меня собираются выслать или арестовать. Знакомый французский депутат, находившийся в Риме, также предупреждал меня об этом. Поэтому я переехал на „Villa Maeta", а на следующий день был князем Бюловым оффициально причислен к посольству и таким образом введен в дипломатический корпус, чтобы получить полную свободу действий.

В понедельник, 10 *мая*, я ранним утром посетил австрийского посланника, чтобы доказать ему, что он должен сделать сегодня решительный шаг и об'явить Соннино, что он принимает его требования, как основу для переговоров; в таком исключительном положении посланник должен действовать единолично и самостоятельно и нести всю ответственность за свои решения; только тогда можно надеяться на мирный исход. Барон Маккио отказался от подобного образа действий, хотя и признал трудность положения. Я вручил ему проект уступок, заимствованный из венских и берлинских телеграмм, который я позже сообщил итальянским депутатам, как основу для переговоров...

В депутатских кругах эти уступки вызвали большое изумление, так как итальянское общественное мнение и парламент до сих пор держались в неведении о пределах австрийских уступок. Разумеется, эти предложения лишь в том случае могли иметь ценность для дальнейших дипломатических переговоров, если под ними была подпись германского и австрийского пос-

ланников. Джолитти через доверенное лицо пожелал иметь этот набросок для аудиенции у короля и для дебатов в палате депутатов, чтобы рассеять недоверие, высказывавшееся в националистической прессе. Мне было трудно исполнить его желание в один час, как от меня требовали, но я это сделал. В три четверти 11-го часа состоялась конференция на „Villa Malta", на которую был приглашен австрийский посланник. Я предложил считать основой письменной формулировки составленные совместно с князем Бюловым условия. Барон Маккио, после долгих споров, согласился. Австрийское предложение получило следующую форму.

«Рим, 10 мая 1915 г.

Австро-Венгрия согласна сделать Италии следующие уступки:

1. Весь Тироль с итальянским населением,
2. весь западный берег Изонцо с итальянским населением, с Градиской,
3. полную муниципальную автономию, итальянский университет и porto franco для Триеста, который будет вольным городом,
4. Валону,
5. полную незаинтересованность Австро-Венгрии в Албании,
6. защиту национальных интересов итальянских подданных в Австро-Венгрии,
7. благожелательное рассмотрение пожеланий, которые Италия имеет еще высказать по всей совокупности вопросов, составляющих предмет переговоров (особенно Горица и острова),
8. Германская империя принимает всю гарантию за верное и лойяльное выполнение соглашения, имеющего быть заключенным между Италией и Австро-Венгрией.

Посланник Австро-Венгрии и посланник Германии ручаются за подлинность вышеупомянутых предложений».

Барон Маккио еще выражал сомнения против пунктов 6 и 7, но уступил после моих энергичных уговоров. В 11 ч. 20 мин. условия были готовы и подписаны. Один экземпляр их, по желанию, получил уполномоченный Джолитти, один—германское посольство, один я сохранил для себя и сделал с него копию для австрийского посольства. С быстротою молнии содержание этих пунктов сделалось известным. Их действие было превосходно. Джолитти велел нам сказать, что этот документ заключает минимум требований, необходимых для сохранения мира. На другой день должно состояться решающее заседание совета министров. Но необходимо еще сегодня же послать по экземпляру этого документа Саландра и Соннино, так как из Вены это предложение еще не поступало в консульту и никто не должен иметь повод сказать, что не получили последнего предложения в этой форме. По желанию князя Бюлова, я отправился еще ночью к барону Маккио. С одним молодым немецким дипломатом я тщетно разыскивал его три часа подряд в клубах и отелях и дожидался его в его палаццо. Около полуночи явился австрийский посланник, который опять выразил колебание подписать документ; я заявил, что эти колебания запоздали, и князь Бюлов телеграфировал все пункты в Берлин и ставит кабинетский вопрос. Тогда барон Маккио из'явил согласие дать свою подпись и под экземплярами, предназначенными для министров. Еще ночью документы были доставлены Саландра и Соннино.

Во время моего пребывания в Риме находчивые итальянские журналисты допустили пикантную путаницу. В популярных римских газетах не раз утверждалось, что князь Бюлов сделал визит в Ватикан. Несмотря на неоднократные опровержения в „Osservatore Romano“, как „Giornale d'Jtalia“, так и „Tribuna“ остались при своем утверждении, но в конце концов были принуждены заявить, что допустили смешение; в Ватикане был не князь Бюлов, но депутат Эрцбергер. „Tribuna“ старалась так оправдать

недоразумение: „Ma Erzberger non e' Bülow, certamente; ma in effigie non sono che due fratelli siamesi". Наши немецкие друзья в Риме весело смеялись, что князь Бюлов и я похожи друг на друга, как сиамские близнецы.

Во *вторник, 11 мая*, я получил известие, что кабинетский кризис обострился, благодаря новому австрийскому предложению. Тем временем со стороны Антанты распространялся слух, что центральные державы не надежны в своих новых уступках. Мне сообщали безусловно осведомленные лица, что всякое умаление уступок немедленно поведет к войне. Сообщения Антанты, к сожалению, подкреплялись якобы присланной из Вены телеграммой барону Маккио, где выражалось удивление по поводу его своевольного и слишком решительного шага.

В *среду, 12 мая*, было получено все же согласие барона Буриана на общую декларацию обоих посланников. Чтобы устранить недоверие итальянских министров и депутатов, я мог предложить им следующие новые гарантии: прежде всего, личное поручительство германского императора; далее: торжественную прокламацию императора Австрии, немедленное назначение смешанной комиссии для отрезки уступленных областей, освобождение из армии всех австрийских солдат, уроженцев этих провинций, немедленную передачу гражданского управления, затем широкие немецкие гарантии прочного владения вновь приобретенными территориями. Итальянское недоверие, сделавшее необходимыми эти гарантии, основывалось на замечаниях и фразах австрийских и немецких дипломатов в Берлине. В тот же вечер с большим шумом в Риме появился д'Аннунцио. Это было сигналом для политики улицы. Итальянская кавалерия и пехота оцепила Villa Malta. Так как барон Маккио желал еще говорить со мною в этот вечер, мы назначили свидание в квартире одного из моих друзей. Здесь барон Маккио сообщил мне, что он имеет теперь широкие полномочия и просил меня на следующий день переговорить с при-

ехавшим из Вены австрийским дипломатом и формулировать договор с Италией; теперь он уполномочен заключить договор на основе самых широких уступок. Этим мы делали большой шаг вперед. Однако, и противники работали неутомимо и все с тем же аргументом: нельзя верить ни Австрии, ни Германии, что они сдержат данное обязательство. Хорошо осведомленное лицо велело мне сказать, что Германия для устранения этого недоверия должна при возобновлении тройственного договора прибавить следующий пункт:" Германия заявляет, что она ни военными, ни дипломатическими средствами не будет поддерживать возможных стремлений к обратному завоеванию ныне уступленных областей". Я мог тотчас же дать соответствующие обещания.

После полудня, *13 мая*, я выработал вместе с австрийским уполномоченным проект договора между Италией и Австро-Венгрией. Между тем, в итальянском кабинете чаша весов все более склонялась в пользу мира. Но сторонники войны мобилизовали улицу. Начался адский шум. Когда я возвращался домой с одного свидания, у почтамта меня узнали; мой автомобиль забросали камнями, толпа демонстрантов кричала: „A basso Erzbergere"! и угрожала мотору. Мой почти постоянный спутник в Риме, ф.-Штокгаммерн, из баварского посольства при Квиринале, ехал позже меня домой в другом автомобиле, и камень влетел к нему через заднее стекло. Ночью стало известно, что министерство Саландра—Соннино подало в отставку. Председатель палаты Маркора предложил королю поручить Джолитти образование министерства.

Пятница, 14 мая. Рим походил на город, охваченный революцией. Всюду военные посты. Депутаты, известные за сторонников мира, подвергались в трамваях оскорблениям и даже побоям. Террор царствовал в Риме. Шумные демонстранции, процессии с черными флагами происходили целый день. Возбуждение было огромное. Сомнительные суб'екты караулили квартиры

депутатов, выступавших за мир; их семейства получали письма с угрозами смертью. Широкие слои народа были в полном неведении относительно германско-австрийских предложений.

Суббота, 15 мая. В четыре часа пополудни я получил известие, что старый кабинет возвращается. Джолитти наотрез отказался, так как ему самому угрожали смертью. Друзья Джолитти говорили, что он духовно и физически надломлен и уже не в состоянии присутствовать на заседаниях палаты. Еще в субботу вечером он будто бы оставил Рим. Единственное, чего он добился, было обещание, что без ведома палаты не примут окончательного решения. По словам одного сенатора, король заявил ему, что он должен начать войну, иначе вспыхнет революция. Со всех сторон меня осаждали с предупреждениями, чтобы Австрия не отступала от своих предложений.

Воскресенье, 16 мая. Образование нового кабинета откладывалось, так как на место Саландра, после отказа Джолитти, нельзя было найти другого премьера. Называвшихся в прессе кандидатов в министры встречали на улице угрозами смертью. Когда я сам выехал из Villa Malta на необходимую конференцию и столкнулся с незаметно выскочившим из одного дома итальянским патрулем, командующий офицер обнаженной саблей ударил по крыше моего открытого автомобиля; только потому, что я и сопровождавший меня дипломат низко нагнулись и быстро промчались, мы остались целы и невредимы.

Понедельник, 17 мая. Я получил известие, что, „по абсолютно надежным источникам, итальянское правительство еще до 26 мая намерено об'явить войну Австрии. Совет министров единодушно пришел к убеждению, что предложение Австрии сделано несерьезно". В то же время меня просили уехать сегодня же, что я и сделал. Когда я ехал на вокзал, я оказался среди возбужденной процессии демонстрантов; я тотчас слез и прошел в толпе короткое расстояние, приказав своему шоферу дожидаться меня у ближайшего пе-

рекрестка. Так закончился этот заключительный аккорд без дальнейших инцидентов. В сопровождении двух агентов итальянской тайной полиции я беспрепятственно достиг границы... 19 мая я прибыл для устного доклада в Берлин.

В субботу, на Троицу, 22 мая. Вечером канцлер протелефонировал мне, не желаю ли я еще раз ехать в Рим, чтобы испробовать последние меры в решительный час для предотвращения войны. Я сказал, что эта поездка бесцельна, но прибавил, что готов послать в Рим соответствующую телеграмму. На эту телеграмму я получил 23 мая ответ, подтверждающий мое убеждение: при данном положении вещей войну уже нельзя удержать, разве только Австрия согласится на немедленное вступление итальянцев. Однако, совершенно немыслимо, чтобы Австрия решилась на это. Три месяца, потерянных в бесконечных переговорах, нельзя вернуть никакими силами на свете.

24 мая Италия вступила в войну. Вскоре затем я отправился в Вену и Будапешт, отчасти для того, чтобы осведомить влиятельных министров о событиях в Риме, отчасти, чтобы вести переговоры о соглашении с Румынией. При этом случае я имел чрезвычайно резкое столкновение с венгерским министром-президентом, графом Тиссой, который держался того взгляда, что Италии не следовало делать никаких уступок, война все равно была неизбежна; Австро-Венгрия политически действовала правильно. Князь Бюлов писал мне тогда (июнь 1915 г.):

> „Прямо комично, что те самые люди, которые, по моем приезде в Рим, в течение целых месяцев называли меня пессимистом, теперь распространяют версию, что итальянское правительство с самого начала решило, при всяких обстоятельствах, что бы ему ни предлагали, стать на путь войны. Как вы прекрасно заметили, то и другое неправда, а истина в том, что при большем понимании в Вене и большей решительности и энергии на Вильгельмштрассе, мир можно было бы сохранить".

Князь Бюлов, который по возвращении в Рим был дружественно встречен в самых широких немецких

кругах, был лишен возможности доложить императору свой взгляд на вещи. Оффициальные сферы употребили все усилия, чтобы затруднить встречу князя с императором. Лишь зимою 1916 - 17 г. князь был случайно приглашен на вечер к императору. Встреча императора с князем во время поездки государя в Гамбург в 1917 г. не удалась, по проискам тогдашнего вице-канцлера Гельфериха.

III. В Ватикане.

Во время моего пребывания в Риме, в феврале 1915 г., я, посетив храм св. Петра, сделал первые шаги в Ватикане, чтобы получить частную аудиенцию у его святейшества папы Бенедикта XV. С чрезвычайной добротой и приветливым радушием встретил меня святой отец у входа в малый библиотечный зал. В этот день я мог подробно доложить о религиозном возрождении в Германии, причем его святейшество тщательно расспрашивал об отдельных немецких архипастырях, которые были ему лично знакомы по его прежней деятельности в статс-секретариате. Высказываемое многими опасение, что в Германии после войны вспыхнет новый культуркампф, я старался рассеять, по своему искреннему убеждению. Борьба идей, конечно, будет продолжаться; будет горячая борьба за воспитание народа, а особенно за школу. Затем беседа перешла к международному положению. Его святейшество подчеркнул, что его единственным стремлением является скорое заключение справедливого мира. Во время договора речь зашла о мнимых зверствах германских солдат, особенно протестантов из Поммерии и Мекленбурга, о которых святейшему отцу был представлен материал от компетентных лиц. Передавали, что 150 монахинь подверглись надругательству со стороны немецких солдат. Эти злодеяния будто бы совершались в церкви пред лицом алтаря. (30 марта мне была сообщена телеграмма нашего посланника в Вашингтоне о том, что в Соединенных Штатах ведется пропаганда и распространяется список, согласно которому протестантские солдаты систематически насиловали монахинь, 2000 монахинь в Бельгии беременны). По моей просьбе, папа обещал мне тотчас предоставить материал, чтобы добиться наказания виновных. Судя по прежним фактам, я не мог верить в истинность этих утверждений;

если же подобное злодеяние совершилось, Германия позаботится о возмездии. Тотчас по моем возвращении в Германию, все служебные инстанции получили приказ проверить это обвинение. Германское военное управление в Брюсселе обратилось к епископам Бельгии с просьбой указать происшедшие в их диоцезах случаи изнасилования монахинь. Поступившие ответы гласили; „Неизвестно ни одного случая изнасилования монахинь германскими солдатами". Кардинал Мерсье писал 16 апреля 1915 г. генерал-губернатору, что он, как и генерал-губернатор, протестует против тех, „которые легкомысленно, без всяких доказательств, распространяют в публике подобные позорные обвинения". Далее, он обращал внимание на невозможность обследования; он, кардинал, не решился бы „допрашивать кого-нибудь по столь щекотливому поводу". Но как епископат, так и военный губернатор, обязаны всеми мерами „бороться против того, чтобы публика смаковала подобные нездоровые рассказы. Я приветствовал бы от всей души, если бы правосудие оказало давление на тех, кто по предубеждению или непростительному легкомыслию изобретает и распространяет их. Но я полагаю, что мы не можем итти дальше, не попирая ногами право совести и не подвергаясь опасности оскорбить духовную свободу". 24 февраля, незадолго до моего от'езда, меня еще просили передать германскому императору желание ускорить уже намеченное замещение епископской кафедры в Позен-Гнезно, отказаться от выборов через капитул со всеми сопряженными с этим формальностями и предоставить назначение папе по соглашению с прусским королем. Если будет достигнуто по этому поводу принципиальное согласие, то святейший отец прямо укажет своего кандидата. Вслед за этим мне сообщили, что покойный архиепископ фон-Ликовский указал в первую очередь, как на своего преемника, на генерального викария Дальборе...

В страстную субботу 1915 г., во время моего вторичного пребывания в Риме, я снова имел продолжительную частную аудиенцию у его святейшества. Па-

па с большим огорчением говорил о продолжающемся европейском кровопролитии и, между прочим, заметил: если война протянется долго, то будет социальная революция, какой еще свет не видал. Подробно беседовали мы о конфликте между германскими властями и кардиналом Мерсье, который все сильнее занимал общественное мнение. Его святейшество уверял, что он сделает все, чтобы избежать обострения конфликта. Папа просил о двухдневном перемирии для погребения тысяч убитых. Уже в Светлое Воскресение я мог передать его святейшеству согласие германского правительства, что было встречено с большим удовлетворением. В эти дни большое внимание возбудила беседа святого отца с одним моим знакомым американским журналистом, фон-Вигандом, который вместе со мною возвращался на родину:

„Пошлите американскому народу и прессе мой привет и благословение и передайте этому благородному народу мое единственное пожелание: работайте неустанно и бескорыстно в пользу мира, дабы возможно скорее положить конец этому страшному кровопролитию и всем его ужасам. Этим вы сослужите большую службу Богу, человечеству и всему миру. Память об этом вашем деле не погибнет. *Если ваша страна сумеет избежать всего, что может затянуть войну,* в которой течет кровь многих сотен тысяч, то Америка при своей величине и своем влиянии может значительно содействовать скорому окончанию этой чудовищной войне. Весь свет взирает на Америку; не возьмет-ли она на себя почин мира. Сумеет-ли американский народ схватить благоприятный момент? Я молюсь Богу, чтобы это было так!". Эта пасхальная весть, которую передал мне папа для американского народа в этой памятной аудиенции—первом интервью, которое было разрешено иностранному журналисту со смерти Льва XIII. Святой отец продолжал: „Молитесь и работайте неутомимо и единодушно для мира. Таково мое пасхальное пожелание. Моя ежедневная молитва, все мои усилия направлены к миру". В его глазах отражалась вся его доброта и искренность, когда он говорил это. Папа закончил: „Всю мою надежду на скорый мир я возлагаю на американский народ, на влияние и силу, которыми он пользуется во всем мире. Справедливая беспартийная и всегда нейтральная, Америка, как только наступит удобный момент для мирных переговоров, может быть уверена в полной поддержке святого престола. Я уже передавал это президенту через его почтенных друзей".

Опубликование этой беседы вызвало сильное давление на Ватикан со стороны Антанты, особенно Англии. В прессе Антанты была поднята кампания против папы с тенденциозным использованием этой беседы. „Osservatore Romano" напечатал особую заметку против сознательно односторонних толкований.

Во время моих бесед со святым отцом я имел случай касаться целого ряда дел милосердия в пользу военнопленных (обмен гражданскими пленными, воскресный отдых и другие меры облегчения). Германское правительство уполномочило меня обещать, на условиях взаимности, самую широкую готовность на уступки, особенно относительно *освобождения гражданских пленных* и миссионеров. Святой отец возражал мне, что, по заявлению Франции, Германия делает затруднения при обмене тяжело ранеными. Я мог указать на то, что при первом обмене французы сначала не выдали ни одного тяжело раненого офицера и лишь после вмешательства Швейцарии отослали, в конце концов, 5 офицеров и 20 унтер-офицеров, в то время как Германия тотчас передала 29 французских офицеров и 160 унтер-офицеров... Святой отец с большим интересом ознакомился с этим материалом. Когда началась война между Италией и Австрией, сношения с Курией могли поддерживаться лишь письменно. Но и таким путем можно было достигнуть многого для нашего народа и отечества...

Немалый успех для немецкого дела вообще и большую радость для немецких католиков принес ноябрь 1915 г. Ватиканский корреспондент „Corriere della sera" распространил известие, что в ближайшей консистории будут назначены три французских кардинала. Таким образом, число французских кардиналов поднялось бы до 8, чего никогда не было; святой престол желает этим выразить свое дружественное отношение к Антанте. Германское правительство оффициально и через меня сделало представление святому престолу, что в Германии были бы довольны, если бы в ближайшей консистории был дарован пурпур и не-

мецкому епископу; в первую очередь имеется в виду князь епископ Бертрам в Бреславле... Франция с 36 миллионами католиков будет иметь восемь кардиналов, в то время как Германия с 24 миллионами католиков имеет только двух, а Германия и Австро-Венгрия вместе с их 70 миллионами только семь.. В тайном заседании 4 декабря святой отец назначил кардиналами князя-епископа Бреславльского и князя-архиепископа Пражского...

Работа *апостольского нунция в Мюнхене* во время войны страшно возросла. К святому престолу обращались многие тысячи родственников военных и гражданских пленных, добиваясь смягчения их участи. Так как дипломатические представители Германии оставили Рим, то главным посредником осталась мюнхенская нунциатура, которая, с своей стороны, так как эти дела могли разрешаться только в Берлине, во многих случаях просила меня о посредничестве, на что я всегда охотно соглашался. При этом я мог оценить абсолютную об'ективность папской дипломатии; тем же самым путем, каким поступали в Германию пожелания англичан, французов и итальянцев, препровождались просьбы и о немецких пленных. Кардинал статс-секретарь Гаспари не раз лично и с полным успехом ходатайствовал перед итальянским и французским правительствами об освобождении интернированных немцев... Через мюнхенскую нунциатуру осуществлялись и различные акты милосердия святого престола в международных размерах для смягчения участи военнопленных, как, например, интернирование больных и раненых пленных в Швейцарии, несмотря на упорное противодействие французов. В августе 1915 г. я подал нунцию Фрювирту предложение о воскресном отдыхе для военнопленных, и уже в сентябре было достигнуто соглашение между Германией, Англией и Россией. То же самое и по вопросу о положении гражданских и военных пленных в России. Французские епископы в свою очередь просили посредничества святого престола для возвращения священников, кото-

рые находились в Германии, в качестве военнопленных. Я мог тотчас же передать им о согласии германского правительства с понятной оговоркой, что и Франция должна выдать священников, уведенных из верхнего Эльзаса... В начале 1916 г. я мог добиться возвращения епископа Августовского в его диоцез. В мае 1916 г., по просьбе бельгийских епископов и по предложению святого престола, большинство бельгийских священников, находившихся в Германии под стражей, были, при моем посредничестве, размещены по немецким монастырям... В июне 1916 г. я через нунция Фрювирта просил его святейшество о соглашении между воюющими державами, в том смысле, чтобы те из военнопленных, которые были отцами более трех детей и более 18 месяцев находились в плену, были интернированы в нейтральные государства. После весьма долгих и трудных переговоров, святому престолу удалось получить согласие всех воюющих держав. В мае 1917 г. французское правительство, через посредство кардинала Аммета, архиепископа парижского, обратилось к святому престолу с выражением опасения, что „немецкие власти желают ввести принудительные работы в оккупированных французских областях и предпринять новые высылки". Я мог тотчас же сообщить, что немецкие власти не питают такого намерения, а высылки вообще не имеют места...

Чем дольше длилась война, чем более страждущее человечество искало помощи у святого престола, тем более настоятельной становилась потребность в установлении прямой и непосредственной связи между святым престолом и германским правительством. Судьбы империи решались в Берлине, резиденцией нунция был Мюнхен. Неудивительно, что отсюда должно было происходить много неудобств. В начале 1917 г. снова всплыла старая идея учреждения нунциатуры в Берлине... В течение завязавшихся по этому поводу переговоров выяснилось, что святой престол весьма склонен учредить нунциатуру в Берлине, но так как это было бы неприятно для баварского правительства, то святой

престол, который не желает в настоящее тяжелое время вызывать неудовольствие или разногласие между отдельными союзными государствами, считает необходимым, хотя и неохотно, отказаться в настоящий момент от осуществления этого плана. Вопрос этот нашел свое решение лишь при новой германской конституции, когда сначала Пруссия, а потом Бавария отказались на будущее время от самостоятельного представительства при Ватикане, и в первой половине 1920 г. было учреждено при Ватикане германское посольство. Тем временем последовало и учреждение берлинской нунциатуры.

IV. У императора.

Во время войны я имел три беседы с германским императором: в первый раз по моем возвращении из Рима, 1 марта 1915 г., второй раз после принятия рейхстагом резолюции о мире, 20 июля 1917 г., вместе с другим депутатами, и третий раз после моего назначения статс-секретарем, во второй половине октября 1918 г.

Первая беседа происходила в замке Бельвю и продолжалась один час. Перед аудиенцией ко мне пришел дежурный флигель-адьютант и сказал: „Вы, конечно, передадите императору только добрые известия“? Я отвечал, что скажу императору правду. Меня оставили в покое. Прежде всего я должен был передать императору благодарность его святейшества за „великодушную уступчивость в вопросах о пленных французских клириках, о праздновании Рождества, об освобождении неспособных к военной службе и гражданских пленных“. Затем я передал просьбу папы, чтобы император употребил все свое влияние для сохранения мира между Австрией и Италией, как, и с своей стороны, папа уже делал и будет делать шаги в этом направлении. Император, по убеждению папы, стяжает себе бессмертные заслуги перед Германской империей, Австрией и Италией, если ему удастся сохранить мир. Затем я передал пожелание о скорейшем замещении епископской кафедры в Позен-Гнезно. Император был весьма рад благожелательному отношению папы и не раз уверял меня, что он очень благадарен папе за все, что тот сделал для немецкого народа во время войны. Он, император, готов действовать в духе пожеланий папы, особенно сделать решительные представлеиия в Вене, чтобы достигнуть соглашения между Австрией

и Италией; он надеется на успех, как бы ни были неосновательны и неуместны требования Италии. С большим раздражением император говорил об *итальянском короле*, который ему, после ливийской войны, дал честное слово, что он ни при каких обстоятельствах не будет воевать против Германии и всегда останется верен своим союзным обязательствам. Теперь же король даже не соблюдает договора; Италия не хочет даром обещать свой нейтралитет, но требует за него еще и плату; ему, императору, вдвойне прискорбно, что он „в пользу изменника" должен воздействовать на своего единственного друга, который у него остался в целом мире, на престарелого императора Франца-Иосифа; он знает, с какой чрезвычайной неохотой как раз старый император думает об удовлетворении итальянских притязаний, но в интересах обоих народов необходимо принести жертвы.

Император стал говорить вообще об *австрийских делах* и жаловался, что, благодаря неудовлетворительному офицерскому составу, австрийская армия не дает того, что она фактически могла бы дать. Сказались роковые последствия того, что в Австрии знать не несет военной службы и стоит в стороне, отчего не могло образоваться офицерского корпуса, имеющего внутреннюю спайку и внутреннее удовлетворение от службы; есть лишь профессиональное офицерство, которое служит из-за жалованья. Генерал Войрш недавно рассказывал ему, императору, как среди горячей битвы австрийцы прервали сражение, чтобы варить себе обед, оправдываясь тем, что немецкие войска прибыли им на смену. Военная конвенция между Германией и Австрией после войны абсолютно необходима. Император говорил затем о массонах и их военной травле в Италии; он выразил свое глубочайшее отвращение к этой „организованной банде преступников"; во всяком порядочном государстве нужно бороться с этим тайным союзом.

Переходя к *внутренней германской политике*, император выразил свою радость по поводу того, что все слои народа работают вместе для окончательной по-

беды, на которую он расчитывает с абсолютной уверенностью. Во внутренних реформах нельзя идти слишком быстро, а главное нельзя черезчур демократизировать германское офицерство. На агитационную деятельность заграницы немецкий народ должен отвечать энергичнее прежнего; нужно сломить английскую кабельную монополию и предоставить крупные суммы на радиостанции и другие подобные цели. Император обещал скорое замещение архиепископской кафедры Позен-Гнезно. Продолжительная вакантность кафедры отомстила за себя и послужила на пользу лишь польскому радикализму; он тотчас распорядится удовлетворить желание папы.

Во все время беседы император был очень любезен и говорил бодро и горячо. Было нелегко делать ему связный, исчерпывающий доклад на определенную тему, так как император постоянно прерывал и затрагивал новые вопросы. Все-таки у меня осталось впечатление, что было не очень трудно, имея твердую, ясную цель, убедить в ней государя. В заключение император поручил мне сердечно благодарить папу за все старания, направленные к сохранению мира между Австрией и Италией.

Второй разговор с императором происходил по поводу резолюции о мире, принятой рейхстагом 20 июля 1917 г. В те беспокойные дни германский кронпринц поспешил из своей военной квартиры в Берлин, чтобы уяснить себе, через вождей партий, политическую ситуацию. В соответствии с выраженным мною в комиссии 6 июля пожеланием, в рейхстаге передавали, что император также хочет пригласить к себе партийных вождей. Однако, канцлера назначили, не выслушав ни одного депутата. Это было последним назначением такого рода в империи. Император уступил общему желанию, приняв, после резолюции рейхстага о мире, в министерстве внутренних дел представителей всех фракций, за исключением независимых социал-демократов. Представители фракций, выстроенные чинно в ряд, были представлены императору

канцлером Михаэлисом и вице-канцлером Гельферихом. Государь сперва обратился к каждому с несколькими словами. Представленному вместе со мной будущему председателю рейхстага, Ференбаху, который накануне мотивировал резолюцию о мире, император сказал, что он и его жена, как старые люди, у которых шесть сыновей на фронте, читали его речь с большим интересом. Затем император говорил о последовавшем за день до того прорыве на востоке: это—отнюдь не „парламентское наступление" в целях хорошего настроения рейхстага; его сын, Фриц, вел гвардейскую дивизию, которая здорово всыпала русским республиканцам.

После представления император беседовал с *отдельными депутатами* в соседней комнате; с одним из первых—с теперешним президентом республики, Эбертом. Во время этих разговоров сперва шла речь на общие, неполитические темы. Лишь по истечении некоторого времени, вокруг императора образовалась целая группа, и тогда он перешел к текущей политике. К общему изумлению, император заявил, между прочим: это очень хорошо, что рейхстаг желает „мира по соглашению" (Ausgleich) (резолюция рейхстага как раз не заключала в себе этого весьма неясного слова, на котором упорно настаивало верховное командование). Слово „соглашение" превосходно. Это выдумал вот кто—при этом он указал на вице-канцлера Гельферих, подававшего ему папиросы. А соглашение состоит в том, что мы возьмем у врагов деньги, сырые материалы, хлопок, масла и из их кармана переложим в наш карман; это—замечательное слово. Члены фракций большинства, к своему ужасу, не только увидели, что император не осведомлен о том, чего они хотели, но даже чувствовали издевательство в этих словах. Дальнейшие рассуждения императора были в том же духе: Англия и Америка заключили союз, чтобы сосчитаться с Японией после войны; он знает наверное, что Россия соединилась с Японией для отражения удара. Затем он заявил, что хотя нынешняя война не кончится поражением Англии, но в конце ее будет достигнуто прочное со-

глашение с Францией, а тогда весь европейский континент, под предводительством его, императора, начнет настоящую войну, войну против Англии, которую он называл „второй пунической войной“. Ужас среди депутатов увеличивался. Коснувшись происходившей за несколько дней битвы в Галиции, император упомянул, что прусская гвардия, под командой его сына, Фрица, „выколотила из русских спин демократическую пыль“. „Где появляется гвардия, там не место демократии“,—прибавил дословно император. Обратившись ко мне, он заговорил об оспариваемых мною успехах подводной войны: восточное побережье Англии завалено обломками судов; через два или три месяца с Англией будет покончено; в Австралии готовы к отправке четырех миллионов тонн хлеба, но Англия не может получить их. В заключение император сказал: „Мои офицеры сообщают мне, что они вообще уже не встречают вражеских судов в открытом море“. Я возразил, что тем непонятнее для меня ежемесячные сообщения морского штаба о потоплении 600.000 и более тонн. С недовольным движением император повернулся ко мне спиной. Перейдя к регулированию водных путей, император развил фантастический план отвести нижний Дунай при Черноводе вдоль Троянова вала к Черному морю; тогда международная Дунайская комиссия в Браилове останется на мели; Румыния за свое „вероломство“ уже понесла „заслуженное наказание“. На мое замечание о бедности румынского народа, который часто одет в одну рубашку, император рассказал, что, еще будучи молодым принцем, он работал некоторое время в министерстве иностранных дел; как-то раз Бисмарк сказал ему: „Пока люди на востоке носят рубашку *поверх* брюк, они—приличные парни; но когда же засунут рубашку в брюки да еще наденут орден на грудь, они становятся свиньями“. На этом император со смехом прекратил беседу. Весь разговор между императором и депутатами был не только в высшей степени неуместным; он был одним из самых сильных ударов, приведших к свержению старого ре-

жима. Поседелые депутаты, которые до сих пор не желали ничего и слышать о парламентарной системе, открыто высказывались в тот вечер, что старая система приведет Германию к несчастью. К сожалению, не было энергии для активного решения. Это была первая беседа, которую за два последних десятилетия император имел с народными представителями. Она была и последней.

Третью аудиенцию у императора я имел, когда, в начале октября 1918 г. я, несмотря на сопротивление придворной камарильи, был назначен статс-секретарем в кабинете принца Макса Баденского. В замке Бельвю 21 октября император принял всех новых статс-секретарей и их парламентских товарищей. Он произнес речь, хорошо приготовленную бывшим статс-секретарем, фон-Дельбрюком, в которой определил свое отношение к установленному в Германии октябрьской конституцией режиму, и стал на почву парламентаризма. По окончании речи император обратился к отдельным статс-секретарям и обменялся с каждым чисто личными, неполитическими фразами. Со мной он заговорил о недавней смерти моего единственного сына подпрапорщика (Fahnenjünker) в Карльсруэ. С будущим канцлером Бауэром, уроженцем восточной Пруссии, говорил о своем посещении Кадинена. С будущим министром-президентом Шейдеманом, тогдашним кассельским бургомистром—о своих кассельских воспоминаниях юности и о частых своих визитах в Вильгельмсгее. Политики император вообще не касался в эти дни, столь серьезные для немецкого народа. Вся аудиенция длилась лишь полчаса. Незадолго до своего бегства в Голландию он заявил католическому дивизионному священнику в главной квартире, что он рад встретить в трех новых министрах своих старых сотрудников: социал-демократа Давида и двух министров центра—Гисбертса и Эрцбергера.

В бурные дни перед заключением мира я еще раз вступил в сношения с императором через посредника по вопросу об угрожающей ему *выдаче*. До сих пор я

хранил по этому поводу полное молчание из патриотических соображений, которые для меня были выше, чем потребность опровергнуть подозрение в том, что мне так называемые „позорные параграфы“ причиняли менее забот и скорби, чем другим немцам. Те же самые причины заставляют меня и теперь не касаться подробнее этого дела.

Из моих бесед с императором я вынес впечатление, что я имел дело с чрезвычайно подвижным умом, который лишь с большим трудом мог задерживаться на подлежащих решению вопросах, который почти всегда сам говорил и не был воспитан и приучен выслушивать или взвешивать мнение собеседника, хотя бы весьма основательное. При этом я живо вспоминал о том, что мне рассказывал много лет тому назад покойный депутат фон Кардорф о днях знаменитого законопроекта о канале: тогда, как добрый пруссак, он воспользовался своим правом просить у короля аудиенции и получил ее. Едва он вошел в комнату, как император воскликнул: „Я знаю, мой милый Кардорф, вы пришли по вопросу о канале“. Затем он в непрерывном потоке слов начал развивать свои мысли по этому вопросу и потом отпустил его с сердечным рукопожатием, так что депутат Кардорф не имел возможности сказать ни слова о своем собственном мнении.

V. В Константинополе.

Турция недолго могла сохранять свой *нейтралитет* в буре мировой войны: с одной стороны стояли Россия и Франция с их откровенными притязаниями на турецкую территорию и с прошлым, тягостным для турецкого самосознания; с другой,—достигшие власти младотурки продолжали видеть свою неизменную политическую цель в создании младотурецкого национального государства „путем единства и прогресса". Это противоречие между водой и огнем требовало своего разрешения. Умная немецкая политика за долгие годы делала это решение для турецкого правительства не слишком трудным.

Германия, как самая молодая великая держава, была не особенно заинтересована в капитуляциях, против которых младотурки вели ожесточенную борьбу, и неоднократно давала понять, что сохранение государственной целости Турции и свобода хозяйственной деятельности в ней являются прямой целью немецкой политики. Поэтому с первых августовских дней 1914 г. в Берлине ежедневно расчитывали на об'явление Турцией войны; последнее заставило ждать себя дольше, чем предполагали, и, наконец, было вырвано неожиданным ударом, в котором участвовал главным образом Энвер-паша. В Германии по этому поводу царила большая радость; теперь блокада России была в значительной мере проведена, так как становились невозможными, как подвоз военных припасов, так и вывоз из России избытков хлеба через Дарданеллы, что создавало Германии большое облегчение.

Правда, вскоре Турция оказалась для Германии «*трудным ребенком*». В военных кругах особенно были мало подготовлены к войне в союзе с Турцией и удо-

влетворились сначала закупоркой Дарданелл. Несмотря на деятельность энергичного генерала Лиман фон-Зандерса, турецкая армия могла быть только мобилизована, но для долгой войны у нее был недостаток во всем. Скоро обнаружилась сильная недохватка снарядов. В самой Турции необходимые военные припасы не могли изготовляться в достаточном количестве, хотя немецкие инженеры в устройстве новых арсеналов делали прямо чудеса. Подвоз снарядов через Австро-Венгрию, благодаря позиции, занятой Румынией, был почти невозможен. Почти все попытки провезти военный материал терпели неудачу, хотя прибегали к самым смелым способам и не щадили денег. Призыв из Константинополя все настойчивее раздавался в берлинских ушах. В июне 1915 г. почти все опасались падения Дарданелл, так как военный материал имелся в самом ничтожном количестве. Генерал фон-дер-Гольц через доверенное лицо нарисовал мне тогда чрезвычайно мрачную картину; позже он рассказывал мне, что если бы англичане в начале июня сделали энергичный удар или два,—завоевание Дарданелл было бы детской игрой; да они уже раз вполне обладали положением, не понявши этого. Просто изумительно, что завоевание не удалось.

Военным подвигам *турецкой армии* никто не может отказать в удивлении. То, что она совершила для защиты Дарданелл, останется одним из самых славных дел в истории мировой войны. Там, где турка хорошо снабжали, хорошо с ним обращались и хорошо им командовали, он выказал себя необычайно храбрым и верным солдатом. Турецкий народ, после недавней балканской войны, сделал почти сверхчеловеческое в наборе солдат. Когда германский посланник, при вступлении Турции в войну, сказал Энвер-паше, что Германия ожидает от Турции армии в 750·000 человек, Энвер-паша заявил, что невозможно после несчастных войн выставить такое количество солдат. В апреле 1918 г. Турция имела под ружьем 2 миллиона человек—подвиг изумительной организа-

ции. Что боевая ценность турецкой армии отчасти понизилась за время войны, зависело от естественных трудностей: продовольствия и снабжения боевым материалом. Германское верховное командование ценило очень высоко боеспособность турок, что доказывается лучше всего просьбой, обращенной в Константинополь, прислать несколько дивизий в Галицию. Продовольствие армии так же, как и народа, представляло главные трудности. Пароход средней величины подвозил английской армии в Палестине столько же продуктов и материалов, сколько турецкая армия могла доставить туда в три недели. Правда, дезертирство в течение войны сильно возросло, но, как мне говорил один видный офицер, бегство из-под знамен турецких солдат нужно расценивать совершенно иначе, чем в европейских странах. Периодических отпусков в армии не было. Многие солдаты целые годы непрерывно стояли под ружьем, не зная, что сталось с их семьями; если они часто отправлялись в отпуск самовольно, это неудивительно при низких наказаниях, которые назначает за дезертирство турецкая военная юстиция. Под конец войны в Малой Азии бродили сотни тысяч дезертиров... Но Турция до конца могла выдерживать войну наравне с центральными державами.

Мы могли бы оказать действительную помощь Турции и дать решительный поворот войне в пользу центральных держав, если бы осуществили политический план, который в ноябре 1914 г. предлагался многими, в том числе и мною, германскому верховному командованию. План этот состоял в том, чтобы продвинуться вдоль Дуная по сербской территории и добиться свободного *прохода через Болгарию* в Турцию. Я подробно об'яснял влиятельным военным лицам в те дни политическую необходимость этого военного шага и особенно подчеркивал, что, как мне говорил хорошо осведомленный немецкий офицер, вся эта операция могла быть совершена с абсолютной уверенностью в успехе армией в 40.000 человек (т. е. гораздо менее того, что

бесполезно истекало в то время кровью перед Ипром). Политические выгоды были бы следующие: не только Турция могла бы вести войну много энергичнее, но, весьма вероятно, и Болгария стала бы на нашу сторону, а Румынию мы, обладая Дунаем, держали бы под угрозой. Несомненным выигрышем было бы то, что подвоз припасов к сербской армии вверх по Дунаю был бы перерезан, что вызвало бы рано или поздно капитуляцию Сербии. Но я был в высшей степени поражен, когда генерал заявил мне, что подобное продвижение излишне, так как Болгария и Венгрия граничат друг с другом. Я должен был предложить ему карту, чтобы показать, в каком заблуждении он находится. Генерал фон-Фалькенгайн обещал мне начать продвижение через Сербию 15 марта 1915 г., но его не последовало. В средине 1915 г. я снова обратил внимание верховного командования на настоятельность военного продвижения через северо-западный угол Сербии. Ответ был дан в том смысле, что нападение против Сербии теперь невозможно. В то время много говорили о „зачумленных областях северной Сербии" и называли Сербию, не взирая на все политические соображения, побочным военным театром. Оставалось лишь создание прямого сухопутного пути из Берлина в Константинополь. Последний был осуществлен лишь много месяцев спустя, при огромных расходах и человеческих жертвах.

В феврале 1916 г. я провел почти 14 дней в *Константинополе*, чтобы поговорить о ряде политических дел с различными лицами. Недавно открытая балканская железная дорога доставила меня из Берлина самым комфортабельным образом в 72 часа. В Сербии вдоль линии видны были следы военного опустошения; страна казалась почти вымершей. По недоразумению сообщили в Софию, что я остановлюсь там; я предполагал сделать это на обратном пути. На вокзале меня приветствовали представители болгарского правительства, и я должен был дать им определенное обещание по возвращении провести некоторое время

в их столице. Когда я на следующее утро проснулся за Адрианополем, на турецкой границе, я тотчас почувствовал, что прибыл в страну, где нужно иметь время, много свободного времени; все происходило с чрезвычайной медлительностью. Контроль на пограничной станции продолжался почти три часа. Путешествие по пустынной Фракии, где едва можно было увидеть дорогу или человеческое жилище, напомнило счастливые дни юности, когда нас учили, что Фракия была житницей Востока. Было уже темно, когда я приехал в Константинополь. Когда я у вокзала занял место в приготовленном для меня автомобиле, несколько минут спустя, к моему изумлению, на колени мне уселась какая-то дама; это была приехавшая в одном поезде со мной весьма бойкая принцесса, которая желала навестить в Константинополе своего сына и полагала, что автомобиль мог быть приготовлен только для нее. После взаимного представления я доставил даму в ее отель.

В турецкой столице я имел неоднократно беседы с Талаат-пашей, Энвер-пашей и видными турецкими политиками, с австро-венгерским посланником маркизом Паллавичини, который почти всю свою долгую дипломатическую карьеру провел на Балканах с немецкими купцами, живущими там уже много лет. Я присутствовал и на селямлике и был поражен, когда в прилегающей к мечети комнате, где находилось много младо-турецких дежурных офицеров, мне подали обычный кофе с папиросами. С германским посланником графом Меттернихом, одним из самых толковых немецких дипломатов, с острым, ясным умом, я сделал много поездок и прогулок в окрестностях Константинополя. Однажды, гуляя по одной из ближних плодородных долин, мы проходили мимо хутора турецкого крестьянина. Крестьянин, который с грехом пополам говорил немного по-французски, узнал в нас немцев и выразил свою радость; он был пять раз ранен при Галлиполи. Он принес свою германскую солдатскую шинель, на которую мы должны были сесть, угощал нас папиро-

сами, которые сам крутил. Хотя я не курю, но должен был принять подарок; однако, турок смотрел очень подозрительно на мои попытки курения. Здесь мне удалось бросить взгляд на турецкие экономические и податные отношения. Чрезвычайно плодородная земля под самым Константинополем лежала невозделанной. У турка нет никакого интереса ее обрабатывать, так как налоговая система отнимает у него почти все, что он производит сверх минимума жизненных потребностей. При посещении Босфора, у входа в Черное море, я мог 10-го февраля обедать под открытым небом. Овощи уже созрели. Повсюду пышная растительность, а рядом политический застой и хозяйственное оскудение. Для меня стало ясно, почему в слабо населенной, весьма плодородной стране царил недостаток съестных припасов.

Многочисленные *немцы*, живущие в Турции, были чрезвычайно недовольны господствующим режимом и слишком громко выражали это, что, в свою очередь, вызывало подозрительность и недовольство турок. Особенно жаловались все на то, что младотурки сами взяли в свои руки все снабжение армии и все государственные заказы, и что необходимо платить огромные суммы денег на „убеждение", чтобы чего-нибудь добиться. Турецкая столица кишела фантастами и прожектерами; особенно громкой славой пользовались „афганцы", которые имели или хвастали, что имели поручение проникнуть через Персию в Афганистан, чтобы там разжечь „священную войну" и бросить факел в Индию. Но обетованной землей их политических идеалов были почти всегда отели и увеселительные места в Константинополе, где они так громко говорили о своих планах, что многочисленные шпионы Антанты могли легко выследить их и обезвредить. Другие „спасители отечества" преследовали план проникнуть к Суэцкому каналу и посредством взрывов и затоплений сделать его негодным для судоходства. Они уже высчитывали, какой громадный вред понесет снабжение Англии, если английский торговый флот

должен будет плыть вокруг Африки; но они забывали мои предостережения и напоминания о том, что, пока не окончена дорога через Тавр и не выполнен ряд других предварительных мер, все это—сплошные фантазии. Один немецкий князь также принимал живое участие в этих проектах.

В беседах с самыми могущественными турками, Талаат-пашей и Энвер-пашей, оба единодушно подчеркивали, что теперь как раз настало время для Германии согласиться на полную *отмену капитуляций*; тогда Германия может добиться в Турции всего: она получит эксплоатацию рудников и концессии всякого рода в небывалых размерах; уничтожение капитуляций является для Турции жизненным вопросом и той наградой, из-за которой она вступила в войну. Если это будет достигнуто, Турция реформируется при немецком руководстве. Германия получит неслыханные возможности развития на Востоке. Мои возражения против столь радикального шага оставались без внимания. Оба они сердились, когда я требовал определенных мер для защиты *армян и христиан вообще* и говорил, что о прочном союзе между Германией и Турцией нечего и думать, если не будут удовлетворены справедливые требования христиан... Когда я еще раз встретился с Талаат-пашей, в сентябре 1918 г., незадолго до разгрома, я напомнил ему об этом; он, с своей стороны, заявил, что Германия гибнет от того, что она одна в мире не ввела парламентарного режима, который его партия в Турции сумела целиком осуществить.

Мое подробное донесение канцлеру по возвращении я начал с характерной фразы, которую употребил маркиз Паллавичини в беседе со мною: „Турция это—*труп, гальванизированный* Германией". Эту мысль я развивал далее: находящийся у власти младотурецкий комитет не может опираться на большинство в народе или в парламенте; младотурецкий комитет тяготеет к Франции, что вполне понятно из всего его идейного направления и из истории младотурок; все немецкое влияние опирается лишь на четырех сильных людях:

Энвер-пашу, Талаат-пашу, Галил-пашу и председателя палаты; пред влиятельными младотурками стоит единственная цель—вполне свободная Турция. Но австрийский посланник, маркиз Паллавичини, заявил мне, что для будущего Турции политически возможно лишь два пути, практически—только один: или Турция подчиняется гегемонии центральных держав, чего младотурки не желают, потому что они против всех иностранцев; или же центральные державы должны придти к соглашению относительно Турции с другими воюющими державами. Война вспыхнула на Балканах из-за Балкан и окончится на Балканах. Он, Паллавичини, был прежде сторонником возрожденной Турции, но после всего виденного и пережитого он должен открыто признать, что он заблуждался, и что вся его прежняя программа кажется ему неосуществимой. С оценкой дипломатов шла рука об руку оценка немецких купцов:

„Кто говорит о грядущем немецком хозяйстве „Берлин—Багдад" и надеется на крупные выгоды от него для немецкого народа, тот является опасным фантазером. Турки эксплоатировали нас во время войны так, как никогда не бывало во всемирной истории. Постоянно падающий курс нашей марки является лучшим тому доказательством".

Это заставило меня сделать предложение о прикомандировании особых финансовых экспертов к германскому посольству, особенно в целях урегулирования валютного вопроса; чем больше были наши субсидии Турции, тем меньше стоила марка. Я сам платил за турецкий фунт 24,50 марки, вместо 18,48, по курсу мирного времени; я видел, как запасные почти плакали в банках, когда они, при размене своего скудного жалованья, теряли почти треть. Рабочие, посылаемые из Германии на фабрики снарядов, которым обещали высокую плату, страдали ужасно. Было прямо противоестественно, что французский франк в Турции стоял выше, чем марка. О чудовищных спекуляциях золотом и утечке золота в Сирию, в которых участвовало „лучшее общество", я уже не буду говорить. Напротив, мне до-

ставила много удовольствия заметка „Journale“, что я привез в Турцию один миллиард марок для подкупа.

Еще во время моего пребывания в Константинополе, я должен был, к моему сожалению, констатировать, что против посланника графа Меттерниха велась злостная интрига с немецкой стороны, с помощью младотурок. Немцы не стыдились распространять среди турок слух, что граф Меттерних настроен туркофобски, что он презирает турок. Это были те самые круги, которые подкапывались под графа Меттерниха еще во время его лондонской деятельности. Статс-секретарь Зольф, который был в Константинополе после меня, передавал мне подробности этих козней. Я сделал представление в правительственных кругах Берлина. Тогда эти происки не имели успеха. Но некоторое время спустя оба главнокомандующих, генерал Фалькенгайн и Энвер-паша, сошлись на том, что граф Меттерних должен быть отозван, не сговорившись предварительно с дипломатическими кругами; к сожалению, последние подчинились им. Граф Меттерних сделался неудобным для многих константинопольских сфер, главным образом потому, что он с неутомимой настойчивостью выступал за смягчение участи армян. В одном правительственном турецком учреждении мне сказали, что выступления графа Меттерниха производят такое впечатление, как будто он является не посланником Германской империи, а посланником армян, на что я, в виду глубокопечальных событий, ответил, что вижу „в этом почетный аттестат для нашего посланника“.

Значительную часть моего времени в Константинополе я посвятил беседам об *армянском вопросе* и о *делах католической миссии на Востоке*.

Отмена капитуляций, закрытие учреждений французской миссии, высылка французских миссионеров, вслед за вступлением Турции в войну, создало на Востоке совершенно новое положение в деле христианской миссии. Я считал своей главной задачей сохранить все эти учреждения без различия национальностей для католицизма и европейской культуры, от-

лично сознавая, какие бесконечные трудности стояли на пути к этой цели. Один из лучших немецких знатоков этого вопроса, проф. Шмидлин, ездил в конце 1914 г. в Турцию, чтобы составить себе ясную картину происшедшего переворота. В обширной записке он рисовал прежнее и настоящее положение дел: в заведениях французской миссии прежде воспитывалось около 100.000 туземных детей из лучших и образованных классов общества, в то время как немецкие школы в Турции посещало едва 5.000 детей. За исключением Палестины, патриархата и кустодии, французы имели повсюду перевес. В Сирии большую роль играл университет св. Иосифа, открытый в 1875 г. в Бейруте французскими иезуитами. До начала войны он пополнился юридическим и техническим факультетами и был соединен с подготовительной средней школой. Около 700 учеников посещали университет и эту школу. В противоречии со своей общей церковной политикой, французское государство оказывало ежегодную поддержку своим миссионерским школам на Востоке, в размере более 1/2 миллиона франков... Но прежде всего это был пресловутый „протекторат", благодаря которому Франция приходила на помощь восточным миссиям и извлекала из них для себя политическую выгоду. Основанный путем соглашения Франции с Высокой Портой и подтвержденный во всех последующих договорах между Францией и Турцией, он был, отчасти определенно, отчасти молчаливо, признан и санкционирован святым престолом...

„Начало войны почти сразу же привело к крушению векового, с трудом воздвигнутого культурного здания, не без вины самих заинтересованных кругов. Еще в критические дни по об'явлении войны миссионеры и сестры содействовали осложнению положения, шумно проявляя свое французское настроение и позволив вовлечь себя в шовинистические демонстрации. Они совершали публичные богослужения о победе французского оружия и призванные на войну священники проходили по улицам столицы с марсельезой, как уверял меня германский посланник".

Отмена капитуляции погубила привилегированное положение миссионерских заведений. Порта прямо за-

явила, что она считает протекторат Франции над религиозными учреждениями Востока отмененным и сама будет иметь посланника при Ватикане. Закрытие и секуляризация всех французских миссионерских заведений не только были декретированы, но и почти всюду осуществлены. Папскому легату и австрийскому посольству едва удалось спасти несколько церквей. Американское дипломатическое представительство настаивало на немедленном и поголовном отъезде, обещая возвращение или щедрое вознаграждение за убытки после войны.

Для католиков Германии и Австро-Венгрии вставала новая задача: мы должны были спасти от дела миссии все, что могло быть спасено. Но мы не должны были впадать в прежние ошибки французов. Младотурки, наученные примером современной Франции, желали монополизировать и отуречить школу, изгнать религиозно-христианские влияния и обеспечить атеистическое воспитание. Германский посланник в Константинополе уверял меня, что в Турции вообще не хотят и слышать о католических конгрегациях, придерживаясь того взгляда, что католические монахи, хотя бы и немцы, являются политическими агентами Франции. Поэтому германское посольство рекомендовало мне, чтобы все приезжающие монахи являлись поодиночку и в светской одежде. Хотя я с самого начала отдавал себе отчет в чрезвычайных трудностях, мы все же принялись за дело. Ряд необходимых шагов проф. Шмидлин в своей записке формулировал таким образом:

> 1. Соглашение с Турцией о передаче оставленных французами миссионерских учреждений (школ, больниц) немецким католикам в форме лазаретной службы.
>
> 2. Соглашение с Турцией о том, чтобы после войны занятые немцами учреждения были бы предоставлены им [illegible]

В начале февраля 1915 г. немецкое посольство в Константинополе сообщало, что общие переговоры с Портой о предоставлении заведений для лазаретов и

позднейшей окончательной передаче их, вероятно, не приведут к цели и затруднят исполнение дальнейших пожеланий. Советовали вести переговоры в отдельных местностях, но консулы Аданы, Багдада, Бейрута, Гайфы, Иерусалима, Моссула и Смирны сообщали, что там лазаретов достаточно и что большинство закрытых учреждений занято турецкими властями для других целей. Энвер-паша заявил тогда германскому посланнику, что Германия желает занять место французов и не считается с целями и желаниями младотурок... Порта не думает допускать смену флага на своей территории и на место французского протектората дозволить патронат какой-нибудь другой державы... И министр народного просвещения Шюкри-бей 9 февраля 1915 г. высказал первому драгоману германского посольства,

> что в настоящих мероприятиях против французских учреждений следует видеть последствие не столько войны, сколько отмены капитуляции. Освобождение Турции от европейской опеки дало ей возможность освободиться и от засилия работающего в европейских интересах католицизма. Главной целью турецкого правительства является введение вполне свободного от религии преподования, т.-е замена конгрегационной школы светской.

В соответствии с этим взглядом был издан министерский циркуляр о частных школах в Турции, ст. 2 которого гласит: „Товарищества, общества, или об'единения иностранцев не могут открывать частных школ ни от своего имени, ни от имени других лиц". Несмотря на все это, я с нетерпением рвался к настоящей работе.

Ближайшая задача для меня состояла в том, чтобы собрать на родине необходимые средства и прежде всего *персонал миссии*.

Работа, естественно, сначала подвигалась медленно, но уже в июне 1915 г. я мог по требованию апостольского делегата в Бейруте послать 10 отцов-францисканцев. Немецкие францисканские провинции из'явили готовность по мере своих сил взять в свои руки старые францисканские монастыри в Сирии с их

прежними задачами (школы, воспитательные дома, госпитали) и устраивать торговые и сельско-хозяйственные школы, взяв за основу преподавания турецкий школьный регламент и считаясь с потребностями отдельных провинций. Последняя оговорка была абсолютно необходима, потому что центральное правительство в Константинополе хотело повсюду сделать турецкий язык обязательным предметом, в то время как большинство жителей Турецкой империи говорит по-арабски.

В сентябре 1915 г., по преодолении многочисленных затруднений, мог быть послан в Константинополь собственный представитель немецких католиков „для пастырского попечения о немецких солдатах и матросах“...

Со второго полугодия нашей работы сильную поддержку начала нам оказывать Австро-Венгрия. До ноября 1916 г. было прислано из Германии 35 духовных лиц и 76 сестер; наряду с ними из Австрии— от 35 до 40 духовных и 87 сестер. Многие из присланных сил, к сожалению, пали жертвой губительных болезней... Особенно благодарную и плодотворную почву они нашли в Моссуле. Угасшему там во цвете лет д-ру Шеферсу удалось стать в самые хорошие отношения с патриархом халдеев. Католическая церковь халдеев насчитывала в 1913 г. около 100.000 верующих... Патриарх, архиепископ Багдадский, имел пребывание в Моссуле... Патриарха младотурки хотели предать военному суду—начало преследования христиан. Германскому консулу удалось помешать этой мере. Турецкая полиция должна была извиниться перед патриархом. Своим заступничеством германскому консулу удалось спасти жизнь также тысячам христиан-яковитов, которых насчитывается около миллиона...

В июне 1916 г. удалось достигнуть с Турцией соглашения о *защите немецких католических учреждений*, но этим была обеспечена защита лишь малому числу учреждений на Востоке, которые поддержива-

лись немецкими силами и немецкими средствами... Переговоры в Константинополе продолжались, и хотя не пришли к письменному соглашению, но турецкое правительство выразило согласие с моей основной точкой зрения, так как ему сообщили, что я без урегулирования этого вопроса не соглашусь на простую отмену капитуляций. Генерал Людендорф, которому сообщили о моих возражениях, писал мне 22 сентября 1916 г.: „Ваша партия желает сохранить в какой-либо форме капитуляции в Турции для церкви и школы; с другой стороны, я понимаю и турецкую точку зрения, переданную мне Энвер-пашей. Если мы дадим Турции подарок полностью, мы этим ее обяжем. Половинчатый дар часто оставляет после себя осадок неудовольствия". Немецкие соглашения с Турцией оказали немалую услугу общему христианскому делу. Немецкие католики могут всегда указывать с удовлетворением на то, что было достигнуто при столь трудных условиях; многие из обвинений наших противников во время войны тем самым теряют почву. Путь к новому урегулированию всех этих вопросов является открытым.

VI. Армянский вопрос.

Одной из самых черных страниц в долговой книге Европы является бесспорно *армянский вопрос.* Почти при всяком конфликте, который происходил у Турции с любой державой, страдали армяне. Россия настойчиво преследовала цель об'единения всех армян под своим политическим и религиозным владычеством. Турецкое правительство постоянно относилось к армянам с недоверием, которое в весьма многих случаях сказывалось неосновательным. Во время балканской войны, в которой Турция была очень ослаблена, армяне остались верны султану, хотя именно тогда исполнение армянской мечты о самостоятельном государстве имело бы очень большие шансы на успех. Несмотря на все заверения влиятельных турецких министров и политиков, у меня, по всему поведению немецких властей, сложилось впечатление, что в армянском вопросе играют роль не только национальные мотивы, но и магометанский фанатизм. Прежде, чем Турция в 1914 г. вступила в войну, *германское посольство* в Константинополе вошло в сношения с армянским патриархом и другими вождями армян и указало им, что ныне пробил решительный час для их народа и что они должны вести себя, как верные граждане Османской империи. Армяне уверяли в своей лойяльности по отношению к Турции. И другие христианские племена, тотчас же по об'явлении войны, засвидетельствовали свою неизменную верность Османской империи...

При *вступлении русских* на армянскую территорию, правда, было несколько случаев измены со стороны отдельных православных армян; Турция отвечала жестокими мерами, между прочим, изгнанием всего

армянского народа. В конце июля 1915 г. папа Бенедикт XV поручил апостольскому делегату в Константинополе сделать представление перед султаном, чтобы несчастный народ не был уничтожен мероприятиями турецких властей.

В ноябре 1915 г. папа написал с этой целью собственноручное письмо султану. Министр иностранных дел отвечал на это, что армяне-католики могут вернуться на родину. Это обещание не было исполнено; напротив, известия об истязаниях армянского народа продолжали поступать. Хотя носителями идеи национальной независимости являлись православные армяне, тяготевшие к России, и армяне, воспитанные в американских школах, но и *армян-католиков* не щадили, при всем их лойяльном поведении. 5 епископов были убиты или исчезли, 5 были сосланы, и только 3 осталось в своих диоцезах. Число убитых или исчезнувших священников в конце 1915 г. составляло 140, монахинь 40. В Ангоре, самом крупном католическом городе, который сильно пострадал от большого пожара в ноябре 1916 г., всякая пастырская деятельность и всякое богослужение были запрещены; немецкому священнику, который был послан туда, запретили совершать публичную службу. Один немецкий врач из экспедиции Красного Креста сообщал во второй половине 1915 г. о своих наблюдениях:

„В то время, как раньше гнали мимо жалкие толпы армянских женщин и детей без всякого имущества, в сопровождении немногих вооруженных людей, позже проходившие люди имели с собою вьючных животных и скот. Под конец проходили жители Эрзерума огромными, хорошо снаряженными караванами на повозках, запряженных быками. Люди имели очень хороший вид, ехали короткими переходами и были под защитой многочисленных жандармов и офицеров"

Автор письма приписывал эту заботливость вмешательству тамошнего вали, тогда как другие власти поступали беспощадно. Не только из Армении, но и из других местностей Турции, в Германию проникали вести об убийствах и изгнаниях христиан. Эти известия по-

будили *миссионерский комитет католиков Германии* в октябре 1915 г. обратиться к канцлеру с просьбой:

„Возвысить свой голос, чтобы немедленно положить конец необычайно суровым мерам, которые в настоящее время применяются турецким правительством по отношению к армянам..."

Канцлер отвечал в ноябре, что правительство, как теперь, так и всегда, будет считать своим непременным долгом употребить все свое влияние, чтобы христианские народы не подвергались преследованиям за веру.

Германское посольство в Константинополе, после первых же поступивших жалоб, неутомимо помогало этому народу, но при этом воздействовало и на армянского патриарха, чтобы сохранить спокойствие в области. Уже в декабре 1914 г. германский посланник передал Порте армянские жалобы. Великий визирь об'яснял события армянской провокацией, так как армяне будто бы открыто заняли позицию, враждебную Турции. Неоднократно германский посланник уверял патриарха, что Германия позаботится об улучшении положения католических армян. Когда турецкое правительство в первый раз выразило свои намерения по изгнанию армян в мае 1915 г., германское посольство хлопотало о смягчени этих мер. Германские консулы делали все для смягчения ужасной нужды, что может быть подтверждено показаниями нейтральных свидетелей.

Мое *пребывание в Константинополе* в феврале 1916 г. я использовал для многократных представлений в пользу армян... При моих переговорах с Энвер-пашей и Талаат-пашей, 10 февраля 1916 г., я много беседовал об армянском вопросе. Энвер-паша дал мне определенное обещание, что больше не будет приниматься накаких мер против армян; армяне будут поселены целыми деревнями и им гарантирована религиозная свобода. Талаат-паша обещал открытие армянских церквей, духовных и учительских семинарий, но турецкая государственная идея не должна при этом понести ущерба. Оба министра просили меня изложить желательные для меня мероприятия в особой записке. Это было вскоре испол-

нено... При составлении записки я руководился следующими идеями:

„Турция считает главной целью войны стать единым, сильным внутри государством; отмена капитуляций есть ее главная цель. Антанта при заключении мира будет стремиться всеми способами помешать этому. Самой полной победы центральных держав будет недостаточно для достижения этой военной цели турецкого правительства, если оно не даст достаточных гарантий для жизни и свободы турецких христиан и для полной религиозной свободы последних и не покажет еще во время войны, что оно решилось сдержать это обещание. Целый ряд событий в Турции во время войны глубоко возмутил христианский народ Германии. Если в обществе и в печати возмущение ничем не выразилось, то это об'ясняется военной цензурой и тем, что мы не желаем чинить затруднений оффициальной немецкой политике. Но по снятии военного положения следует считаться с возможностью, что начнется чрезвычайно редкий обмен мнений по поводу отмены капитуляций и создания новых гарантий для христиан в Турции".

Переход к армянскому вопросу я излагал:

„Несмотря на лойяльное настроение армян-католиков и сделанные им заверения, их постигла та же участь, как и их единоплеменников. Потери человеческих жизней и имущества среди них относительно столь же велики, как среди прочих, с тем только различием, что у них экзекуции и высылки откладываются на несколько дней или недель. Отчеты, поступающие из глубины страны от свидетелей не-армян, так ужасны, что их нельзя передать на бумаге. Из 15 диоцез 11 прекратили свое существование. Можно было бы предполагать, что высылки являются более мягкой и карательной мерой, чем убийства. Фактически одно немногим отличается от другого. В то время как при всеобщей резне всегда некорым удается убежать, скрыться или спастись в горы, при изгнании надежда на сохранение жизни очень невелика. Людей гонят, как стадо скота, неделями и месяцами к месту назначения. Необходимая пища предоставляется лишь в самых редких случаях. Несчастные гибнут массами от голода и эпидемий. Когда они прибудут на место назначения, и там им не позволяют оставаться, а гонят с места на место, не давая покоя. В других случаях армянские семьи рассеиваются по турецким местностям, и так как мужчины обыкновенно отделяются от женщин, то последние предоставлены всецело самим себе в добывании средств к существованию. Голод и угроза загоняют их в дома к туркам. Дети в таком случае становятся турецкими или же отуречиваются государственным порядком, в качестве так-называемых „военных сирот".

После обещаний, данных турецким правительством апостолическому делегату, можно было надеяться, что оставшимся армянам-католикам будет позволено вернуться. Фактически ни один из них не возвратился. Напротив, по достоверным сведениям, поступившим в последние дни, теперь принялись и за оставшихся армян в Мараше, Аинтабе и Алеппо. Интересы турецкого правительства требуют, чтобы еще во время войны был осуществлен ряд мер, которые действовали бы успокоительно пред лицом обвинений, пред'являемых печатью Антанты..."

Несмотря на многократные напоминания, со стороны немецкого посланника, турецкое правительство не дало никакого ответа на эту записку, составленную по его собственному желанию; но я не прекратил своей деятельности в пользу несчастного народа. По возвращении моем из Константинополя я горячо принялся за организацию благотворительной помощи для армян. Частные лица жертвовали немалые суммы. Немецкий епископат устроил сбор в пользу армян... Мы помогали, сколько могли. Я получал многочисленные из'явления благодарности от патриархата и видных армянских вождей.

Часто в те дни я обсуждал во влиятельных немецких кругах вопрос, не следует ли из-за армянских событий оказать на Турцию энергичное давление, не останавливаясь даже перед расторжением союза. По зрелом размышлении, мы отказались от этого, так как подобная мера не помогла бы армянам, а, вероятно, еще больше повредила бы им. Когда в первые месяцы 1918 г., по мирному договору с Россией, к Турции отошла еще новая армянская область, я со всей решительностью стал действовать, чтобы не допустить новых армянских зверств; необходимо было присоединить достаточное количество немецких солдат к наступавшим турецким войскам. В общем, и здесь был достигнут благоприятный результат. На основании точного изучения всех этих событий, я могу сказать, что Германская империя не несет вины в печальных событиях в Армении и что немецкие католики сделали все, чтобы предотвратить эти зверства.

VII. Святые места в Иерусалиме.

Давно уже святые места в Палестине являются предметом жаркого спора. За церковь *гроба господня* и Вифлиемское святилище боролись латинские католики, греки и армяне; за церковь над гробом Марии в долине Кедрона—католики и армяне, а *coenaculum* (горница Тайной вечери на Сионе) и церковь Вознесения на Масличной горе были во владении мусульман. Когда Турция вступила в войну, в качестве союзника Германии, я, как католик, счел своим естественным долгом использовать это благоприятное политическое положение чтобы вернуть католикам христианские святыни, находящиеся в руках *магометан*. Для избежания вечных столкновений следовало позаботиться далее, чтобы каждое святилище принадлежало одному владельцу. Наконец, я обратил внимание на то, чтобы преобразовать латинский патриархат, который до сих пор был в руках Италии, интернационализировав его таким образом, чтобы отдельные нации по очереди назначали патриарха; то же самое и относительно „кустодии святой земли". Эти хлопоты, начавшиеся вслед за об'явлением войны, вызывались невыносимым современным положением святых мест, буквально раздираемых на части, так как никогда и ни при каких обстоятельствах невозможно было достигнуть об'единения всех заинтересованных групп. Кровавые инциденты у святых мест вопиют к небу против христианства всего мира. К тому же, теперь можно было похоронить главную цель русских—патриархат над восточными церквами, который поддерживался православным греческим духовенством. Так-называемое „братство св. гроба", монашеский орден,

владевший важнейшими святынями, по статуту состоял из одних греков по происхождению. Туземное православное население, говорящее по-арабски, было исключено. Все высшее духовенство и греческий патриах принадлежали к этому братству. Попытка туземных элементов (1908 г.) кровавым восстанием сломить деспотизм этой греческой касты осталась безуспешной. Но русское влияние все возрастало, даже тогда, когда армянским и арабским элементам удавалось заместить патриаршую кафедру в Антиохии одним из своих.

В качестве немца-католика я был особенно заинтересован в удовлетворительном разрешении вопроса о *coenaculum*. 30 октября 1898 года германский император передал соседний участок „Dormitio" „Обществу святой земли" для свободного пользования в интересах немецких католиков. Построенная на императорском участке немецкая церковь Успения (Dormitio), на горе Сионе, отделена пространством всего в три метра от смежного здания тайной вечери. Монументальное ядро этого здания, построенное на древнем фундаменте в XIV ст. в его современном виде, считается местом последней вечери господней, сошествия св. духа и целого ряда других библейских воспоминаний,—а тем самым одной из величайших святынь христианства. До 1530 г. эта святыня была во владении католиков. Теперь это—простая мечеть, которой почти никогда не пользуются и которая является как бы пристройкой к находящейся за нею очень популярной мечети, где мусульмане ошибочно почитают мнимую гробницу Давида, откуда происходит и ее обычное у арабов наименование Неби Дауд... Приобретение „Dormitio", естественно, вызывало желание приобрести и более знаменитую святыню, горницу Тайной вечери... При этом предполагалось с самого начала, что coenaculum, перейдя прямо или косвенно в руки немецких католиков, был бы предоставлен католикам всего мира...

К сожалению, переговоры по этому поводу затянулись. Военная угроза Иерусалиму положила им конец; взятие Иерусалима англичанами сделало не-

возможным урегулирование этого вопроса. По моей просьбе, с Турцией было достигнуто тогда соглашение, согласно которому очищение Иерусалима должно было происходить при таких условиях, „чтобы вокруг Иерусалима не свистели пули и гранаты".

При новом порядке вещей в Палестине весь христианский мир должен настойчиво требовать, чтобы *святые места* были переданы ему в *собственность* в такой форме, при которой в будущем столкновения были бы невозможны. Еще во время войны с разных сторон обращались ко мне с просьбой настоять на урегулировании невозможных отношений в *церкви св. Гроба.* Владельцем является турецкий султан; право пользования ею, наряду с латинскими католиками, принадлежит грекам, армянам и коптам. Предлагали, чтобы султан передал церковь св. гроба в дар германскому и австрийскому императорам, которые, в свою очередь, передали бы ее в собственность святейшему отцу. Сам *Иерусалим* сильно пострадал во время войны. Все католические приюты были закрыты, дети отданы в новый центральный приют с магометанской администрацией, с магометанскими и протестантскими учителями. Опасность продажи с аукциона всех секуляризированных католических домов я предотвратил своими хлопотами перед немецким правительством. И в Вифлееме все католические учреждения были использованы для военных целей.

Гора Кармель, колыбель кармелитского ордена, которая до начала войны находилась под французским протекторатом, подвергалась опасности быть распроданной, как собственность турецкого правительства, хотя все ее владения являются бесспорной собственностью ордена босых кармелитов и, как собственность интернациональная, принадлежат ордену в целом. По моему настоянию, германское посольство в Константинополе получило предписание принять необходимые меры для защиты этой святыни; это было тем настоятельнее, что значительная часть стены, которая, на расстоянии 10 километров окружала вла-

дения кармелитского ордена, была разрушена, и туземцы заявляли притязания на часть монастырской земли и возводили на ней постройки. Турецкое правительство поддерживало туземцев против кармелитов. Чтобы лучше поддержать шаги немецкой дипломатии, туда было послано значительное число немецких кармелитов. Благодаря посредничеству германского посланника, кармелитские учреждения не понесли за время войны никакого ущерба.

VIII. Болгария.

После *Бухарестского мира* Берлин поставил ставку на Румынию, Вена—на Болгарию. Это расхождение в международной политике было бы первоклассным политическим ходом, если бы являлось результатом соглашения центральных держав, но этого как раз и не было. В Вене чувствовали, что Германия относится без достаточного внимания к австро-венгерским интересам на Балканах. Это было одной из причин, почему Германия в июле 1914 г. в сербском вопросе заняла весьма энергичную позицию в союзе с Веной. Для всякого политика, разбирающегося в балканских делах, было ясно, что в войне, где шла борьба за существование Сербии и тем самым за болгарские притязания, Болгария не могла до конца оставаться нейтральной. Ненависть болгар против сербов, уже впутавшихся в войну, и против румын, еще прикрывающихся нейтралитетом, была необычайно сильна; между тем, с Константинополем завязывались дружеские отношения, которые еще более укреплялись со времени последовавшего в 1915 г. территориального обмена у Адрианополя и на Марице. Первые военные успехи немецких армий облегчили подготовительные шаги к союзу между центральными державами и Болгарией. Последний был почти налажен в первые сентябрьские дни 1914 г., когда несчастный поворот на Марне заставил болгар в последний момент отсрочить свою подпись.

Самым верным и надежным сторонником союза с Германией был *царь Фердинанд*. Меня нисколько не

удивляло, что после поражения Австрии в Галиции и затвердения войны на западе, даже дружественный Германии кабинет Радославова занял выжидательное положение. Донесения болгарских политиков, посланные в нейтральные и дружественные столицы, сходились на одном: „выжидать". С германской стороны, при неизменной поддержке Вены, неутомимо работали, чтобы склонить Болгарию к удару против Сербии. Но Антанта также не дремала и делала в Софии соблазнительные предложения, которые, однако, центральные державы могли перебить со спокойной совестью, так как могли игнорировать Сербию. Рана Бухарестского мира 1913 г. и предыдущие несчастные события мучительно давили болгарский народ. Когда поэтому германское верховное командование, в сентябре 1915 г., решило предпринять движение против Сербии, в Софии не пришлось бороться с сильной оппозицией против активного участия Болгарии. Ряд счастливых обстоятельств дал мне возможность в течение всей войны получать самые надежные донесения о болгарских делах.

Болгарская мобилизация в конце сентября 1915 г. прошла довольно гладко. Под'ема в войсках, правда, не было. Люди переживали большой страх перед грядущими событиями и опасались осложнений со стороны греков и румын.

До неприятных инцидентов дело, однакоже, не дошло. Многочисленные руссофильские круги держались осторожно. Когда в те дни вождь демократов Малинов был принят царем, распространился ложный слух, что царь желает вступления Малинова в кабинет. Антанта развивала в это время чудовищную агитацию; для этой цели был создан ряд новых газет. Английское посольство оффициально предупредило о десанте в Салониках армии Антанты. Опасность гражданской войны стояла у дверей, особенно при угрожавшем русском походе через Румынию. Твердость правительства сумела предотвратить инцидент. Непосредственно перед началом столкновения, когда Антанта увидела, что потеряла свою игру, она ограничилась тем, что

сеяла страх перед грядущей силой Германии и немецкой эксплоатацией Болгарии; эти слухи имели успех особенно среди демократов. Неожиданно удачное развитие военных операций в Сербии вызвало во всей Болгарии, как и в центральных державах, живую радость. С проведением балканской дороги, отношения между Германией и Болгарией улучшались с каждым месяцем. Большие заслуги в улучшении этих отношений стяжали наш посланник граф Оберндорф и военный уполномоченный фон-Массов. Во время моего четырехдневного пребывания в Софии с 10 по 14 февраля 1916 г., я из многочисленных бесед вынес цельное впечатление, что Германия имеет в настоящее время в Болгарии необыкновенно горячего союзника, который решил сохранить и в будущем верную дружбу с нами. Министерсво Радославова, которое располагает в парламенте ничтожным большинством, в своей иностранной политике поддерживается теперь почти всеми партиями. Лишь ничтожная часть верна и поныне руссофильскому направлению... Часто выражалось пожелание, чтобы Германия сделала все для окончательного обессиления в стране руссофильских стремлений. Все министры и депутаты в разговоре со мною пламенно отстаивали национальные военные цели Болгарии. Тогда на первом месте стояло желание приобрести Кавалу. Повсеместно прорывалась сильная ненависть к Румынии. Румыны были для болгарского народа ненавистнее греков и сербов, вместе взятых: храбрый болгарин видит в них трусов. Болгарские офицеры рассказывали мне, что, во время известной „военной прогулки“ румын во вторую балканскую войну, часто целые батальоны их обращались в бегство перед десятком болгар.

Для укрепления немецко-балгарских отношений было необходимо издание хорошей немецкой газеты в Софии, восстановление консульства в Рущуке, а также поездка болгарских депутатов в Германию. Я тотчас принялся осуществлять последнюю идею и договариваться о подробностях поездки. Я придавал большое

значение тому, чтобы в Германию прибыли члены *всех* партий, как представители „собрания", но эта мысль натолкнулась на партийные трудности. Министр-президент Радославов отвечал: „если оппозиция поедет в Берлин, мои люди останутся дома". С македонской стороны меня просили об открытии Македонского дома в Берлине, чтобы дать возможность значительному числу македонцев получить образование за границей.

Верные друзья союза уже тогда обещали мое внимание на *угрожающие тучи*: во-первых, на выступления многих немецких офицеров, недостаточно считавшихся с болгарскими настроениями, и на шумное заявление о будущих германо-болгарских торговых отношениях. Как раз в последней области в течение месяцев делалось не мало ошибок... Несомненным плодом моего пребывания в Болгарии была вскоре затем состоявшаяся поездка влиятельных болгарских депутатов правительственного большинства в Германию в начале июня 1916 г. Прием, оказанный болгарским депутатам в разных немецких городах, произвел глубокое впечатление на общественное мнение болгар. До сих пор все еще представляли себе холодных, сдержанных немцев. Болгары ехали в Германию не без легкого страха, что они не сумеют приспособиться к тамошней атмосфере: „В природе политического мышления софийцев—представлять себе Болгарию в роли маленького государства, опекаемого великой державой, то с помощью любви, то гнева, смотря по ходу дел. Это—русская школа. Болгария видела теперь, что Германия относится к ней, как к полноправному союзнику, с подобающей честью, и это подействовало сперва ошеломляюще, а затем подняло национальную гордость, и целыми днями речи вращались вокруг темы о прекрасном будущем Болгарии". Так закончилось это осуществление после многих затруднений предприятия, с огромным пропагандистским успехом.

Последовавший вскоре затем *ответный визит* делегации буржуазных фракций рейхстага (социал-демократы отказались участвовать в нем) превратился в

триумфальное шествие по прекрасной балканской земле под лучами горячего солнца востока. И оппозиция против правительства Радославова, с вождями которой я много и долго беседовал во время моего пребывания в Софии, вела себя вполне корректно. Приветственные статьи оппозиционной прессы звучали почти так же сердечно, как и правительственные. При встрече членов рейхстага на вокзале произошел маленький инцидент, следствием которого, к сожалению, было то, что оппозиция, вопреки своим намерениям, уклонилась от участия во всей оффициальной программе. Почти все депутаты оппозиционных демократических партий явились для встречи в парадных костюмах, во главе со своим вождем, бывшим министром-президентом Малиновым, после того, как им было обещано, что Малинов будет представлен членам рейхстага. Однако же, обещания этого не исполнили; поэтому оппозиция не участвовала в правительственных торжествах, но при всех нейтральных празднествах, напр., у македонцев, у журналистов, оппозиция являлась в чрезвычайно большем числе и старалась, где только возможно, завязывать разговоры с немецкими гостями. Этот визит оказал большое политическое влияние, так как все ответственные партии Болгарии заявили себя открыто и торжественно сторонниками союза. Царь Фердинанд принимал несколько раз депутатов и обменялся со мною меткими замечаниями об отдельных парламентариях. Он был весьма разочарован „некоронованным королем Пруссии", бывшим вождем консерваторов, Гейдебрандом, особенно, когда последний заявил царю, что Германия после войны в конце концов снова должна будет дружить с Россией. Этот холодный душ едва ли может быть назван искусным дипломатическим шагом.

Насколько благоприятно развивалась внешняя политика Болгарии для союза, настолько неудовлетворительно было ее *внутреннее положение*, так как, особенно начиная с середины 1916 г., все резче проявлялась вражда между демократическим верховным командованием и либеральным правительством. Демократиче-

ская партия, во главе с Малиновым, стремилась стать у власти. Лишь благодаря посредничеству царя, конфликт не принял резких форм. Внутренний конфликт отступил отчасти на задний план, когда в августе Румыния об'явила войну Австро-Венгрии. Считали очевидным, что Румыния окажется в состоянии войны и с Болгарией. В военных кругах выражали по этому поводу честную радость. Напротив, парламентская оппозиция готовилась к новому натиску; она пугала движением румын через Добруджу и об'явлением войны со стороны греков, и тем самым во всех умах оживила тяжелое воспоминание о катастрофе 1912 г.; несчастие, по их мнению, могло бы быть предотвращено только сепаратным миром Болгарии с Россией. „Чрезвычайно сдержанное отношение правительства в эти три дня кризиса производило все более удручающее впечатление. В обществе дело доходило до возбужденных дискурсий, почти до уличных сцен, и никто не мог сказать с определенностью о том, каковы решения правительства. На третий день кризиса, даже в кругу друзей Радославова начали считаться с возможностью сепаратного мира, так как министр-президент своим единомышленникам на их вопрос не дал ясного ответа, а, напротив, намекнул на возможность соглашения с Антантой. С другой стороны, в софийском румынском посольстве демонстративно высказывали самоуверенность, повидимому, имеющую свои основания". Все почувствовали освобождение от страшной тяжести, когда через три дня была об'явлена война Румынии. Эти дни колебаний были хорошо использованы оппозиционными партиями болгарского парламента. Гешовцы, руссофильствующие демократы и бо́льшая часть аграриев высказались за заключение сепаратнаго мира. За об'явление войны стояли, между прочим, социалисты, хотя они защищали свою точку зрения лишь в частных разговорах, а неоффициально. Демократы в своем большинстве решили, что их вождь Малинов должен рекомендовать королю созыв военного совета для обсуждения политического и военного положения. Король, однакоже, отка-

зался принять Малинова, который был известен своей руссофильской точкой зрения:

„Решающим фактором в этом кризисе был только царь. Несомненно, что он, поставленный перед новой ситуацией, не колебался ни минуты исполнить свой союзнический долг, в этом своем убеждении был поддержан генералиссимусом Жековым. Если же царь оттягивал в течение нескольких дней об'явление войны Румынии, то этот маневр имел определенную цель: с одной стороны, получить известные военно-политические гарантии от центральных держав, с другой—обнаружить Румынию и Антанту. Радославов в этом случае является ни чем иным, как орудием царя. Он превосходно сумел до последнего момента скрыть истинную позицию Болгарии от румынскаго посла, который передал предложения за болгарский нейтралитет не только правительству, но и главе кабинета царя; он заставил его верить, что соглашение вероятно... Об'явление войны Румынии во всех слоях народа, как в столице, так и в провинции, было встречено с большим удовлетворением."

За этими беспокойными днями последовел долгий период затишья. Даже задорная оппозиция молчала. Ясным симптомом абсолютной безопасности положения было длительное отсутствие царя.

Но уже *в начале 1917 г.* проявилась общая *потребность в мире.* Экономическое положение страны ухудшалось с каждым месяцем, дороговизна увеличивалась. С растущей дороговизной оппозиция снова становилась заметнее. К этому прибавились другие факторы: Царит роковой раздор между правительством и главной квартирой. Нередко доходит до личной перебранки между министрами и генералами, и это является частой причиной временных кризисов, которые до сих пор еще удавалось „ликвидировать". Правительство и близкие к нему круги приветствовали переворот в России, ожидая от него скорого конца войны, между тем как руссофильские круги думали, что в будущем скорее сумеют столковаться с демократической Россией. Обострение политического кризиса было задержано во второй половине 1917 г. приездом германского императора; и оппозиция участвовала в торжествах. Отставка министра продовольствия Протогерова одно время казалась

тревожной угрозой. До конца 1917 г. можно было говорить о непоколебимо твердом союзе, но мирные переговоры в Бухаресте нанесли ему смертельный удар; они привели и к падению германофильского кабинета Радославова. Причина заключалась в вопросе о Добрудже.

В союзном договоре между Германией и Болгарией последней было обещано возвращение *южной Добруджи*, отданной по Бухарестскому миру. С удачным течением военных операций болгарские притязания возрастали. Германский император, без согласия имперского правительства, обещал болгарскому министру-президенту всю Добруджу. Радославов опирался на это в публичном заседании палаты, но поведение немецких генералов при бухарестских переговорах не оправдало болгарских ожиданий. Искусная агитация так направляла общественное мнение страны, как будто обладание Добруджей означало—„быть или не быть"—для Болгарии. Положение сделалось чрезвычайно опасным. Если Радославову не удастся получить Добруджу, он должен будет уйти в отставку. Его преемником мог быть только вождь демократов Малинов. Вопрос о Добрудже сделался вопросом о союзе. Мои болгарские друзья писали мне отчаянные письма из Софии и Бухареста, где некоторые из них присутствовали при мирных переговорах. Я выступил в рейхстаге за справедливые болгарские притязания и потребовал, чтобы Германия не ставила снова ставки на Румынию. Многочисленные изъявления благодарности из всех болгарских кругов осветили союзную верность. Одновременно мне выразили пожелание, чтобы я на короткий срок приехал в Софию, но я не мог этого исполнить. Положение еще обострялось тем обстоятельством, что турецкие делегаты требовали возвращения добровольно сделанных в 1915 г. пограничных уступок. В начале апреля 1918 г. мне сообщили о растущем антигерманском настроении, и царь жаловался на то, что, он, несмотря на свою союзную верность, получает „один пинок за другим" за то, что он

попел вместе с Германией. Самым тяжелым был Бухарестский мир. Падение кабинета Радославова и замена его демократом Малиновым были последствием Бухарестского мира. Тем самым, как я сказал берлинским властям, *трещина в четверном союзе* обнаружилась для всего мира. Оффициальные круги старались успокоить Германию указанием на дружественный нам обмен телеграммами и подобные заявления нового министра-президента. Я не дал обмануть себя, так как подобные формальности были неизбежны. Новые министры вскоре уже не делали тайны из своих политических убеждений; они открыто говорили о возможности новой ориентации, даже о необходимости сепаратного мира и мотивировали это тем, что Германия ни в военном, ни в политическом отношении не может долго держаться. Царь, с своей стороны, до конца остался верным союзу и запечатлел свою верность отречением. Переговоры с Антантой велись без его ведома и отчасти его политическими врагами. Неожиданным этот оборот вещей не мог быть для немецкого правительства и верховного командования. Их достаточно предостерегали в свое время из Софии, даже форменно бомбардировали предостережениями. Как я часто говорил в политических кругах Берлина во время войны, оставление салоникской пробки было несчастьем для центральных держав. Мне не верили, пока оно не пришло.

Во время моего февральского пребывания (1916 г.) в Софии многие из болгар говорили со мною о возможности унии *болгарской церкви с Римом.* Эта идея не была неожиданной. Эпоху своего блестящего культурного расцвета, своего величайшего территориального роста, когда Болгария была самым могущественным политическим фактором, она пережила в единении с Римом. Воспоминание об этом осталось столь живо, что во дни бедствий, которые принес 1913 г., ее взоры снова обратились к Риму. Тогда идея унии настолько окрепла, что экзарх под русским давлением счел себя вынужденным составить против

нее окружное послание. Конечно, эти движения к Риму коренились более в политических соображениях, чем в признании культурных и религиозных недостатков православия, и исчезали, как не раз бывало, с переменой политического положения. Понятно, что правительство Радославова относилось не без симпатии к подобным планам, зная, что от России можно было всего опасаться, а церковная уния с Римом уничтожила бы главный канал русского влияния; оно могло рассматривать унию, как последствие германско-болгарского союза. И король, который при мне назвал делом своей жизни „ориентацию Болгарии на Запад", относился чрезвычайно благосклонно к этому, столь близкому ему, вопросу. Профессор Бастген, который, сначала ради научных занятий, а потом в качестве военного священника, жил в Софии, имел в своей профессиональной работе много случаев завязать тесные отношения, как с католическим епископатом, так и с униатскими и православными епископами, духовными и мирянами... Последовали и внешние шаги в этом направлении. Ряд латинских болгарских священников отправились в Германию для пополнения своего образования; за ними следовали студенты теологии. Сам царь, впервые после долгих лет, принял участие в процессии тела господня в Софии. Православную румынскую церковь, после начала войны с Румынией, отдали католикам. Министр-президент Малинов отменил этот акт—красноречивое свидетельство о принципиальной перемене политики. Сближению с Западом служило и введение Григорианского календаря с 1-го апреля 1916 г., но синод держался юлианского календаря и праздновал праздники по старому стилю. Правительство уступило и снова установило гражданские праздничные дни по православному календарю...

В июне 1916 г. болгарский царь уполномочил меня передать папе свое настоятельное пожелание установить дипломатические отношения между Софией и Римом...

Вслед за этим должен быть заключен с Римом конкордат по примеру Сербии. Царевич Борис, при вступлении в Ниш, нашел среди актов бежавшего сербского правительства конкордат, заключенный между Сербией и Римом непосредственно перед началом войны... Рим придавал этому вопросу большое значение и передал его на рассмотрение конгрегации кардиналов, которая решила, что дипломатические сношения можно установить только по окончании войны...

Долголетняя общая работа с болгарским народом в суровой военной грозе принесет и для будущего добрые плоды.

IX. Румыния.

В августовские дни 1914 г. военная конвенция между германским императором и королем Карлом была признана недействительной со стороны румынского кабинета. Родственные отношения между династиями не имеют значения в случае серьезных национальных конфликтов; не было оценено даже то обстоятельство, что после Бухарестского мира Германия открыто высказалась за Румынию. Король Карл, думавший после этой неудачи отречься от престола, внезапно умер от разрыва сердца. Его преемник, король Фердинанд, не обладал достаточным авторитетом, чтобы приобрести решительное влияние на политику своей страны; думаю, что он и не делал попытки к этому. Королева пользовалась гораздо большим политическим влиянием, но, несмотря на примесь германской крови, она явно всеми своими симпатиями стояла на стороне Антанты. В Берлине, правда, думали иначе.

Пока сербский заслон не был прорван черногорцами, Румыния являлась *ключом к Востоку*. Ее позиция имела крупное значение для обороны Дарданелл, а следовательно, для более или менее скорого окончания мировой войны. Румыния спокойно допускала провоз оружия вверх по Дунаю в Сербию, но воспрещала в Турцию. Вывозу хлеба и керосина из Румынии также ставились почти непреодолимые препятствия. Пришлось бы написать захватывающий политический роман, чтобы рассказать о всех стараниях изменить эту политику или удовлетворить интересы Германии другим путем. При этом румынские политики так же, как и римские, заявляли мне, что они

ничего не имеют против Германии и должны открыто признать, что своим культурным и хозяйственным под'емом Румыния весьма много обязана Германии: без немецкой помощи страна, вообще, не могла бы так сильно подняться за последние десятилетия; но Австро-Венгрия делает дружественные отношения к центральным державам совершенно невозможными. Отношение к живущим в Австро-Венгрии румынам—просто скандал, и грубая националистическая политика графа Тиссы сделала весь румынский народ врагом центральных держав. По венгерскому избирательному закону, румыны в Семиградии должны были иметь, по меньшей мере, 70 депутатских мандатов; но избирательная геометрия и другие произвольные мероприятия свели это число к 5 или 7, так что румыны даже не в состоянии образовать в Будапеште свою собственную фракцию. Политические преследования румынских вождей в Семиградии, особенно выносимые им смертные приговоры, все время разжигают национальные страсти. Я сам не раз имел случай встречаться с румынскими депутатами в Вене и в других местах и получил представление о венгерской политике по отношению к не-мадьярам; два миллиона немцев, живших в Венгрии, высказывали точно такие же жалобы.

В международном отношении тактика Румынии в мировой войне долго зависела от того, какую позицию займет Италия. Перед от'ездом из Рима меня уверяли в весьма осведомленных кругах, что хотя дело не дошло до договора, но между обеими странами существует нечто в роде молчаливого соглашения о совместном выступлении. В известном смысле интересы обеих стран параллельны друг другу, поскольку обе имели территориальные претензии к Австро-Венгрии. Политический мотив, заставлявший венгерского министра-президента графа Тиссу так долго и упрямо противиться уступке Трентино (хотя он, как чистокровный мадьяр, мог только приветствовать умаление Австрии), состоял в том, что при такой уступ-

чивости он опасался усиления претензий румын в Семиградье. Он откровенно сознался мне в этом в июне 1915 г. и вздохнул с заметным облегчением, когда, с об'явлением Италией войны, вопрос о политических переговорах был покончен. В руководящих политических кругах Германии побаивались, что вслед за Италией и Румыния вступит в войну. Если бы в те недели победоносный прорыв у Горлицы, отступление русских и наше продвижение не произвели сильного военного давления на Бухарест, то, по моему глубокому убеждению, Румыния именно тогда выступила бы против центральных держав. Но так мы все-таки выигрывали время.

Непосредственно перед моим от'ездом из Рима, меня просили весьма осведомленные лица употребить все силы, чтобы Румыния не перешла на сторону Антанты. В этом смысле я использовал мое *путешествие в Вену и Будапешт* в июне 1915 г. Я имел обстоятельный разговор с тогдашним министром иностранных дел, чтобы выяснить ему на примере римского опыта, что теперь, во что бы то ни стало, необходимо помешать повторению той же трагедии в Бухаресте. Дунайской монархии, освобожденной в настоящее время от необходимости политических жертв в Трентино, тем легче сделать некоторые уступки в пользу Румынии; дело едва ли идет о территориальных уступках, если не говорить о двух южных румынских округах Буковины, а только о том, чтобы венгры удовлетворили справедливые национальные требования румын. Барон Буриан, который считался венским застрельщиком графа Тиссы, резко отклонил от своего имени всякую предупредительность по отношению к Румынии и заявил, что малоценная румынская армия скоро будет нашими солдатами разбита на голову, на что я ему ответил, что он находится в заблуждении, полагая, будто германская кровь будет и дальше проливаться за ошибки австро-венгерской политики. В конце концов, барон Буриан заявил, что в этом вопросе решающее слово принадлежит венгерскому министру-

президенту *графу Тиссе*. На следующий день я явился к нему, но у него я встретил еще меньше понимания, так как он не желал даже признать справедливости румынских жалоб. Он считал, что все в порядке: живущие в Венгрии румыны находятся в несравненно лучших культурных условиях, чем в королевстве Румынии, и только немногие горячие политические головы вызывают беспорядки в столь спокойном, вообще, населении; ни одна страна не ведет такой справедливой национальной политики, как Венгрия. Затем следовали очень резкие выпады против некоторых, мне лично знакомых, румынских вождей, которые к тому же занимали чрезвычайно умеренную позицию. Граф Тисса отклонил всякие переговоры с Румынией о расширении прав венгерских румын. Я об'яснил ему, что Германия не имеет намерения договариваться об этом с Бухарестом, но Венгрия сама должна проявить некоторую предупредительность, которая подействует успокоительно на Румынию и вызовет удовлетворение в пограничных семиградских округах. Но и об этом граф Тисса не желал слышать, многократно подчеркивая, что нет никаких поводов к справедливым жалобам. Все-таки он обещал сделать некоторые облегчения румынам. Совсем другие ноты я слышал от влиятельных румынских семиградских депутатов в Бухаресте и в Вене. Их идейный вождь стоял со всей энергией за сохранение двуединой монархии; он желал перестройства ее, согласно плану убитого эрцгерцога, на федеративных началах, близких к конституции Германской империи.

Широкие круги немецкой Австрии, а именно христианские социалисты, стояли на той же точке зрения. Из этого также следовало, что пожелания венгерских румын, в общем, находили благосклонный прием в Вене. В Будапеште же, напротив, делали слишком мало,—предоставляли события своему течению.

Это политическое dolce far niente входило, как нельзя лучше, в *расчеты румынского правительства*, которое оставалось глухим ко всем требованиям бла-

гожелательного нейтралитета. Центральные державы дали понять в Бухаресте, что Румыния может добиться земельных уступок в Буковине, обещания Бессарабии, необходимых денежных средств и национальных уступок для венгерских румын. Уже около Троицы 1915 г. германский посол в Бухаресте получил определенное предложение формулировать требования Румынии. Несколько недель он тщетно добивался аудиенции у короля и, когда он получил ее, его направили по этому делу к министру-президенту. Последний, однакоже, уклонился от ясного ответа.

На обратном пути из Константинополя и Софии я остановился на несколько дней в *Бухаресте* (18—20 февраля 1916 г.). В Болгарии я вынес впечатление о сильной антипатии и ненависти болгар к Румынии. Тамошние влиятельные круги прямо жаждали войны с Румынией. Командующий первой болгарской армией, которого я застал в Рущуке, заявил мне, что он с мучительным нетерпением ожидает сигнала к войне; болгарская пехота, с прикрытием и поддержкой германской артиллерии, по его мнению, непобедима. Болгарские политики и болгарские послы в Константинополе и Бухаресте выразили мне свое убеждение, что Румыния останется *нейтральной до конца войны*, если ее исход будет сомнительным, как до сих пор; она станет в последний момент на сторону центральных держав, если их блестящая победа станет несомненной для всего мира; но она выступит против них, если они испытают серьезную, хотя бы и временную, военную неудачу. При этом болгары предполагали, что Румыния выступит прежде всего не против Австро-Венгрии, но против Болгарии. Мое пребывание в Бухаресте вскоре привело меня к убеждению, что болгарский взгляд в общем правилен, но с одной небольшой поправкой; Румыния ни при каких условиях не пойдет добровольно с центральными державами. Во всех политических кругах Румынии, где я имел случай беседовать, на первый план выступал страх, что Германия при дальнейшем благоприятном военном по-

ложении может потребовать от Румынии какого-нибудь политического решения. Все уступки в экономической области были продиктованы только этим страхом и проистекали из идеи—делать Германии некоторое время экономические уступки, чтобы она не выступила с политическим требованием окончательного самоопределения Румынии...

В этом моем убеждении весьма утвердила меня почти двухчасовая беседа, которую я имел с *королем Фердинандом румынским*. Я убедился при этом, что король по собственному почину и собственной воле не сделает ни одного важного политического шага, что он лично всего охотнее до конца поддерживал бы нейтралитет, но что он не в состоянии сам произвести смену кабинета или задержать об'явление войны против центральных держав. Король, как он мне подчеркивал неоднократно, имел, конечно, добрую волю сделать в пользу центральных держав все, что может сделать король Румынии, но горько жаловался на то, что из Берлина своевременно не повлияли на Вену в целях урегулирования румынского вопроса в Венгрии: тогда, при начале войны, мог бы осуществиться союз между центральными державами и Румынией. Король Карл не раз настаивал на этом, но в Берлине и Вене слишком боялись венгерского упрямства; его дядя, покойный король, часто жаловался ему на это. Он, король Фердинанд, не требует никаких территориальных уступок от Австро-Венгрии; его единственное желание—„чтобы с румынами в Венгрии обращались так же, как с чехами в Австрии". Я указал на хлопоты Берлина и мои собственные в мае и июне 1915 г. и выразил мнение, что министр-президент Братиано вообще не думает о соглашении между Бухарестом и Веной; то, что было тогда сделано, это—только первый шаг; поведение румынского кабинета вызвало в Берлине и удивление, и недовольство. Король возразил на это, что Германия во время войны работала в Румынии неудачно и неискусно; он имел в виду, между прочим, посылку в Бухарест некоторых лиц, которых

он назвал „немецкими невежами и нахалами“; он знает, что к Братиано в Берлине относятся с предубеждением и антипатией, но не в состоянии произвести смену кабинета; так как либералы имеют бесспорное большинство в парламенте и стране.

Если румынское правительство примет решение, идущее в разрез с интересами страны, то всякий румынский министр укажет на короля, как на виновника несчастья; в этом нет разницы между Братиано и Майореску. Для Румынии пока невозможно вступить в войну ни с Германией, ни с Россией; Румыния—маленькая страна и рискует в войне своим существованием, в то время как Германия—лишь несколькими провинциями. В дальнейшем ходе разговора я указал на то, что для Германии чрезвычайно важно добиться ясности в политических целях Румынии, так как начало дальнейших военных операций, например, продвижение в Украину, зависит от позиции Румынии. Сам собою поэтому возникает вопрос, пойдет ли Румыния с центральными державами, если Германия двинется на Киев. Король пока не мог обещать и этого; если же германские и австрийские армии будут стоять в Бессарабии, а Румынии будет предложено управление занятой областью, то, по его словам, с ее стороны отказа не будет. На мое замечание, что Румыния может попасть в неприятное положение, если русские войска вторгнутся в страну, король заметил: „тогда будем стрелять!“ Я выразил живейшее сомнение, не слишком ли поздно будет тогда стрелять; по крайней мере, необходимы предварительные меры. Одной из таких мер я считал определенное заявление правительства в палате, что Румыния сохранит до конца войны благожелательный нейтралитет по отношению к центральным державам и даст необходимые гарантии этого: уберет румынские войска с болгарской границы и передвинет их против русского фронта. Король опасался, что в результате такого заявления последует усиленное давление Антанты, которое может повести к шагам, направленным против центральных держав. Он сказал:

„Многочисленные круги в Румынии не убеждены в победе центральных держав и считаются с победой Антанты. В Германии часто недооценивают экономическую силу Антанты. Курс стерлингов не поколеблен за границей сравнительно с курсом марки". Из этого и других замечаний короля я мог заключить и о его личном убеждении в том, что Англия не может быть сломлена...

Полгода спустя, Румыния об'явила войну центральным державам. Министр-призидент Братиано мастерски играл двойную игру. Русским он говорил, что война против Австро-Венгрии для Румынии является меньшим риском, так как, при разрушении двуединой монархии, нечего опасаться реванша, между тем как, отняв Бессарабию, они сделают Россию своим вечным врагом. Германии заявлялось, что нельзя ставить на карту существование всей страны. Антанта работала во всю; грандиозным подкупом была закупка румынского хлеба Англией, которой Румыния дала при этом формальное обещание начать войну не позднее 15 августа 1916 г. В мае король велел мне передать через доверенное лицо, что отношение к Германии попрежнему останется корректным. В начале июля ко мне поступили в высшей степени тревожные известия, которые я тотчас передал верховному главнокомандующему.

Уже 14 августа из абсолютно достоверных источников мне сообщили по поводу одной беседы с королем, „что общее положение вступило в критический фазис". Настроение в самом Бухаресте было явно на стороне Антанты уже во время моего пребывания там. Большой успех имела одна опереточная артистка со своей ежедневной песенкой:

Филипеску—здесь пахнет рубликом.
Таке Ионеску—здесь пахнет франками.
Маргиломан—здесь пахнет маркой!"

Публика аплодировала первым двум строчкам, при последней шумела и свистала. Эта маленькая сценка из театральной жизни верно отражала общественное мнение.

X. В Вене.

Первые годы войны я почти каждый месяц ездил в Вену для бесед с политиками, парламентариями, министрами и церковными кругами. Все немцы старались заподозрить мои поездки и представить мою деятельность в Вене вредной для интересов Германии. Доказательств для этих подозрений не только не приводили, но и не пытались приводить. Свои разносторонние связи в Австро-Венгрии я всегда использовал лишь в германских интересах и для укрепления союзной идеи, но при этом никогда не забывал, что Австро-Венгрия — не национальное государство, а „конгломерат", как выразился один австрийский аристократ, и должна повсюду считаться с бесконечными трудностями. Темп и длительность коалиционной войны, как я всегда подчеркивал, должны бы соразмеряться с силами и выносливостью не одной Германской империи, но также и с силами союзников. Многие немецкие генералы и близорукие политики решительно не желали этого понимать. По моим наблюдениям, „дряблых австрийцев" в офицерских казино и других местах ругали больше, чем всех наших врагов, вместе взятых. Понимание национальной психологии чуждо этим кругам; они привыкли смотреть на весь мир через пушечное дуло, отчего само собою проистекает узость политического кругозора. Когда я об'яснял военным и политикам природные трудности Дунайской монархии, меня не только не хотели понять, но и не стыдились называть эти естественные соображения „австрийским взглядом на вещи".

Одушевление, которое в начале войны царило, как в Вене, так и особенно в Будапеште, удержалось недолго; прусское давление вскоре создало удушливую атмосферу тихой *резиньяции*. Бесконечно много ошибок было сделано и бестактности были в порядке дня.

И самый горячий защитник германской дипломатии не станет утверждать, что Германия во время войны была *дипломатически* удачно представлена в Вене: особенно последнему германскому посланнику, графу Веделю, решительно не удавалось завязать дружественные отношения с влиятельными кругами. При самом дворе господствовало явное отвращение к нему и к его деятельности, главным образом, по той причине, что германское посольство все более превращалось в форпост протестантизма, чтобы не сказать евангелического союза, на что при католическом дворе смотрели с возрастающим неудовольствием. Почти при каждом визите мне жаловались на это.

В Вене я нашел самых теплых и верных друзей союзной идеи в рядах *христианско-социальной партии*, хотя там никогда не упускали из виду, что население австрийских государств в своем большинстве состоит не из немцев: неоднократно в критические минуты христианско-социальные политики, по моим указаниям, оказывали решающее влияние на правительство в пользу германских требований. Я укажу только на вопрос о мирном соглашении с Италией и Румынией. С этой могущественной партией германское посольство не поддерживало никаких сношений, вероятно, потому, что она была „клерикальной". Огромный капитал для укрепления союзной идеи оставался неиспользованным.

Мои сношения с домом Парма-Бурбон протекали преимущественно не в политической области, а в работе для общих католических интересов. Утверждение, будто бы Пармский дом поддерживал или вел политику, направленную против союза—явная неправда. Политическое влияние принцесс из Пармского дома

сильно преувеличено... Напротив, в царствование императора Франца-Иосифа влиятельные круги обнаруживали враждебное настроение не только против Пармского дома, но и против тогдашнего наследника, Карла. Наследник умышленно держался вдали от Вены и тем самым от политики. С ним не говорили о политических событиях, его вообще не посвящали в дела. Дошло до того, что наследник не смел даже приехать в Вену на крещение своего ребенка. Неверно также и то, что при новом государе произошла решительная перемена и что император подчинялся политическому влиянию своей супруги *Циты, принцессы Пармской*. Пармский дом уже много лет отличался своей искренней и бросающейся в глаза набожностью, которая руководилась одинаковыми принципами в частной и общественной жизни. Когда покойный герцог Пармский стал во главе *антидуэльной* лиги, то венский гарнизон об'явил молчаливый бойкот его дочерям. На балах и других торжествах дамы Пармского дома сидели без кавалеров. Когда одна из его дочерей вступила на австрийский престол, можно себе представить, какие это вызвало настроения.

Одни называли *императрицу Циту* „итальянкой“; она будто бы говорит только по-итальянски, думает по-итальянски и стремится снова создать герцогство Пармское для одного из своих братьев; другие говорили, что она особенно враждебно относится к Германии и почти не говорит по-немецки. Все это—детские сказки. Бывшая австрийская императрица — добрая немецкая женщина. Она воспитывалась в баварском пансионе с буржуазными и дворянскими детьми; она всегда доказывала полное понимание немецких интересов и была горячей сторонницей союза с Берлином... В политику по собственной инициативе, она, по моим наблюдениям, никогда не вмешивалась. Утверждение, что ее братья сражались в бельгийской армии, неверно, по крайней мере, для первых лет войны. Вслед за об'явлением войны, все способные носить оружие члены Пармского дома предоставили себя в распоря-

жение императора, но последний отклонил их предложение, мотивируя это отсутствием уверенности в том, что Австрия не вступит войну и с Италией; а так как Пармский дом все еще имеет владения в Италии, то может возникнуть тяжелый моральный конфликт. Молодые принцы не пожелали оставаться в бездействии и обратились поэтому к женевскому комитету Красного Креста. Оттуда их отправили в бельгийский отряд Красного Креста. Младшие члены дома, по смерти старого императора, вступили в австрийскую армию. Один из принцев, с опасностью для собственной жизни, спас императора Карла во время несчастного инцидента на Изонцо.

Австрийское сепаратное предложение мира весною 1917 г. вместе с письмом императора Карла к его зятю *Сиксту Пармскому* сделалось мне известным, как и всем, лишь после опубликования его Клемансо весною 1918 г. Правда, весною 1917 г. мне с разных сторон сообщали из Вены, что там существует большая склонность к заключению сепаратного мира и что с нею нужно считаться... Со вступления на престол молодого императора, его стремлением было купить мир для своего народа, хотя бы ценою жертв. В политических кругах Вены, в противоположность Берлину, придерживались взгляда, что эти жертвы должна нести не *одна Вена, но и Берлин*. Уже весною 1915 г. министр Буриан сказал мне, что для него непонятно, почему из Берлина оказывают особое давление на Вену в целях уступки Италии Трентино; если бы Германия отдала французам Эльзас-Лотарингию, то можно было бы заключить всеобщий мир в несколько дней; австрийцам Трентино так же дорого, как немцам—Эльзас-Лотарингия. Эти идеи в австрийской дипломатии были весьма распространены с начала войны. Император Карл шел по этому пути, когда он письмом в Париж предлагал свою помощь в деле заключения мира с уступкой Эльзас-Лотарингии. Впрочем, эта позиция Вены не осталась неизвестной в Берлине; как граф Чернин, так и император Карл

весною 1917 г. при своем посещении германской главной квартиры, открыто настаивали на том, что Германия должна отказаться от Эльзас-Лотарингии. Однако, они натолкнулись на резкий отказ. Вся история сепаратного предложения мира, которая мне известна во всех подробностях, не может быть еще написана исчерпывающим образом. Но неверно утверждение, что австрийский министр иностранных дел граф Чернин не был с самого начала осведомлен обо всем. Я знаю определенно, что император Карл не предпринимал этих важных шагов без соглашения с ответственным министром иностранных дел. Все противные утверждения неверны, по моим сведениям. Нисколько не меняет дела и то, что вынужденное угрозой самоубийства оффициальное об'яснение Вены распространяло другую версию. Молодой император взял на себя тогда добровольно чужую вину.

Граф Чернин был убежденным сторонником союзной идеи. Он часто заявлял мне, что, когда он уйдет со своего поста, я должен знать, что это будет сигналом к началу конца германско-австрийского союза. Личные переговоры дополнялись посредничеством одного политического друга, который часто курсировал между Берлином и Веной; этот-то посредник привез мне в начале июля ряд важных известий от графа Чернина, и я тогда же информировал его о необходимости мирного заявления рейхстага. Однако, неверно, что я и социал-демократический депутат Зюдекум были побуждены к этому шагу графом Черниным. Разумеется, как я излагал в своей речи в комиссии рейхстага, и австрийские отношения повлияли на этот важный шаг, но толчок к нему не исходил ни от графа Чернина, ни от нашего посредника, ни от самого императора Карла.

Из моих многочисленных посещений Вены наибольшее внимание вызвала поездка 22—23 апреля 1917 г. Тогда в Берлин, как уже сказано выше, поступали определенные известия о *сепаратном мире*, который хочет заключить Австро-Венгрия... За несколько дней

перед тем я был в Стокгольме и вел переговоры с русскими политиками. Когда я доложил о них канцлеру, он, по собственному побуждению, начал говорить о поездке в Вену и просил меня изложить в тамошних кругах и перед императором Карлом немецкую точку зрения о совместной тактике Берлина и Вены. При этом он передал мне содержание последнего доклада графа Чернина императору Карлу от 12 апреля 1917 г. От канцлера я отправился к заведующему политическим отделом Австро-Венгрии, который, с согласия статс-секретаря Циммермана, показал мне этот доклад графа Чернина. Прочтя его, я ужаснулся. Приведу из него только несколько фраз:

„Совершенно ясно, что наша военная сила исчерпана... Я вполне убежден, что новая зимняя кампания совершенно невозможна; другими словами, что в конце лета или осенью нужно заключить мир какою-угодно ценой... Революционная опасность стоит на горизонте всей Европы. Ваше величество знаете, что лук так натянут, что может сломаться каждый день. Я твердо убежден, что сила Германии, как и наши, пришла к концу, чего не отрицают и ответственные политики Берлина... Если монархи центральных держав не сумеют в ближайшие месяцы заключить мир, то народы заключат его через их головы, и тогда волны революции снесут все, за что сегодня сражаются и умирают наши братья и сыны. Об'явление войны Америкой, без сомнения, обострило положение. В Германии возлагают большие надежды на подводную войну; я считаю эти надежды обманчивыми. *Ваше величество поручило мне сказать государственным деятелям союзной Германии, что наши силы исчерпаны и что долее этого лета Германия не может рассчитывать на нас. Я исполнил это повеление*, и германские политики не оставили во мне никаких сомнений в том, что и для Германии новая зимняя кампания немыслима... Ваше величество дали доказательство того, что Вы далеки от эгоизма и не требуете от германских союзников такой жертвы, какую Вы сами не были бы готовы принести. Большего не может требовать никто... Перед Богом и Вашим народом на Вашем величестве лежит священный долг защищать династический принцип и Ваш трон всеми средствами и до последнего

К сожалению, этот доклад не обратил на себя должного внимания в политических сферах Германии, а еще более в военных. Верховное командоване просто

положило его под сукно, а в Берлине делали мелкие политические шаги и хотели произвести впечатление статистикой подводной войны и речами вице-канцлера Гельфериха. В это время я поехал в Вену. В беседе со мною, в воскресенье 22 апреля, граф Чернин сказал, что теперь война, революция и голод обгоняют друг друга; до новой жатвы Австрия еще выдержит. Русский фронт, по его словам, превратился в болото, но формальному заключению мира постарается помешать Англия. Публичных выступлений за мир со стороны центральных держав он пока не желает; поэтому он не позволяет социал-демократам ездить для переговоров в нейтральные страны. Шейдеман в Стокгольме потерпел полное фиаско. Поэтому австрийские социал-демократы не получили туда паспортов, а только до Берлина. Но теперь должен заговорить *католический интернационал*; группа кардиналов должна с'ехаться в Берне. Он думает при этом об Италии, Испании, Германии и Австро-Венгрии. Я возразил, что для меня возможность такой встречи представляется сомнительной и что я считал бы лучшим, если бы святой отец сам выступил в пользу мира. Граф Чернин согласился с этим. Переходя к подводной войне, он выразился весьма пессимистически и изумлялся тому, что из Берлина несколько недель тому назад прислали в Вену адмирала Гольцендорфа для успокоения; пусть никто в Берлине не думает, что можно придавать значение фантастическим планам этого адмирала.

На следующий день я получил *аудиенцию у императора Карла*, который определенно заявил, что через три или четыре месяца центральные державы должны сделать решительный шаг к миру, чтобы осенью заключить его. В мир, вынужденный подводными лодками, он не верит. . . и очень просит избавить его от визитов, вроде адмирала Гольцендорфа. Он твердо проникнут необходимостью сохранить общий фронт против нынешних нападений врагов, но внутренние отношения у центральных держав становятся все труднее. Правда, революции в Австрии не будет; в Австро-Вен-

грии республика невозможна, так как тогда все государство развалится. Династия и католичество являются узами, сдерживающими Австро-Венгрию. Император жаловался на то, что в Германии слишком плохо знают Австро-Венгрию и поэтому часто делают ей незаслуженные упреки и пред'являют невыполнимые требования; это относится и к императору Вильгельму, „одному из его лучших друзей". Последний недавно сказал ему, что Австрия должна „больше германизизировать", но он, император, этого не может, так как большинство его народа состоит из славян, и он не хочет насиловать своих народов. Он возражал тогда германскому императору, что успехи прусской германизации на востоке не импонируют ему. Голод среди его народов велик,—продолжал император Карл;—он боится, что особенно в месяцы, следующие за заключением мира, может произойти катастрофа. Что касается его положения, как монарха, то он чувствует себя насквозь католиком и будет действовать сообразно с этим убеждением всю свою жизнь. Австро-Венгрия является последней великой католической державой. Он хочет быть настоящим католическим государем. Поэтому он полон участия к тяжелому положению папы. Разговор перешел к различным проектам решения римского вопроса...

В берлинских оффициальных кругах были довольны результатами моих переговоров в Вене, но в общеетве распространялись слухи о сепаратном мире со стороны Австрии...

Теперь еще не время обнаруживать, каким образом я получил копию доклада графа Чернина от 12-го апреля 1917 г.; но это произошло вполне корректно. Самук копию я держал в абсолютной тайне от всех... Но я считал себя не только в праве, но и обязанным воспользоваться этим докладом против продолжающейся оппозиции заключению справедливого мира. Я поступил так после принятия мирной резолюции рейхстага на заседании имперского комитета партии центра во Франкфурте на Майне, в конце июля 1918 г. Я

прочел тогда почти весь чернинский доклад, после того как председательствующий в собрании позаботился о том, чтобы во время чтения не делалось никаких заметок... Это—чистое измышление утверждать, что в результате чтения доклада в замкнутом кругу совершенно надежных лиц что-то дошло до ушей Антанты*).

В сентябре 1918 г. император Карл, перед выступлением своего министра иностранных дел, графа Буриана, дал мне знать через посредника, что после военных неудач необходимо, как можно скорее, во что бы то ни стало, заключить мир путем *прямого обращения ко всем воюющим державам* о начале мирных переговоров; и германское верховное командование разделяет эту точку зрения; но политические круги Германии расточают попусту время. Поэтому в интересах своих народов он обязан сделать последний вывод из положения; в ближайшую субботу будет опубликована соответствующая нота графа Буриана; он уже сообщил об этом германскому императору. Я просил императора через своего посредника обождать еще 48 часов, чтобы могли быть предприняты общие шаги Вены и Берлина, которых я безусловно надеялся достигнуть с помощью партии большинства рейхстага. Посредник обещал мне это. Я тотчас отправился в министерство иностранных дел и сообщил там это известие, но натолкнулся на полное непонимание. Мне отвечали, что статс-секретарь фон-Гинце как раз был в Вене и добился того, чтобы граф Буриан не предпринимал односторонних шагов; я могу быть совершенно спокоен. Я настаивал на абсолютной достоверности моего сообщения; к сожалению, оказалось, что я был прав. В субботу, совершенно неожиданно для германского посланника в Вене и иностранного ведомства в Берлине, был сделан Веной сепаратный шаг, которым для всего света обнажилась первая трещина в союзе. Телеграмма германского императора, которая указывала

*) В чем серьезно обвиняли Эрцбергера, особенно в Австрии. *Примеч. переводчика.*

на эти последствия, не могла ничего уже изменить в происшедшем разрыве.

Некоторое время еще представлялась возможность вести *сообща* из Берлина и Вены *переговоры о перемирии и мире.* Мой испытанный посредник был, по моему желанию, в Вене 24-25 октября 1918 г., чтобы представить веские возражения против сепаратного предложения мира со стороны Австро-Венгрии и заключающейся в нем оговорки: „не желая выжидать результатов сторонних переговоров", чем намекалось на обмен нот между Берлином и Вашингтоном. В Вене указывали на то, что в первые дни октября император Карл не был своевременно осведомлен о шагах Берлина перед президентом Вильсоном; положение на австро-венгерском фронте стало совершенно невыносимым. Император заявил: „я не хочу бросать на себя подозрение в неверности или в подражании болгарскому примеру", и прибавил, что *не* может принять только тех условий перемирия, которые открыли бы австрийскую территорию для нападения на Германию с фланга. В этом случае ему ничего больше не останется, как стать во главе еще стойких немецко-австрийских войск и пасть в бою. При этом император велел указать на то, что он уже два года постоянно и настойчиво заявлял Берлину о том, „что близок момент, когда дальнейшее сопротивление для его стороны станет невозможным". Поэтому он требовал переговоров о мире. Последние дни на итальянском фронте целые части отказывались дальше сражаться; целые контингенты без приказа возвращались на родину. Просьба о перемирии сделалась абсолютно необходимой. О своем намерении он телеграфировал германскому императору, на что последний дал неодобрительный, резкий ответ; но все упреки неосновательны, ибо Австрии причинили много тяжелых часов, когда несколько дней спустя, после последней ноты Бурнана к враждебным державам (середина сентября), на которую Вена на могла получить согласие Германии, Берлин без предварительного согласия Австрии оффициально об'явил о принятии 14 пунктов Вильсона;

а принятие 14 пунктов означает полный распад Дунайской монархии; а впрочем, Вена совершенно точно осведомлена, что Антанта будет вести только сепаратные переговоры между Берлином и Веной. Во время переговоров моего уполномоченного, в Вену поступили условия перемирия Антанты. В числе их было предоставление Антанте австрийских железных дорог. Император созвал государственный совет, чтобы принять решение;последний из'явил свое согласие на эти условия.

Антанта в эти дни вела в Вене чрезвычайно искусную дипломатическую игру. Клемансо и Ллойд-Джордж дали знать императору Карлу, что он должен запастись терпением; некоторое время в Дунайской монархии будет царствовать большой хаос, но, в конце концов, дело уладится для него в благоприятном смысле. Особенно против Италии он может всегда рассчитывать на поддержку со стороны Англии. Перемирие в Сен-Жермене вставило ужасную картину в эту рамку.

Из моих частых бесед в Вене я вынес убеждение и теперь еще готов его защищать, что тамошний двор и влиятельные политики были верными сторонниками союза с Германией, но что бедствия собственного народа, к которым в Берлине относились не всегда с полным пониманием, побуждали к шагам, которые глупо раздувались раздраженной прессой в Берлине, как нарушение союзных обязательств—к радости Антанты. Что военное поражение Германии и просьба о перемирии одним ударом разбили и союз, и Дунайскую монархию, это не могло быть ни для кого неожиданным. Для меня, который всегда работал в Вене в интересах Германии, такой конец был особенно горек.

XI. Римский вопрос.

Мировая война в большей мере, чем история последних сорока лет, раскрыла неустойчивость настоящего положения апостольского престола. Католики в центральных державах во время войны были отрезаны от всякого непосредственного общения с их церковным главой. Дипломатические послы центральных держав оставили Рим. Газета святого престола „*Osservatore Romano*“ подвергалась итальянской цензуре и часто выходила с белыми местами...

Письменные сношения через нунциев в Мюнхене и Вене и через переселившихся в Швейцарию дипломатических представителей при Ватикане являлись весьма недостаточной заменой личного общения. Поэтому вполне понятно, что, вскоре после начала войны, при ненадежности окончательной позиции Италии, среди католиков центральных держав, а также среди их правительств сказались сильные стремления добиться удовлетворительного *урегулирования* положения святого престола. Я принимал в этих попытках чрезвычайно деятельное участие... Я полагал возможным уже в октябре 1914 г. связать следующим образом с разрешением австро-итальянского конфликта урегулирования римского вопроса: Австрия уступает итальянские части Триеста папе, при молчаливом или выраженном предположении, что папа передаст эту область королевству Италии. Последнее за это изменяет в такой форме закон о гарантиях, чтобы он соответствовал желаниям папы, и в то же время обеспечивает финансовую независимость святого престола. Но мне выражали опасение, что при оглашении такого проекта массоны тотчас

устроят революцию на площади св. Петра; поэтому общественное мнение может быть поставлено только перед совершившимся фактом. Дальнейшее отношение Австрии сделало невозможным развитие этого плана.

В поступивших ко мне в мае 1915 г. письменных заявлениях *необходимой предпосылкой* для свободы святого престола признавалась „полная независимость путем создания небольшого нейтрального государства, например, части Рима на левом берегу Тибра с береговой полосой вплоть до моря и гаванью. Нейтральное государство, как таковое, должно быть признано всеми державами". Эти требования становятся понятными, когда мы вспомним, как неустойчиво сделалось положение Ватикана, со вступлением Италии в войну; папа чувствовал себя беззащитным; даже его корреспонденция вскрывалась. Эти и другие жалобы, проникшие в печать, заставили даже протестантских политиков, ученых и журналистов в Германии заняться весьма интенсивно римским вопросом и его новым урегулированием, при чем они, конечно, забывали, что настоящее положение создано политикой Бисмарка в 1866—70 г. г....

Предложения, которые тогда обсуждались, кристаллизировались вокруг следующих трех пунктов: 1. Интернациональное оформление итальянского закона о гарантиях и его дополнение, с целью обеспечить свободные сношения со всеми нациями во время войны и мира. 2. Расширение независимых папских владений, таким образом, чтобы вся затибрская часть города вплоть до моря была включена в закон о гарантиях. 3. Абсолютная финансовая независимость святого престола, достигнутая тем, что в его распоряжение предоставлялся капитал в 300 миллионов марок... Мое предложение вращалось в рамках этих трех пунктов. При этом я придавал особенное значение двум вещам: во-первых, длительное решение могло бы последовать только *в полном согласии с королевством Италии*; всякое навязанное извне решение заключает зародыш длительных конфликтов; затем, церковное управление в Риме должно быть в большей мере, чем прежде, интернациолизиро-

вано; главным образом, в него должно войти больше немцев, чем до сих пор.

В начале декабря 1915 г. *сам святой отец* возвысил в консистории свой голос с жалобой на то, „как тяжко оскорблено достоинство папы“ и „что положение, в котором находится папа, не оставляет для него полной свободы, необходимой для управления церковью“. Жалоба папы стала еще понятнее, когда в начале января 1916 г. сделалось известным соглашение между Италией и другими державами (ст. 15 лондонского соглашения), смысл которого в том, что римский вопрос не должен обсуждаться при мирных переговорах. Католическая пресса всего мира единодушно восстала против этого насилия...

В конце 1917 г. дебаты снова оживились, когда новое русское правительство опубликовало лондонский договор от апреля 1915 г. с его ст. 15, по которой Франция, Англия и Россия, по желанию Италии, обязывались исключить Ватикан из мирных переговоров. Итальянское правительство сначала отрицало этот пункт, но потом вынуждено было признать его существование... В начале 1916 г. мне сообщили о тайных переговорах между уполномоченными Ватикана и итальянского правительства, в которых принимал деятельное участие посланник Титтони. Итальянское правительство потребовало, чтобы святой престол сделал формальное заявление, что закон о гарантиях оправдал себя. Курия отклонила условие, особенно когда бельгийский посол при Ватикане вмешался с заявлением, что папа, в награду за уступки Италии в римском вопросе, должен открыто выступить на сторону Антанты. Эта встреча не привела ни к какому положительному результату.

Было ясно, что, в виду этих стремлений, и *правительства центральных держав* должны своевременно заняться этим вопросом. В согласии с влиятельными лицами иностранного ведомства, я выработал проект „Договора о международном признании светской вла-

сти папы“ *). Германское правительство было бы готово защищать этот проект. Я в копии передал его императору Карлу австрийскому, который также сообщил мне о своем согласии... К сожалению, мирные переговоры в Париже подтвердили мой взгляд на статью 15 лондонского договора, когда папа был исключен и из мирных переговоров, и из лиги наций. Но и переговоры, и лига вылились в столь явную несправеливость, что папа, как страж права, не мог бы в них принять участия...

---

*) Приведенный в подлиннике договор состоит из 10 статей и регулирует правовое положение „затибрского „суверенного“ государства папы.

XII. Массонство.

Благоприятные обстоятельства позволили мне в течение всей войны иметь прекрасную информацию в *делах международного массонства*, хотя я, разумеется, не массон — как утверждали даже некоторые „друзья“— и не поддерживал и не поддерживаю никаких отношений к немецкому или иностранному массонству. Крупное *политическое* значение массонства было мне давно уже известно; поэтому я ухватился за представившуюся мне возможность ориентироваться в нем подробно и из надежных источников.

Существует глубокое отличие между массонством Германии и англо-саксонских стран, с одной стороны, и латинских стран—с другой. Это отличие уже до войны привело в Италии к расколу между ложами символического ритуала, подчиненными Великому Востоку Рима, и ложами шотландского ритуала; последними руководил протенстантский проповедник Фера из Флоренции. В протестантских странах северной Европы массонство меньше занимается политикой, чем в латинском мире, где каждый великий политический переворот или реформа за последние сто лет является более или менее делом их рук. Напомним только, какое участие принимало массонство в Италии в национальном движении (risorgimento), в Бельгии в революции 1830 г., в Испании, Португалии и Франции во всех политических восстаниях прошлого столетия. Наличность этих двух направлений оказывает сильное влияние на отношения между массонскими центрами различных стран. Всего интимнее, без сомнения, отношения между Великими Востоками Парижа и Рима. Я могу подписаться под следующей характеристикой их:

„Великий Восток Парижа в последнее пятилетие постоянно в политических вопросах играл двойную роль назойливого опекуна итальянского массонства и щедрого жертвователя средств, необходимых для политического подкупа в стране. С 1899 г. отношения обоих Великих Востоков строились на этом базисе и кульминационной точки достигли при энергичном содействии посланника Баррера в августе месяце 1914 г." Великий Восток Рима может сказать о себе, что об'явление войны в мае 1915 г.—дело *его* рук... Многочисленные ложи верхней Италии, правда, не хотели участвовать в пропаганде войны, почему из Рима туда посылались специальные делегаты. Несмотря на это, В. В. Рима уже в середине апреля об'явил гражданскую мобилизацию итальянского массонства и принимал главное участие в военной демонстрации 5-го мая у памятника Гарибальди...

По вступлении Италии в войну, французский посланник в Риме Баррер много работал над тем, чтобы составить центральный комитет В. В. Парижа, Рима, Брюсселя и Лондона и создать для надзора за правительствами Антанты своего рода тайное массонское министерство. Однако, план этот разбился. В то время намечались серьезные разногласия между В. В. Рима и Парижа, вызванные, главным образом, тем, что финансовая помощь, которую французское массонство оказывало Риму, после вступления Италии в войну, значительно уменьшилась. Итальянское массонство до 1912 г. состояло в тесных отношениях с тамошней оффициальной *социалдемократической* партией; после раскола социалистов эти отношения сохранились с новым реформистским крылом.

В течение войны, несмотря на смену кабинета, влияние лож на итальянское правительство становилосьвсе могущественнее. В. В. Рима стремился установить более непосредственную связь с кабинетом, как во Франции. В Париже проблема разрешена таким образом, что член В. В. Бурели был приглашен в министерство. В Риме правительство предпочло рекомендовать массонам вы-

брать в гросмейстеры одного из членов кабинета. Предполагалось выбрать одного министра без-портфеля, но план разбился о противодействие Соннино, который заявил, что, в виду сильных обвинений, постоянно бросаемых в обществе против итальянского массонства за его отношения к Франции, слишком тесная связь между В. В. Рима и национальным кабинетом могла бы дать повод к пересудам. К нему присоединился католический министр Меда, который указал, что кабинет, который включает в себя и католиков во имя национального единства, не может делегировать одного из своих членов в гросмейстеры итальянских лож.

Стремления к *воссоединению* обеих массонских групп продолжались после смерти Фера. Главным препятствием была личность его преемника проф. Ричарди из Неаполя, который пользовался славой германофила. Профессора Ричарди, путем грубых угроз, заставили уйти в отставку; против него хотели начать процесс по обвинению в пораженчестве. Эта угроза имела успех. Его преемником в должности гросмейстера был *английский* подданный доктор Бэрджес, который 15 лет жил в Неаполе, занимал ранее пост казначея и являлся интимным другом известного гросмейстера Натана. Гросмейстер Натан составил избирательную платформу для Бэрджеса с требованиями полного присоединения диссидентов-массонов к интервентистам, удаления всех, заподозренных в германофильстве или пацифизме элементов с руководящих постов и отказа от всяких сношений с немецкими ложами.

Итальянское массонство, которое *вызвало* войну, считало одной из своих главных задач помешать всеми способами, как оно говорило, *преждевременному окончанию* войны, которое привело бы к „германскому миру". Поэтому оно боролось против всякого мирного посредничества со стороны святого престола. Гросмейстер Феррари в ответ на папскую мирную декларацию 1916 г. утверждает в своем циркуляре: „интернационализм папы является постоянной угрозой для существования и процветания нации..." В октябре 1916 г. В. В. Рима,

по предложению Натана, решил устроить в день консистории антиклерикальные собрания с целью протеста против антиитальянского нейтралитета папы, а также против пребывания в Риме австрийского кардинала Фрювирта. Взгляды министров, присутствовавших в заседании, разделились. Министр-президент Бозелли поручил одному коллеге, члену В. В. воздействовать на последний в смысле смягчения антиклерикальной пропаганды, но гросмейстер отвечал отказом: хотя он во всех военных вопросах поддерживает кабинет Бозелли, но итальянское массонство не может отказаться от своей принципиальной позиции против Ватикана, так как „всякое смягчение борьбы означало бы покровительство клерикальным и консервативным тенденциям".

В этой борьбе против *мирных стремлений папы* В. В. Рима нашел деятельную поддержку в В. В. Парижа; особенно ясно это проявилось в послании от 16 мая 1916 г., где говорится: „Мы обязаны подчеркнуть, какое роковое значение имело бы для наших идеалов, если бы центральным державам удалось заключить преждевременный мир и, с помощью бессовестных посредников, использовать в своих целях жажду мира, растущую во всем человечестве". В. В. Парижа имеет точные сведения, что Соединенные Штаты из-за избирательной агитации пока не выступят с мирным посредничеством. Серьезнее мы считаем опасность предложений, исходящих из Испании. В России и в Англии, несмотря на твердую позицию правительств, мирное течение возрастает, и английский король склонен к миру, благодаря положению в Ирландии и введению всеобщей воинской повинности; в России положение еще опаснее:

„Пока еще удается поддержать военное настроение, благодаря изоляции, в которой военная партия, столь блестяще представляемая Извольским, умела держать императора и двор. Это не мешает тому, что, не смотря на попытки Извольского затушевать внутреннее положение, заметны явные признаки непосредственно угрожающих или будущих внутренних потрясений. Такой ход событий мог бы со дня на день привести к необходимости заключения мира".

Так рисует гросмейстер Парижа в своем послании „опасность положения“... Так как предполагавшаяся в то время конференция между французскими и итальянскими массонами не могла состояться, В. В. Парижа послал в Рим двух своих членов Комба младшего и Дебье. В совместной беседе гросмейстер Натан порицал то, что в парижском письме придано слишком мало значения мирной деятельности папы; противодействие итальянских и французских массонов должно быть направлено, главным образом, против Бенедикта XV. Дебье сказал, что В. В. Парижа вполне обдуманно не останавливался на позиции папы, полагая, что следить за римской курией и парировать ее цели является в первую очередь задачей Рима, а Париж должен бдительно следить за попытками к посредничеству, исходящими с другой стороны... Заседавшая под председательством Пишона 17 января 1917 г. в Париже конференция делегатов массонских лож из всех стран Антанты, за исключением английских, высказалась за самые крайние военные цели. Итальянские делегаты возбудили неудовольствие против себя своим определенным заявлением, что все ложи их страны поддерживают требование генерала Кадорна, чтобы Италия до завоевания Триеста и Триента не брала на себя никаких обязательств по отправке войск на другие театры войны. Италия внесла новое предложение, начать во всех странах Антанты энергичную пропаганду против возможной мирной инициативы со стороны папы, но оно разбилось о противодействие В. В. Парижа, который указал на лойяльное поведение французского епископата и клира, а также на необходимость считаться с министром Дени-Кошеном.

Русская революция заставила В. В. Рима выразить перед Парижем свое „изумление по поводу того, что В. В. Парижа с начала русской революции постоянно распускал ложные слухи о положении в России; он желал убедить общественное мнение Антанты в том, что перемена режима в России является весьма благоприятным событием для общего дела. Но с самого начала было ясно,

что это не так, что Антанта рискует проиграть войну, если будет сломлена военная мощь России и произойдет поворот в ее военной политике. Рим требовал поэтому немедленного созыва конгресса делегатов В. В. Антанты и просил Париж „присоединиться к протесту Италии против политики Америки в финансовой поддержке.“ Италия рассчитывала, что притекающие из Америки суммы будут распределяться, по крайней мере, равномерно; она не может также согласиться с предполагаемой унизительной формой уплаты, когда американские средства распределяются через посредство Англии. Париж в своем ответе выражает надежду, „что опасения В. В. Рима окажутся преувеличенными“; нельзя думать, что Ленин одержит верх, чтобы заключить сепаратный мир с Германией или всеобщий мир. Французское массонство должно в первую очередь позаботиться об удовлетворении французских денежных потребностей и не может вступиться за итальянские интересы.

Несомненно возраставшее в Италии *мирное настроение* заставило гросмейстера Натана в конце 1917 г. сообщить парижскому В. В., что в случае, если бы в прениях палаты это настроение проявилось слишком явно, итальянское массонство считает уместным „создать ситуацию, аналогичную маю 1915 г., чтобы оказать на правительство давление в целях решительной военной политики, особенно интернирования вражеских подданных и секвестрации вражеской собственности“. Он просил о дипломатической и финансовой поддержке французского массонства в таких же размерах, как в мае 1915 г. В. В. Парижа, однако, отклонил это; посланник Баррер теперь уже не может выступать, как в 1915 г., потому что его положение пошатнулось. Клемансо не желает вмешательства во внутренние дела союзников и не питает доверия к Барреру, но возложенную массовую кампанию французское массонство могло бы поддержать. В начале января 1918 г. гросмейстер Натан мог ответить, что теперь уже нет надобности повторять методы 1915 г.; министр-президент Орландо разошелся

с джолиттианцами и стал ближе к „союзу национальной защиты“; теперь ложам удалось добиться у министров интернирования иностранцев. В. В. Парижа в своем ответе не мог присоединить к победному настроению Натана:

„Мы смотрим здесь на вещи довольно мрачно, особенно благодаря сомнениям в альтруизме Ллойд-Джорджа, который, повидимому, более заинтересован в сохранении своей власти, чем в принятом на себя моральном обязательстве поддержать интересы союзников Англии до конца“.

Во время войны все резче выступали другие связи французского массонства, а именно с еврейством, представленным в „Alliance Israélite“. Руководители „A. I.“ почти исключительно французы, и в то же время массоны, так что „когда В. В. Парижа созывает пленарное собрание, можно сказать без преувеличения, что в нем и с ним одновременно собирается комитет „A. I.“.... Из Парижа тянутся нити к менее значительным организациям, которыми располагает еврейство в Нидерландах, в Швеции, в Турции, в Испании и Соединенных Штатах Америки, при чем французский элемент „A. I.“ приносит материальные жертвы, так как заинтересованные круги других стран принадлежат к более бедным слоям населения...

„Обе организации работают ко взаимной выгоде рука об руку и, поставив с самого начала мирового конфликта все свои иностранные учреждения и агентуры на службу французского правительства, они оказали Франции большие услуги“.

Этому нисколько не противоречит то, что самый щедрый покровитель „A. I.“, барон Гирш, несмотря на все настояния, решительно отказывался вступить в В. В. Парижа; лишь после смерти Гирша, наступили эти тесные отношения. Что они имеют финансовый характер, доказано с несомненностью; так, „A. I.“ передал 16 марта 1916 г. В. В. Парижа суммы в 700.000 франков, а в архиве В. В. Рима можно удостовериться, что уже 18 марта была передана В. В. Рима сумма в 1.000.000 лир.

В. В. Парижа был сильно озабочен *подъемом религиозной жизни во Франции* во время войны. В начале января 1915 г. он сообщал о своей позиции в Рим:

„С того момента, когда французский народ в единодушной решимости принял на себя последствия немецкого нападения, мы, массоны, сделали все, что в наших силах, для примирения внутренних раздоров, которые разрывали Францию до войны, и, как показало бурное падение кабинета Рибо в феврале 1914 г., получили постепенно чрезвычайную остроту. В. В. Парижа может сказать себе, что он, для осуществления этой цели, непрерывно приносит величайшие жертвы, не только своими убеждениями, но и своими надеждами на будущее. Не может подлежать сомнению, что победные фанфары,—в которые трубят каждый день духовенство и клерикалы и постоянно повторяемое ими утверждение, что от великого и чудесного пробуждения католического чувства у наших сограждан можно всего ожидать для будущего—чрезвычайно вредны для наших интересов. Доверие к делу радикального антиклерикализма этим исподволь подрывается в массах, но мы после войны должны со всей решительностью собрать наши внутренние силы".

... Парижские ложи наблюдали с возрастающей подозрительностью за неоднократными попытками завязать оффициальные *отношения между Францией и святым престолом*. Посещение бывшего посланника Низара по их отчетам прошло бесплодно. Князь Альберт монакский имел большой успех; он был принят весьма любезно папой Бенедиктом, хотя непосредственно перед этим посетил, в качестве гостя, итальянскую главную квартиру. Эти и подобные сообщения заставили в сентябре 1916 г. В. В. Рима написать в Париж, что он с тревогой смотрит на стремления многих французов работать для примирения Франции со святым престолом; он выражает „свое удивление, что французское массонство проявляет во всем этом некоторую бездеятельность... В примирении Франции с Ватиканом он видит большую опасность для франко-итальянского союза, который может быть жизнеспособным лишь на основе антиклерикальных и светских идеалов"... В. В. Парижа не оставил, однако, никаких сомнений в том, что он, при выполнении известных условий со стороны курии, не будет противиться соглашению.

В конце 1916 г. В. В. Парижа разослал крупным провинциальным ложам Франции циркуляр по вопросу о *продолжительности войны*. Некоторые ответы звучали весьма тревожно; особенно президиум бордосских лож упрекал Париж в том, что там не имеют ясного представления об экономическом вреде, который война нанесла виноделию юга. Ответ Парижа не удовлетворил их, так что В. В. обратил внимание правительства на пессимистическое настроение в массонских ложах юга; но и посланный в Бордо товарищ министра Абель-Ферри мог только подтвердить, что там господствует настроение усталости от войны. Без сомнения, это было одной из причин, почему в середине 1917 г. В. В. решил „с своей стороны выслать *мирных разведчиков*, так как массонство не может предоставить интернациональному социализму главную роль в ликвидации войны. Нужно сделать попытку встретиться в нейтральной стране и с немецкими массонами". Такая встреча должна была состояться в Женеве; но в качестве представителей немецких массонов они встретили только двух немцев-дезертиров, которые жили в Швейцарии и были тотчас же признаны „путаниками" и лишенными всякого политического влияния. Больше хлопот причинило В. В. Парижа предложение ложи „Globe" в Венсене в октябре 1917 г., которое требовало от правительства не ставить вопрос о мире в зависимость от полного приобретения *Эльзас-Лотарингии*. Это повело к оживленным переговорам между Рибо и Пэн-Леве, с одной стороны, и В. В. с другой, которому делали упрек в том, что он не сумел помешать такой резолюции. В. В. Парижа повторял, что он действовал вполне лойяльно, но так как ни один полноправный член В. В. не входит в кабинет, это неоднократно приводило к несогласованности. Пришли к компромиссу, по которому влиятельный массон Бурели был призван в кабинет, в качестве товарища министра. Выбрали должность товарища министра, желая защитить массонов от упрека в том, что они использовали свое влияние, чтобы в собственных целях поставить члена В. В. во главе важного ведомства. С своей сто-

роны, В. В. собрал 20 сентября общий с'езд всех лож Франции, который большинством 350 голосов против 12 заявил, „что справедливый и прочный мир невозможен без возвращения Эльзас-Лотарингии французскому отечеству". Этим эпизод был исчерпан.

Английское массонство, которое когда-то поддерживало движение „risorgimento", последнее десятилетие перед войной, совершенно удалилось от итальянских и французских лож... В. В. Лондона подчеркивал не раз, „что восстановление прямых интернациональных связей между ложами различных стран несовместимо с гражданскими обязанностями британцев, тем более, если дело идет о защите интересов Франции"... Свой характер гуманитарного учреждения британское массонство сохранило до конца.

Русского массонства не существует... В. В. Парижа по об'явлении войны в длинном послании 16 октября 1914 г. запросил В. В. Рима, нет ли возможности оказать прямое влияние на руководящие круги России, так как в Париже, при отсутствии всяких массонских связей с Россией, не знают, как подойти к этим политическим кругам. В. В. Рима дал совершенно отрицательный ответ. Известный русский писатель Амфитеатров был избран посредником между обоими В. В. и политическими кругами России, но немногого мог добиться.

Польское массонство лишь в незначительной мере состояло из поляков, а главным образом из польских евреев. В. В. Парижа попытался в январе 1915 г. завязать с ними более тесные сношения, но он пережил очень тяжелое разочарование; в своем ответе польско-еврейские массоны об'явили, что поляки не склонны выступать в пользу воссоединения Польши под русским господством, как полагают в Париже.

Немецко-балтийские ложи в остзейских провинциях поддерживали интимные отношения с немецким массонством и не могли быть использованы В. В. Парижа.

Испанское массонство вращалось всецело в кругу идей Парижа. Оно принимало участие во всех револю-

ционных движениях своей страны... Испанские ложи с августа 1914 г. вместе с агентом В. В. Парижа с бесспорной энергией работали для дела Франции. Правда, испанское массонство не добивалось участия Испании в войне, понимая безнадежность этих планов; тем неутомимее ложи старались действовать в том смысле, чтобы Испания сохранила благожелательный для Антанты нейтралитет, а главным образом, чтобы испанский король не брал на себя инициативы посредничества между воюющими державами—цель, которая была достигнута.

Еще теснее была зависимость от Парижа *португальского массонства*... С возникновением войны английское посольство в Лиссабоне хорошо сумело использовать массонство, чтобы заглушить дух благожелательного нейтралитета по отношению к Германии. Португальский посланник в Париже Чагас был общим посредником Парижа и Лондона, а также В. В. Парижа и Рима. Когда затем Португалия об'явила войну центральным державам, она должна была выслушать в сентябре 1916 г. от В. В. Парижа следующее:

„...Португалия не сделала ничего, чтобы хотя в самой скромной мере выполнить задачу, взятую на себя об'явлением войны".

В начале октября последовал ответ, что военная неспособность Португалии зависит не от злой воли правительства, а от больших внутренних трудностей. Когда Португалия была вынуждена Англией захватить укрывшиеся в ее гаванях германские торговые суда, она не преминула указать английскому и французскому правительствам на полный недостаток финансовых средств для мобилизации армии, продовольствия войск и ведения войны. Предоставленных Англией сумм никак не хватило бы для покрытия военных потребностей страны. Из-за недоверия к германофильской Испании португальское правительство было вынуждено держать свое войско в стране и ограничиться посылкой отрядов в Салоники и Африку...

Нидерландское массонство состояло во время войны из лож двоякого направления. Одни представляли еврейских прогрессистов, другие либералов и атеистов из нееврейских кругов страны. Нидерландское массонство имеет весьма малое отношение к внутреней политике страны, стоит далеко от иностранной политики и совершенно независимо от заграничного массонства.

Долгое время не существовало *северо-американского массонства* в точном смысле этого слова. Там были только ложи немецкого, итальянского, французского, голландского, испанского, португальского и английского происхождения. Лет 20 тому назад стали делаться попытки превратить старейшие и сильнейшие ложи иностранного происхождения в американские, что внешним образом и удалось. Северо-американские массоны почти всех категорий держались вдали от международных проблем и не поддерживали никаких сношений с В. В. Европы..

Отношения *германского массонства* к В. В. Рима уже за много лет до войны были холодными. Уже в 1911 г. многие немецкие массоны требовали полного разрыва, но министерство иностранных дел помешало этому. Заседавший 29 мая 1915 г. в Берлине союз великих лож принял декларацию о разрыве отношений с итальянским и французским массонством. Во время войны ложи в Париже и Риме неоднократно принимали резолюции не возобновлять, и по заключении мира, никаких отношений с немецким массонством. Но из Рима и Парижа делали попытки подготовить в Германии внутренние беспорядки...

Между массонством в *Австрии* и в *Венгрии* нужно проводить строгое различие, так как они не имеют между собою ничего общего. *Чешские* ложи издавна сильно тяготели к Парижу. Вожди немецкой либеральной партии в Австрии, большею частью евреи, играли в немецких ложах Вены крупную роль. Они поддерживали лично дружеские отношения с итальянскими массонами, что выражалось в их частых поездках в

Рим; правда, это было в те времена, когда итальянское массонство, руководимое Криспи, еще не заняло открыто позиции против тройственного союза. Иначе сложились отношения в *венгерском* массонстве. „Личностью, которая оказала громадное влияние на ход вещей, был Людвиг Кашут, который, в течение сорока лет, проведенных им после революции в Италии, сделался живым символом венгерского массонства среди итальянских братьев". Отношения между В. В. Рима и Будапешта были весьма интимны и лишь немного охладели со вступлением сына Кашута в венгерский кабинет в 1906 г. В. В. Будапешта поддерживал с В. В. Парижа тесную связь, особенно через посредство писателя Макса Нордау и депутата Поллони; последний был веесьма деятельным врагом габсбургской монархии. При начале войны В. В. Парижа питал иллюзию, что Венгрия отколется от Австрии—взгляд, который разделял и английский посланник в Вене. В декабре 1916 г. завязались тесные сношения между В. В. Парижа и венгерским массонством; в Швейцарии неоднократно происходили встречи в целях побудить Вену заключить сепаратный мир, пожертвовав Германией.

Болгария не имеет лож в собственном смысле слова... Немецкие массоны открыли несколько филиальных лож. В. В. Парижа в начале войны проявлял к Болгарии мало интереса. Лишь в августе 1915 г., когда агенты сообщили слухи о выступлении Болгарии с центральными державами, там изумились и послали членов греческих и румынских лож в Софию с поручением завязать связи с руссофильскими кругами в парламенте и в печати... После неудачи в Софии французское массонство старалось вступить в дипломатические отношения с представителями Болгарии за границей, что отчасти и удалось; оно было одним из факторов, содействовавших отходу Болгарии от политики центральных держав.

В *Турции* нет никакой почвы для массонства. И после переворота 1908 г., сущность магометанства не допускала тайного массонского общества из туземных

элементов. Известное число младотурок поддерживали хорошие отношения к западному массонству. С 1908 г. по 1911 г. французское массонство оказывало большое влияние на младотурецкую партию, которая подготовляла революцию. Соединительным звеном был турецкий генерал Шериф, которому была поставлена цель — стать во главе оппозиции против германофила Энвер-паши. С октября 1914 г. французское массонство преследовало заключение сепаратного мира с Турцией; некоторые младотурецкие элементы были склонны в сентябре 1915 г. принять предложение Антанты. Бывший турецкий посланник в Риме Наби-Бей открыто высказался за эту политику и имел неоднократно разговоры с В. В. в Риме. В течение всей войны продолжались переговоры между некоторыми младотурецкими элементами и В. В. Парижа, не приведя, однако, к желанному результату.

По совокупности моих наблюдений, интернациональное массонство может занести себе в актив следующее: оно толкнуло Италию в войну и мешало всякому мирному посредничеству во время войны.

XIII. Эльзас-Лотарингия.

Франкфуртский мир 1871 г. вернул Эльзас-Лотарингию, с ее более чем 82% немецкого населения, родной Германии, увеличенную французскими пограничными областями к югу от Меца. Из-за аннексии Меца шла тогда долгая борьба: *Бисмарк* был побежден Мольтке, который провел присоединение крепости к Германии. Бисмарк назвал тогда „Ахиллесовой пятой новой Германской империи“ то, что в нее вошла провинция с французским языком. *Открытая рана* гноилась, так как германская политика за четыре с лишним десятилетия не сумела удовлетворить справедливых желаний населения. Почти 50 лет Германия не решала Эльзас-Лотарингского вопроса, а оставила его в провизорном состоянии „имперской области“; почти три десятилетия управляли с помощью диктатуры и втиснули Эльзас-Лотарингию в режим, который, в правовом смысле, немногим отличался от немецких колоний. Прусско-германская политика в имперских областях уже до войны кончилась полным крахом, о котором свидетельствовал предостерегающий сигнал цабернских событий в 1913 г. с открытым конфликтом между военной диктатурой и гражданской властью и поражением последней. Сама война и продолжающиеся во время нее переговоры о будущей судьбе Эльзас-Лотарингии разрушили почти последний остаток симпатий к берлинскому управлению, хотя масса населения чувствовала себя немецкой и хотела остаться с Германией.

Взгляды на *государственно-правовое* положение Эльзас-Лотарингии резко сталкивались уже в 1871 г. Тогда Трейчке (20 мая 1871 г.) выразил сожаление, что Эльзас-Лотарингия не была инкорпорирована в

состав Пруссии: „Лишь в испытанные руки старой славной Пруссии“ можно поручить великую и трудную задачу „снова включить в нашу страну эти отчужденные племена германской нации“. Депутат центра Рейхенспергер требовал 2 мая 1871 г. для вновь приобретенных немецких земель конституции, устройства, которое было бы выгодно не только нам, старой немецкой земле, но и принесло бы с собой глубокое удовлетворение воссоединенным германским племенам... Князь Бисмарк высказался 25 мая 1871 г. решительно против инкорпорирования Эльзас-Лотарингии в Пруссию:

„Должна ли Эльзас-Лотарингия отойти к Пруссии или быть непосредственно имперской областью? Я безусловно принял вторую альтернативу. Во-первых, чтобы не вмешивать в нашу политику без нужды династические вопросы, а, во-вторых, и потому, что я считаю для эльзасцев более легкой ассимиляцию с именем немцев, чем с именем пруссаков. Эльзасцы за свою двухсотлетнюю принадлежность к Франции сохранили изрядную долю партикуляризма в добром немецком стиле, и на этой почве мы должны закладывать фундамент. Чем больше жители Эльзаса будут чувствовать себя эльзасцами, тем скорее они отвыкнут от Франции. Раз они почувствуют себя вполне эльзасцами, они будут достаточно логичны, чтобы почувствовать себя одновременно и немцами... Что нам тогда сделать в интересах Эльзаса, об этом мы выслушаем прежде всего самих эльзасцев и лотарингцев. Я испытываю потребность в первую очередь узнать мнение самих эльзасцев“.

К сожалению, Бисмарк был недостаточно последователен, чтобы из этой верной мысли сделать немедленно вывод, ведущий к делу... Среди населения Эльзас-Лотарингии началась борьба прежде всего за устранение диктатуры, а затем, все энергичнее, за полную автономию в рамках империи, т. - е. за создание самостоятельного государства германского союза. Эти стремления находили поддержку только среди партий будущего большинства в рейхстаге (центр, демократы и социал-демократы)... Конституция 1911 г. не принесла полной автономии. Эльзас - Лотарингия стояла все еще под имперской опекой. Во время войны эльзас-лотарингское население, за самыми ничтожными исключениями, держалось безупречно, хотя ему много

приходилось терпеть от проходящих войск. Многие командиры, при вступлении в имперские области, давали пароль:—„мы во вражеской стране“—и запрещали солдатам принимать щедро предлагавшиеся угощения, из опасения отравы, что особенно тяжело оскорбляло тамошних немецких женщин.

Вскоре, к концу 1914 г., в различных влиятельных кругах—настоящих инициаторов я сейчас еще не могу назвать—обсуждался план произвести *раздел Эльзас-Лотарингии* таким образом, чтобы Лотарингия отошла к Пруссии, Нижний Эльзас—к Баварии, Верхний—к Бадену. Тогда эльзасские депутаты Риклин и Гаус в декабре 1914 г. явились в Берлине к баварскому министру - президенту графу Гертлингу, чтобы выразить ему свои опасения и заботы: снова решают судьбу Эльзас - Лотарингии, не заботясь о воле населения. Население желает не раздробления, а превращения Эльзас-Лотарингии в *полноправное союзное государство.* Если же, против воли народа, Эльзас - Лотарингия будет разделена, то мы „просим баварское правительство повлиять, чтобы, по крайней мере, Эльзас не разрывался на части, но отошел бы, как целое, к Баварии. Инкорпорации в Пруссию мы должны будем противиться всеми силами...“ Об этом разговоре распространялись разные ложные слухи; представляли дело часто таким образом, будто бы эльзасское население через своих депутатов с самого начала требовало присоединения к Баварии, почему и я некоторое время поддерживал эти стремления... С течением времени завязывался все более горячий спор по этому поводу между немецкими союзными государствами и князьями. Вюртембергский министр-президент Вейцзэкер часто заявлял мне, что путь к разделу имперских областей лежит „через его труп“; прежде, чем Бавария получит кусок Эльзаса, он согласится лучше, чтобы Пруссия проглотила всю провинцию. Король вюртембергский, во время пребывания в Меце, сказал, резко отвергая баварские надежды и пожелание: „Эта кость пусть лежит!“ Саксония и Бавария боролись против увеличения сильнейшего союзного государства..

Не было *руководящей идеи* в этом вопросе, равно важном для внутренних отношений и для заключения мира... В середине июня вопрос должен был обсуждаться в главной квартире; „будущее Эльзас-Лотарингии“ стояло в первом пункте порядка дня, но оно не обсуждалось, так как налицо имелись будто бы „соглашения высочайших особ“, и потому ведомства устранялись. Но это соглашение между императором и королем баварским не было достигнуто; устроенная для этой цели встреча окончилась только новым неудовольствием при баварском дворе. Верховное командование желало тогда немедленного разрешения вопроса, но имперское правительство не делало соответствующего предложения. 2 июля статс - секретарь Гельферих в беседе с вождями партий предложил декларацию рейхстага в том смысле, что имперские области должны непременно оставаться за Германией. Я приготовил проект декларации. Он получил единодушное одобрение, после того, как депутат Эберт сделал оговорку о создании полноправного союзного государства... В дальнейшем течении политических дебатов, вопрос об Эльзас-Лотарингии отступил на задний план. Был упущен последний момент, когда вопрос мог быть решен путем раздела имперских областей.

Поворот наступил вслед за принятием рейхстагом резолюции о мире. 20 июля 1917 г. я в длинном письме к канцлеру указал на то, „что настоящее неопределенное положение Эльзас-Лотарингии прямо затягивает войну“, ибо обсуждение в немецкой прессе будущей судьбы имперских областей подливает масло в огонь французского реванша.

> „Какое решение возможно в настоящий момент? Можно было бы итти двумя путями: или раздел имперских областей, или создание абсолютно самостоятельного союзного государства. Время для раздела, в пользу которого можно привести много веских доводов, упущено... Следовательно, остается один путь—немедленного создания самостоятельного герцогства Эльзас-Лотарингии... Дарование этой полной автономии будет иметь могучее международное действие. У французского реванша будет выбито из рук лучшее оружие. Главное препятствие к миру тем самым устранено.

Несколько дней спустя представители партий большинства имели длительную беседу с канцлером Михаэлисом, требуя от него немедленного законопроекта в духе моего письма. Канцлер обещал и заявил, что с этим вопросом будет покончено, самое позднее, к Рождеству. К сожалению, это обещание не было исполнено, так как всенемецкое направление сделало все, чтобы расстроить эти планы. Ученый вождь всенемцев, проф. Шефер в Берлине, прислал мне 27 августа записку, в которой резко высказывался против предоставления полной автономии. Некоторые круги в Лотарингии обратились к канцлеру, чтобы добиться присоединения имперских областей к Пруссии. Генерал *Людендорф*, которому они прислали копию своего заявления, отвечал 30 сентября 1917 г.: „Генерал-фельдмаршал и я радуемся признанию, что присоединение имперских областей к Пруссии является для них самих лучшим разрешением лотарингского вопроса. Я могу только посоветовать убедить в этом и ваших политических друзей". Но большинство рейхстага осталось твердым. На происходившем в сентябре социал-демократическом партейтаге в Вюрцбурге эльзас-лотарингский вопрос играл видную роль. Тогдашний член Ц. К., будущий канцлер Мюллер, указал, что немецкая социал-демократия борется за неприкосновенность государства, как оно создано франкфуртским миром. Только совершенно разбитая Германия может отдать Эльзас-Лотарингию; ни один немецкий политик не станет вести переговоров об Эльзас-Лотарингии...

В начале октября 1917 г. канцлер заявил мне, что он вел переговоры с представителями королевств и великого герцогства Баденского, но не пришел еще к окончательному решению; эти правительства высказались против того, чтобы сейчас производить изменение в конституции империи; однако, до декабря законопроект им будет представлен.

В это время происходили оживленные международные переговоры о судьбе Эльзас-Лотарингии. Лорд Дерби в начале октября в письме к Ллойд-Джоржу за-

явил, что трудно убедить английский народ, что эльзас-лотарингская проблема имеет такое значение для английской политики, как бельгийский вопрос с августа 1914 г.; в общественном мнении стороны может создаться впечатление, что война ведется из-за вопроса, в котором Англия мало заинтересована. Ллойд-Джорж готов был стать на эту точку зрения, но возражал, что моральная стойкость Франции должна быть поднята всеми средствами; английская политика не должна упускать из виду и того, что Вильсон счел бы войну без явного унижения прусского милитаризма проигранной, и отношения к Соединенным Штатам испортились бы, если бы Антанта отказалась от эльзас-лотарингского вопроса...

Во Франции были заметны признаки примирительного настроения. Из хорошо осведомленных источников было известно, что Рибо в это время мог придти к убеждению, что Германия позволит разговаривать с собою об Эльзас-Лотарингии и готова сделать этот вопрос предметом мирных переговоров. „Нет“ статс-секретаря Кюльманса в его октябрьской речи отдалось в Париже, как удар грома. Что за этим „нет“ не последовало „да“ полной автономии Эльзас-Лотарингии—это была катастрофа. Но баварский министр-президент граф Гертлинг в октябре 1917 г. выражал свое удовлетворение по этому поводу в мюнхенском ландтаге...

Когда в те дни графу Гертлингу был предложен пост канцлера, его отрицательное отношение к автономии Эльзас-Лотарингии было главным препятствием для согласия партий большинства. Он дал сначала успокоительное об'яснение, но потом, в полном согласии с верховным командованием, похоронил весь вопрос, несмотря на постоянное давление рейхстага. Вождь эльзасского центра Гаус напомнил графу Гертлингу, тотчас по вступлении его на пост канцлера, о старом требовании автономии и об'явил сознательной фальсификацией общественного мнения, когда агенты лотарингской тяжелой индустрии недавно утверждали в оффициальных сферах, что Эльзас-Лотарингия хочет быть инкорпорирована в Пруссию...

5 января 1918 г. „Комитет эльзас-лотарингской независимости“ обратился к святому отцу с просьбой представить воюющим народам свое предложение „нейтрализации нашего отечества“. Запрошенный, в качестве эксперта, я должен был отклонить предложение нейтрализации Эльзас-Лотарингии по национальным, государственно-правовым и международным основаниям. Когда Эльзас-Лотарингия в 1871 г. снова отошла к Германии, для 82% ее населения родным языком был немецкий. Депутаты, избранные некогда для протеста против аннексии Эльзас-Лотарингии, исчезли из рейхстага, и на их место вступили люди, которые написали в своей программе превращение своей страны в равноправное союзное государство в рамках империи; нейтрализация Эльзас-Лотарингии повела бы к соперничеству между Германией и Францией и, конечно, стала бы источником новых европейских осложнений.

Когда война была проиграна, междуфракционный комитет партии большинства еще 28 сентября 1918 г. в последний раз сделал представление о немедленной *автономии*. Тогда военный кабинет принца Макса Баденского попытался спасти, что было можно. Прежний наместник фон-Дальвиц, решительный противник автономии, был отозван, и на его место назначен страссбургский бургомистр, д-р Шванднер, первый эльзасец и статский на этом посту. Вождь эльзасского центра, депутат Гаус, был сделан статс-секретарем для Эльзас-Лотарингии, и тем самым начато проведение принципа „Эльзас для эльзасцев“. Но было уже поздно.

Во время *войны* Эльзас-Лотарингия находилась под *военным управлением*, хотя для видимости гражданское управление оставалось на своем посту. Ландтаг мог собираться лишь с согласия командующих под их надзором; не раз последние отказывали в своем разрешении или ставили требования, унизительные для всякого народного представительства. Жалобы из среды народа становились всеобщими и все более громкими, особенно в Лотарингии. И епископ мецский часто бывал принужден выступать с справедливыми жалобами; 48 свя-

щенников в Эльзас-Лотарингии было арестовано, 36 было отпущено: 23—в их приходы, а 13 отправлено с определенными ограничениями внутрь империи. Переписка между епископами Меца и Страссбурга и святым престолом долгое время могла проходить только через мои руки; лишь в конце 1915 г. мне удалось добиться для них разрешения прямых письменных сношений. Немецкие военные власти считали своей задачей вторгаться во внутренние дела церкви и пытались даже оказывать влияние на проповедь. В церковную жизнь мецской диоцезы вмешивались не менее восьми различных военных инстанций. Один священник, который в своей деревне, состоящей из 300 жителей, собрал для военного займа не менее 65.000 марок, внес во время людендорфского сбора 300 марок и т. д., был обвинен во враждебности к Германии, хотя он отдавал все свои силы отечеству, заботился о размещении проходящих войск и собственный дом предоставил в распоряжение немецких офицеров. Мои хлопоты перед гражданскими властями о смягчении его участи были безрезультатны, так как военные были всемогущи. Глубоко прискорбным последствием всего этого было то, что германское племя, которое 47 лет снова жило в материнском доме, могло быть без жалоб и криков оторвано от нас. Однако, эльзас-лотарингский вопрос не разрешен, и Франция чувствует это все сильнее с каждым днем.

XIV. Польша.

4 августа 1914 г. меня разыскал в здании рейхстага начальник одного из отделов генерального штаба и попросил указать польского переводчика, который могбы в несколько часов перевести выпускаемую начальником генерального штаба *прокламацию к польскому населению*; немецкий текст он принес с собой. Я был изумлен, что на такой случай генеральный штаб не имел никого в своем распоряжении, но мог очень быстро исполнить его просьбу. В тот же день состоялось постановление императора о назначении викарного епископа Ликовского на епископскую кафедру Позен-Гнезно, пустовавшую восемь лет, благодаря политике прусского правительства; соглашение с Римом было весьма скоро достигнуто. С этого времени посыпались громкие прокламации с обещаниями полякам. Я сказал тогда одному влиятельному лицу, что, если Германия хочет добиться какого-либо успеха у польского населения, необходимо выполнить два условия: во-первых, должно быть немедленно отменено антипольское законодательство, проводившееся в течение 30 лет Пруссией, иначе польский народ будет недоверчиво относиться ко всяким обещаниям; эта разумная государственная мера побудит всех германских поляков к величайшему напряжению в защите отечества. Я убежден, что радикальное польское движение не может иметь влияния на боевой дух польских солдат, чего опасаются, как в военных, так и в политических кругах Берлина. Течение войны показало, что мое мнение было справедливо, — очень редкие исключения только подтверждают правило. Затем, если

центральные державы желают, вообще, решать польский вопрос во всем его об'еме, здесь нужно дело, а не слово. Берлин и Вена должны немедленно заключить соглашение и короновать польского короля в Кракове у исторических гробниц; он должен совершить свой в'езд в Варшаву вслед за войсками центральных держав и этим поднять весь польский народ на борьбу за свободу; но не надо предаваться самообману: *одна конгрессовая Польша* никогда не сможет удовлетворить национальных стремлений поляков; Польша немыслима без Кракова, города возрождения польской мысли; но присоединение Галиции к конгрессовой Польше никак не может остаться без влияния на польское население в Пруссии. В то время эти мои мысли нигде не встречали сочувствия. Я крепко стоял на них до конца войны и при этом настойчиво проводил взгляд, что Пруссия—Германия должна прежде всего позаботиться о полном равноправии своих польских сограждан; ибо „путь в Варшаву ведет через Познань".

Пожелания *польского населения в Пруссии* были скромны; в общем, они сводились к признанию равноправия польского языка с немецким, и в частности к разрешению обучения закону Божию на польском языке. Само собою разумеется, законы о колонизации направленные против поляков, должны быть отменены. Я находился в тесном общении с целым рядом влиятельных польских вождей; с ними велись частые переговоры. Но прусскую бюрократию нельзя было направить на новый путь, хотя прусский министр внутренних дел вполне понимал положение, созданное мировой войной. В прусском бюджете 1915 г. вновь появились все антипольские статьи... Утверждение вождя польских радикалов Корфанти, что в начале войны и даже во второй ее год польское население относилось с полным доверием к немецкому правительству, а теперь смотрит на него с недоверием, было, к сожалению, справедливо. Поэтому, в начале марта 1917 г., опираясь на сообщение хорошо осведомленных прусских поляков, я вновь сделал предложение отменить параграфы, на-

правленные против польского языка, допустить обучение закону Божию по-польски и сделать обязательным польское чтение и письмо: к сожалению я не имел успеха; так что не было ничего удивительного, если, наконец, в 1918 г. польская фракция рейхстага голосовала против одобрения военных кредитов, о чем более правые поляки глубоко сожалели. Но „Немецкий союз восточной марки“ использовал это для того, чтобы в августе 1918 г. об'явить новую кампанию против поляков. Даже военный кабинет принца Макса Баденского должен был употребить всю свою энергию, чтобы заставить Пруссию, за несколько дней до перемирия отменить антипольское законодательство. Было бы настоящим политическим чудом, если бы Пруссии — Германии удалось добиться дружбы поляков в своей собственной стране.

С тем большим усердием приступили к созданию польского государства—*конгрессовой Польши*. Было нечто роковое в том, что Берлин и Вена вплоть до заключения перемирия не могли столковаться в польском вопросе. По крайней мере, Берлину принадлежит та заслуга, что он, за исключением начальных моментов колебания, защищал необходимость образования из конгрессовой Польши королевства с собственным государем. В первое время по завоевании Варшавы, в 1915 г., имперское правительство склонялось к тому (и просило меня создать в Вене соответствующее настроение), чтобы конгрессовая Польша, соединенная с Галицией, вошла в состав Австрии, при чем император австрийский был бы в то же время королем польским. Увеличенная таким образом Австрия должна была заплатить за это таможенной унией или вечным таможенным союзом с Германской империей с особыми соглашениями, касающимися путей сообщения и военных дел. Но так как Вена тогда не пожелала принять Польшу в состав своего государства, то в Берлине с тех пор держались мысли создать из конгрессовой Польши самостоятельное государство. Правые круги прусских поляков одно время склонялись к мысли присоединить

новое польское государство к Германии, но этот проект не получил дальнейшего развития.

Весьма колеблющейся и противоречивой была, напротив, позиция Вены, хотя Берлин первый преподнес ей польское королевство; венские правительственные круги отнеслись к этому совершенно отрицательно, главным образом, под влиянием графа Тиссы. Венгрия боялась уменьшения своего влияния, если бы из дуализма Австро-Венгрии создалась бы триада Австрия—Венгрия—Польша. Лишь немногие немецкие круги, в первую очередь, христианские социалисты, по моему предложению, энергично поддерживали это решение, чрезвычайно выгодное для австрийских немцев; они исходили из той мысли, что, с выходом поляков из рейхстага, немецкое большинство в нем абсолютно обеспечено, и что тогда можно будет приступить к разрешению чешского вопроса. Но венская дипломатия, под влиянием Тиссы, отвергла это предложение... Однако, в 1916 г. ветер подул в Вене в другую сторону. Теперь со всей решительностью выступили за то, чтобы соединить Польшу с Австрией, так как лишь австро-польское решение — так называли этот путь—является приемлемым для Вены.

Разногласия между Берлином и Веной в польском вопросе сделали невозможной всякую *успешную политику* в оккупированной Польше. Представители дипломатии обеих стран считали своей главной задачей—привлечь возможно более широкие польские круги на свою сторону. Уже раздел оккупационной территории на военное губернаторство Варшаву с германской властью и военное губернаторство Люблин—с австрийской—не очень содействовал намеченной цели: привлечь поляков к центральным державам; но эта задача была сделана просто невозможной благодаря отвратительной игре интриг. С обеих сторон наблюдали и шпионили друг за другом; в конце концов, это вело к тому, что видные политики Польши вообще не шли с центральными державами, а занимали выжидательное положение. В этой игре Австрия имела перевес, по-

тому что она в течение многих десятилетий привыкла считаться с поляками, как с правительственной партией, и гораздо более владела дипломатическим искусством обращаться с чужими народами, чем Берлин. Это особенно сказалось при поездке совета регентства, который в Берлине был принят довольно холодно, в то время, как в Вене ему оказали почти королевские почести. В сердце поляков Вена далеко обгоняла Берлин; одной из предсказанных мною тяжелых ошибок Берлина было то, что он высказался против назначения даровитого графа Тарновского первым польским министром-президентом.

Прокламация о новом польском государстве 5-го ноября 1916 г.— я предостерегал и считал этот момент весьма неудачно выбранным—в конце концов последовала не по политическим, а по чисто военным соображениям. Воззвание, правда, обещало из польских областей, вырванных из-под русского господства, „образовать самостоятельное государство с наследственной монархией и конституционным устройством в единении с обеими союзными державами", но главным мотивом при этом было то, что центральные державы нуждались в новых солдатах. Германский генерал-губернатор не был особенно счастлив в выборе польских советников; так, один маловлиятельный поляк убедил его, что с прокламацией о королевстве польском будет нетрудно привлечь, по меньшей мере, 800.000 поляков в войска союзных держав или в польскую армию. Один известный польский деятель сказал мне тогда: „Стольких самоубийц в королевстве польском не найдется". При переговорах в Берлине, которые велись перед изданием прокламации с небольшим числом депутатов рейхстага, им было заявлено, что в результате предстоящего акта можно наверное расчитывать, по крайней мере, на 350.000 польских солдат. С этой цифрой считался и генерал Людендорф, когда он требовал тогда немедленного провозглашения польского государства; позже он заявлял, что никогда не посоветовал бы и не сделал бы этого политического шага, если бы

его не заверили, что будет легко получить такое количество войск. Правда, генерал Людендорф, благодаря принятым им ранее мерам, которые затрудняли, если не вовсе запрещали вступление молодых поляков в польские легионы, сам отчасти виноват в том, что не могла быть набрана польская армия, соответствующая его желаниям... Неудача в военной области стала очевидна уже в первые дни по издании прокламации.

К военной неудаче немедленно присоединилась и *политическая*, а именно в самих центральных державах, где никто, собственно говоря, не был вполне согласен с принятой линией поведения. 7 января мне писал бывший австрийский министр Гесман:

> „Прокламации относительно Польши и Галиции были для нас большой неожиданностью. Отношение к ним публики двойственное. Особенно опасаются скорого возникновения польской ирредепты в невошедших в новое королевство Польское областях с польским населением, как Австрии, так и Пруссии. К этому присоединяется вопрос о дальнейших судьбах австрийских русин, дело весьма серьезное и важное по связи с Россией".

...Но положительно политической катастрофой для центральных держав оказалось действие этой прокламации в *России*, где влиятельные круги в то время были готовы заключить всеобщий мир или, в случае его отклонения, сепаратный мир с центральными державами. Для этой цели специально было поручено Штюрмеру руководство делами. Один весьма известный представитель польского дворянства, который поддерживал наилучшие отношения со всеми нациями, велел ответить мне 6-го ноября через посредника на мой вопрос, как он оценивает прокламацию: „Или господа в Берлине и Вене разом потеряли и голову, и нервы, что они так грубо подсекли единственную возможность мира?" Так это и было, если бросить взгляд на развитие польского вопроса в России.

По вступлении германских войск в Варшаву, премьер-министр Горемыкин в начале августа 1915 г. заявил в Думе „рыцарски благородному и братски верному польскому народу", что царь приказал „выра-

ботать законопроекты, которыми за Польшей признается право по оканчании войны развивать свою национальную, культурную и экономическую жизнь на основах автономии, при сохранении государственного единства с Россией". Были образованы комиссии, происходили заседания, но без всякого результата. Слова германского канцлера в марте 1916 г., о том, что польский вопрос поставлен судьбой и должен быть разрешен Германией и Австро-Венгрией, произвели в России удручающее действие; следствием этого было то, что 17 апреля 1916 г. русский министр иностранных дел *Сазонов* внес в совет министров проект создания королевства Польского, указав на то, что основания, вызвавшие последний раздел Польши, более не существуют, особенно потому, что Германия на много лет останется врагом России. Необходимо немедленно разрешить польский вопрос, так как иначе центральные державы легко могут упредить нас. Новое королевство Польское будет стеной для защиты Европы от опасности немецкой гегемонии; за конгрессовой Польшей должно быть признано право на самостоятельную политическую жизнь; у России же и ее монарха остается полный суверенитет. Влиятельная кадетская партия, в общем, присоединилась к этому проекту. Националисты, во главе с Шульгиным, хотели дать значительно более ограниченную автономию. Призванный вождь русских поляков Ледницкий стоял за воссоединение всех поляков России, Австрии и Пруссии в одном государстве, чтобы восстановить европейское равновесие. Но премьер-министр *Штюрмер* боролся с проектом Сазонова, который, как напечатал в своей газете Шульгин, должен был уйти из-за своей позиции в польском вопросе. Штюрмер же, вынуждаемый польскими делегациями яснее определить свое отношение, занял выжидательное положение; он нашел при этом поддержку в „союзе истинно-русских людей" и в „союзе Михаила Архангела", которые хотели оттянуть разрешение польского вопроса до конца войны. В сентябре 1916 г. Штюрмер, который раньше отказывался принимать поляков, заявил одной депутации,

что решение правительства предоставить полякам необходимые уступки непоколебимо, но опубликование соответствующего акта откладывается по разным основаниям, так как подобный акт в занятых немцами областях мог бы вызвать репрессалии против польского населения со стороны Германии. Так, опубликование манифеста, по предложению Штюрмера и по решению самого царя, было отложено на неопределенное время, т.-е. пока Польша не будет очищена от немецких войск, как сообщало 8 сентября 1916 г. „Русское Слово".

Когда затем 5 ноября последовала прокламация центральных держав, русская печать назвала ее „наивной" политической авантюрой, цель которой—получить новых солдат. Таков весь смысл этого акта. Поляки, члены Думы, протестовали против шага центральных держав. Штюрмер отказался сделать новое заявление со стороны русского правительства. Русские националисты называли варшавский акт „дешевым немецким товаром с клеймом made in Germany". Успокоение наступило лишь тогда, когда в России увидели политическую и военную неудачу этого шага. Политически вредные последствия его один мой знакомый влиятельный русский охарактеризовал следующим образом: „Шаг Германии подействовал, как новый вызов и дал России моральный импульс для энергичного продолжения войны". Надежный посредник, который хорошо знал русского посланника в Стокгольме Неклюдова, в середине ноября так передавал его оценку:

„В шаге, предпринятом в Польше Германией в союзе с Австро-Венгрией, Россия видит *смертельное оскорбление*, которое для нас тяжелее проигранной битвы или даже окончательной потери территории, еще большей, чем Польша. Для национального сознания смертельный удар кинжалом легче, чем публичная пощечина. Шаг Германии, которая уже теперь притязает диктовать окончательные условия, нужно расценивать не как военную меру, а как оскорбительное вмешательство во внутренние дела России. Вновь созданное положение повлечет за собою необозримые последствия, так как Россия никогда не потерпит сохранения этого положения, но сделает все, чтобы смыть нанесенный позор. Натравливая славянское племя, находящееся в русском под-

данстве, против страны-матери и вынуждая Россию начать истребительную войну против дочерней нации, Германия сделала Россию своим вечным врагом. Этот поступок Германии существенно способствует затяжке войны; Россия нашла теперь военный лозунг, который, как никакой другой, способен об'единить все классы и партии в решимости продолжать войну до последнего вздоха, хотя бы все союзники России, против всякого ожидания, устали от войны!"

Прусский министр на рубеже 1917 г. назвал мне результат польской политики „грудой черепков"...

Решающих политических шагов в конгрессовой Польше больше не делали. Затяжка войны, постоянные реквизиции и голод были причиной того, что симпатии к центральным державам упали до точки замерзания. Когда в августе 1917 г. польские легионы были влиты в австрийскую армию, государственный совет in corpore подал в отставку. Я тогда решительно настаивал в рейхстаге на немедленном разрешении польского вопроса—к сожалению, тщетно. Когда затем по Брест-Литовскому миру, Холмский округ приходилось выделить из королевства Польского, член регентства, архиепископ Каковский, обратился ко мне с настоятельной просьбой повлиять в том смысле, чтобы Холмская губерния досталась Польше; он указывал на преследования католиков за веру. Несколько дней спустя я мог сообщить ему, что мне удалось добиться того, чтобы настоящая оккупационная линия не изменялась до общего мира, чтобы тем временем поляки получили обратно церкви и церковное имущество, похищенное у них, и чтобы смешанной комиссии для установления будущих границ была дана инструкция отнести всех поляков и римских католиков к королевству Польскому. Несмотря на тяжелый военный опыт, польское правительство, уполномоченный которого целые недели вел переговоры и со мною, обратилось 29 апреля 1918 г. с нотой к правительству центральных держав, прося их „уже теперь начать переговоры об окончательном политическом военном и экономическом решении польского вопроса". Оно заявляло,

„что только то решение оно считает соответствующим взаимным интересам, которое обеспечит польскому государ-

ству, при условии *союза с центральными державами и военной конвенции*, полную целостность исторической территории конгрессовой Польши, стратегическое урегулирование украинской границы, территориальные компенсации в этнографически - польских областях к востоку от линии Нарев—Бобр—Неман за потерю 4 северных уездов Сувалкской губернии и, наконец, возможность экономического развития с заключением торгового договора, открывающего доступ к морю (свободное судоходство по Висле). Польское правительство позволяет себе выразить убеждение, что связанное таким образом с центральными державами и удовлетворенное в своих жизненных интересах Польское государство явится прочной и лучшей защитой средней Европы от Востока и сделает политически и экономически совершенно излишними так называемое урегулирование границ."

Конец фразы становится понятным, если вспомнить, что немецкое верховное командование со всею решительностью выставляло требование, чтобы от конгрессовой Польши была отрезана к Германии полоса, шириною около 100 километров. Я боролся с этой аннексией самым резким образом всеми допустимыми парламентскими способами и доказывал, что такое требование не только недостижимо, но в случае своего осуществления составило бы величайшее несчастье для самого немецкого народа. Послание польского правительства являлось актом всемирно-исторического значения; оно само предлагало союз с центральными державами. В Берлине проспали последнюю возможность благоприятного решения польского вопроса. На это послание даже не ответили, между тем как Австрия чрезвычайно горячо отнеслась к этому предложению.

Тем усерднее занимались вопросом, кому достанется польская корона. Назывались три кандидата: князь Кирилл болгарский, эрцгерцог Карл Стефан австрийский и принц Христиан саксонский. Вена попрежнему стояла на том, что император Австрии должен быть королем Польши. И при переговорах, которые происходили в главной квартире 15 августа 1918 г., не было достигнуто соглашения, хотя происшедшее тем временем поражение германских войск делало ясным для каждого разумного человека, что вся работа централь-

ных держав будет тщетна, если они с полным единодушием и твердой решимостью не поставят Европу перед совершившимися фактами. 20 августа я имел беседу в министерстве иностранных дел, которая позволила мне ближе ознакомиться с переговорами в главной квартире: граф Буриан настаивал на австро-польском решении, но был согласен передать окончательное слово в руки польского народа. Влиятельные польские вожди в большинстве своем стояли на той точке зрения, что королевство должно получить собственного государя, эрцгерцога Карла Стефана. Варшавские поляки должны были вступить в сношения с галицийскими, чтобы убедить и их в правильности своего взгляда. Если это удастся, то Австрия, без сомнения, согласится, и тогда король может скоро быть избран и вступить в Варшаву...

Переговоры варшавских политиков *в Вене*, однако, не привели к желательному результату. Граф Буриан, как и император, настаивал на австро-польском решении. В Берлине были весьма поражены этим результатом, хотя я предсказывал его уже за 10 дней. Граф Буриан заявил полякам, что соглашение между Берлином и Варшавой его вовсе не касается. Берлин и Вена в этом вопросе вполне равноправны. Вена может дать варшавским полякам все, что обещает Берлин, а сверх того провинцию Галицию и, в награду за это, требует от Польши унии с Австрией. Варшавский кабинет снова должен был принять решение. Что оно будет не в пользу Берлина, я тотчас же сообщил правительственным сферам...

Но правительство империи находилось в политическом обмороке. Военный и политический кризис устранил весь это этот вопрос, что соответствовало и желаниям Варшавы. Центральные державы были не способны разрешить польский вопрос, который они сами поставили. Он был решен вопреки их интересам; о коронах ссорились во время кровавой войны, теряя из-за этого целые страны.

XV. Литва.

Католической Литве давно уже принадлежали мои симпатии, как мученице за религиозные убеждения. *Страдания этого угнетенного народа* особенно усилились с 1864 г.; тысячи ссылались в Сибирь, многие были расстреляны или повешены. Литовцам было запрещено занимать на родине места учителей; на их место приходили русские, православные учителя, не понимавшие ни слова по-литовски. Даже религиозное преподавание велось на русском языке. Вместо католических распятий, в школах были повешены русские иконы. Литовская письменность подвергалась гонениям, было запрещено печатать молитвенники на литовском языке; на каждый дом было оставлено по одному литовскому молитвеннику, обязательно из числа изданных в Вильне до 1864 г. Литовцы нашли выход в том, что печатали с тех пор свои молитвенники в Тильзите, а на книге помечали годом издания, например, 1856, а местом—Вильну; многие литовцы сидели целыми годами в тюрьме, если у них находили какую-нибудь литовскую книжечку. Монастыри были закрыты, кроме одного или двух. Хотя, после русской революции 1905 г., положение несколько улучшилось, но обрусительная политика продолжалась. Лишь в двух первых классах народной школы разрешалось преподавать по-литовски. Русские систематически продолжали терзать страну.

При *вступлении немцев* население страны ликовало. Оно видело в них спасителей и избавителей. Духовенство и народ встретили с величайшим доверием германскую армию. С продвижением армии, вся Литва

постепенно перешла в управление немцев, которые часто, по совершенному незнакомству с положением, делали одну ошибку за другой. Так, воззвание немецкого командира, вступившего в Вильну 15 сентября 1915 г., начиналось словами: „Вильна, жемчужина *польской* короны“ (!), что вызывало недоверие в литовцах и не завоевывало симпатий поляков. Хотя политико-географическое понятие Литвы не было твердо установлено, в Берлине считали принадлежащими к ней губернии: Вильно, Гродно, Ковно и Сувалки (северную часть последней).

Благодаря тесным связям с *литовскими деятелями*, установившимся вскоре после начала войны, я не только мог составить верную картину действительного положения в стране, но для меня оказалось возможным сделать многое для смягчения бедствий. Тотчас по занятии страны, я предложил канцлеру, во второй половине 1915 г., проект прокламации о свободе веры и исповедания для всей Литвы, а также мероприятия для облегчения эмиграции многочисленного еврейского населения из оккупированных провинций... При фракции центра в рейхстаге я образовал литовский комитет. Однако, моя деятельность навлекла на меня столь сильное неудовольствие военных властей, что, когда я выразил желание самому поехать в Литву, они отказали мне в разрешении на въезд.

Число *промахов немецкого управления* в Литве было легион. Там издавали литовскую газету „Dabartis“, но она стояла очень далеко от народа и его настроений. Скоро пошли военные опыты германизации; в школах старались сделать немецкий язык обязательным. Видный литовский деятель сказал мне тогда: „Мы охотно идем к Германии, но немцами мы не можем сделаться; язык и обычаи нельзя менять, как платье“. Административный аппарат был почти исключительно в протестантских руках и совершенно не считался с религиозным сознанием, которое ярко выражено у этого угнетенного народа. Обращение с местным духовенством во многих случаях было пря-

мым скандалом. С другой стороны, немецкие католики относились к несчастному народу с большой симпатией. Когда папа Бенедикт XV предписал всеобщий сбор в пользу литовцев, благодаря моим стараниям, немецкий вклад был выше всех стран. Суровые военные меры становились еще более жестокими от того, что, управляя страной, не прислушивались к голосу населения. Военное управление думало, что оно гораздо лучше заботится о народе, чем это делала прежде Россия и чем могли бы сами литовцы... Длительная оккупация и тяжесть войны, несмотря на большую предусмотрительность немецкой администрации, постепенно во многих областях привели к печальному положению. Энтузиазм к Германии, как освободительнице, заметный вначале, скоро охладел.

С освобождением от русского ига быстро окрепли стремления литовцев к *автономии*. Они связывались с памятью о славном прошлом. Литовские делагаты еще в апреле 1916 г. заявили в Гааге, что Литва ни за что не вернется под русское иго, но и не желает переменить одно ярмо на другое; Литва требует восстановления своей независимости. С середины 1917 г. я требовал все решительнее перестройки Литвы... Эти мои требования шли параллельно с пожеланиями образовавшегося в Швейцарии литовского национального совета, который в августе 1911 г. заявил, что считает настоятельно необходимым провозгласить независимость Литвы, создать литовский государственный совет и заменить военное управление гражданским. Вся Литва высказывала единодушное пожелание, чтобы был отозван князь Изенбург, глава военного управления. Во время моего пребывания в Швейцарии в августе 1917 г. я имел случай вести длительные беседы с находившимися там политическими вождями литовского народа и придти к полной согласованности наших целей. Литовские политики желали немедленного создания литовского государства в форме наследственной монархии с собственным государем; они решительно отвергали всякую личную унию с государем другой

страны, указывая на то, что личная уния с Польшей некогда свергла Литву с ее исторической высоты и поставила в зависимость от Польши. Молодое государство, как Литва, должно иметь государя, который мог бы посвятить себя восстановлению страны и жить всегда в ней. Если он должен управлять еще другим государством, то он будет появляться в стране на короткое время или пришлет своего губернатора; и то, и другое несовместимо с литовскими интересами. Новый государь должен непременно быть католиком, сообразно с религией страны.

Литовцы заявляли далее, что они охотно сделали бы своим королем одного из немецких принцев, уже для того, чтобы открыто выразить политическую благодарность за освобождение страны; государственно-правовое положение короля должно быть таково, чтобы ни при каких обстоятельствах, даже в случае смерти старших родственников, он не мог сделаться одновременно государем другой страны. Они просили меня помочь им в выборе будущего государя, что я и обещал им. Вскоре после того я указал им, как на подходящего кандидата, на герцога *Вильгельма фон-Урах*, который, происходя из вюртембергской боковой линии, не мог взойти на вюртембергский трон; многочисленность его семьи абсолютно обеспечивала наследование престола, и он совмещал все условия, требуемые для литовского государя. При моем посредничестве скоро имели место переговоры между литовскими деятелями и герцогом фон-Урах, которые привели к взаимному соглашению; было решено всеми силами ускорить избрание королем герцога, который, без согласия имперских властей, не желал делать решительных шагов. На пути к этой цели вставали тогда почти неопредолимые трудности: во-первых, литовское государство не было еще создано; затем военные власти желали устроить из Литвы своего рода вассальное государство с королем прусским во главе. И Саксония пред'являла притязания на литовский трон. Началось настоящее состязание из-за

короны. Я считал своей главной задачей позаботиться прежде всего о том, чтобы в Литве, как можно скорее, было образовано парламентское представительство, поддержанное доверием всех классов населения и чтобы место военного управления заняло гражданское. Сделанное мною в этом смысле предложение было принято рейсхстагом 28 августа 1917 г.

23 сентября 1917 г. был избран „*Земский Совет*», который „под руководством военных властей должен был обсуждать основы будущего развития, будущего управления и хозяйства Литвы". Членами его были назначены 20 литовцев, предложенных конференцией уполномоченных от всего народа; предусматривалось расширение совета поляками, немцами, белоруссами, украинцами и евреями. Прежде всего нужно было создать литовское местное самоуправление. Заседавшая 21 сентября в Вильне литовская конференция требовала „независимого государства на демократических основах, конституционного сейма, избранного на демократических началах" и желала „без помехи самостоятельному развитию, сохранения связей с Германией, имеющих быть определенными". Новая волна национальных надежд пронеслась по стране; если бы быстро принялись за дело, как я настаивал, Германия могла бы многого достигнуть. Но вместо этого на сцене и за кулисами шла сильная борьба за литовскую корону, сопровождавшаяся инцидентами, которые основательно подрывали монархическую идею в немецком отечестве. Верховное командование необходимым условием „всяких уступок Литве" считало личную унию с Пруссией. Против этого был не только весь литовский народ, но делались сильные возражения и в рядах германских союзных князей: ни Бавария, ни Саксония не хотели согласиться на такое увеличение могущества прусского дома. Так как Бавария тогда расчитывала на присоединение Эльзаса, то в Саксонии обратили взоры на Литву. К голосу самого литовского народа не хотели прислушаться. В этом отвратительном споре чрезвычайно страдали немецкие интересы. По моему настоя-

нию, во второй половине декабря статс-секретарь фон-Кюльман получил от канцлера поручение придти к соглашению с союзными князьями.

11 декабря 1917 г. литовский Земский Совет, „признанный единственно полномочным представительством литовского народа", провозгласил „восстановление независимого литовского государства со столицей в Вильне и с расторжением всех государственных связей, существовавших с другими народами". Литовский Земский Совет, при создании этого государства и для защиты своих интересов на мирной конференции, просил защиты и помощи на мирной конференции и высказался „за вечный крепкий союз литовского государства с Германской империей, который осуществлялся бы главным образом в военной и дорожной конвенции, общей таможенной и монетной системе". С польской стороны начиналось сильное движение против создания нового литовского государства. Я могу считать главным образом своей заслугой, что удалось устранить многочисленные трудности. Было обещано и отозвание князя Изенбурга. Несмотря на это, дело не подвигалось. Хотя дипломаты настаивали на том, чтобы для облегчения мирных переговоров в Брест-Литовске, акт 11 декабря возможно скорее был сообщен русскому правительству, но канцлер сам не признавал этого акта и не считался с ним. Литва напрасно ожидала немецкого ответа; он откладывался, главным образом, потому, что хотели отдать Литву королю прусскому, в качестве литовского герцогства... Хотя ряд немецких князей высказался за герцога фон-Урах, и саксонская кандидатура в Литве не имела никакой почвы, все дело остановилось. Виленский епископ жаловался мне 5 февраля 1918 г.: „До сих пор еще не заложен необходимый фундамент для государственного здания Литвы". Я просил епископа приехать самому в Германию и помочь сломать лед, особенно в верховном командовании. Поездка епископа несколько продвинула дело, но непонятное отношение Германии к справедливым литовским требованиям рождало недоверие. Несмотря на это

Тариба (Земский Совет) 16 января приняла единогласно адрес, в котором повторяла декабрьское постановление, требовала урегулирования отношений Литвы к другим государствам конституционным национальным собранием и высказывала просьбу о признании независимого литовского государства. Делегация Тарибы должна была передать это постановление германскому правительству, но ей было отказано в разрешении на в'езд. Письмо, в котором сообщалось об этом постановлении германскому правительству, проделало странный не вполне ясный путь и пришло к канцлеру со значительным опозданием; военные власти задержали его. Отдельные члены Тарибы, так же, как и литовское представительство в Берлине, почти ежедневно просили о германском ответе. Они находили непонятным, „почему германское правительство, с одной стороны, побудило Земский Совет к обязывающей декларации 11 декабря, а с другой—само не хочет высказать признания литовского государства". Затруднения все еще заключались в вопросе о престоле. Наконец, 21 февраля 1918 г. имперский канцлер велел сообщить Земскому Совету, что Германия готова, на основе декларации 11 декабря, признать Литву самостоятельным государством, но постановление 16 февраля 1918 г. делает это для Германии невозможным; признание Литвы может последовать лишь в том случае, если литовский Земский Совет вернется к принципам декабрьской декларации 1917 г. Этому требованию литовский Совет не мог подчиниться, не теряя своего авторитета в стране; поэтому президент его 28 февраля заявил, что постановление Тарибы от 16 февраля не находится в противоречии с постановлением 11 декабря; последнее является основой для будущих отношений Литвы к Германии, не устранено никаким другим постановлением и сохраняет свою силу; поэтому Тариба ожидает, что Германия, наконец, признает независимость Литвы и поможет добиться ее признания со стороны других государств. Употребив все парламентские способы воздействия, которыми я мог располагать, я добил-

ся того, что 23 марта делегация Тарибы получила от Германии признание независимости; в согласии с выставленным Россией принципом „права народов на самоопределение“, после того как представительство Тарибы в новой ноте к германскому правительству об'единило постановления 11 декабря и 16 февраля.

Одновременно делегация просила меня выступить посредником перед святым престолом, чтобы последний признал независимость Литвы. Делегации Тарибы, которая должна была получить от Германии признание независимости, перед от'ездом из Вильны немецкими властями были даны инструкции избегать всяких сношений с депутатами, особенно со мною; в Берлине за нею было организовано наблюдение. Верховное командование запросило, нельзя ли привлечь меня к уголовной ответственности за мои связи с Литвой. Соответствующая судебная инстанция должна была ответить отрицательно. Делегация хотела, тотчас же после признания Литвы, заключить конвенцию с Германией и принять необходимые меры для установления тесных экономических связей; Берлин не только отказал в этом, но буквально выпроводил депутацию, под мнимым предлогом, что в Вильне немедленно предстоит большой национальный праздник, по поводу признания независимости. Когда депутаты приехали домой, там никто ничего не знал о празднике, который, по берлинским заявлениям, должен был происходить в страстной четверг (!). От литовцев присылались мне многочисленные благодарственные телеграммы, как „поборнику справедливости и защитнику угнетенных народов“.

Теперь фактически можно было приступить к замещению *трона*. Чтобы склонить на свою сторону угодного литовцам герцога фон-Урах, в те дни прусские круги предлагали, сохраняя личную унию, назначить герцога наместником или правителем страны и мотивировали это тем, что самостоятельный государь Литвы весьма скоро подпадет под влияние польской интеллигенции. Я настойчиво советовал герцогу не согла-

шаться на это предложение. Он сообщил мне, что к нему с этим не обращались и что он на это не согласится. В руководящих литовских кругах в начале апреля пришли к убеждению, что „восстановление страны, без монархического главы, невозможно.“ Поэтому Совет единодушно пришел к мысли немедленно решить вопрос о государе. Предварительным голосованием в Тарибе был выбран единогласно будущим королем герцог фон-Урах, при условии, чтобы последний никогда не заключал личной унии ни с какой другой страной и созвал национальное собрание для выработки основного государственного закона. Депутация страны должна была сообщить эти решения в Берлин. Депутация имела намерение одновременно урегулировать с герцогом, от имени литовского народа, все подлежащие разрешению вопросы. Но, без согласия немецких генералов, было трудно осуществить эту поездку. В конце месяца я писал герцогу: „Я работаю день и ночь, чтобы литовская делегация могла, наконец, приехать сюда.“ Военное управление в последний момент еще старалось разрушить надежды Литвы; оно пустило по стране петицию к императору с просьбой „поставить и нашу страну под славный скипетр В. В. и соблаговолить принять велико-герцогскую корону для себя и для наследников В. В.“. Президент Совета протестовал против этой петиции, распространявшейся под оффициальным немецким давлением; крестьянам, которые подписывали заявление о личной унии, обещалось освобождение от реквизиций и сложение штрафов. Политическая бездеятельность Берлина заставила меня писать 17 июня герцогу фон-Урах: „Если мы не возьмем быстро и искусно в свои руки решение литовского вопроса, то Литва, как и остальные окраинные государства, на всеобщей мирной конференции выступит не в пользу Германии, и мы будем изолированы. Это чрезвычайно вредит немецкому делу“. Поэтому при парламентской беседе с канцлером 19 июня я заговорил совершенно откровенным языком. Мало надежды на политический успех, пока литовский вопрос нахо-

дится в руках такого человека, как товарищ статс-секретаря фон-Фалькенгаузен (начальник имперской канцелярии при правительстве Каппа), который отклонял единодушные пожелания о создании национального правительства под таким предлогом: так как многочисленные реквизиции раздражают народ, то будет лучше, если ответственность за них возьмет на себя немецкое военное управление, а не новое литовское правительство.

В конце июня могла, наконец, прибыть в Берлин депутация литовского Совета, но у канцлера не нашлось для нее времени и он отослал ее, между прочим, к упомянутому выше барону Фалькенгаузену. 1 июля, при моем посредстве, во Фрейбурге происходили конфиденциальные переговоры между герцогом фон-Урах и депутатами, которые привели к следующему соглашению:

„Литовская Тариба предлагает литовский трон его светлости, герцогу Вильгельму фон-Урах, и его мужскому потомству по прямой линии в предписанном конституцией порядке.

Король принимает имя Миндовга II (Mindaugas) и вступает на литовский трон на следующих условиях: I. Литовское государство является монархией, основанной на демократических началах.

. . . . . .

VIII. Король живет вместе со своей семьею в Литве и без разрешения народного представительства не может пребывать заграницей долее двух месяцев.

IX. Литовский язык должен быть не только оффициальным государственным языком, но и языком придворным...

XI. Дети короля посещают литовские школы и воспитываются в Литве. По окончании обучения в Литве они могут продолжать образование заграницей...

После того, как соглашение между народом и будущим государем было таким образом достигнуто, а имперское правительство многократно отказывалось принять представителей Тарибы, последняя приступила 11 июля 1918 г. к выборам государя и провозгласила таковым герцога Вильгельма фон-Урах...

Тариба заявляла, что, в виду отказов Берлина принять ее депутатов, ей не оставалось иного пути,

как самой разрешить этот вопрос, пользуясь правом, которое уже ранее было признано немецким правительством за Литвой, как и за другими пограничными государствами; курляндцы, пользуясь этим правом самоопределения, избрали уже своим государем немецкого императора. Проект личной унии был так непопулярен, что из него извлекали пользу только республиканские течения; вообще, положение в стране было таково, что население почти доведено до отчаяния. Неудовольствие переносилось и на Тарибу, которую обвиняли в том, что она продала Литву Германии. Тариба послужила германским интересам тем, что избрала немецкого принца. Но этим она только исполнила свой долг и „ни при каких обстоятельствах она не возьмет своего решения обратно".

Всякая разумная государственная политика употребила бы все свои силы на то, чтобы *признанием королевского избрания* избавиться от дальнейших ударов и оградить германские интересы. В этом смысле я делал представления в различных учреждениях, указывая на то, что Литва отклоняет всякую личную унию, но готова заключить с Германской империей „вечный союз"; немецкие князья могли бы подумать, что немедленное создание литовского королевского трона является „великой победой монархического принципа", что скорое устройство литовского государства будет иметь для Германии решающее значение при заключении мира и для новой ориентации на Восток; если же император будет колебаться с признанием нового государя, „то, как за границей, так и во многих кругах внутри страны будут говорить, что император сам желает сделаться королем Литвы, что Германия не соблюдает обещанного права самоопределения народов, что в широких католических кругах будут досадовать на императора за то, что он отказывает католической Литве в католическом короле. Многие немецкие дворы будут с неудовольствием смотреть на усиление могущества прусской короны". Сам герцог Вильгельм фон-Урах решительно подчеркивал, что он даст свое окончатель-

ное согласие только тогда, когда выскажутся руководящие германские сферы. Избирательный акт был ему представлен после преодоления многочисленных затруднений. Герцог желал, чтобы Тариба вступила с ним в сношения в оффициальной форме. 12 августа 1918 года специально уполномоченная делегация сообщила герцогу о его избрании королем литовским и просила его скорее вступить на литовский трон под именем Миндовга II. Из всех немецких властей я нашел полное сочувствие только в вице-канцлере фон-Пайере; он хотел быстро решить вопрос о престоле в согласии с литовским народом, считая это необходимым в немецких интересах, так же, как он весьма сочувственно относился к желаниям литовцев создать немедленно свое литовское правительство. Литовская делегация, ездившая в Швейцарию на конференцию, имела новую длительную беседу с герцогом. Несмотря на все ухудшающееся с каждым днем военное положение Германии, имперское правительство не могло принять никакого решения, совершенно так же, как и в польском вопросе. Наконец, в середине сентября канцлер заявил, в ответ на новое представление центра, что герцог теперь „скоро" взойдет на литовский трон. Но, вместо того, чтобы подвинуть решение этого вопроса, был создан новый материал для конфликта, когда начальник управления фон-Фалькенгаузен отказался признать литовский Государственный Совет, как таковой, и называл его исключительно совещательным учреждением, которое не обладает верховными правами и не является правительственным органом. И канцлер граф Гертлинг отклонил переименование литовского Земского Совета в Государственный Совет; военное управление отсылало нераспечатанными пакеты с надписью „Литовский Государственный Совет", якобы „за противозаконное наименование". И это во дни военного крушения Германии! Литовский Государственный Совет протестовал против такого обращения, которое вызывало в Литве тем большее озлобление, что тогда разносились слухи об уступке города Вильны Польше, несмотря на признание декла-

рации 11 декабря, в которой Вильна указывалась, как столица Литвы.

В кабинете *принца Макса Баденского* я тотчас позаботился об удалении политически бездарного товарища статс-секератаря фон-Фалькенгаузена, который нашел весьма способного преемника в генеральном уполномоченном, д-ре Циммерле. Тотчас же было образовано новое литовское правительство. Оно должно было завязать сношения с избранным королем, чтобы немедленно возвести его на трон. Выраженное Государственным Советом пожелание о прекращении реквизиций и учреждении милиции были утверждены кабинетом; он изъявил свое согласие и с тем, чтобы новое литовское правительство предприняло необходимые шаги для признания литовского государства и установления дипломатических сношений. Литовский министр-президент в конце октября вел переговоры с избранным государем, в которых было достигнуто соглашение по всем вопросам; на основании своих разговоров в Берне, он мог выразить надежду, что Англия и Америка не будут протестовать против выбора герцога. Такова была ситуация перед заключением перемирия, когда договор о перемирии отменил все соглашения между Германией и Литвой. Избрание короля, как свободный акт Тарибы, не является таким соглашением. В начале января 1919 г. я мог написать герцогу фон Урах, „как последовательно развивались события из этой роковой политики. Всю мою деятельность я посвятил на то, чтобы дать другое направление губительному ходу вещей. Политика промедлений горько отомстила за себя в Литве.“ Несмотря на все старания опытного генерального уполномоченного в Литве, который особенно энергично поддерживал литовское правительство в его стремлениях создать военную силу для защиты страны от России и Польши и горячо боролся с превышениями власти немецкой военщины, военные старались продолжать свою политику насилия, которая нашла свое логическое завершение в балтийской авантюре и в Капповской революции, вызванной балтийскими войсками,—к бесконечному вреду для Германии.

XVI. Бельгия.

„Германия никогда не начнет войны только из предположения, что она ей навязывается. Германия *никогда не начнет войны с нарушением европейского договора*. Ее правительство слишком дорожит своей славой верной хранительницы договоров, созданных Европой для охранения мира. В Англии полагают, что немецко-французские границы недоступны для нападения, благодаря оборонительным сооружениям Франции, и что, следовательно, германский генеральный штаб должен расчитывать на прорыв через Бельгию. Мы не думаем, чтобы английские журналисты, как бы они ни были проницательны, так легко сумели исчерпать комбинации германского генерального штаба. Но во всяком случае они ошибаются, думая, что правительство у нас подчиняется взглядам генерального штаба, а не наоборот. И так же, как бельгийский нейтралитет, Германия никогда не нарушит нейтралитет Швейцарии".

Эти золотые слова князь Бисмарк произнес более 30 лет тому назад („Post". Nr. 54, 24 февраля 1887 г.); до самого начала войны, они не были взяты назад его преемниками, но часто подчеркивались ими. Во время обсуждения военного законопроекта 1913 года, в закрытом заседании рейхстага происходил серьезный разговор о нейтралитете Бельгии. Статс-секретарь фон-Ягов заявил самым определенным образом, что Германия не нарушит нейтралитета Бельгии, что бы ни случилось. Военный министр фон-Герингen на вопрос о том, разделяет ли армия этот взгляд, уверял, что Германия до тех пор будет уважать нейтралитет Бельгии, пока с ним будут считаться противники. Когда затем в конце лета 1913 г. завязались международные дебаты о бельгийском нейтралитете, я сделал решительное заявление одному высокому бельгийскому чиновнику, приехавшему на конгресс немецких католиков в Меце, что

Германия отнюдь не думает о походе через Бельгию,— я имел веру в слова наших ответственных государственных людей. Эту беседу, попавшую в печать с моего согласия, естественно вспомнило общественное мнение после нашего похода через Бельгию в 1914 г.; в ней хотели видеть намеренный и коварный обман Бельгии перед войной. Это не верно. Я сделал это заявление со спокойной совестью, помня о том золотом правиле, которое установил князь Бисмарк и согласно которому он сам поступил бы в подобном случае.

Германский поход через Бельгию произошел без предварительного согласия *рейхстага*; когда он собрался 4-го августа, немецкие войска уже стояли, как открыто говорил канцлер, на бельгийской земле. В тесном кругу обсуждали тогда, не должен ли рейхстаг выступить с предостережением против этого шага, но отказались от этой мысли, так как компетентные власти утверждали, что бельгийский нейтралитет был нарушен Францией уже до нашего вторжения. Так мне рассказывали в военных и политических кругах, что французские войска находились в Намюре за два дня до об'явления войны и т. п. Во время войны я проверил это и мог констатировать, что отдельные французские солдаты и офицеры были на вокзале в Намюре за несколько дней до войны, но что это были работавшие в Бельгии французы, которые имели при себе форму и надели ее, отправляясь на родину, по призыву. Немецкое общественное мнение все время вводилось в заблуждение ссылками на то, что Антанта первая нарушила нейтралитет Бельгии, что неприятельская армия хотела напасть в тыл Германии и вступить в рейнскую промышленную область. Многие не шли так далеко, а говорили: если бы Германия не выступила через Бельгию, это, наверное, сделала бы Антанта, причем они забывали, что диспозиция французской армии при начале войны была такова, что бельгийская граница оставалась почти незащищенной. Ложное предположение о нарушении бельгийского нейтралитета со стороны Антанты, которому в Германии верили, подкреплялось еще опубли-

кованием документов из архива брюссельского министерства иностранных дел, где шла речь о переговорах между бельгийскими и английскими генералами на случай немецкого вторжения. Отсюда понятно, что в первое время войны немецкое общественное мнение требовало особых гарантий при заключении мира именно против Бельгии. Многие немцы и теперь еще не хотят признать, что Германия нарушила бельгийский нейтралитет, хотя бы только из самообороны.

Какой *политический вред* нанесло нам вторжение в Бельгию, мне стало ясно во время моих частых поездок в нейтральные страны, где бельгийский вопрос все время стоял на первом плане. В самой Германии общественное мнение было особенно возбуждено сообщениями о партизанской войне, в которой яко бы активно участвовало и бельгийское духовенство. Несмотря на все мои старания и распросы, я не мог установить документально ни одного случая, когда бельгийский священник принимал бы активное участие в партизанской войне. В результате распросов все это оказывалось предположениями, догадками, а часто и недоразумениями.

Четыре года оккупации были для Бельгии суровой школой страдания. Я старался смягчить их, поскольку было возможно. Что касается массы бельгийского народа, то это было чрезвычайно трудно, почти немыслимо. В многочисленных отдельных случаях мне удавалось однако добиваться помилования, отмены высылок и смягчения принятых мер. Настойчиво боролся я против бельгийских *высылок*. Германское правительство руководилось при высылках в Германию следующими основаниями: уводиться должны только безработные, так как иначе они нуждались бы в помощи; английская блокада делает необходимым использование всех рабочих сил и в занятой области; принудительный труд не противоречит и гаагскому положению о сухопутной войне; в Германии рабочие могут найти себе заработок.— Я не разделял этого взгляда, заявлял об этом в рейхстаге и в многочисленных беседах с властями; если

желают бороться с безработицей, то пусть вводят принудительные работы в самой Бельгии, а не уводят людей в Германию; уводя без разбора даже профессоров университетов, купцов и т. д., т.-е. совсем не безработных, вызывают чрезвычайно сильное раздражение во всем свете. Политическое действие этих высылок было, как я не раз указывал, крайне вредно для политического престижа Германии. Святой престол оффициально обращался к германскому правительству (и часто пользовался при этом моим посредничеством), чтобы добиться прекращения высылок и возвращения изгнанников на родину. В берлинских политических кругах понимали нецелесообразность этой меры; но верховное командование оставалось неумолимым, хотя старалось свалить с себя ответственность. Берлинское правительство обещало святому отцу прекратить высылки; несмотря на это, они продолжались, чем Ватикан был поставлен в весьма неприятное положение, так как он уже сообщил о прекращении высылок через дипломатию и в прессе. Поэтому я обратился с письмом к Людендорфу, который ответил мне 10 июня 1917 г., что он не осведомлен об этом деле и просил справку у иностранного ведомства. Я не успокоился, тем более что иностранное ведомство стояло на моей стороне и было убеждено в том, что Ватикан не позволит себя дурачить. Однако Людендорф снова отклонил об'яснение по существу, хотя все это злополучное мероприятие исходило от верховного командования. Под давлением всего мира, император приказал, чтобы лица, неправильно уведеннные в Германию в качестве безработных, немедленно были возвращены и чтобы дальнейшие высылки были приостановлены. Напротив, бельгийское население попрежнему принудительно привлекалось к работе на фронте, как для нужд оккупационной армии, так и для борьбы с общественными бедствиями. Людей нельзя было употреблять для непосредственных военных предприятий против их родины. При этом, по возможности, следовало избегать увода работников из пределов их общин. Берлинское правительство за-

явило святому престолу о своей солидарности с ним во взгляде на то, что принудительный угон рабочих является нежелательным и должен производиться с возможной осторожностью. Нунций Пачелли во время своего пребывания в Берлине в 1917 г. энергично добивался прекращения высылок.

Как только начались высылки, я счел своим долгом работать для смягчения участи изгнанников. По моему предложению и с согласия немецких епископов, было создано особое организованное по-военному пастырство для бельгийских рабочих в Германии. Немецкий патер-иезуит был назначен, по моему предложению, заведующим; он и его сотрудники посещали все лагери и распределительные пункты. Велись беседы на фламандском и французском языках; многие неправильно увезенные были возвращены через посредство этих лиц на родину, а также и больные; устранялись тяжелые условия жизни на работах и в распределительных пунктах. Все то доброе, что создало немецкое управление в Бельгии неустанным трудом большинства своих чиновников, многие социальные учреждения, впервые вызванные к жизни, введение германского рабочего законодательства, весьма прогрессивного сравнительно с бельгийским, германского рабочего страхования—все это было забыто из-за последствий высылок, которые разрывали семьи.

Так как в Бельгии до войны католическая партия стояла у власти, для немецкой политики было сугубо необходимо завязать тесные связи с *католическими кругами* страны. Лучшим средством для этого было бы назначать во вновь создаваемое бельгийское управление католиков, особенно из рейнских земель и южной Германии. Несчетное число раз, но, к сожалению, напрасно, я должен был обращать внимание немецких властей на то, что количество назначаемых в Бельгию католиков весьма незначительно, с прямым нарушением всякого равноправия... Поэтому не удивительно, что отношения между германскими *оккупационными властями* и большинством народа были крайне натянуты, про-

пасть между германским управлением и бельгийским духовенством с каждым днем становилась все глубже, а раздражение последнего все сильнее... Несмотря на это, я продолжал устно и письменно свои старания в пользу сближения между германским управлением и бельгийским народом. Брюссельскому генерал-губернатору я советовал при церковно-политических затруднениях обращаться непосредственно к брюссельскому нунцию и избегать резких нот от самого начала переговоров. Выбор неподходящих лиц создавал однако же лишние инциденты; так, кардиналу Мерсье, когда он отправился по обычаю для миропомазания в брюссельский монастырь Sacré-Coeur, начальник полиции, еврей, запретил исполнение его обязанностей—случай, вызвавший сильное возмущение.

Поездка кардинала Мерсье через Италию в Рим походила на триумфальное шествие. Овации относились не столько к его высокому церковному, сколько к его политическому положению, в котором он оказался волею судьбы. Ему самому должно было быть неприятно, что демонстрации устраивались свободомыслящими и массонами, что в них принял особое участие даже пресловутый союз Джордано Бруно. Именно это обязывало католические газеты Италии к величайшей сдержанности, в то время как пресса, которой располагал французский посланник в Риме, весьма искусно обходила политический отпечаток, лежавший и на его церковной деятельности, и не уставала указывать на добродетель и благочестие князя церкви. Беседа с Брианом, автором закона об отделении церкви во Франции, естественно обратила на себя внимание. Я заметил, что кардинал не только требовал солидарного выступления Антанты в пользу Бельгии—на это он имел право с своей точки зрения,—но и обнаруживал намерение, по возвращении в Бельгию, чинить усиленные препятствия немецким властям. Когда публичные выступления кардинала стали известны в Германии, в военных кругах были склонны, несмотря на данный ему пропуск, не впускать кардинала Мерсье в Бельгию; он должен иметь пребывание

в Швейцарии. Я высказался против этого предложения, так как оно повело бы к неприятным осложнениям, и кардинал, вероятно, вернулся бы в Италию; свои воззвания к бельгийскому народу он мог выпускать в Италии или же в Швейцарии. Многие требовали вмешательства папы, особенно потому, что опасались от выступлений кардинала восстания в Бельгии. Все сильнее раздавались голоса об интернировании кардинала. Я противился этому требованию, указывая на то, что в этом случае другой бельгийский епископ мог бы занять его место; в конце концов пришлось бы интернировать всех бельгийских епископов... Несмотря на противоположное мнение, господствовавшее в разных учреждениях, германский император решил, что кардинал не только может вернуться в свой диоцез, но может там оставаться в полной неприкосновенности. Генерал-губернатор фон-Биссинг письмом от 15 марта 1916 г. предостерегал кардинала от вмещательства в политику и заявил, что он не потерпит, чтобы кардинал „продолжал политическое подстрекательство, за которое всякий простой гражданин должен быть привлечен к судебной ответственности". Смею сказать, что стараньями курии удалось создать положение, делавшее возможным сносное сожительство германской военной власти и высшего церковного учреждения Бельгии.

Заключить возможно скорее с Бельгией *мир*, как пролог ко всеобщему миру, или как предварительный мир, или же как сепаратный—было во время всей войны одной из моих самых важных и настоятельных политических задач. Работа была не легка. Немецкие взгляды на мирные условия с Бельгией в течение всей войны далеко расходились между собой. Доброе слово канцлера при начале войны, что обида должна быть заглажена и что Бельгия должна быть восстановлена в своей старой свободе, независимости и нейтралитете, уступило место убеждению, что такая реставрация не может уже создать старой Бельгии, что в течение войны создалась новая Бельгия, всецело преданная Антанте. В Германии сначала требовали поставить Бельгию под

немецкую опеку, но не включать ее в состав Германии, потому что, как откровенно говорили, представители католического бельгийского населения не должны сидеть, как равные члены, в германском рейхстаге. Особенно всенемецкие круги решительно защищали это требование и хотели дать Бельгии лишь своего рода провинциальное управление на вечные времена, под властью немецкого генерал-губернатора; второе предложение сводилось к тому, чтобы *разделить* Бельгию между Германией и Францией и тем приблизить всеобщий мир; валонские провинции нужно уступить Франции, что обеспечит ее снабжением углем; это отвлечет Францию и от приобретения Эльзас-Лотарингии; этим открывается путь к созданию таможенного союза между Германией и Францией. Германская железная индустрия обеспечит себе беспрепятственное получение необходимой руды; Германия приобретет от Бельгии фламандские провинции; в Антверпенской гавани она получит естественный выход к морю; фламандское племя снова вернется в состав Германии. Мне было ясно с самого начала, что ни на той, ни на другой почве нельзя было добиться соглашения ни с Бельгией, ни с Францией, ни с Англией. Далее, для меня было несомненно, что, если Германия хочет заключить мир с Бельгией, то для этого нет лучшего посредника, чем *святой престол*. В этом со мной был вполне согласен первый военный канцлер, который так же, как и я, считал невозможным присоединение Бельгии к Германской империи и считал достаточным экономическое соглашение с восстановленной Бельгией. Святой престол с удовлетворением приветствовал весть, что германское правительство не думает об аннексии Бельгии; это послужило бы вечным яблоком раздора и внесло бы раздоры в собственный дом.

Все дело получило весной 1916 г. новое освещение, когда из шагов одного родственника бельгийского короля в Риме стало возможным предполагать, что бельгийский двор обнаруживает склонность к соглашению с Германией. Все зависело, разумеется, от приемлемых

условий мира со стороны Германии. 6 мая 1916 г. я мог сообщить святому престолу, по поручению канцлера:

«Германское правительство весьма приветствует посредничество святого престола в бельгийском вопросе как и вообще в вопросах мира. Германское правительство готово немедленно завязать обмен мнений о новом урегулировании бельгийского вопроса с е в. королем Бельгии. При сложности всего вопроса, германское правительство считает целесообразным, чтобы его святейшество с благоволило послать в Германию, при соблюдении тайны, доверенное лицо. С ним могли бы быть обсуждены все замешанные здесь вопросы, а не один бельгийский. Германское Правительство надеется, что этими переговорами был бы сделан значительный шаг ко всеобщему миру».

Однако при бельгийском дворе возникли большие затруднения, так как бельгийский кабинет был неединодушен в своей позиции. Этот раскол остался и впоследствии, что прервало на время мирное посредничество.

В конце июня 1916 г. я узнал, что святой отец в своем воззвании о мире ко второй годовщине войны хочет высказать ту мысль, что из речей ответственных министров обеих великих воюющих держав—Англии и Германии—он заключает, что все находящиеся в войне народы согласны восстановить Бельгию в ее независимости. Германское правительство просило меня сообщить в Рим, что будущее устройство Бельгии есть частный вопрос в числе больших вопросов, подлежащих урегулированию при заключении мира. В ноябре я, с своей стороны, просил поднять брошенную нить; уже поставлены два пограничных столба для соглашения: с одной стороны, Бельгия не должна быть аннектирована Германией, с другой—сделаться вассальным государством Франции и Англии; между этими двумя вехами следует искать различные пути соглашения; жажда мира в бельгийском народе очень велика; Бельгия не присоединилась к лондонской декларации не заключать сепаратного мира, и, в конце концов, „соглашение с Бельгией является началом всеобщего мира“. Вскоре затем меня уведомили, что предположенное в ближайшее время наступление Антанты делает неудобным

настоящий момент для начала переговоров; что касается самих условий, то необходимо еще соглашение между Римом и Берлином для смягчения этих условий. При этом святой престол не оставлял сомнений насчет того, что без восстановления Бельгии всеобщий мир вообще не мыслим.

В середине июня 1917 г. мне передали о достоверном заявлении бельгийскаго посла в Берне: „Война окончится в тот момент, когда Германия определенно обещает вернуть Бельгию в ее неприкосновенности". Посол брался передать конфиденциально наши условия. К сожалению, несмотря на мои настояния, этим предложением не воспользовались. В августе посол повторил свое предложение, как „весьма простой путь для Германии получить мир" (разумеется, о таможенном единстве с Германией в настоящее время нечего и думать); он имеет основания предполагать, что в этом случае воля к войне у Англии была бы сломлена. И на это Германия не ответила никаким решительным дипломатическим шагом.—Позже будет рассказано о том, какую важную роль играла Бельгия в папском мирном посредничестве.—Генерал Людендорф сказал мне 11 сентября, что резолюция рейхстага не может слишком связывать канцлера, а особенно в бельгийском вопросе; англо-французская армия должна быть в будущем настолько удалена от германской границы, чтобы, с развитием авиации, не мог быть нанесен вред нашей нижнерейнской индустрии; если Бельгия и будет восстановлена, то линия Мааса должна быть исходной для наступления неприятелей, с Бельгией необходимо достигнуть таможенной унии. Я возразил, что иду другим путем; Бельгия должна остаться вечно нейтральной страной, и притом по собственному праву; ее нейтралитет гарантируется всеми великими державами; никак нельзя продолжать войну из-за Бельгии; если будет суровая зима, то наступит опасность социальной революции не только у нас, но и во всей Европе. Людендорф заявил, что он не верит в нейтралитет. Так как Людендорф с того времени до военного разгрома оставался

почти неограниченным властителем Германии, а частью сам решал политические вопросы, частью существенно влиял на их решение, то было немыслимо на такой почве вести дальнейшие переговоры о мире с Бельгией. Несмотря на это, я в рейхстаге и везде публично постоянно подчеркивал, что ясные и недвусмысленные слова о полном восстановлении Бельгии являются предпосылкой для начала переговоров. Я решительно выступал за возмещение военных опустошений в Бельгии не только потому, что канцлер обещал это при начале войны, но и потому, что это является требованием справедливости и морали. Но даже среди фракции центра я встретил в августе 1917 г. непонятное противодействие этому требованию права, пока мне не удалось, в качестве члена военного кабинета принца Макса Баденского, заставить германское правительство стать на мою точку зрения. Германия начала говорить о Бельгии только тогда, когда ей нечего было больше сказать.

XVII. Подводная война и выступление Америки.

Несмотря на уверения в противном, можно считать несомненным фактом, что немецкое морское ведомство непростительно запустило постройку подводных лодок (U-Boote); уже в 1905 г. по поводу французских опытов я настаивал в хозяйственной комиссии рейхстага, что и Германия должна возможно скорее взяться за это дело. Я получил тогда от статс-секретаря фон-Тирпица ответ, что подводные лодки годятся только для защиты гаваней; пусть иностранцы жертвуют своими деньгами и своими людьми для этих опытов. Все старания об ускоренной постройке подводных лодок и постановке опытов, которые особенно неутомимо проводились депутатами народной партии, натыкались в морском управлении на глухую стену. Там признавали только крупные военные суда.

И во время войны, когда подводные лодки выказали уже свои первые блестящие результаты, это было все же не то, что могла бы дать немецкая индустрия и техника; морское управление говорило, что верфи перегружены работой, что машинная индустрия не может дать достаточного количества машин. Не раз, в закрытых заседаниях, я мог, опираясь на надежные сведения из промышленных кругов, доказывать ошибочность этих утверждений. В декабре 1916 г. я обратился к морскому штабу с письмом, где, ссылаясь на сообщения компетентных кругов, заявлял следующее:

„Отсутствует широкая постановка дела. Все строят ограниченное число судов одного типа, но это требует большого персонала и, несмотря на крупные расходы, приводит лишь к минимальным результатам. Массовое производство одно дает возможность сразу получить необходимое оружие".

Прямо трагично, что только в последний год войны, вообще, принялись за систематическую постройку подводных лодок.

Чем меньше лодок было у Германии, тем громче кричала всенемецкая пресса, что нужно начать *беспощадную подводную войну*. Сигнал был дан адмиралом Тирпицем в главной квартире уже в конце ноября 1914 г.; при моем посредстве, известный американский журналист ф.-Виганд был принят г. ф.-Тирпицем, который заявил ему:

„Англия хочет уморить нас голодом. Мы можем сыграть на том же: окружить Англию, взрывать всякое английское судно или судно ее союзников, приближающееся к любой гавани Англии, и тем отрезать значительную часть подвоза съестных припасов". На удивленный вопрос американского журналиста, имеет ли Германия достаточно подводных лодок, чтобы провести этот план, Тирпиц ответил: „да, подводными лодками крупного типа мы превосходим Англию; нельзя забывать, что подводные лодки лучше всего оперируют у берегов и в мелких водах" и что по этой причине английский канал особенно удобен для них. Еще вопрос, могли ли бы подводные лодки так превосходно держаться в других водах".

Эти громкие слова, не соответствующие действительности, поддерживали в немецком народе и во мне некоторое время веру в то, что беспощадная подводная война является лучшим средством быстро и успешно окончить войну. Но тогда в Германии не было ни одной подводной лодки, которая могла бы предпринять плавание вокруг Англии. В то время, как высшие военные власти хранили разумное молчание о новых боевых средствах, которыми они располагали до тех пор, пока не применяли их на деле, ответственный руководитель флота поступал как раз наоборот и этим вызвал протест нейтрального мира прежде, чем Германия могла вообще приступить к делу. А в то же время это выступление вызвало первый глубокий внутренний раскол в немецком народе: одни верили слепо Тирпицу, за которым бежали, как дети за „гаммельнским крысоловом", пока гора их не поглотила, другие видели впечатление, произведенное в нейтральном мире,

особенно в Соединенных Штатах Америки, и предостерегали от применения средства, которое должно было создать новых могущественных врагов для центральных держав в их тяжкой борьбе. Политическая борьба за подводные лодки в конце 1915 г. перешла в руки шести крупных экономических союзов Германии (союз сельских хозяев, германский крестьянский союз, христианские сельские союзы, центральное об'единение германских промышленников, союз германских промышленников, имперский союз среднего класса); они заявляли в петиции к канцлеру, что „внимание к американским интересам не должно итти так далеко, чтобы выбивать из рук Германии сильнейшее оружие, которым она теперь располагает в экономической борьбе с Англией". Очень скоро в морских кругах, затем между флотом и армией, а еще более между морским управлением и политическими властями империи вспыхнул чрезвычайно горячий спор о том, как должна вестись подводная война, как „крейсерская", когда суда топят лишь после предупреждения и спасают людей, или „неограниченная", т.-е. без всякого предупреждения. Многие немецкие круги, словно для того, чтобы возмутить нейтральных, употребляли выражение „беспощадная" подводная война. В конце концов спорный вопрос свелся к главному пункту: нужно ли вообще топить пассажирские пароходы. Многие моряки в разговоре со мною отстаивали тот взгляд, что для подводной лодки технически невозможно и на ближайшем расстоянии различать вооруженные и невооруженные, торговые и пассажирские пароходы; следовательно, чтобы вести успешную подводную войну, командир должен иметь право без предупреждения пускать мину во всякое судно, особенно в виду все новых попыток обмана со стороны противников и все новых защитных средств против нападения лодок. Другие моряки, напротив, заявляли, что военная польза, которая может быть достигнута таким простым потоплением судов, не стоит того крупного вреда, который произойдет от неизбежных об'явлений войны нейтраль-

ными странами, особенно Соединенными Штатами. Канцлер Бетман-Гольвег десятки раз в разговорах со мною заявлял себя противником неограниченной подводной войны; он не раз выражался таким образом: если бы мы пристрастились к этому способу войны, то весь свет набросился бы на нас и „убил, как бешеную собаку"; большинство нейтральных ответили бы на беспощадную подводную войну разрывом сношений или об'явлением войны Германии.

1915 год, когда правительство после об'явления войны Италией, перенесло главное внимание свое на союз с Болгарией, протекал еще сравнительно спокойно. Лишь в конце августа Тирпиц пытался, подав прошение об отставке, произвести давление в пользу беспощадной подводной войны и в то же время ради увеличения политического влияния своей особы. Канцлер сказал мне 4-го сентября, что его отставка ни за что не будет принята; император заявил, что Тирпиц занимает такой пост, который нельзя менять во время войны. В следующем месяце я узнал в морском министерстве следующее: статс-секретарь Тирпиц в своем прошении об отставке указывал, что, со вступлением в должность канцлера Бетман-Гольвега (1909 г.), необходимое морское строительство было приостановлено; в 1912 г., вследствие миссии лорда Гольдена, был нанесен первый удар морскому строительству, которое отстаивал сам император, а теперь последовал второй, с ограничением подводной войны; Тирпиц не может принять на себя ответственность за это и подал свое прошение об отставке. В письме императора с его отказом подчеркивается важность оставления Тирпица, как морского офицера, и берутся назад полномочия, возложенные на последнего с начала войны; император заявил только, что он желает выслушивать Тирпица в важных вопросах морской войны. Как мне передавали, положение Тирпица сделалось невыносимым, когда его злейший враг фон-Гольцендорф был назначен начальником морского штаба;. Тирпиц, вообще, отказывался принимать нового начальника штаба. Con-

ditio sine qua non для оставления Тирпица на его посту было, чтобы император принимал его и дополнил свой рескрипт обещанием выслушивать Тирпица по поводу всех важных вопросов морской войны. Я был тогда, по соображениям внутренней и внешней политики, противником отставки г. Тирпица, которая легко могла вызвать упадок духа во флоте и ликование за границей; кроме того мог наступить и канцлерский кризис. Поэтому я советовал начальнику морского кабинета дать возможность Тирпицу об'ясниться с императором и оставить за ним прежний круг деятельности. Начальник кабинета из'явил свою готовность работать для примирения; по его словам, это чистая сказка, будто бы он выступает против Тирпица. Тогда еще удалось сгладить разногласия; но было ясно, что этим они не устраняются.

1916 год привел к тем более *резкой ожесточенной борьбе*, хотя в начале года мы имели всего на всего немного более 50 лодок. Лишь третья часть их могла быть употреблена в действие одновременно; почти треть была в починке, треть в пути туда и обратно; позже отношение сражающихся лодок к общему числу их выражалось 1 : 5. Руководящей силой в политической борьбе сделался статс-секретарь Тирпиц, который, правда, никогда не высказывался с полной ясностью о своих целях. Чтобы добиться этой ясности, я в первой половине января имел с ним длинный разговор. Г. ф.-Тирпиц жаловался на то, что его голос не имеет значения в вопросе о подводной войне; уже при начале последней, в феврале 1915 г., его не спросили; он считал этот срок преждевременным и выбранным неудачно. Я напомнил статс-секретарю о его интервью с американским журналистом ф.-Вигандом, на что он возразил, что в нем не было речи о сроке для начала подводной войны—возражение не очень убедительное. Теперь, заявил Тирпиц, он непоколебимо убежден, что беспощадной подводной войной флот в состоянии в шесть недель поставить Англию на колени и заставить ее сдаться безусловно. Я вспоминаю эти слова совер-

шенно точно, потому что на мой вопрос Тирпиц повторил их, и это заявление меня поразило своей смелостью. Несколько дней спустя (17 января), я обратился с письмом к начальнику морского штаба ф.-Гольцендорфу, указывая ему на разногласия по поводу подводных лодок и прося у него ответа на некоторые вопросы... Через несколько дней Гольцендорф в длинной беседе со мной развил свой взгляд, что только беспощадная подводная война против Англии может привести к успеху; в шесть месяцев подводные лодки сумеют уничтожить у англичан столько тоннажа, что они несомненно проявят склонность к миру. Но этот результат будет достигнут лишь в том случае, если подводные лодки могут топить всякое судно даже нейтральное без предупреждения. Флот не имеет других способов принудить Англию к уступчивости. Но последнее решение в выборе этого военного средства есть вопрос политический и подлежит канцлеру, который несет всю ответственность. Я указал на то, что, если флот в состоянии осуществить реальную подводную блокаду вокруг всей Англии, то было бы гораздо легче запереть минами и лодками *угольные порты Англии* и, прекратив подвоз угля во Францию и Италию, побудить их к миру; угольные суда можно было бы топить без предупреждения: это сплошь неприятельские суда—осложнений с нейтральными нечего было бы опасаться. Хотя я не раз обращал внимание на эту частичную, направленную против определенных портов, но беспощадную подводную войну, однако моряки никогда не пытались итти этим путем... Различие в сроках Тирпица (6 недель) и Гольцендорфа (6 месяцев) меня поразило, я тотчас же сообщил об этом канцлеру...

Перед моим отъездом на Восток в начале февраля 1916 г. в правительственных кругах было решено расширить подводную войну, и это решение было мотивировано в записке, которую в обществе ошибочно считали началом беспощадной подводной войны. В те дни, вообще, стало обычным приводить фантастические

цифры и создавать настроение в пользу беспощадной подводной войны; это можно было сравнить лишь с тем, как в мае 1915 г. давление улицы в Риме должно было принудить итальянское правительство к об'явлению войны. По-моему, это было впервые, что и в Германии *улица* делала политику. Когда я вернулся с Востока, я нашел в Берлине политический сумасшедший дом: кто не стоял за беспощадную подводную войну, того называли врагом отечества, антинационалистом, глушителем патриотизма. На трезвые вопросы, что же будет с Германией, если, как следовало думать, Соединенные Штаты вступят в войну, эти кабинетные герои не могли дать ответа или же говорили, что с этим „потом справимся", или даже, что действие подводной войны скажется так быстро, что Америка не будет иметь времени вступить в войну.

27 февраля я имел новый разговор с влиятельным офицером морского штаба, в котором я изложил ему, что в шесть месяцев общий тоннаж может быть в самом благоприятном случае уменьшен на 4,8 — 5 миллионов тонн, что за это время враги могут построить, по крайней мере, миллион тонн, и что 1,7 миллионов тонн немецкого тоннажа, находящегося в нейтральных гаванях, наверное, будет потерян для нас. Общее уменьшение мирового флота составит, стало быть, 2,3 миллиона тонн, что при английском тоннаже в 18 миллионов составляет всего одну восьмую; совершенно немыслимо, чтобы такое уменьшение заставило Англию просить о мире. Морской офицер признал правильность моего расчета и сказал, что я еще слишком высоко оцениваю способности нашего флота; затем он поставил три вопроса: 1. Должны ли мы? (Немецкие силы постоянно убывают, сухопутная армия не может сделать всего, флот должен оправдать принесенные для него жертвы). 2. Можем ли мы? (Он полагает, что да). 3. Смеем ли мы? (Об этом последует решение в ближайшие дни в главной квартире). На мой определенный вопрос: „вы твердо убеждены в том, что флот беспощадной подводной войной в кратчайший срок сло-

мит Англию"? капитан ответил: „мы надеемся". Я возразил: „это очень неопределенно". Другой видный морской офицер старался рассеять мои сомнения по поводу вступления в войну Америки вопросом: „кто знает другое средство побороть Англию?" Я ответил, что предлагаемое им средство не достигнет желанной цели, и снова предложил, чтобы флот в более ограниченной области показал, какие задачи он может успешно разрешить (отрезать Салоники, отрезать вывоз английского угля). Что касается последней меры я, наконец, получил ответ, что она технически невозможна, так как угольщики идут из Англии под сильной охраной через канал, затем вдоль берега в Гавр, а оттуда по железной дороге; и здесь флот не может успешно выступить с подводными лодками. Я возражал, что если английский вывоз угля, который я оцениваю по меньшей мере в 30 миллионов тонн в год, идет этим путем, то гораздо легче направить этим же путем ввоз хлеба в Англию, который составляет самое большее 7 миллионов тонн в год; таким образом рушится все предположение сломить Англию голодом путем подводной войны.

Естественно, но и печально, что эти обсуждения не могли вестись *публично,* и общество в большинстве своем видело в беспощадной подводной войне путь не к погибели, а к спасению Германии. Еще раз победил холодный разум и политическая точка зрения; в марте 1916 г. Тирпиц ушел из морского министерства. Вождь национал-либералов Вассерман выпустил в напутствие ему брошюру, где писал: „верный штурман сошел с флагманского корабля", и затем чествовал „великого государственного человека Тирпица". Вспоминая о Бисмарке, он говорил: „к Тирпицу будем мы паломничать в его шварцвальдское царство, когда захотим получить совет о наших боевых силах на море и о их будущем развитии". Уход Тирпица был началом парламентской борьбы за беспощадную подводную войну, которую открыли национал-либералы, во главе с их вождем Вассерманом, правда, имевшим несчастье при этом случае

расколоть свою собственную фракцию. После долгой упорной борьбы за кулисами, все предложения были направлены в комиссию, которая обсуждала их в тайном заседании, не делая доклада в пленуме. За публичное выступление в пленуме выступили—крайности сходятся—консерваторы и независимые социал-демократы. Как далеко шла закулисная борьба, показало мне письмо председателя „Союза флота" князя Зальма к начальнику гражданского кабинета от 23 апреля, где, между прочим, говорится: „Если Соединенные Штаты об'явят нам войну, то для нас это самое лучшее; тогда мы вернем себе полную свободу действий, от которой, к сожалению, теперь отказались". Затем шел заразительный тогда, как повальная болезнь, „шестимесячный срок"; наконец, нужно работать во всю; начало беспощадной подводной войны вызвало бы „крик радости" у нашего народа. В ответе, составленном по поручению императора, был высказан резкий протест против „такого необоснованного вмешательства" в имперские дела. Я настойчиво продолжал борьбу против неограниченной подводной войны, сознавая, что, при вступлении Америки в войну, она проиграна. Я твердо стоял на этом убеждении даже тогда, когда из моей собственной партии стали все громче раздаваться голоса за беспощадную подводную войну.

Воспрепятствовать *вступлению Америки* в войну—в этом я видел важнейшую политическую задачу. Почти все морские круги были слепы. Не желая, чтобы их агитация привела весь народ к гибели, я снова предложил морскому штабу в июне 1916 г. произвести полное *заграждение Ирландии* и таким образом показать миру, что может дать морская война. Морской штаб отклонил и это и признал план технически неосуществимым. На октябрьском заседании комиссии рейхстага произошло резкое выступление в пользу немедленного начала неограниченной подводной войны; при этом ссылались на то, что Гинденбург и Людендорф безусловно требуют немедленного применения этого военного средства. На одном из первых заседа-

ний я тотчас же спросил министра иностранных дел ф.-Ягова: необходимо признать, что с началом неограниченной подводной войны *Соединенные Штаты Америки* рано или поздно об'явят нам войну; если я даже стану на ту точку зрения, что подводные лодки в кратчайший срок принудят Англию к миру, пусть статс-секретарь скажет мне, какими средствами он надеется добиться мирного соглашения с Соединенными Штатами. Г. ф.-Ягов, по своему обыкновению, кратко ответил мне, что таких средств нет, а поэтому не следует начинать беспощадной подводной войны. На этом все обсуждение вопроса могло бы закончиться; но статс-секретарь Гельферих в длиннейших рассуждениях, опираясь на огромное количество цифр, пытался доказать, что неограниченная подводная война не может довести Англию до голодания и приведет к полному фиаско в этом направлении. При этом краски были так сгущены, что у всех присутствующих получилось впечатление, что Германия ни при каких обстоятельствах не начнет беспощадной подводной войны.

Во время вечернего заседания того же дня была сделана попытка смягчить это впечатление. Новый морской статс-секретарь Капелле высказался с военно-морской технической точки зрения за немедленное осуществление подводной войны; он, между прочим, употребил смелое выражение, что вступление Америки в войну „равно нулю“, и на мое бурное, противоречащее ему „Ого!“, повторил: „Равно нулю! нулю!“ В то время, как национал-либералы и правые партии стояли за немедленное начало подводной войны, народная партия (демократия) осудила беспочвенные и нечистоплотные прощки в борьбе против правительства за подводную войну. Социал-демократы не пожелали считаться в своем взгляде на „беспощадную“ подводную войну с позицией тогдашнего верховного командования, вопрос должен рассматриваться с политической точки зрения, и социал-демократическая фракция „отклоняет и теперь применение подводной войны, не считающееся со справедливыми интересами нейтральных стран“. Центр на-

стойчиво ставил на вид приверженцам подводной войны, что *канцлер один* ответственен за политические решения в вопросах войны, „что решение канцлера должно главным образом опираться на решения верховного командования. Если же последнее выскажется за неограниченную подводную войну, канцлер может быть уверен в поддержке рейхстага". Прения кончились присоединением большинства рейхстага к мнению канцлера, что не следует начинать неограниченной подводной войны. Эта позиция была подкреплена достоверными известиями из враждебных стран, согласно которым Англия видит в применении этого боевого средства „непосредственную угрозу своему жизненному нерву и поэтому ни за что не положит оружия, пока ее морское превосходство не будет восстановлено. Сознание, что Англия может быть побеждена Германией на море и серьезно угрожаема в своем привилегированном островном положении, поднимет всех англичан до последнего и встряхнет уже иссякшие силы нации к новой жизни и к новому сопротивлению". Это мнение разделяло большинство рейхстага, не зная об оффициальных шагах немецкого правительства, которое обратилось к президенту Вильсону с просьбой о мирном посредничестве.

Лишь в апреле 1917 г. я узнал об *оффициальных шагах*, которые делала Германия во вторую половину 1916 г., чтобы добиться посредничества Вильсона. В средине июля граф Бернсторф получил оффициальное предложение договориться с Вильсоном о выступлении в пользу мира. Президент Вильсон выразил свою готовность и обещал в ближайшие недели подробно поговорить с посланником. Когда затем в августе Румыния об'явила войну и вторглась в Венгрию, Вильсон сообщил германскому посланнику, что он в настоящий момент не может выступить в пользу мира, так как война находится в слишком „неустойчивом" состоянии, Антанта собирается нанести последний удар центральным державам, и потому его посредничество не может иметь успеха. Когда румынское наступление выдох-

лось и инициатива перешла к немцам, граф Бернсторф в октябре 1916 г. осведомился о положении дел. Президент Вильсон заявил, что он непрерывно работает над делом мира, но теперь не может выступить, так как участвует в избирательной кампании; в Соединенных Штатах скажут, что он прибегает к избирательному трюку; у воюющих держав его предложение не встретит внимания, так как его избрание считается ненадежным. Граф Бернсторф согласился с этим взглядом. Вскоре после выборов, в ноябре 1916 г., президент Вильсон сказал графу Бернсторфу, что теперь он с полной энергией возьмется за дело мира и до Рождества обратится с воззванием ко всем странам. Граф Бернсторф обещал ему поддержку в его выступлении. Затем, внезапно и неожиданно, без предварительного соглашения с Вильсоном, последовало германское предложение мира от 12 декабря 1916 г. Вильсон был этим весьма возмущен. Граф Бернсторф заявил, что, вследствие плохого сообщения с Германией, Вильсона не могли *заранее* уведомить; пусть Вильсон спокойно продолжает свое дело. Он выступил 18 декабря 1916 г. со своей мирной декларацией. После того, как к нему поступили ответы воюющих держав, он сообщил графу Бернсторфу, что, несмотря на видимую неудачу, он будет продолжать свое посредничество, а именно путем новой ноты, которую пытается выпустить в феврале. Граф Бернсторф был весьма обрадован, указал на германское предложение мира и заявил, что он сделает все возможное, чтобы привести эти старания к успешному концу.

Без всякого предупреждения и совершенно неожиданно для Америки, Германия *начала* 1 февраля 1917 г. *беспощадную подводную войну*; на это Вильсон отвечал разрывом дипломатических сношений; он не пожелал принять графа Бернсторфа для об'яснений. Позже Вильсон получил известие о мексиканской телеграмме статс-секретаря Циммермана. Президент Вильсон заявил в разговоре с одним видным голландцем, что он больше не может вести переговоров с Германией; в

одной руке у него германское обещание поддержать предложение мира, в другой—германская нота Мексике. Все эти обстоятельства были скрыты как от немецкого общества, так и от рейхстага. Излагая эти факты в их связи, я несколько упредил события.

Едва было выпущено в свет германское мирное предложение от 12 декабря, как уже 22 декабря *морской штаб* потребовал немедленного начала беспощадной подводной войны. Статс-секретарь фон-Ягов, главный противник этой системы войны, ушел уже в ноябре 1916 г. Его преемник Циммерман относился к подводной войне гораздо благосклоннее. Во всех департаментах министерства иностранных дел—последние редко бывали единодушны—господствовало убеждение, что ни при каких обстоятельствах нельзя прибегать к этому способу борьбы. Логически наиболее резкую критику эта система войны встретила в руководителе правового департамента. Докладчики политического департамента единодушно решили выйти в отставку, если начнется беспощадная подводная война, чтобы этим крайним давлением удержать от гибельного шага. Наш посланник в Вашингтоне граф Бернсторф не упускал случая постоянно сообщать, что подводная война автоматически должна повлечь за собою об'явление войны Америкой, что, с другой стороны, мы должны дать время для продолжения мирного посредничества.

К удивлению всех, в начале января 1917 г. в главной квартире последовало решение в пользу беспощадной подводной войны. Канцлер Бетман-Гольвег, к сожалению, склонился перед решением, которое он в глубине души всегда считал гибельным. 16 января 1917 г. я еще раз сделал попытку удержать его и написал ему, чтобы, в случае беспощадной подводной войны, все же делалось исключение для пассажирских пароходов, и с ними поступали по правилам крейсерской войны... Далее я просил отсрочить начало беспощадной подводной войны до конца февраля или начала марта; к сожалению, тщетно. Находящемуся в

Швейцарии князю Бюлову я передал тогда: „я боюсь весьма скорого разрыва с Соединенными Штатами". 19 января я сделал последнюю попытку у адмирала Гольцендорфа; он заявил, к моему удивлению, что пассажирские пароходы могут плавать спокойно, если они не везут на себе контрабанды, придерживаются определенного маршрута и имеют на себе особые отличительные знаки. Все, что правительство предложит в этой области, будет, разумеется, принято. Но это обещание не было исполнено.

1 февраля 1917 г. было *началом* национального бедствия. Незадолго до того, в закрытом заседании комиссии рейхстага, статс-секретарь Гельферих, с помощью тех же цифр, которые он в октябре приводил против подводной войны, пытался уже доказывать, что теперь необходимо начать подводную войну. Я вспоминаю, как все члены комиссии сгруппировались вокруг оратора; я один остался сидеть, и канцлер спросил меня через стол, почему я не интересуюсь докладом; я отвечал ему, что не могу слушать этого жонглирования цифрами. Уже в феврале я узнал из кругов французского и английского массонства, что при положении, созданном новой подводной войной, в Англии царит настроение крайней решимости: „всякий британец чувствует вместе с правительством, что отступление невозможно, и что нужно примириться с продлением войны, обусловленным новыми оборонительными мерами. Сломить Англию голодом невозможно". В Германии, напротив, первые результаты, участившие потопления неприятельских и нейтральных судов, встречались с энтузиазмом политических детей — несмотря на американское об'явление войны. Чтобы поддержать шестимесячный расчет, статс-секретарь Гельферих позже сопоставил цифры ввоза за некоторые месяцы 1916 и 1917 гг. и хвастался уменьшением ввоза на 20 и более %; на мой вопрос 2-го мая, почему в статистике был опущен ввоз *риса*, что меня тем более удивляет, что запас риса в Англии огромен и что им мог бы быть покрыт недостаток хлеба, я получил ответ,

что Англия приостановила опубликование цифр о ввозе риса и что в Англии „до сих пор", еще не думали о замене рисом недостатка в зерне. Фактически оказалось, что Англия свой ввоз риса увеличила с 4,4 миллионов сот. фун. в 1913 г. до 5,4 миллионов сот. фун. в 1914 г. до 10 миллионов сот. фун. в 1915 г. и 8,7 миллионов сот. фун. в 1916 г. и что рис и ячмень тогда оказывали существенное влияние на английское питание...

16 июня 1917 г. я подал в морской штаб и ответственным государственным деятелям расчет предполагаемого состояния мирового тоннажа в конце 1917 г. Ответ от 3 июля, который ссылался на исследование „эксперта", был до того бессодержателен, что я писал в морской штаб 5 июля: „если не дают себе труда исследовать, правильно ли утверждение, что при блестящем продолжении подводной войны в конце года все еще остается в наличности тоннажа в 38 миллионов тонн, то подобная экспертиза возбуждает предположение, что против выставленной мной статистики не может быть сделано серьезных возражений". 3, 6 и 7 июля, в виду бессодержательного ответа морского штаба я предявил свой расчет в хозяйственной комиссии, желая доказать, что утверждение, будто бы подводной войной можно добиться мира в 6 месяцев или вообще в определенный срок, является политическим софизмом... Статс-секретарь Капелле не мог возразить против моего цифрового материала ничего, кроме общих фраз, утверждая, что ни в одном парламенте так низко не оцениваются результаты подводной войны, как мною, хотя я вполне признавал частные успехи и оспаривал лишь политические выводы. На мое напоминание о том, что моряки раньше называли транспорты с американскими войсками „желанной добычей для наших подводных лодок", я получил поразительный ответ, что американские войска высаживались в Бискайском заливе, где подводные лодки не могут действовать успешно вследствие бурь — как будто Бискайский залив стал неспокойным лишь в 1917 г. — и другой ответ, что транспорты с войсками конвоируются и

охраняются защитными средствами в воде и воздухе, меры, которые я предсказывал морякам уже в 1916 г., когда от меня, как от неспециалиста, отделались замечанием, что совершенно немыслимо конвоировать большое число судов: если они плывут вместе, то подводные лодки могут тем легче потопить их одно за другим.

В эти дни мне рассказывали интересные подробности о том, с каким невероятным легкомыслием военные власти ссылались на авторитетные отзывы импортеров хлеба при оценке действий подводных лодок. Близкие родственники одного такого эксперта, работавшего для верховного командования, сообщали мне:

„Скандальное положение, что этот человек считается в главной квартире экспертом, заключается не в том, что он не является таковым, а в том, что военные круги рекомендовали его потому, что хотели представить *императору еврея свободомыслящего*, который верит в успех беспощадной подводной войны и который к тому же считается экспертом в мировой хлебной торговле, хотя этот человек в своих публичных выступлениях постоянно делал ошибки".

Но самообман продолжался, как сладкий политический опиум. Статс-секретарь Гельферих высчитывал в начале беспощадной войны тоннаж Англии в 10 миллионов тонн, из которых 5 миллионов тонн должны были быть потоплены. Расчеты мирового тоннажа он отклонял и оценивал минимальное количество тоннажа, необходимого для гражданской Англии в 6 миллионов тонн...

Еще фантастичнее была записка морского штаба от 2 августа, которую он подал в государственную хозяйственную комиссию и в которой он исчислял размеры английского торгового флота к 1 февраля 1917 г. в 18 миллионов тонн, к 1 января 1918 г.— 13,2 мил. т., а затем совершал огромную ошибку, вычитая для военных целей 10,5 мил. т., которое могли бы быть уменьшены на 2,35 мил. т. нейтральных судов. Так. обр. к 1 октября для Англии осталось бы только 5,45 мил. т., а к 1 января 1918 г. 4,5 мил. т. В заклю-

чение следовала смелая фраза: «Все цифры выбраны так осторожно, что, в действительности, уменьшение еще гораздо значительнее". Бесстыдство, с которым морской штаб выступал перед рейхстагом с расчетами для грудных младенцев заставило меня спросить, есть ли в комиссии хоть один мыслящий человек, который мог бы принять всерьез такие цифры. Я должен был во всяком случае признать, что депутат Штреземан попал на приманку морского штаба,

„Считая, согласно речи капитана Брюнингауза, достижением подводной войны то, что в Австралии 3 мил. тонн хлеба, из-за отсутствия тоннажа, было съедено мышами. Тогда я задал себе скромный вопрос, сколько мышей было нужно для истребления такого количества".

Наконец, 17 апреля 1918 г. статс-секретарь Капелле в главной комисси сделал заявление, что подводная война не может привести в определенный срок к окончанию войны.

Открыть глаза немецкому народу на настоящее положение вещей было немыслимо при военном режиме. Когда в сентебре 1917 г., после принятия резолюции о мире, я, в одной речи в своем избирательном округе, указал на то, что в феврале 1916 г. у нас не было и полусотни подводных лодок (в печати называлась, не встречая опровержения властей, фантастическая цифра 300 и более лодок), морское министерство не только пыталось—правда, неудачно—привлечь меня к суду за государственную измену, но и была запрещена перепечатка моей речи в Германии. Когда я в конце сентября 1917 г. хотел прочесть в Ульме другой доклад, комендант крепости запретил мне касаться хотя бы одним словом подводных лодок, я не мог даже сообщить собранию об этом запрещении. Так генералы и флотские задушили истину.

Всю *горькую правду* о подводной войне рейхстаг узнал лишь 28 сентября 1918 г., от нового статс-секретаря морского министерства фон-Манна. 13 января 1918 г. Германия располагала 143 подводными лодками, 21 сентября 1918—154; из них обычно одна треть

сражалась, две другие трети были в верфях, в починке или в пути. Ежемесячные потери с декабря 1916 г. колебались между 3 и 14, а новые постройки между 3 и 12; к концу 1918 г. новые постройки должны были дойти до 24. Следовательно, несмотря на недостаток людей и материалов, количество новых построек могло быть значительно увеличено; ф.-Манн еще повысил максимальную цифру на 50%, так что в декабре 1918 г. мог бы получить 36 новых лодок; заводы и верфи обещали справиться с этим заказом. Я возразил, что эти об'яснения весьма грустны, так как они доказывают, что рейхстаг был прав, настаивая на усилении постройки подводных лодок. Статс-секретари Тирпиц и Капелле подлежат суду за государственную измену, потому что они не строили столько лодок, сколько могли; если бы Терпиц строил больше лодок и меньше занимался политикой, Германия бы выиграла; что толку в большом числе подводных лодок в 1919 г., если Германия не выдержит до этого срока?

Так кончились последние дебаты о подводных лодках в рейхстаге.

XVIII. Попытки к миру.

У Германии, окруженной врагами, несмотря на первоначальные блестящие успехи ее оружия, не могло быть более важной и настоятельной политической цели, как возможно скорое заключение мира. Несчастный исход битвы на Марне—с тех пор генерал ф.-Фалькенгайн считал войну проигранной—выяснил и военную необходимость скорого мира. Среди всех государственных деятелей Германии, ф.-Ягов яснее других понимал настоятельность заключения мира. С самого начала в интимном кругу он выражал мнение, что Германия должна быть довольна, если выйдет из войны „с подбитым глазом". Перед битвой на Марне, в конфиденциальном письме к канцлеру от 2 сентября 1914 г. я излагал свои взгляды на задачи мира, но очень скоро взял их обратно, так как они покоились на весьма серьезном заблуждении относительно военного и политического положения. Но, к сожалению, круги, которые старались забрать в свои руки руководство внутренней политикой, уже в середине 1915 г. отдали пароль: „не надо преждевременного мира, не надо жалкого мира"; напомню только об известных петициях крупных экономических союзов промышленности и сельского хозяйства в марте и мае 1915 г. Дикая внутренняя борьба за подводную войну заглушила крик о войне. Германское общественное мнение не было воспитано для мирных выступлений ответственными политическими деятелями.

Политически неожиданным и неподготовленным поэтому явилось *мирное предложение германского правительства* 16 декабря 1916 г., о котором один нейтраль-

ный дипломат сказал мне: „они не предложили мира, а угрожали им под страхом каторжных работ за отклонение его“. Тогда были сказаны гордые слова: „с помощью божией наши славные войска создали положение, которое дает нам полную и большую уверенность, чем прежде“. Папе сообщали: „непоколебимо стоят славные войска союзников, защищая границы своих отечеств, исполненные сознанием, что врагам никогда не удастся прорвать их вал“. Такие слова не могли открывать дверей к миру, так как в них была внутренняя неправда. 18 ноября 1919 г. генерал Людендорф должен был сознаться перед следственной комиссией национального собрания: „в декабре 1916 г., несмотря на успехи в Румынии и на Востоке, кое-где и на Западе, наше положение было чрезвычайно серьезно, так что нельзя было расчитывать на победу одних сухопутных армий“. За семь дней до того, статс-секретарь Капелле заявил перед следственной комиссией: „на повороте от 1916 г. к 1917 г. я держался того же взгляда, как и верховное командование и канцлер, а, именно, что наше положение весьма серьезно. Нам не оставалось ничего другого, как применить последнее военное средство, чтобы спастись от гибели“. Это истинное положение уже тогда было известно неприятелю лучше, чем полагало германское правительство. Вместо того, чтобы тщательно подготовить политическую обстановку мирного предложения, оно раздалось, как пистолетный выстрел. В начале декабря 1916 г. я выехал в Швейцарию; непосредственно перед моим отъездом, канцлер просил меня оставить свой адрес в министерстве иностранных дел, так как я могу быть призван обратно по экстренному поводу. 8 декабря я получил в Цюрихе телеграмму из министерства иностранных дел, немедленно возвратиться в Берлин. Я запросил по телефону из Фридрихсгафена, в чем дело, но мне ответили, что об этом нельзя говорить по телефону; я должен ехать дальше, как можно скорее. Когда я прибыл в столицу, мне сообщили, с приказом самого строгого молчания, германское мирное предложение от

12 декабря; никто не должен ничего знать о нем; его действие должно быть для всех неожиданным. Мое представление, что, по крайней мере, должна быть подготовлена международная почва среди нейтральных, не имело действия. Вожди фракций были осведомлены лишь в последний час. Действие за границей было подобно холодной молнии, которая не зажигает. В то время ни одному депутату, в том числе и мне, не заикнулись ни одним словом, что германское правительство уже с середины года не раз склоняло президента Вильсона к мирному посредничеству, и последний обещал, после своего вторичного избрания, выступить с ним к Рождеству; поэтому он должен быть в высшей степени изумлен, что Германия, без всякого уведомления, предупредила его 12 декабря собственным мирным предложением. Позже старались оправдать эту политику тем соображением, что хотели иметь „два железа в огне“; но не смогли выковать ни одного, а только обожгли себе пальцы. В рейхстаге мирное предложение было встречено сочувственно; только правая отнеслась к нему отрицательно. Рейхстагу не сообщили также во время прений ничего о подготовлявшемся выступлении Вильсона, ничего также и о том, что святой престол со всей готовностью поддерживал Вильсона; мне не сообщили ни о поступившей папской телеграмме по этому поводу, ни тем более об ее содержании. Выступление Вильсона, при полной осведомленности об этих событиях, нашло бы в рейхстаге совершенно иную оценку.

В то время, как шаг Вильсона сразу оказал свое действие, неожиданность германского предложения и напыщенное обоснование его не произвело желательного впечатления на противников. Когда же стала известной несчастная речь императора, которую он держал к солдатам в Эльзасе 13 декабря, то пришлось отказаться от надежды на всякий практический результат: там говорилось, что „суд божий“ разразился над Румынией, что мы являемся абсолютно победителями... Затем Германское правительство без остатка

разрушило еще имевшиеся слабые надежды об'явлением беспощадной подводной войны. 31 января 1917 г. канцлер сообщил в небольшом кругу представителей фракций последнюю телеграмму, которую он направил к германскому посланнику в Вашингтон; она заключала в общих заголовках мирные цели Германии и предназначалась для передачи Вильсону вместе с сообщением о беспощадной подводной войне. Граф Бернсторф уже не мог выполнить этого, более чем странного, поручения.

Несмотря на лондонское соглашение в сентябре 1914 г., по которому ни один член Антанты не имеет права заключить отдельного мира, разумеется, делалось все возможное, чтобы добиться или сепаратного мира или, путем его, мира общего; самой удобной страной для этого оказалась *Россия*. За мои неоднократные поездки в Стокгольм, мне стало известно много подробностей об этих попытках. В конце марта 1916 г. немецкий промышленник Стиннес просил японского посла в Стокгольме о беседе, которая имела место в присутствии германского посла ф.-Люциуса. Как мне передавали, немецкий посол заявил своему японскому коллеге, что, по его мнению, пришел момент для заключения мира между *Германией* и *Японией* и что русское правительство настроено в пользу мира. Японский посол возразил, что Японии не нужен скороспелый мир и что сепаратный мир для его страны невозможен; германский посол ответил, что, если никто не возьмет на себя инициативы для начала мирных переговоров, то вообще нет никакой возможности заключить мир; представляется уместным, чтобы Япония, Россия и Германия обменялись мыслями с этой целью в полу-официальной, но конфиденциальной форме. Тогда японский дипломат выразил согласие сообщать содержание беседы своему правительству в Токио. Стиннес предложил, чтобы влиятельные представители России, Японии и Германии встретились в Стокгольме для обмена мнений об условиях мира; тогда можно будет взаимно согласовать требования союзников и подготовить почву

для переговоров между воюющими сторонами. Японский посол не думал, чтобы его правительство посоветовало России послать таких представителей, и уверял, что он не осведомлен о японских условиях мира. Высказанная Стиннесом просьба о сохранении секрета не помешала тому, что русское посольство было тотчас же осведомлено обо всем; оно же так мало старалось сохранить дело в тайне, что я узнал о нем уже через несколько часов по приезде в Стокгольм так же, как и о другой беседе, происходившей в середине апреля 1916 г. между германским и японским послами в Стокгольме; Японии предлагалось Кяо-Чао; за железные дороги и немецкую частную собственность в Китае, Япония должна дать компенсацию. И этот оффициальный дипломатический шаг не привел ни к каким результатам уже потому, как сказано, что такие пробные шары тотчас становились известны.

Весьма неудачны были переговоры, которые имел в Стокгольме будущий русский министр *Протопопов* с д-ром Варбургом из Гамбурга, прикомандированным к германскому посольству, и которые являлись тогда в Стокгольме злобою дня. Русский, который был посредником переговоров и присутствовал при них, передавал мне, что настоящий политический разговор едва начинался, и что г-ну Варбургу пришлось поддерживать беседу, причем он указал на благоприятное положение Германии в продовольственном отношении и на бесцельность продолжения войны для России; он требовал значительных исправлений границ в Курляндии в пользу Германии, а также самостоятельной Польши из австрийских и русских частей. Эти переговоры, сделавшись известны в России, возбудили там большое внимание и очень повредили Германии.

В сентябре 1916 г. поразительно возросли слухи о возможности мира с *Россией*. Одно значительное лицо сообщало мне свое впечатление 20 сентября 1916 г.:

„Обозревая мировое положение, как оно нынче представляется его озабоченному взору, он должен прийти к заключению, что Россия является единственной страной Антанты,

с которой можно вступить в переговоры о мире, и что Россия ранее всех захочет мира, если только достигнет успехов, обеспечивающих во вне ее военный престиж. Ключ к миру находится у Штюрмера, в котором воплощается другое мировоззрение, чем в Сазонове, и который, беря сам в свои руки управление внешней политикой, выражает свое желание руководить всеми судьбами России в духе своего мировоззрения"

В тот же день мне прямо из Петербурга сообщали о словах влиятельных русских чиновников, „что война надоела, и охотно заключили бы мир с Германией". Это обстоятельство, разумеется, не осталось неизвестным противникам Штюрмера. Назначение Штюрмером октябриста Протопопова в министры внутренних дел и опубликование разговора с Варбургом вызвало в середине ноября поразительно резкие речи Милюкова и Шульгина в Думе, которые окончились падением „мирного премьер-министра" Штюрмера. Русский посол в Стокгольме Неклюдов выразился в интимном кругу, „что кадеты не осмелились бы напасть на Штюрмера за его планы, несмотря на реорганизацию русско-английского общества в Петербурге и на деятельную помощь английского посланника Бьюкэнэна; *лишь германская прокламация* в Польше дала кадетам силу для штурма против политики Штюрмера. Милюков в своей речи сказал открыто о Штюрмере, что взоры врага с надеждой устремлены на него, так как он готов в вопросе о соглашении с врагами не считаться с честью русского государства и снова уничтожить престиж и значение России среди народов. Последствием немецкой прокламации о независимости Польши было то, что против Штюрмера поднялась не только вся Дума, как один человек, но и большинство кабинета. Как рассказывал Неклюдов, Милюков в своей думской речи произвел сильнейшее впечатление лестными для Штюрмера выдержками из немецких газет. Это чтение собственно и решило падение Штюрмера". Неклюдов выразил свое удивление тому, что немцы не понимают, как они своей неловкой тактикой, указывая в своей прессе на расположенных к ним лиц в стане врагов и на их склонность к миру, не только компрометируют

этих лиц, но вредят и самому делу мира. Нескромность многих немецких посредников вообще отбивала охоту от всякого сотрудничества в деле мира.

В начале *января 1917* г. одно осведомленное лицо изображало положение в России неустойчивым и сообщало дословно:

„Среди офицеров, царя иначе не называют, как „голштинцем". Он совершил величайшую глупость, взяв на себя верховное командование армией; вследствие этого все промахи падают на его ответственность. Каждый день можно ожидать, что император, императрица и наследник будут *убиты*. Великие князья почти все отосланы из Петербурга; так как император их боится. Царь правит самовластно, но случается, что министры должны ждать, пока он протрезвится. В России все говорят, что революция у порога. Она вспыхнет, как только будетъ заключен мир. Старые русские офицеры, на которых царь мог положиться, все перебиты. Молодые офицеры принадлежат к партии Милюкова. Если будет революция, то нельзя расчитывать на них и на подчиненных им солдат".

Несколько недель спустя стало правдой то, что в декабря 1916 г. кадетский вождь Маклаков сообщал в Москве о „политике при дворе". Борьба за внутреннюю реформу в России оттеснила назад жажду мира. Когда Антанта открыла при дворе явственные следы склонности к миру, английский посланник дал сигнал к революции; я пережил ее на русском фронте в Брест-Литовске, где я вел беседы с тамошними военными властями.

Тотчас по возвращении, я отправился к осведомленным русским лицам *в Стокгольм*. Оттуда я напомнил канцлеру в письме от 28 марта 1917 г. о нашем разговоре, в котором он сказал мне, что мировая война может окончиться только великим мировым событием: по моему мнению, оно наступило теперь с русской революцией; кто поможет теперь России консолидироваться внутри, тот имеет в руках крупный козырь для будущего. Новая Россия не должна видеть в Германии своего врага, она должна сделаться нашим другом и союзником. Положение напоминает 1866 г., когда Бисмарк своей умеренностью, непонятной для короля и Англии, сделал воз-

можным создание германской империи, а позже союз с разбитой Австро-Венгрией. Русская цель войны достигнута с уничтожением автократии. Теперь наступил один из тех моментов в истории человечества, о которых Бисмарк писал: „что он в величайший момент своей жизни довольствовался тем, что, смотря на ход провидения сквозь мировую историю, прикоснулся к краю его одежды". Из опыта моих переговоров, я набросал проект речи канцлера в рейхстаге, где должно быть подчеркнуто, что Германия не вмешивается во внутренние дела России, что сыны Германии принимали значительное участие в развитии русской культуры, Германии чужда мысль диктовать России унизительный мир; Россия может внутри обеспечить себе все свободы, которых желает ее народ, и ей остается во вне полная свобода развития. Речь канцлера 29 марта шла навстречу этому предложению и вызвала в России желаемый отлик.

Опубликованная в начале апреля *декларация нового русского правительства* представляла, как я сообщал начальнику морского кабинета, „замаскированное предложение мира, которое облегчает быстрое соглашение с Россией" (Русское правительство заявляло в ней, что оно желает освободить от врага собственно *национальную* Россию, что оно дает полякам полную свободу и отказывается от всяких аннексий). Теперь должен быстро последовать соответствующий ответ Германии. Таким могло бы быть письмо императора к канцлеру. При этом нельзя говорить о сепаратном мире; это оскорбит русских и уничтожит мир в зародыше. От России нельзя требовать вероломства; достаточно, если Россия заявит своим союзникам, что она не может продолжать войну; тогда союзники должны занять ясную позицию. Император должен публично дать канцлеру полномочия в любой момент завязать переговоры с русским правительством. В тот же день я имел разговор с канцлером и ответственными лицами, чтобы добиться желательного ответа Германии. В главной квартире выражали сомнения против такого решительного шага правительства; верховное командование считает, что для

Германии еще не пришел момент активно вмешаться, в то время, как из Вены сообщали, что там, во что бы ни стало, хотят дать ответ на декларацию русского правительства. Я предложил, по крайней мере, сделать заявление в немецкой правительственной газете; это было сделано; мои русские знакомые, несколько дней спустя, настоятельно вызывали меня в Стокгольм для переговоров. Перед отъездом канцлер сказал мне, что следующим шагом должна быть посылка Россией полномочных делегатов для начала оффициальных переговоров; приобретение линии по реке Нареву канцлер назвал мне минимальным требованием Германии.

При переговорах в Стокгольме оказалось, что в петербургском правительстве настроение относительно мира еще не решительное, особенно благодаря постоянному колебанию Милюкова; дальнейшее выяснение положения могло быть достигнуто после возвращения русских знакомых и переговоров с ними. При этом был составлен проект заключения перемирия между Германией и Россией. По моем возвращении, он встретил одобрение канцлера и министерства иностранных дел. Копия, которую я послал знакомому мне начальнику морского кабинета, дошла до сведения верховного командования; оно ошибочно сочло проект соглашением и заявило, что заключение перемирия есть чисто военное дело и подлежит его компетенции. Германские морские власти сочли своим долгом контролировать мои шаги в Стокгольме, предпринятые с ведома канцлера и военного ведомства, и затруднять мою работу. Несмотря на недостаточную ясность германской декларации от 25 апреля 1917 г., события в России протекали благоприятно. По сообщению статс-секретаря Циммермана от 2 мая, генерал Людендорф открыл ему, что русские делегаты на фронте искали встречи с немецкими уполномоченными, чтобы узнать наши условия мира; Людендорф поставил следующие условия для перемирия: свободный проход через Дарданеллы, отказ России от Константинополя, свободная Польша, восстановление старых границ 1914 г. с некоторыми исправлениями; Людендорф

сначала говорил о приобретении Курляндии и Литвы, но потом изъявил готовность взять обратно это требование и отказаться от всякой компенсации военных расходов. Эти пожелания вобщем совпадали с содержанием переговоров, которые я вел в Стокгольме. Один националист, член Думы, жаловался тогда в своей киевской газете, что агитация за сепаратный мир разливается и выносится на улицу, Англию выставляют настоящим врагом. К сожалению, германское положение было испорчено вмешательством всенемецких элементов, которые, не имея полномочий, ставили русским политикам более тяжелые условия.

Обострившаяся уже тогда кампания за замену Бетман-Гольвега одним генералом, из числа моих друзей, нашла во мне энергичного противника, по соображениям внешней и внутренней политики. Однако, я решительно убеждал канцлера при предстоящем заседании не отвергать программы мира русского Совета рабочих и солдатских депутатов: „без аннексий и контрибуций"; ибо из Петербурга через Стокгольм пришла телеграмма, которая открывала блестящие перспективы, но предостерегала от того, чтобы в речи содержался отказ только от аннексий на Востоке, а на Западе сохранялась бы свобода действий. К сожалению, канцлер не пошел навстречу этому желанию; он не высказывался (15 мая 1917 г.) о военных целях вообще, говорил о „долгом мирном соседстве" между Германией и Россией и заявил, что Германия не предъявит никаких требований, которые будут несовместимы со свободой и волей обоих народов и явятся для русского народа зерном новой вражды. Эта речь чрезвычайно понизила шансы на заключение мира с Россией. В социал-демократических русских газетах писали:

„Всякий, имеющий уши и глаза, может теперь слышать и видеть, что канцлер не желает признавать формулы „мир без аннексий и контрибуций". Речь Бетмана-Гольвега разрушила окончательно многие иллюзии. Германия добровольно не откажется от разбойных и грабительских целей, которые она преследует в этой войне..."

Русские буржуазные газеты видели в этой речи отказ от социал-демократической программы:

„Трехлетняя политика угодничества, столь усердно проводимая Шейдеманом, окончилась крахом. Для нас же, врагов Германии, может быть лишь два пути к миру: или мир без аннексий и контрибуций, или мир с аннексиями и контрибуциями. Если канцлер отказался итти одним из этих путей, то он показал, что оффициальная Германия все еще хочет играть с союзниками, как кошка с мышкой, что прусское юнкерство все еще не хочет расстаться с своей мечтой о завоевании мирового господства".

„Еще никогда слова канцлера не были проникнуты таким высокомерием по адресу наших друзей и таким сомнительным дружелюбием по адресу России. Он уже сейчас чувствует себя хозяином мира. Он угрожает западным народам тяжелым наказанием за то, что они еще не отказались от надежды помешать немецким стремлениям к мировой гегемонии. Нас же он считает уже побежденными и обещает, что он и тогда не поступит с нами слишком жестоко, если мы даже не покроем себя немедленно позором сепаратного мира".

Мирные переговоры оборвались, хотя уход Милюкова, вследствие русской декларации 10 апреля, значительно облегчал путь к миру. 11 июня я писал генералу Людендорфу,—правда, безуспешно,—что пришел момент самой Германии обратиться к России прямо или косвенно с предложением перемирия, которое должно длиться до 31-го октября, чтобы дать России возможность провести выборы в Учредительное Собрание; из перемирия сам собою разовьется мир; Германия не подвергается большому риску; несмотря на вызванную Керенским новую военную волну, с каждой неделей в русском народе сказывается все более заметным отход от Антанты. Заявление бывших русских государственных людей, барона Розена и барона Нольде, о скорейшем заключении мира снова двинули этот вопрос, пока он не вступил в самую острую стадию, вследствие новой революции и с'езда советов рабочих и солдатских депутатов. Оффициальное сообщение об этом поступило в Берлин 10 ноября 1917 г., но верховное командование задержало его на два дня до вечера 12 ноября, никому не сообщая о нем.

Новое русское *правительство Ленина* сначала намеревалось завязать переговоры с представителями партий большинства рейхстага, но потом отказалось от этого и предложило непосредственные переговоры между правительствами, которые открылись через парламентеров уже в конце ноября и, несмотря на протест держав Антанты, привели к заключению перемирия. Новые господа России при этом исходили из мысли, что возможно скорее должен быть заключен всеобщий мир. Для достижения его Троцкий был уполномочен советом народных комиссаров обратиться к папе с просьбой „употребить свое влияние на католические страны для немедленного заключения мира". Вслед за быстро заключенным перемирием начались затяжные *переговоры о мире*, при которых в Германии все сильнее выступал антагонизм между верховным командованием и большинством рейхстага. Канцлер граф Гертлинг занял нерешительную позицию, так что статс-секретарь иностранных дел ф.-Кюльман, стоявший на почве большинства рейхстага, оказался перед чрезвычайно трудной задачей. 20 декабря состоялось совещание вождей всех партий у канцлера, который уверял, что он имеет искреннее стремление вступить с Россией в дружески-соседское общение и снова завязать добрые отношения с ней; император дал ему мандат для подписания условий мира. Он поручил переговоры одному только статс-секретарю ф.-Кюльману. Программа Кюльмана, по его словам, представляла верховному командованию послать лишь одного делегата в Брест-Литовск. Каждая из союзных держав должна в отдельности договариваться с Россией, чтобы привести к такому же методу и на Западе.—Германские мирные условия таковы:

„1. Право свободного самоопределения для Польши, Литвы и Курляндии. Русскому правительству должно быть уже известно, что народные представительства в этих странах уже отделились от России. Отделение Финляндии, Украины, Кавказа и Сибири Германия признает только тогда, когда это сделает русское правительство. 2. Возобновление правильных торговых сношений в такой форме, чтобы старый торговый договор был продлен на три года 3. Отмена всего военного законодательства. 4. Взаимный размен пленных. 5. Взаимный отказ от возмещения убытков".

По словам Кюльмана, красной нитью всех переговоров должно быть создание добрых отношений с русским правительством. С заключением прелиминарного мира, который даст нам экономическое и военное облегчение, наступит новая мировая ситуация, которая, однако же, не должна быть использована для того, чтобы преследовать „безбрежные“ планы на Западе. Представители фракций требовали привлечения их в какой-либо форме к мирным переговорам. Канцлер обещал им, и это позже было исполнено таким образом, что вожди заранее осведомлялись о важнейших шагах в Брест-Литовске. Принятие русского общего мирного предложения „без аннексий и контрибуций“ от 25 декабря германской мирной делегацией привело в ярость верховное командование. Прежде чем это предложение и его принятие Германией могли оказать свое действие на мир, появилась уже вторая германская нота от 27 декабря, которая давала совершенно иной вид миру с Россией и требовала дальнейшего отделения русских областей.

Статс-секретарь ф.-Кюльман увидел себя вынужденным созвать 1-го января 1918 г. совещание всех партий, в котором сообщил относительно хода переговоров, что русские делегаты отнеслись совершенно отрицательно к сепаратному миру и требовали всеобщего мира. Путь сепаратному миру между Россией и центральными державами может быть открыт только отрицательным отношением западных держав. Если бы германские парламентеры прямо выступили с идеей сепаратного мира, то вообще дело не дошло бы до переговоров. Если бы вся Антанта стала на точку зрения мирного предложения от 25 декабря, то он твердо убежден, что и при этом можно достигнуть почетного мира, обеспечивающего мирные интересы империи; но, вероятно, Антанта не пойдет на это приглашение. Десятидневный перерыв будет использован для предварительных работ на случай сепаратного мира с Россией. На первом плане стоит урегулирование территориального вопроса. Русское правительство провозгла-

сило для своей территории право народов на самоопределение, и притом до крайних пределов, до расторжения союза с центральной Россией. Представительные собрания занятых Германией областей воспользовались этим правом и высказались за независимость своих стран. Эти заявления он сообщил России; русская делегация признает их предварительно за из'явления народной воли, но позже они должны найти себе подтверждения на более широкой основе, путем участия всех слоев населения, без всякого военного давления. В правовых и экономических вопросах почти везде достигнуто принципиальное соглашение. Руководящей нитью переговоров было намерение не ставить Россию на колени, чтобы восстановить здоровые отношения с нею. Он, Кюльман, надеется достигнуть благоприятного результата. Украина, вероятно, одновременно с Россией заключит мир с центральными державами. Мир с нею значительно облегчается тем, что там нет никаких территориальных разногласий. Наши противники, конечно, сделают в Петербурге все, чтобы помешать миру, но никакое новое правительство не может изменить fait-accompli.

Во время прений я одобрил, что германские делегаты выдвинули на первый план идею всеобщего мира, так как лишь таким путем можно прийти к цели. Я бы горячо приветствовал немедленное заключение всеобщего мира на основе германской декларации. Если бы Антанта из'явила готовность вступить в мирные переговоры, Германия должна была бы немедленно согласиться на них. Если будет заключен сепаратный мир с Россией, то это должен быть такой мир, который может быть принят всей Россией, а не только большевистским правительством; за январским опьянением нельзя готовить себе политического похмелья в феврале. Мы должны жить с Россией постоянно в добрых отношениях; для этого в первую очередь необходимо признать без оговорок право народов на самоопределение в оккупированных областях и должны быть значительно расширены полномочия избранных там пред-

ставительств. Военное очищение этих областей могло бы последовать через три месяца после демобилизации русской армии; тогда могли бы быть созваны учредительные собрания в Польше, Литве и Курляндии. Это предложение без сомнения будет принято русской делегацией. Независимый социал-демократ Гаазе был изумлен, что русская делегация в своем заявлении зашла так далеко; он думает, что большевики не смогут долго удержаться, и что скоро вернется старое правительство. Вождь всенемцев, граф Вестарп, выражал сильное сомнение против общей формулы „без аннексий и контрибуций": в рамках подобной формулы для нас невозможен здоровый мир. Он отрицательно относился и к праву народов на самоопределение. Во время прений я снова настаивал на исполнении пожеланий земских советов в отдельных областях, так как иначе можно опасаться, что земские советы выступят с открытым протестом против Германии.

На следующий день я имел подробный разговор с генералом Гофманом, который высказался против военного очищения оккупированных областей и считал необходимыми держать в Литве и Курляндии во время мира, по крайней мере, шесть армейских корпусов. Право народов на самоопределение он желал рассматривать, как средство отторжения этих областей от России; графа Чернина он называл нашим несчастьем в Брест-Литовске; но он делал уступки противоположной точке зрения, соглашаясь признать возможно скорее земские советы и передать им управление. Перенести мирные переговоры из Брест-Литовска в Стокгольм, как того желали русские, отказались и завязали переговоры с украинцами. В переговорах этих вопрос о праве народов на самоопределение играл весьма значительную роль. Когда последние угрожали прерваться, я в между-фракционном совещании и с одобрения его выставил следующие принципы:

„1. Германия и Россия, по выслушании представителей Польши, Литвы и Курляндии, устанавливают границы этих областей. 2. Учрежденные в занятых областях Польши,

Литвы и Курляндии народные представительства (земский совет, совет регентства) в самый краткий срок устанавливают, являются ли они в своем настоящем виде, или с необходимыми изменениями, фактическим выражением народной воли, включающим все партии. 3. Тотчас же после этого установления, народное представительство решает вопрос о соединении их областей с тем или другим государством, или об образовании самостоятельного государства. 4. На это народное представительство, тотчас же после его решения, поскольку это технически осуществимо, возлагается все управление страной. 5. Военное очищение этих областей происходит в течение трех месяцев после демобилизации русской армии. Национальные милиции несут заботу о поддержании безопасности в этих областях в случае, если народное представительство не примет другого решения. 6. Настоящее народное представительство должно возможно скорее принять все меры для созыва учредительного собрания на демократических основах".

Правительство возражало, главным образом, против военного очищения и сообщило затем о своих переговорах с украинцами. Во время прений я заявил, что положение в Германии сейчас напоминает январь 1917 г.; тогда старались подавить все сомнения против беспощадной подводной войны определенными обещаниями, что Англия будет повержена через шесть месяцев; теперь говорят, что предстоящее наступление против Франции непременно приведет к миру через два или три месяца. Разочарование 1917 г. обязывает к величайшей сдержанности и в этом году. Идеи права должны оставаться ненарушимыми. При создании окраинных государств, нужно итти навстречу желаниям России. И в вопросе о военном очищении оккупированных областей легко можно прийти к соглашению, особенно потому, что Польша, Литва и Курляндия готовы заключить военную конвенцию с Германией; эта военная конвенция заключает две части: постоянные постановления и переходные постановления. В переходных постановлениях могли бы быть закреплены те меры, которые необходимы для поддержания порядка и защиты от нападений; но военное управление должно быть тотчас ликвидировано. Этого требует не только Россия, но единодушно население всех занятых областей. Русские делегаты просили о перерыве переговоров.

Долгое *отсутствие* ответственного статс-секретаря ф.-Кюльмана при переговорах в Брест-Литовске все тяжелее давало себя чувствовать. 23 января 1918 г. он приезжал в Берлин на краткое совещание, где он, в ответ на критику всей восточной политики, заявил, что основные линии ее установлены уже очень давно: уже весною 1917 г. были заключены на этот счет определенные соглашения между канцлером и союзниками. В ответ на резкую критику печати, он указал на исходный пункт мирных переговоров. Россия желала общего мира, ее союзники—нет. Следовательно, с немецкой стороны должен быть переброшен мост к сепаратному миру с Россией. Этой цели служила декларация германского правительства от 25 декабря, приняв которую Антанта должна была бы отказаться от всех завоеваний. Из хода переговоров ему еще не ясно, серьезно ли Троцкий стремится к миру, или его целью является революция в Германии и Австро-Венгрии. Поведение русской делегации до и после перерыва отличается, как день и ночь; до перерыва русские делегаты обедали вместе с союзниками; происходили интимные личные беседы; после перерыва всякое частное общение было прервано, тон сделался ледяным, отказались и от общего стола. В России хаос, мир с Украиной почти обеспечен, экономический обмен с новым государством может быть возобновлен: на Украине лежат большие запасы хлеба. Чистая фантазия, когда говорят, что его инструкции подверглись изменению. Генерал Гофман получает свои собственные инструкции от верховного командования, но выступает лишь в тайном согласии с политическими властями империи. Главным предметом спора попрежнему остается право народов на самоопределение, до Рождества русская делегация подавала надежду, что существующие земские советы будут предварительно признаны выражением народной воли; после Рождества, она отступила от этой позиции. Троцкий хочет, под предлогом участия в народном голосовании, бросить в оккупированные области несколько сот тысяч эмигрантов, чтобы произвести переворот. По

моему настоянию, статс-секретарь Кюльман выразил готовность при переговорах с русскими признать, что существующие земские советы в оккупированных областях должны быть пересозданы на более широких основах.

Когда Троцкий затем попытался создать положение „без войны и без мира“ и началось новое немецкое *продвижение* в Эстляндию и Лифляндию, положение еще усложнилось, так как аннексионистские круги в Германии теперь требовали присоединения к Германии обеих этих стран и считали их отделение от России совершившимся фактом и без русского согласия. В рейхстаге и беседах с канцлером я возражал против этого взгляда, фракция центра разделяла мое мнение: для отделения Эстляндии и Лифляндии необходимо согласие России; Германия должна избегать всего, что могло бы считаться нарушением и нелойяльным истолкованием Брест-Литовского мира; если это отделение произойдет с согласия России, и обе страны через свое представительство, созданное на широкой основе, сделают заявление, что они желают соединиться с Германией, то мы готовы на этих основаниях установить предпосылки и условия для такого соединения. Это решение центра обеспечило моим идеям согласие большинства рейхстага и разбило расчеты аннексионистов; но последние не легко уступили, особенно в виду того, что дворянство в этих странах, не слушая голоса широких народных масс, высказалось за присоединение к Германии. 13 мая 1918 г. делегация эстляндского и лифляндского дворянства посетила русского посла в Берлине Иоффе, который однако же не принял декларации об отделении от России и соединении с Германией и направил делегацию в министерство иностранных дел. Оно переслало эту прокламацию Иоффе без всякой поддержки или рекомендации с своей стороны. 19 июня 1918 г. происходило по этому поводу новое совещание партий большинства у канцлера, которое присоединилось к моей точке зрения.

Переговоры о так называемом *дополнительном Брест-Литовском договоре* затянулись надолго и не раз угрожали прерваться. Затруднение внесло прискорбное убийство германского посла графа Мирбаха в Москве и внезапный от'езд его преемника Гельфериха из Москвы. Посланник Иоффе, который 11 августа беседовал со мною о договоре, не выражал большой надежды на то, что договор будет одобрен советами. Его сотрудники Красин и Воровский высказались еще резче и подчеркивали, что как только они перешагнут немецкую границу, они открыто станут на сторону Антанты; договор заключает величайшее унижение, какое только можно себе представить; это вовсе не прочный мирный договор. Иоффе сказал, что он согласился на договор лишь потому, что в нем Германия отказывалась от вмешательства во внутренние дела России и от отделения русских территорий; немецкие генералы ходят по России, как завоеватели, и создают новые государства по произволу, совершенно как во времена Александра Великого. Благодаря дополнительному договору Россия должна была окончательно потерять Эстляндию, Лифляндию и Грузию. Воровский, который вел переговоры с Финляндией, заявил саркастически, что и требуемая Германией Великая Финляндия является необходимой, если желают нанять короля, который из финского гранита мог бы выстроить новую аллею победы, более прочную, чем финский королевский трон; сначала выбросили с помощью немецких солдат из финского парламента социалистов, а затем среди оставшегося поредевшего буржуазного большинства нашли новое, чрезвычайно скромное большинство в пользу королевского трона. И относительно предполагавшейся продолжительной оккупации Донской области, с ее богатыми шахтами и рудниками, русская делегация отзывалась весьма резко. Но Иоффе сказал в заключение, что он готов подписать все, если Германия не будет далее участвовать в раздроблении России и поддерживать русских монархических генералов Краснова и Алексеева. Россия уплатит 6 миллиардов марок, согласно договору, если Гер-

мания не будет итти дальше. Русские делегаты заявляли, что их правительство окрепло, в то время как в Берлине считались тогда со скорым падением большевистского режима и спешили придать договору окончательную форму. Перед своим отъездом Иоффе спросил меня, думаю ли и я также, что этой осенью в Германии вспыхнет революция. Разумеется, я тотчас осведомил обо всем этом разговоре министерство иностранных дел. Я думаю, что Иоффе в Москве докладывал более о поддерживаемой им германской революции, чем о договоре, он вернулся через несколько дней, привезя полномочия подписать договор, если он убежден, что Германия лойяльно его выполнит.

В последний момент явилось еще два затруднения: во-первых, присутствие в Берлине герцога Лейхтенбергского, как несффициального представителя генерала Краснова, которого большевики „ненавидят, как чуму". Большевики заключили отсюда о переговорах с Красновым. Затем занятие Баку англичанами, политически гениальный ход последних, так как Германия обязалась по договору не пускать турок в Баку. 27 августа 1918 г. Иоффе подписал договор, несмотря на сильные сомнения. Я сообщал 21 августа статс-секретарю ф.-Гинце, что считаю договор весьма большой политической ошибкой, которая делает для германского правительства невозможным мир с прочими державами; самый договор должен до ратификации быть представлен на одобрение рейхстага. Существовало предложение немедленно ратифицировать договор, а осенью при созыве рейхстага просить его санкции. Даже в рядах иностранного министерства поднялись серьезные возражения. Статс-секретарь Зольф, который тогда, по желанию канцлера, произнес речь, обратившую на себя общее внимание, сказал, что если договор будет подписан, он, после своей речи, окажется „лицемером и лжецом перед всей Европой"; но до его речи содержание договора было ему вообще неизвестно. Социал-демократы также отвергали договор. Если же все эти возражения были в конце концов устранены и договор

подписан Германией, то это произошло в первую очередь от того, что император очень желал сделаться государем балтийских провинций.

Но от договора никому не было радости. Условие, по которому Германия обязывалась помочь русским удержать турок от Баку, вызвало сильнейший протест *Турции*. Талаат-паша „раз'яренный, как бык", по поводу того, что „Германия заключает договор с врагом вчерашним и врагом завтрашним против союзника последних четырех лет", выехал в Берлин, заявив в первом припадке раздражения, что, если договор останется, то Турция сделает из этого необходимые выводы и будет считать союз расторгнутым. Вена, вообще, не знала содержания договора, так же, как и Болгария; оба правительства были мало обрадованы, узнав, что Германия получает от России шесть миллиардов марок. Несмотря на все попытки воздействия со стороны министерства иностранных дел, я остался при своем убеждении, что договор был безответственной политической ошибкой. Условием скорого заключения мира является последовательная и честная политика. Я не раз требовал, чтобы ратификация была отложена до согласия рейхстага, так как это требуется конституцией. К сожалению, не все депутаты разделяли этот взгляд. Когда я 3 сентября снова разговаривал с русским посланником Иоффе, я был поражен, с какою легкостью он принимал договор; уступку Эстляндии и Лифляндии он назвал довольно безразличной для большевиков; главное, чтобы Германия помогла теперь большевикам; им надо выиграть время. Я указал Иоффе на последнюю речь Ленина, который выдвигал на первый план борьбу с чехо-словаками, чтобы дать русскому правительству продержаться до тех пор, „пока не вспыхнет мировая революция". Я могу об'яснить себе принятие договоров Россией только надеждой на мировую революцию. Иоффе сказал спокойно: „мы не могли добиться ничего лучшего, время и спокойствие выигрыш для нас". Я спросил его тогда, выгодны ли, по его мнению, эти соглашения и для Германии. Иоффе только улыбнулся

в ответ; характер его улыбки говорил мне, что он не разделяет этого мнения. Из всей этой беседы я вынес впечатление, „что Германия осуждена рука об руку с большевизмом вызывать на бой весь свет“ не потому, что она заключила с ним мир, но потому, что заключает теперь с ним новый договор, который только укрепляет силу большевиков. Большевизм и Германия теперь, как сказал мне один правый русский, в глазах большинства русских людей отождествились. В этом убеждении я сошелся со взглядами генерала Гофмана, который изображал положение дел на Востоке совершенно неустойчивым; он смотрел с большой тревогой на будущее; он не может более принимать ответственности за политику бездействия и попустительства, так как отсюда возникнут большие опасности для германской империи; дух большевизма действует заразительно на армию; дисциплина ослабела; подкупность и продажность овладели и немецкими войсками; угрожает также опасность, что Антанта скоро заключит тесный союз с врагами большевиков; Германия должна предупредить их. Он видел решение в наступлении германских войск на *Петербург*, где нас ожидают элементы, жаждущие порядка, а за этим должно последовать провозглашение монархии. Германия никак не может работать с большевиками; иначе мы окажемся в положении, когда „генералы германского императора будут маршировать рука об руку с русской революцией против монархии“. Это невыносимо с немецкой точки зрения. Я согласился с ним в том, что Германия, вопреки моим ожиданиям и моим протестам, слишком связалась с большевиками; поэтому я противник нового дополнительного договора; величайшей ошибкой является то, что Германия сделала в нем уступку большевикам, признав отмену частной собственности; за такую ошибку предстоит чрезвычайно тяжелая историческая расплата; все великие державы протестовали против отмены частной собственности, Германия же признает ее за иудину плату соглашения. Рейхстаг не был спрошен о санкции дополнитель-

ных договоров; заключение перемирия с Антантой об'явило все договоры потерявшими силу. Так окончился эпизод сепаратного мира с Россией.

Пробные шары в пользу *мира из других стран* не раз выпускались в Германию, в необязывающей форме. Говорили о попытках сближения, которые шли из Лондона через Гаагу. Покойный герцог Норфольк, глава английских католиков, сообщал своей родственнице в Германии в мае 1916 г., „что в настоящее время вещи должны остаться так, как они есть. Время еще не пришло, как мы ни жаждем мира, разумеется, при условии, что он будет длительным и даст безопасность; что не будет дано снова развиться всему, что привело к войне".

Весной 1915 г. некоторое время казалось, что известные круги *Франции* склонны завязать необязывающие переговоры о мирных возможностях, несмотря на резкую меру генерала Галиени, который снова воскресил закон, изданный сто лет назад, присуждающий к растрелу всякого француза, ведущего переговоры с враждебной державой. Но дальше этих необязывающих разговоров не пошли; они продолжались после отставки Делькассе. Один мужественный француз в июне 1916 г. вступил в сношения со мною, в убеждении, „что только честный немецко-французский союз может загладить бедствия войны и создать прочное согласие". Вскоре затем последовавшая смерть его сделала невозможными дальнейшие шаги. Напротив, я часто имел случай во время моего пребывания в Швейцарии прямо или косвенно беседовать с французами. Наибольшая склонность вести серьезные переговоры сказалась в те дни, когда, видимо, решалась судьба Вердена. Наоборот, вступление Америки в войну сообщило всем французам неожиданную силу и огромную уверенность. Один выдающийся член академии сказал: „Что сделает Америка? Все! Я убежден в этом". Другой академик, который был в Америке, констатировал, „какое неизмеримое значение, о котором Германии и не снилось, будет иметь участие Америки в войне; Вильсон заявил

ему ясно и выразительно, что Америка с готовностью на жертвы бросит все за дело права и свободы народов,—свою душу, свое тело, свои последние силы, словом, все—без остатка. Все, что может быть набрано в Америке—люди и материал—будет доставлено на континент, через Нант и Бордо. Когда американское колесо будет в полном ходу, тогда враг увидит нечто чудовищное, нечто страшное, и тогда Вильсон, в сознании, что с глаз Германии упал туман моральных иллюзий, откроет свои карты и заявит центральным державам: что вы скажете на это? хотите высказаться или хотите, замкнувшись в лукавом молчании, совершить самоубийство".

Осенью 1917 г. широкие французские круги обнаруживали склонность к миру. Но когда папское посредничество потерпело крушение и французы получили высшее командование над союзниками, для них осталось только борьба до конца.

XIX. Мирная резолюция рейхстага.

Шестимесячный срок морского штаба, когда Англия беспощадной подводной войной должна была быть „поставлена на колени", приближался к концу. Самые широкие круги немецкого народа, благодаря одностороннему влиянию на прессу со стороны военных сфер, верили непоколебимо в этот политический догмат, беспочвенность которого я всегда подчеркивал. Я ни от кого не скрывал своих взглядов и в течение июня месяца, как я писал 1 августа 1917 г. на запрос канцлера Михаэлиса,

> „говорил многим оффициальным лицам дословно: я становлюсь во главе оппозиции. Во всяком случае, я вынес впечатление, что некоторым господам была не вполне ясна серьезность моего намерения в то время, как другие, напр. д-р Зольф, вполне отдавали себе отчет".

Разочарование немецкого народа должно было быть тем сильнее, что руководящие военные сферы все откровеннее и резче подчеркивали шестимесячный срок для окончания войны. В одном летучем листке, циркулировавшем тогда на фронте в форме письма видного морского офицера, говорилось: „наш морской штаб берет на себя полную ответственность за то, что Англия в конце июля или в начале августа будет просить о мире; мы победим до осени". В инструкции верховного командования для офицеров западного фронта, изданной тотчас же после начала беспощадной подводной войны, излагалось, что в течение 6 месяцев будет уничтожен такой тоннаж, что Англия в конце августа будет просить о мире. Генерал-фельдмаршал Гинденбург в письме к своей жене, которое

циркулировало в городе Ганновере, а оттуда распространялось по всей Германии, писал, что война окончится в конце августа. Далее, в главной квартире на устные вопросы, когда предположительно окончится война, отвечали: расчитывают, наверное, что война будет окончена этим летом. На предостерегающие слова чернинской записки от 12 апреля 1917 г. не обращали внимание так же, как и на другие предостерегающие сигналы.

При неоднократных беседах моих с канцлером в это время, последний мне заявлял, что верховное командование все еще верит, что война может окончиться в июле или августе. Я был поэтому весьма изумлен, когда 10 июня имел подробный разговор с полковником Бауером, принадлежавшим к штабу верховного главнокомандующего, в котором он вполне разделял мой взгляд на общее положение и говорил: он весьма— удивлен, встретив в Берлине прямо-таки безответственный оптимизм в вопросе о конце войны; немецкий народ не отдает себе отчета в положении; тревога более уместна, чем когда-либо; перевес неприятельского снабжения составляет теперь 4 : 1; для следующей весны нужно считаться с тем, что это отношение будет равно, по меньшей мере, 6 : 1 и что это ухудшение будет еще значительнее, если у нас не все будет итти хорошо, а у врагов не все плохо; отношение 4 : 1 еще позволяет нам держать западный фронт в наступательной позиции; можно ли будет удерживать этот фронт, при большем превосходстве неприятельского снабжения, он не может сказать наверное; во всяком случае, нужно считаться с новой зимней кампанией. Это отличное от всех прежних деклараций заявление человека, который был правой рукой Людендорфа, подтверждалось для меня одним знакомым крупным промышленником, который сказал мне в это же время; три недели тому назад Гинденбург и Людендорф лично заявили ему, что Англия в августе должна просить мира, но несколько дней тому назад, при его визите в главную квартиру, ему сообщили, что нужно расчиты-

вать на зимнюю кампанию. Я тотчас уведомил канцлера об этих важных заявлениях. В те же дни я получил обратно свою уже упомянутую выше статистику мирового тоннажа, а 14 дней спустя совершенно неудовлетворительный ответ морского штаба. Плохое продовольственное положение и застой прусской избирательной реформы ухудшали дело.

Уже в последние июньские дни 1917 г. социал-демократическая фракция сделала весьма серьезное представление канцлеру. Мои коллеги социал-демократы сообщали мне, что нельзя расчитывать, чтобы новые кредиты, которых потребуют у рейхстага, собираемого 3 июля, будут удовлетворены без дальних слов. Я должен скорее считаться с тем, что большинство фракции, согласно постановлению Ц. К. партии, отклонит кредиты. Необходимо было избежать, во что бы то ни стало, этой ситуации, равно опасной для внутреннего и внешнего положения Германии. 3 июля утром я имел обычное предварительное совещание с членами центра, принадлежащими к главной комиссии, и изложил им свой план—вопреки диким всенемецким целям войны, ожесточающим народ и армию, вернуться к исходной точке войны, которая, согласно заявлению 4 августа 1914 г., не должна быть завоевательной, и этим влить новые силы в широкие слои народа. Некоторые коллеги поняли мое намерение так, как будто я задумал новое предложение мира, что я тотчас же и опроверг. В то же время я указал на мой цифровой материал относительно результатов подводной войны и мирового тоннажа. Как было условлено, в среду 4 июля я прежде всего взял слово, чтобы сделать три вывода из прежних заявлений правительства. 1. Перспективы на мир теперь так туманны, что считаются с зимней кампанией 1918 г. 2. По сообщению верховного командования, можно расчитывать, что наши фронты будут держаться, но мы не слышали, что можно надеяться на успешное выступление. 3. Продолжение беспощадной подводной войны обеспечит нам победу. В то время, как два первых поло-

жения старые, третье заключает нечто новое, а именно, теперь уже не ставят определенного срока для поражения Англии, в то время, как прежде те же самые лица в ответ на все сомнения заявили категорически, что экономическое крушение Англии до новой жатвы будет несомненным результатом подводной войны.

Этим был вызван в нашем народе необоснованный оптимизм. Рейхстаг не может более разделять его, он поставлен перед глубоко серьезной задачей, как выйти из войны. Было заблуждением думать, что мы можем продиктовать мир мечом. До сих пор не нашлось никого, кто подписался бы под этой диктовкой, да и в будущем никого не найдется. Нужно попытаться *окончить войну политико-дипломатическим путем*; но и лучшая в мире дипломатия не может загладить того политического вреда, который причинен беспощадной подводной войной... Так как, по моему убеждению, математически ясно, что подводная война не может в определенный срок принудить Англию к миру, то рейхстаг должен обсудить вопрос, каким образом достигнуть мира. Мирное предложение социал-демократов „без аннексий и контрибуций“ содержит два отрицания без положительного признака, и они легко могут вступить в противоречие со вторым положением „права народов на самоопределение“; эта формула, следовательно, не заключает гарантии прочного мира. Новое мирное предложение Германии на основах status quo ante имело бы мало успеха и только увеличивало бы раскол и разброд внутри. Базисом для общего соглашения является поэтому возврат к мысли, с которой началась война: не ради завоевательных целей, но ради защиты отечества от внешних нападений. Экономическая нужда (недостаток продовольствия, угля) диктует необходимость такого шага. Высшим национальным долгом в настоящий момент является возможно быстрое восстановление внутреннего единства и сплоченности немецкого народа, так как продолжение внутренних раздоров, особенно спора о целях войны, означало бы величайшее ослабление отечества

внутри и могло бы только возложить на немецкий народ новые тягости и новые жертвы.

Моя речь заставила статс-секретаря Гельфериха и адмирала Капелле вернуться к своим старым, опровергнутым мною, расчетам тонпажа... Вечером того же дня в заседании фракции я попытался развить весь мой план; однако дело не дошло до обсуждения общего положения, говорили только о прусской избирательной реформе. Уже в тот день, а особенно на следующий, социал-демократические ораторы не оставляли никакого сомнения в том, что простое утверждение кредитов вещь невозможная; главным образом, социал-демократические депутаты Носке и Гох называли лозунг правительства „продержаться" совершенно недостаточной правительственной программой и рисовали самые тяжелые последствия в будущем. Эта ситуация привела демократическую фракцию к мысли найти совместное решение в переговорах с центром, национал-либералами и социал-демократами; это предложение было принято в четверг вечером и в пятницу утром, перед моей второй речью. В промежутке я получил совершенно неудовлетворительный ответ морского штаба на мои расчеты по подводной войне, так что я считал своим национальным долгом и первой задачей своей, как депутата, в своем возражении в пятницу, 6 июля, говорить более определенным языком, что было для меня тем легче, что заседания были закрытые и о предыдущих прениях ничего не сообщалось в прессе.

Я назвал настоящее вотирование кредитов важнейшим с начала войны, так как без нашего политического выступления осенняя кампания сменяется зимней с весенним наступлением. Теперь мы стоим перед вопросом: желаем ли мы вступить в новой год войны, что для Германии означает, по меньшей мере, 50 миллиардов военных расходов, и никто не может высчитать, сколько гибнет безвозвратно народных сил. У правительства на все есть одно слово „продержаться", но внутри мы можем выдержать, если только убеждены,

что на будущий год завоюем лучший мир, чем теперь. Я не вижу такой возможности. Противник все укрепляет свою машину, у нас же замечается все больший недостаток в людях и сырых матерьялах. Расчеты на действие беспощадной подводной войны рухнули; рейхстаг не совьет из этого веревки для статс-секретаря флота, но история это сделает; кто так глубоко ошибся, не может расчитывать на доверие парламента, которое необходимо для продолжения войны. Новые расчеты статс-секретарей о тоннаже совершенно неудовлетворительны. В конце 1917 г. мировой тоннаж будет составлять 38 мил. тонн, из которых 35 миллионов будут в распоряжении противников, которые используют их наилучшим образом. Нынче всякое судно выпускают в море; в Голландии говорят, что, если у судовладельца есть дочь 50 лет и старый челнок 50 лет, он находит зятя для обоих. Неприятельский и нейтральный тоннаж и в конце следующего года будет достаточен для транспорта необходимых товаров в эти страны, при неизбежных ограничениях. В Париже и в Лондоне сегодня живут так, как у нас 1½ года тому назад. Теперь уже нельзя остановить подводной войны; однако на ряду с энергичным ведением войны необходимо столь же энергично и планомерно работать в пользу мира. Лучшим путем для этого представляется мне, если бы огромное большинство об'единилось на идее 1914 г. и заявило: мы стоим на точке зрения мира по соглашению и стремимся к миру на основах взаимности, который не знает насильственного подавления народов и стран. Нечего беспокоиться о крике всенемцев по этому поводу; даже если бы 25.000 их получили холодный душ в водолечебницах, это лучше, чем продолжать войну. Затем уже дело канцлера — практически использовать такую резолюцию рейхстага. Такая декларация не может быть истолкована, как проявление слабости, особенно если прибавить, что Германия, в случае отклонения такого мира, будет бороться до крайности. Бисмарк три раза в 1870 г. делал попытки заключить перемирие с Францией, и никто не истолковывал это, как слабость. Про-

тивник зачастую лучше осведомлен о наших делах, чем масса немецкого народа. Среди нейтральных мы сейчас же при этом шаге найдем друзей. В широких слоях народа держится взгляд, что император, который удаляет от себя всех депутатов, неправильно осведомляется о господствующих настроениях. Германия, конечно, не может заключить мир порабощения, который разорил бы наш народ, но из данного положения рассудок должен неумолимо и холодно сделать политические выводы,—и для всей внутренней политики, как в вопросе об избирательном праве, так и в вопросе о тесном сближении правительства и парламента. Наш народ никогда не должен бросить рейхстагу жестокого слова: „*слишком поздно*".

Мне тотчас же отвечал статс-секретарь Гельферих, который использовал свои старые цифры, чтобы вывести из них следующее заключение: „этого Англия не может выдержать. Положение Англии будет теперь с каждым месяцем становиться все хуже и хуже. Ни один государственный человек, если он стоит перед подобными фактами и видит, что противник решился ни в каком случае не уступать, не может ввергнуть свою страну в очевидную погибель". Но ни эти слова, ни ответы других представителей власти не могли стереть впечатления, произведенного моими данными; в частности, и речь военного министра ф.-Штейна, который опирался на положение Гинденбурга: мы, немцы, победим, если мы сумеем выдержать до тех пор, пока подводная война произведет свое действие и поставит Англию на колени. Предложение социал-демократа Эберта об образовании небольшой комиссии для выполнения моего проекта было отклонено и дальнейшее обсуждение отложено. Военный министр ф.-Штейн тотчас телефонировал верховному командованию, вызывая его немедленно в Берлин, чтобы дать в той или иной форме требуемые мною сведения о военном положении. Отсутствующий из Берлина император был также вызван сюда. Возбуждение в рейхстаге возросло, когда, благодаря нескромности некоторых лиц, кое-что

из моей речи попало в печать, к тому же в искаженном виде. В три часа пополудни канцлер пригласил меня к себе; он казался изумленным моею речью и сказал, что моя тактика напоминает „Цитена из-за куста". Я указал на прежние сделанные ему мною заявления, на что он ответил, что понимал их иначе. Затем он прочел мне часть своей речи, которую собирался произнести на одном из предстоящих пленарных заседаний. За исключением некоторых выражений, я мог быть доволен ее содержанием, так как она стояла на почве моих об'яснений в комиссии.

Тем временем некоторые депутаты центра, национал-либералы, демократы и социал-демократы образовали в рейхстаге *междуфракционную комиссию,* чтобы продолжать начатое мною дело. Я сообщил это канцлеру, который предложил войти с ним в контакт до принятия окончательного решения. В пятницу днем и вечером, а также в субботу утром фракция центра имела длительные совещания, на которых я подробно развивал свою точку зрения. Большинством всех голосов против трех фракция согласилась голосовать за мирную декларацию, если это сделают и национал-либералы. Последние принимали участие и в первых совещаниях, но затем устранились, вследствие резкого неодобрения этого шага их партийными организациями в стране. Фракция центра решила в новом совещании голосовать за мирную декларацию и в том случае, если национал-либералы ее отвергнут. Резолюция требовала также немедленно ввести равное избирательное право в Пруссии и призвать в правительство большее число депутатов, чем прежде. Для выработки первого проекта мирной резолюции рейхстага были выбраны, кроме меня, депутаты Давид, барон Рихтгофен и Готейн; я сам не мог принять участия в работах этой подкомиссии, всецело поглощенный фракционными и другими совещаниями, так что первый проект, который я вполне одобрил, был выработан без меня.

В субботу 7 июля в комиссии рейхстага я еще раз опроверг в общих чертах неверные цифры о подводной войне, защищавшиеся морским ведомством. В течение этого дня прибыл император, который отправился к канцлеру. Тот заявил ему,—так сообщил мне верховный главнокомандующий,—что дело идет лишь о „временном возбуждении в рейхстаге", с которым канцлер скоро справится; он уверен, что уже в понедельник получит от рейхстага вотум доверия. Присутствие представителей верховного командования его удивило; в этих политических вопросах они, по его мнению, лишние; при докладе верховного командования императору, последний выразил довольно неприкрыто свое изумление по поводу присутствия Гинденбурга и Людендорфа и советовал им уехать немедленно в главную квартиру, где их „ждут, без сомнения, более важные дела". Вечером того же дня я должен был ужинать с генералом Людендорфом и другими сотрудниками верховного командования; при этом я узнал о поведении канцлера, которое меня чрезвычайно поразило, и выразил свое мнение, что после таких поступков мое политическое сотрудничество с ним невозможно. Сообщения, все чаще проникающие в прессу, где истина смешивалась с ложью, привели немецкий народ в сильное возбуждение. Я получал очень много сочувственных писем, особенно с фронта; приходили и протесты; многие вообще не могли понять всех событий. Картина в самом Берлине менялась не только с каждым днем, но почти с каждым часом. Царило возбуждение, которое далеко оставляло за собой мои переживания в Риме, Бухаресте и других местах. Не было сильной правительственной руки. Канцлер сделал ошибку, слишком изолировав себя от парламента и посвятивши себя почти исключительно императору.

Среди депутатов тотчас стало известно, что намерение верховного командования вступить в беседу с самими депутатами было расстроено благодаря канцлеру. В воскресенье утром 8 июля собралась между-

фракционная комиссия — для редактирования резолюции о мире; когда здесь были обсуждены события предыдущего дня, доверие к канцлеру сильно поколебалось. В понедельник сам канцлер явился на заседание комиссии. Лидер национал-либералов Штреземан сильно напал на него и откровенно потребовал его немедленного ухода. Г. ф.-Бетман-Гольвег отвел меня на краткий разговор в угол залы и спросил, как относится центр к его дальнейшему пребыванию в должности; я заявил ему, что большое число моих политических друзей желают его ухода; точных цифр однако я не могу ему сообщить. В моей непосредственно за этим произнесенной речи я указал на то, что три социал-димократических оратора, один за другим, заявили категорически, что они не доверяют правительству. Промедление представляет серьезную опасность, так как именно теперь опаснее всего откол социал-демократов; поэтому, разговоры в комиссии недостаточны. Внутренний раскол между органами, руководящими немецким народом, должен прекратиться. Должна быть достигнута абсолютная ясность во взглядах правительства и рейхстага на цели войны; их нельзя, во всяком случае, искать в том направлении, как их формулировал граф Вестарп, сказав, что консервативная партия отклоняет мир на основе status quo ante; мороз пробегает по коже от таких заявлений в тот момент, когда предстоит еще четвертая военная зима. Даже такой благожелательный к Германии человек, как швейцарец Штегеман, недавно написал своему коллеге правдивые слова: „чисто военная ситуация для центральных держав, в общем, чрезвычайно благоприятна, но для общего хода войны весьма обманчива, если полагаться на нее одну и выводить только из нее свои заключения". Затем, я подробно изображал экономические бедствия нашего народа; в такое время народ нуждается в сильной руке; чем сильнее рука, тем благодарнее будет народ; но лишь в том случае, если с полной ясностью станут на ту точку зрения, что Германия защищает дом и очаг,

жен и детей. Такое заявление, собственно, не есть предложение мира; дело правительства решить, как и когда дипломатически использовать резолюцию рейхстага. Правительство должно без оговорок стать на точку зрения такой резолюции; иначе работа рейхстага будет половинчатой и несет в себе зародыш смерти. Чтобы дать рейхстагу гарантию осуществления его целей, необходимо призвать депутатов в правительство. Теперь в Германии анти-парламентарная система; в правительство должны быть призваны доверенные лица отдельных фракций. От канцлера следует потребовать ясного заявления о том, стоит ли он на точке зрения большинства рейхстага; предоставим чувству долга канцлера, остаться ли ему у власти или уйти. Главное, чтобы решение рейхстага было без оговорок принято канцлером. Тесный контакт депутатов с императором и верховным командованием является абсолютно необходимым. Таково главное содержание моей речи.

В своей речи я намеренно к досаде многих моих коллег оставил открытым вопрос *об отставке г. ф.-Бетман-Гольвега*; он просил меня в течение дня дать официальное заявление фракции центра об ее отношении к канцлеру и велел сообщить мне, что он только до тех пор останется, пока не завершится новая ориентация (избирательное право, призыв парламентариев к власти); тогда он может уйти. В пять часов вечера президиум фракции центра принял решение: „фракция центра считает пребывание г. ф.-Бетман-Гольвега в должности канцлера препятствием к заключению мира в виду того, что он руководил государственными делами в начале войны; однако же она предоставляет совести канцлера, в какой момент он должен уйти". Взгляды относительно этого момента разошлись; одни полагали, что для усиления действия мирной резолюции нужно немедленно образовать кабинет „национальной защиты" (что тогда потерпело крушение с отказом социал-демократов вступить в кабинет с буржуазией и участвовать в правительстве); другие думали, что нынешний канцлер должен провести новую ориен-

тацию и лишь затем уйти. Канцлеру, как и всей фракции, среди которой не раздалось ни одного протеста, было тотчас же сообщено решение президиума.

Заседания комиссии рейхстага, вследствие сделавшегося известным правительственного кризиса, пока не происходили. Но жизнь в рейхстаге била ключом. В среду было сообщено, что император отклонил *прошение канцлера об отставке*. В происходившем в тот день заседании прусского министерства канцлер сообщил императорский манифест о введении в Пруссии равного избирательного права, вслед за чем пять министров, в том числе и военный, подали прошение об отставке, не потому, что они были противниками равного избирательного права, а потому, что настоящий канцлер казался им непригодным для проведения избирательной реформы. В 5 часов я имел совещание с начальником гражданского кабинета, и он сообщил мне, по поручению императора, мотивы, по которым было отклонено прошение канцлера об отставке; главное основание то, что для него не найдут подходящего преемника. Начальник кабинета обсудил со мной список кандидатов и особенно отрицательно отнесся к прежнему канцлеру, князю Бюлову, которого желало верховное командование. Темные махинации привели к тому, что австрийский посланник в Берлине, принц Гогенлоэ, также выразил сомнения венского правительства против назначения князя Бюлова. Начальник кабинета заявил мне далее, что решение императора неизменно на все время войны; он просил меня взять назад мои возражения против дальнейшего пребывания Бетман-Гольвега у власти, что я и обещал, так как борьба могла быть только вредной. В полночь я, на ряду с представителями других фракций, получил приглашение пожаловать к кронпринцу в четверг утром; нас приняли поодиночке. Кронпринц предложил мне ряд определенных вопросов, которые, главным образом, относились к смене канцлера и дал понять самым ясным образом, что он считает немедленную смену канцлера единственным и правильным решением вопроса; он ска-

зал даже: „выбросьте его вон из рейхстага!“, на что я возразил, что канцлера, который приносит такие подарки, как избирательное право, выбрасывать нельзя. Фракции я сообщил главное содержание моей беседы с кронпринцем и просил принять общее решение фракции, так как тогда сообщали, что император также примет депутатов для беседы об общем положении. Это решение гласило:

„Фракция видит в дальнейшем пребывании Бетман-Гольвега в должности канцлера препятствие к заключению мира (всеми голосами против двух). На этом основании фракция центра не считает нужным удерживать канцлера (всеми против семи)“.

В частых заседаниях фракции все снова обсуждалась ситуация, меняющаяся почти с каждым часом; я отстаивал канцлера Бетман-Гольвега, пока только позволяло общее положение. Председатель фракции, д-р Шпан, сообщил 12 июля, непосредственно перед своим внезапным заболеванием: „Гельферих заявил ему, что Гинденбург во время своего последнего приезда в прошлую субботу сказал, что он надеется в течение месяца заключить мир. Возможно ли это будет после выступления Эрцбергера, он не знает“. Я тотчас обратился к Гельфериху, зная от верховного командования, что этих слов произнесено не было, и просил о немедленном выяснении дела. Последнее было дано в том смысле, что он „не передавал никаких подобных выражений генерал-фельдмаршала Гинденбурга. В основе их лежит недоразумение“. Гельферих продолжал далее:

„Как мой личный взгляд, я высказал, что, по совести, чрезвычайно высоко оцениваю действие нашей подводной войны на Англию; что имеются известные признаки поворота у одного из наших западных противников (совершенно секретно!), что относительно склонности к миру наших противников я думаю оптимистичнее, чем вообще можно высказать теперь при сверхпессимистическом настроении, без риска, что тебя не примут всерьез. Во всяком случае я должен опасаться, что связанные с вашим выступлением выходки прессы снова на некоторое время уничтожат миролюбие наших противников“.

Несмотря на штурм извне, фракция центра осталась при своем взгляде, так что твердое большинство для резолюции было обеспечено. В пятницу 13 июля политический советник кронпринца, барон ф.-Мальцан, сообщил мне, что кронпринц вчера вечером показал императору запись своих разговоров с отдельными депутатами с настоятельной просьбой тотчас же произвести смену канцлера, так как самые крупные и влиятельные партии не желают с ним работать. Верховное командование выразило солидарность с военным министром ф.-Штейном и его прошением об отставке. Император сначала оспаривал верность информации кронпринца и просил его представить письменные заявления центра, консерваторов и национал-либералов об их отношении к Бетман-Гольвегу; поэтому барон просит у меня такое заявление. Я тотчас удовлетворил его желание, подписав составленное накануне постановление фракции и вручив его г. Мальцану; депутат Штреземан от национал-либералов и граф Вестарп от консерваторов подали такие же декларации. Национал-либералы уже накануне дали знать начальнику гражданского кабинета, что они считают желательной отставку. Это письменное заявление заставило императора принять новое прошение Бетман-Гольвега об отставке, о чем мне сообщил после обеда г. Мальцан, не называя преемника канцлера.

Вечером, ко всеобщему изумлению, стало известным, что канцлером назначен Михаэлис, бывший товарищ статс-секретаря и имперский комиссар продовольствия; о его назначении не был спрошен никто из парламентариев, как вначале было обещано. Самые странные слухи о назначении этого человека распространялись с быстротой молнии. Говорят, искали сильного человека, а так как Михаэлис однажды в прусском ландтаге употребил выражение, что он никому не позволит путаться у него под ногами и т. д., то военные обратили на него внимание. Бетман-Гольвег предложил своим преемником баварского министра-президента, убеленного сединами графа Гертлинга, который в те дни

приезжал в Берлин и был принят императором, но отклонил от себя это назначение.

В день смены канцлера я вместе с другими депутатами, наконец, имел желанную *беседу с Гинденбургом и Людендорфом*, которые уверяли, что фронт абсолютно надежен и что мы можем спокойно смотреть на будущее. Когда я начал говорить о подводной войне, я был поражен, что Людендорфу до настоящего времени не известен весь расчет мирового тоннажа. Оба генерала не делали возражений против известной резолюции рейхстага. Людендорф сказал только, что было-бы лучше, если бы вместо слов „Verstandigungsfriede" (мир по соглашению) было бы поставлено „Friede des Ausgleichs", а Гинденбург желал видеть в резолюции „побольше перцу". В ближайшую субботу я имел еще одну беседу с Людендорфом о подводной войне, причем еще раз показал ему мои вычисления, не встретивши большого понимания; против резолюции рейхстага он имел теперь больше возражений, чем накануне.

После обеда в саду министерства внутренних дел, в присутствии канцлера Михаэлиса, состоялась встреча представителей партий большинства. При этом новый канцлер, к нашему изумлению, сообщил, что он, принимая свою должность, исходил из совершенно ложного представления; он думал, что между верховным командованием и большинством рейхстага господствует полное единодушие; оказалось, к его великому удивлению, что это не так; отсюда могут возникнуть новые затруднения. Далее, он сказал одному из коллег, что до сих пор он бежал рядом с политической колесницей, как непричастный современник. Представители партий не оставили у канцлера никаких сомнений в том, что всякое отклонение от мирной резолюции должно вызвать новый конфликт; большинство решилось, несмотря ни на что, твердо держаться своей точки зрения, вслед за чем канцлер выразил готовность до середины будущей недели показать представителям партий ту часть своей речи, которая относится к целям войны. Пред-

ставители партий единодушно заявили, что, если консерваторы и всенемцы в рейхстаге открыто одобрят речь канцлера, это будет иметь большие политические последствия; теперь непременно нужно достигнуть ясности; старая система погибла от неясности в целях войны и от постоянных колебаний. Канцлер согласился с этим, заявив, что он желает вести свою линию в постоянном согласии с верховным командованием. Никто не питал большого доверия к новому канцлеру.

Благодаря недоразумению, составленная партиями резолюция преждевременно попала в печать и даже за границу. Отказ от аннексий вызвал беспокойство среди моих болгарских друзей, на что я телеграфировал им, что заключительная фраза, которая требовала для Германии и ее союзников права на жизнь и развитие, означает для Болгарии об'единение всех болгар в одно государство, после этого там наступило успокоение.

19 июля 1917 г. значительным большинством рейхстага была принята резолюция о мире такого содержания:

„Рейхстаг заявляет:

Как 4 августа 1914 года, и теперь, на пороге четвертого года войны, немецкий народ верен слову тронной речи: „нас гонит не жажда завоеваний", Германия взялась за оружие для защиты своей свободы и самостоятельности, для неприкосновенности своих территориальных владений.

Рейхстаг стремится к миру соглашения и к прочному примирению народов. С таким миром несовместимы насильственное приобретение территорий и политическое, экономическое или финансовое угнетение. Рейхстаг отвергает все планы, преследующие экономический бойкот и борьбу народов после войны. Свобода морей должна быть обеспечена. Только экономический мир приготовит почву для дружественного сожительства народов.

Рейхстаг будет энергично поддерживать создание международных правовых организаций.

Однако, пока неприятельские правительства не признают такого мира, пока Германии и союзникам угрожают завоеваниями и насилиями, немецкий народ встанет, как один человек, и будет терпеть и бороться, пока не обеспечит для себя и своих союзников право на жизнь и развитие.

Немецкий народ непобедим в своем единодушии. В этом рейхстаг чувствует себя заодно с теми, кто в героической борьбе защищает отечество. Народ обязан им вечной благодарностью".

Тем временем между канцлером и партиями большинства было достигнуто полное согласие относительно его речи. Канцлер без оговорок принял резолюцию о мире, поэтому мы были в высшей степени поражены, когда он в принятом тексте в центральных словах о мирной резолюции и его отношении к ней неожиданно добавил: „как я ее понимаю". Однако непосредственного вывода из этого тогда не было сделано. Национал-либералы выступили с заявлением, в духе мирной резолюции. На следующий день происходила уже рассказанная выше беседа с императором...

23 и 24 июля 1917 г. имперский комитет центра обсуждал мирную резолюцию; вопреки всем соглашениям и обещаниям, на этом заседании был составлен совершенно неверный доклад верховному командованию. Против меня, как главного виновника мирной резолюции, поднялась, при поддержке правительства, самая дикая травля, еще неслыханная в Германии. Католический народный ферейн в Будапеште приглашал меня в сентябре сделать доклад о мире; немецкие военные власти отказали мне в паспорте на выезд. Образовалась *отечественная партия* во главе с *Тирпицем* и *Капполе*, которая самым широким образом поддерживалась правительством. Все представления мои и партий большинства об изменении этой политики, которая находила особенную поддержку в военном министерстве и в военном бюро печати, были безуспешны. У меня лично была отнята возможность открыть глаза немецкому народу. Перепечатка моей речи, которую я произнес в сентябре 1917 г. в моем избирательном округе, была запрещена, и морское министерство делало бесплодные попытки возбудить против меня судебное преследование, так как я в своей речи сообщил, что весной 1916 г., когда началась сильная агитация за беспощадную подводную войну, Германия имела несколько более полусотни подводных лодок. Когда я хотел прочесть лекцию в крепости Ульме 23 сентября 1917 г., мне было запрещено вообще касаться подводных лодок, и отчет о моей речи был подвергнут предварительной

цензуре. В печати и карикатурах всенемцы организовали травлю против меня, „ультрамонтана“. И в самой партии центра все шире развивались всенемецкие тенденции, которые особенно поддерживало большинство дворянства. С верховным командованием я не поддерживал никаких отношений, и потому был весьма изумлен, когда в конце апреля 1918 г. один офицер военного министерства подошел ко мне и к депутату барону Рихтгофену, чтобы снова завязать более тесную связь. Мы оба заявили, что считаем весьма трудным делом вполне договориться с верховным командованием, так как оно поступило нелойяльно по отношению к большинству; в свое время оно участвовало в резолюции о целях мира, отчасти одобряло ее, по крайней мере не противоречило ей решительно; после же оно повело против нее очень некрасивую борьбу. Несмотря на это, мы изъявили готовность к дальнейшим переговорам, если бы получили ясный ответ на вопросы: Как думает верховное командование окончить войну? Когда прекратится ужасная человеческая бойня? Это *подлежит* ведению верховного командования; в этом должна быть достигнута ясность. Определенного ответа мы не получили, нам передали только пожелание, чтобы во главе министерства иностранных дел стал „политический Гинденбург“. Я видел в этом возобновление июльской игры 1917 г., обращенной на этот раз против Кюльмана, и отклонил всякое дальнейшее участие в ней.

Резолюция о целях мира сделалась исходной точкой и крепкой связью для прочного большинства рейхстага и потому началом парламентского режима. Ее международное значение быстро влилось в русло папского мирного посредничества.

XX. Мирное посредничество папы.

В течение всей войны в официальных кругах и повсюду я защищал тот взгляд, что успешного мирного посредничества можно ожидать только от святого престола, Испании и Соединенных Штатов Америки. Чем враждебнее становилось настроение в Германии против президента Вильсона, тем более выступал на первый план святой престол... Святой престол, стараясь удержать распространение мировой войны, с самого же начала и притом по личной инициативе папы действовал в пользу быстрого прекращения человекоубийства. Не проходило ни одной годовщины войны без того, чтобы папа не возвысил своего предостерегающего голоса.

В начале августа 1915 г. мне сообщили, что его святейшество склонен взять в свои руки инициативу мира. На основании разговора с канцлером Бетман-Гольвегом и статс-секретарем иностранных дел ф.-Яговым, я полагал, что было бы лучше всего, если бы его святейшество обратилось с частным письмом к главам всех воюющих государств. В то же время я мог заявить, что в случае, если такое письмо папы придет к германскому императору, он получит сочувственный ответ в том смысле, что Германия готова немедленно вступить в переговоры о мире; Германия не только приветствовала бы такое выступление папы, но и твердо поддержала бы его. Баварский министр-президент граф Гертлинг, которого я уведомил об этих шагах, считал уместным „соблюдать еще большую сдержанность", чтобы германская позиция не была истолкована, „как признак слабости и истощения"; он просил меня действовать в этом направлении; однако я отказался. Вместе с тем он предложил, нельзя ли обратиться

к королю Бельгии, указавши ему, что с ним готовы вступить в переговоры, если бы *он* сделал первый шаг; при этом ему следовало бы об'яснить, „что теперь для него настал последний момент обеспечить для себя и своего дома возвращение в Бельгию на условиях, диктуемых Германией, так как путь в Брюссель идет уже не через Париж и Лондон, а через Берлин". Выпущенное в 1915 г. открытое письмо святого отца к главам государств не имело никакого успеха.

В июне 1916 г., на основании переговоров с статс-секретарем иностранных дел и от себя лично, я сообщил Ватикану, что германское правительство охотно приняло бы посредничество папы в вопросе о мире и было бы благодарно его святейшеству. Папский представитель в Швейцарии в *октябре 1916 г.* считал, что наступил благоприятный момент для мира: Германия во время войны возбудила во всех изумление, но не любовь; заключение мира возможно либо путем соглашения с Англией, либо путем сепаратного мира с Россией; единственным препятствием к соглашению между Англией и Германией является Бельгия; как только Германия заявит, что она отдаст Бельгию после войны, Англия и ее союзники скажут, что они более не заинтересованы в продолжении войны.

Когда мирные переговоры между Веной и Черногорией *в январе 1916 г.* угрожали расстроиться, по моему совету обратились к посредничеству папы...

Когда германское правительство обратилось с мирным предложением 12 го декабря 1916 г. по моему совету, оно переслало его с особым письмом его святейшеству „в надежде, что инициатива четырех держав встретит благосклонный отклик у его святейшества". На мое замечание, что было бы лучше прямо просить апостольский престол взять в свои руки мирное посредничество, в берлинских правительственных кругах мне возразили, что в виду положения святого престола именно в настоящий момент подобный шаг представляется неудобным; Германия не просила ни одну другую державу особым письмом о поддержке мирного предло-

жения, кроме святого престола, который, благодаря этому шагу, получает свободное поле действия для мирного посредничества... Я отправил святому престолу убедительную просьбу воздействовать на всех аккредитованных при Ватикане послов воюющих держав в том смысле, чтобы Антанта дала согласие на переговоры... В германском обществе в то время много говорили о том, что святой престол, несмотря на особую ноту Берлина, не предпринял никаких публичных шагов в пользу германского мирного предложения. Германское правительство никому, даже мне, не сообщило тогда, что святой престол в те дни неутомимо работал в пользу мира, и притом всего энергичнее перед самим германским правительством. Лишь осенью 1919 г. мне сделалось известным (теперь это подтверждается и документами, опубликованными следственной комиссией), что через венскую нунциатуру—мюнхенская тогда не была замещена—поступили телеграммы кардинала статс-секретаря Гаспарри, в которых он указывал на серьезность и значительность вильсоновского посредничества, последовавшего тотчас за германской декларацией, и просил Германию целиком поддержать шаг Вильсона, особенно путем заявления всех воюющих государств о разоружении. Исходящее от Вильсона мирное посредничество встретило, следовательно, полную поддержку святого престола. Об этом германское правительство не сообщило ни рейхстагу, ни немецкому народу, хотя тем самым весь вильсоновский шаг, который возник отчасти по инициативе Германии, получал совершенно иное значение и тон. Тем же самым путем святой престол сообщал, что есть серьезные основания расчитывать на склонность Антанты к переговорам, если бы Германия сообщила что-нибудь об условиях мира; особенное значение имеют гарантии восстановления независимости Бельгии. Таким образом правительству уже второй раз указывалось из столь высокого источника на этот кардинальный пункт.

В связи с венскими переговорами *в апреле 1917 г.* я просил Ватикан, нельзя ли выпустить новое воззвание

святого отца в пользу мира; венский кардинал думал об энциклике ко всем епископам с увещанием работать для дела мира.

В конце июня 1917 г. новый мюнхенский нунций Пачелли посетил канцлера в Берлине, а затем императора в главной квартире. Граф Гертлинг ранее передавал мне, что нунций „не везет ничего особенно важного для нас". В Берлине придерживались другого взгляда. Встреча между канцлером Бетман- Гольвегом и нунцием привела к подробному обсуждению конкретных условий мира. О содержании этих разговоров мне ничего не сообщали; я узнал о нем лишь в начале 1919 г., когда оно было опубликовано Бетман-Гольвегом. Вручение папского письма императору в главной квартире укрепило надежды народов на скорый мир. Нунций, между прочим, сделал императору представление против высылок из оккупированных областей; он просил от имени святого отца положить им конец, подчеркивая, что это и в интересах самой Германии. Император обещал сделать для этого все, что в его власти. Мирная резолюция рейхстага, которую я провел без всякого давления из Вены или со стороны апостольского престола, помогла проложить путь для папского посредничества...

В середине августа 1917 г. была опубликована *мирная нота папы*, датированная 1 августа, которая, в виду описанных выше событий, была сочувственно принята во всех правительственных кругах Берлина. Канцлер, правда, выражал сомнение по поводу того, что в ноте слишком сильно подчеркнут вопрос о разоружении, но об этом можно будет поговорить. Я возразил, что вопрос о разоружении является не только самой существенной предпосылкой мира, но что сокращение вооружений неизбежно по внутренне-политическим и финансовым мотивам. Из швейцарских кругов дипломатов Антанты я узнал, что они называли папскую ноту мастерским дипломатическим шагом.

Ответ германского правительства на опубликованное предложение о мире долго заставил себя ждать... 21 ав-

густа канцлер заявил в главной комиссии рейхстага, что ответ Германии может последовать лишь по соглашению с союзниками в совместной работе с главной комиссией; папская мирная нота, по его словам, не вызвана центральными державами. Канцлер закончил свое заявление словами: „я сделаю все, чтобы, как можно скорее, приблизиться к миру“, но указал, что шансы на мир весьма не велики...

Для редактирования германского ответа была избрана комиссия из семи членов рейхстага, к которым принадлежал и я. Мне было указано, что ответная нота может быть составлена в общих выражениях, не вдаваясь в подробности, но что в принципе должно быть высказано согласие. Об этом я сговорился со статс-секретарем Кюльманом. *В комиссии семи* приняли это за основу, но потребовали, чтобы в германском ответе было сказано совершенно ясно, что Германия готова восстановить *полную независимость Бельгии* по отношению ко всякой державе. Первое заседание комиссии семи происходило 28 августа; на нем статс-секретарь сообщил, что Ватикану послан предварительный ответ императора, а канцлер уполномочен ответить по существу; но этот ответ должен быть сначала обсужден с союзниками. Бельгия сообщила также Ватикану свой предварительный ответ, равно как и Англия. Представители всех партий, за исключением консерваторов, требовали, чтобы было сделано ясное заявление о полной независимости Бельгии; если Германия промолчит, то шансы на мир ничтожны.

Граф Чернин сообщил мне в те дни, что, и по его мнению, германский ответ должен содержать раздел о полной самостоятельности Бельгии. Чтобы добиться этого, я имел 30 августа долгую беседу со статс-секретарем Кюльманом, который в бельгийском вопросе стал на мою точку зрения; еще до принятия своей должности, он говорил канцлеру, что Бельгия должна быть восстановлена в полной независимости; хотя внутренняя борьба по этому поводу будет чрезвычайно страстной, но теперь через нее нужно пройти. Он желает только

решить два предварительных вопроса, постаравшись установить дипломатическим путем, какие новые гарантии вражеские державы желают дать относительно полной независимости Бельгии, и готовы ли они после германской декларации о Бельгии немедленно вступить в мирные переговоры. Я считал то и другое вопросом тактики, раз в принципе все согласны. И от бельгийского посла в Швейцарии я узнал в те дни, что, если Германия произнесет решающее слово относительно Бельгии, то мир обеспечен. С этим *вторым* актом папского посредничества сплетается *третий*, который обещал быстрый и новый успех.

Среди этих переговоров 30 августа канцлеру была доставлена копия телеграммы, которую передал британский посол при святом престоле, по поручению своего правительства и с согласия Франции. В ней выражалось желание получить от Германии определенное заявление о целях войны и о будущей судьбе Бельгии. Не требовалось даже опубликовать это заявление, но конфиденциально и возможно скоро передать его святому престолу. Копия телеграммы сопровождалась письмом нунция... Это письмо, датированное 30 августа, по непонятным мне причинам, осталось без ответа; занимались составлением ответа на опубликованную мирную ноту святого престола.

6 сентября я беседовал с приехавшим в Германию графом Черниным, который беспокоился по поводу того, сделает ли Германия просимое Англией заявление относительно Бельгии; проект германскаго ответа на папскую мирную декларацию мне очень понравился. Последний уже настолько подвинулся, что 10 сентября могло состояться последнее заседание комиссии семи, которой статс-секретарь Кюльман сообщил, что декларация Ватикана о мире последовала не вопреки воли Англии. Текст германского ответа является компромиссом между разными точками зрения; ответ не упоминает о Бельгии, чего желала раньше комиссия. Бельгия представляет для нас высокую ценность, в качестве залога, которую она утратит, если мы откровенно выложим карты на

стол. Кроме того кардинал статс-секретарь обратился уже к канцлеру с конфиденциальным вопросом об отношении германского правительства к Бельгии, и притом на основании запроса одной неприятельской державы, которая желает узнать наши военные цели, особенно в отношении к Бельгии. В согласии со всеми органами правительства, он может лишь сказать, что резолюция рейхстага от 19 июля „должна служить абсолютным критерием для решения бельгийского вопроса". Социал-демократ Шейдеман считал заявление о Бельгии в германской ответной ноте абсолютно необходимым, так как иначе не может быть никакого моста к миру; если в ответе ничего не будет сказано о Бельгии, то всенемцы могут рассматривать это, как торжество своей политики, что будет иметь печальные последствия за границей и в стране. Канцлер возразил на это, что между правительством и большинством рейхстага господствует полное единодушие в бельгийском вопросе; но нужно предоставить правительству способ действия, которое оно находит уместным. Я сам, вместе с депутатом Штреземаном, мог заявить, что теперь существуют лишь формальные разногласия в Бельгийском вопросе. После нового конфиденциального запроса курии, в этом деле не следует связывать рук правительству, но в ответ нужно внести согласие с резолюцией рейхстага. По мнению графа Вестарпа, папская нота не соответствовала германским интересам; он выражал сомнения относительно разоружения и не хотел, даже конфиденциально, ничего сообщать курии о Бельгии. Чтобы добиться единодушия, статс-секретарь Кюльман согласился не только в общих выражениях сообщить Ватикану, что резолюция рейхстага является абсолютным критерием для решения бельгийскаго вопроса, но и дать Ватикану раз'яснения по всем важным пунктам в этом вопросе. Канцлер согласился с тем, чтобы в ответе правительства было упомянуто о согласии с мирной резолюцией, но чтобы ничего не говорилось о Бельгии. С этим заявлением стояло в полном противоречии то, что передал мне граф Чернин 11 сентября

через посредника, а именно, что канцлер хочет в конфиденциальной ноте в Рим потребовать срытия бельгийских крепостей и германского контроля над бельгийскими железными дорогами. Я велел передать графу Чернину, что я твердо стою на своей точке зрения; если Берлин ведет двойную игру, то она скоро потерпит крушение. 11 сентября ответная нота, одобреннаякомиссией семи, получила утверждение императора. В этот день Кюльману, несмотря на оппозицию армии и флота, удалось провести свою точку зрения в бельгийском вопросе. Тем временем я узнал, что если Германия в ответе ли на папскую мирную декларацию, или в сепаратной ноте о Бельгии, не сделает заявления, требуемого святым престолом, то всякая возможность мирных переговоров будет непоправимо сорвана. Однако, как меня категорически уверяли в министерстве иностранных дел, германское правительство хотело затронуть бельгийский вопрос в своем ответе на письмо кардинала статс-секретаря; при этом предполагалось, что Антанта в этом случае согласна немедленно вступить в переговоры...

Канцлеру понадобился почти целый месяц, чтобы 24 сентября в ответе на письмо нунция от 30 августа выразить свою благодарность „за любезную пересылку интересных сообщений". Он подчеркивал, что императорское правительство вполне солидарно со стремлениями кардинала статс-секретаря „к немедленному заключению справедливого и прочного мира"; оно присоединяется к мысли, „что определение целей войны представляет путь, на котором может быть достигнуто согласие между воюющими сторонами", и что при этом в первую очередь следует обратить внимание на вопросы, затрагивающие Бельгию. Но затем канцлер привнес в свой ответ момент, не имеющий ничего общего с *концом* войны и с *миром*, момент исторический, который в настоящее время еще больно затрагивает чувство, но который должен был бы оставаться в стороне от дипломатических переговоров; вопрос о виновности в войне, которую противники взвалили на нас одних и этим делали невозможным для нас, на этой почве „иных воззрений

и чувств, встретиться с ними для дисскусии о возможности и условиях мира". Эти фразы отзываются не дипломатией, а военным кабинетом... Нужно исходить из предпосылки, что нет ни побежденных, ни победителей. После этих теоретических рассуждений, которые ничем не связаны с вопросом о мире, *как таковом*, но которые должны были помочь уклониться от ясной постановки вопроса, канцлер затем прямо отказывается от ответа, который должен быть самым важным и от которого зависела судьба Германии, от точного ответа о Бельгии:

„Если при настоящем положении вещей мы еще не в состоянии удовлетворить желание вашего превосходительства и дать определенное заявление о целях императорского правительства по отношению к Бельгии и о желательных для нас гарантиях, то причины этого отнюдь не в том, что императорское правительство принципиально не сочувствует такому заявлению, или не дооценивает его исключительной важности в вопросе мира, или полагает, что его цели и являющиеся для него небходимыми гарантии могли бы представлять непреодолимые препятствия для дела мира, но исключительно потому, что для него еще недостаточно выяснены известные предварительные условия, которые являются безусловной предпосылкой для подобного заявления.

Выяснить этот вопрос составляет стремление императорского правительства, и оно надеется—в случае, если обстоятельства будут благоприятствовать его намерению—не в слишком продолжительный срок более точно осведомить ваше превосходительство о целях и необходимых требованиях императорского правительства, особенно относительно Бель-

Такой ответ круто положил конец начавшемуся при столь благоприятных предзнаменованиях папскому посредничеству. Это письмо канцлера стало мне известно лишь в июле 1919 г.; *обещание, данное рейхстагу и мне, сказать в нем о Бельгии, не было исполнено*...

Мир снова отодвинулся в туманную даль. Папа лично и Англия должны были быть горько разочарованы неясностью и расплывчатостью ответа от 24 сентября... Антанта сомневалась в искренности Германии или в возможности для германского правительства высказаться относительно Бельгии в форме, допускаю-

щей дальнейшие переговоры. (Известный английский империалист, Лео Мэкс, издатель „National Rewiew“ в сентябрьской книжке 1919 г. писал, по поводу моего изложения этих событий в веймарском национальном собрании: „мы должны согласиться с г-ном Эрцбергером в том, что британское правительство в августе 1917-го года взяло на себя инициативу сообщения, сделанного Германии через Ватикан... Если бы враг тогда дал удовлетворительное заявление о Бельгии, то начались бы переговоры, и несчастье совершилось бы прежде, чем публика узнала бы об интриге“). Было ясно, что Антанта, вероятно, не дала никакого ответа святому престолу на его мирную ноту, так как Риму не удалось получить ясного ответа центральных держав на поставленный ею вопрос...

14 декабря я снова предложил нунцию, с своей стороны, обратиться в Берлин с запросом, не сообщат ли ему теперь о военных целях, как обещали 24 сентября. Тут дело получило неожиданный оборот, который внес известную ясность в темный ход событий. Новое советское правительство в Москве опубликовало телеграммы русского посланника в Лондоне; в одной из них выяснилось, что некий нейтральный (испанский) дипломат обратился к английскому правительству, по поручению Германии, с пожеланием начать с Англией переговоры о мире. Это дало повод к запросу в английской палате общин, где министр Бальфур заявил, что английское правительство:

> „в сентябре 1917 г. получило от Германии, через посредство нейтрального дипломата, сообщение, что германскому правительству будет приятно сделать британскому правительству сообщение о мире. Британское правительство ответило на это, что оно готово принять всякое сообщение, которое желает ему сделать Германия; и готово обсудить его со своими союзниками. На это мы не получили никакого ответа и с тех пор не получали никаких официальных сообщений по этому поводу“.

Тогда мне сразу стало ясно, почему папское посредничество в сентябре потерпело крушение. В Германии эти разоблачения вызвали большое внимание. Данное

вслед за этим официальное раз'яснение сообщало на языке, понятном лишь для посвященных, что Германия не хотела обязывать себя перед Ватиканом, который обратился к ней с запросом, и потому выбрала другого поверенного для разговоров с Англией. Как я узнал впоследствии, этот испанский дипломат о своем запросе и об ответе, полученном от Англии, ничего не сообщил германскому правительству.

Понятно, что святой престол был всем этим весьма изумлен, чтобы не употребить более сильного выражения. Германское правительство, с одной стороны, не пожелало дать на его запрос ясного ответа, а с другой—хотело одновременно итти окольным путем через Испанию. Что этот путь приводил в тупик, было ясно с самого начала и должно было бы быть понято германской дипломатией. *Испанское* правительство отклонило посредничество, „но не сочло для себя уместным утаить от Англии из'явление готовности со стороны Германии". Если бы германское правительство пошло проторенным путем официального ответа курии, то мы быстро подвинулись бы вперед в вопросе о мире...

Во всяком случае Германия получила самый ясный и убедительный ответ на бездарность своего правительства в том важном и в конце концов решающем факте, что союзники отныне передали маршалу *Фошу* верховное командование над всеми союзными войсками, отбросив все свои прежние колебания.

В начале *января 1918 г.* император Австрии дал мне знать, что он готов передать святому престолу в верные руки сообщение о военных целях Австро-Венгрии, а если будет признано желательным, то и Германии, чтобы дать папе возможность выполнить роль посредника перед началом весеннего выступления; уже найдено доверенное лицо для передачи. Император Карл послал своего уполномоченного к германскому канцлеру с просьбой, чтобы Германия участвовала в шаге, с которым согласен и король Болгарии. Уполномоченный вынес впечатление, что император Австрии ре-

шился, в случае германского отказа, и один предпринять этот шаг. Канцлер, граф Гертлинг, заявил о своем личном согласии с проектом; он хотел сначала переговорить с другими лицами. Несмотря на все настояния, лишь 21 января пришел ответ канцлера уполномоченному австрийского императора; он гласил, что ситуация изменилась, и что условия мира не могут быть сообщены. Предпринял ли австрийский император единолично этот шаг в Риме, мне неизвестно.

Полное раз'яснение того, почему германское правительство, невзирая на все настояния Ватикана, на публичный запрос Асквита о судьбе Бельгии, на пожелание многочисленных нейтральных дипломатов и на требования партий большинства не дало удовлетворительного ответа относительно Бельгии, я узнал лишь 11 июля 1918 г. из заявления канцлера графа Гертлинга, в закрытом заседании главной комиссии. Он заявил тогда, что Бельгия должна остаться в качестве залога в наших руках для обеспечения от грядущих опасностей; залоги выдают лишь тогда, когда опасность устранена. Бельгия не должна снова стать театром для выступления наших врагов; поэтому мы должны стремиться к самой тесной экономической связи с Бельгией и потребовать себе и политических гарантий против опасности; об этом он, канцлер, договорился 1 и 2 июля с верховным командованием. Среди партий большинства тотчас поднялись сильнейшие возражения против этой формулировки. Когда ко мне подошел вице-канцлер ф.-Пайер, я об'явил ему, что никоим образом не могу быть удовлетворен этими об'яснениями; канцлер должен дать просто и без отговорок германский ответ на ноту папы. Пайер полагал, что канцлер не сможет добиться этого у верховного командования и просил меня вместе с ним поискать удовлетворительной формулировки. Я попытался это сделать прежде всего отрицательным заявлением, что Бельгия не должна быть вассальным государством Германии, и что должно быть заключено соглашение с Бельгией, с которой Германия должна жить в мире и дружбе. В заседании

президиума фракции, я, вместе с Тримборном, провел это предложение. Было решено сообщить канцлеру, что он должен точнее формулировать свое заявление относительно Бельгии, а именно, указать на то, что Бельгия должна быть восстановлена в качестве независимого государства. В совместном совещании с прочими партиями большинства было решено, что канцлер должен заявить: Германия не хочет удержать Бельгию навсегда, но лишь в качестве залога; она готова восстановить полную самостоятельность Бельгии, а именно в такой форме, чтобы последняя не сделалась вассальным государством какой-либо державы или группы держав. Попытка говорить с канцлером вечером в 9 час. и добиться соглашения с ним была неудачна. На другое утро канцлер сообщил мне, что он принимает предложенную формулировку. Вслед за этим, в заседании главной комиссии, канцлер сделал условленное заявление: Бельгия должна быть восстановлена, как независимое государство; она не должна быть вассалом никакой державы. В то время, как все партии заявили о своем согласии, вождь консерваторов, граф Вестарп, констатировал, что настоящая декларация канцлера изменила ситуацию. Раз'яснения относительно Бельгии не удовлетворили консерваторов, так как этим самым мы отказались от Бельгийского побережья. После этого ужасающего молчания, этой расплывчатой неясности и этого качания взад и вперед нельзя уже было ожидать международного успеха.

Германское правительство до тех пор молчало о Бельгии, пока ему уже нечего было сказать, и тем самым навлекло на себя тяжелую вину затягивания войны.

Понятно ли теперь мое столь одиозное заявление летом 1917 г., что я сумел бы в несколько часов добиться мира, если бы мог переговорить с Лойд-Джорджем или другим английским государственным деятелем?

XXI. Переход к парламентскому режиму.

Во время политического возбуждения июльских дней 1917 г., на моих глазах погиб старый политический режим Германии, сводившийся к управлению с помощью *двойного большинства* рейхстага. Князь Бисмарк, правда, назвал это положение весьма удобным; он желал иметь одно „большинство для расходов" и другое „большинство для поступлений". В июле 1917 г. имелось большинство за отставку *канцлера ф.-Бетман-Гольвега*, но в те же дни образовалось и другое большинство для заключения мира по соглашению. Тут скрывалась политическая неясность, которая почти всегда присутствует в переходные моменты. Консерваторы, национал-либералы и центр желали перемены канцлера; центр, демократия (тогда она называла себя народной партией) и социал-демократы выступили за мирную резолюцию; центр, таким образом, входил в состав и того и другого большинства. 13 июля прежний канцлер был отпущен в парламентских формах, ибо центр, национал-либералы и консерваторы, по желанию монарха, письменно заявили, что они считают отставку Бетман-Гольвега своевременной. Назначение нового имперского канцлера Михаэлиса, после того, как граф Гертлинг отказался принять этот пост, произошло вопреки некоторым обещаниям, без участия рейхстага, как последний акт императорской автократии. В то время грозила опасность, что статс-секретарь Гельферих, который во время войны уже занимал две должности, получит министерство иностранных дел. Я возражал против этого, ссылась на то, что перемена трех должностей в течение двух лет является признаком

нервозности, что Гельферих не пользуется „ни симпатией, ни авторитетом“ в рейхстаге, что его прежние заявления относительно России являются препятствием к миру на Востоке, а резкие выходки по адресу Англии, с известным „finis Britanniae“, делают его неприемлемым для внешней политики на Западе; он не смог бы работать на новом посту и одного месяца. Гельферих остался на прежней должности. Июльское назначение новых министров и статс-секретарей произошло без одобрения парламента. Была, правда, сделана попытка компромисса, состоявшая в назначении министрами некоторых депутатов, но не в качестве уполномоченных от фракций.

С самого начала я предсказывал, что *кабинету Михаэлиса не продержаться* долее трех месяцев, так как он был построен на политической фальши. Уже в августе произошли резкие об'яснения канцлера с партиями большинства по поводу опасных и разрушающих за границей все впечатление мирной резолюции слов, „как я это понимаю“. Несчастное выступление статс-секретаря флота Капелле и еще более прискорбное поведение канцлера в октябре при обсуждении в рейхстаге запроса о бунте кильских моряков, укрепило партии большинства, к которым тогда принадлежали и национал-либералы, в убеждении, что интересы империи требуют немедленной смены канцлера. Так как император находился на Балканах и вернулся только 22 октября, то канцлерский кризис находился в скрытом состоянии. Но все желали, чтобы перемена исходила от самого императора. Парламент хотел держаться в стороне. В качестве кандидатов называли ф.-Кюльмана, графа Бернсторфа и князя Бюлова. Во всяком случае, 12 октября Михаэлис заявил заместителю председателя фракции центра, Тримборну, что надеется справиться с положением; он хочет обсудить определенную программу с отдельными партиями и к декабрю добиться полной ясности; он готов даже принести личную жертву своей отставкой, если придет к убеждению, что он не на своем месте; но расчитывает

на плодотворную совместную работу с рейхстагом; с вождями социал-демократии он уже вступил в переговоры. 22 октября 1917 г. национал-либерал д-р Штреземан с полной откровенностью сказал канцлеру то, на что лишь намекнул председатель фракции центра, а именно, что до ближайшего заседания рейхстага он должен подать прошение об отставке; центр, национал-либералы, демократы и социал-демократы вполне единодушны в том, что политический кризис может быть разрешен только отставкой Михаэлиса. Но последний был туговат на ухо, хотя социал-демократы и в рейхстаге и на своем партейтаге открыто об'явили ему беспощадную войну. Так как сообщалось, что император сразу после своего возвращения примет лидеров партий, то, по моему предложению, мы об'единились на следующих принципах для предполагаемой беседы:

„Смена канцлера должна произойти до ближайшего открытия рейхстага и притом по инициативе императора; в виду тяжелого политического положения и опыта с предшествующим канцлером, его преемником может быть только человек, хорошо знакомый с иностранными делами, который, до окончательного решения императора о принятии им поста, должен иметь официальную беседу с партиями, чтобы установить с ними единообразную программу действий до окончания войны. Программа должна содержать следующие четыре пункта: I. Во внешней политике канцлер опирается на ответ немецкого правительства от 19 сентября на мирное предложение папы. 2. Прусская избирательная реформа должна быть проведена быстро и лойяльно. 3. Политическая цензура отменяется и вмешательство армии в политику должно быть прекращено. 4. В области социального законодательства надо издать закон о рабочих камерах и упразднить § 152, раздел 2 Устава о промышленности (Параграф о бойкоте)".

Все четыре партии из'явили согласие с этой моей программой, а также в случае предложения императора с образованием *коалиционного кабинета* на основе этой программы; войдут ли в него консерваторы, это уже их дело; во всяком случае партии большинства не отклонят этого предложения. Что касается личности нового канцлера, то пусть его избирает император; если же, чего мы очень опасались, будет назван Гель-

ферих, то для этого кандидата применима только формула Кюльмана: „Нет, нет, никогда!“. Симпатиями партий большинства пользовался тогда, главным образом, статс-секратарь ф.-Кюльман.

Несмотря на новые представления канцлеру, Гельферих оставался на своем посту и заявил, что останется им он или нет, будет зависеть от императора; его попытки привлечь на свою сторону профессиональные социал-демократические союзы окончились полным фиаско. Новое предложение, что нынешний канцлер должен сперва провести прусскую избирательную реформу, а затем уйти, мы также отклонили и снова постановили, что с нынешним правительством нельзя вести переговоры, а потому оно должно быть сменено. Для того, чтобы добиться этой смены, было решено войти в сношения с начальником гражданского кабинета, которому была подана следующая записка:

„После переговоров представителей различных партий с императорским канцлером относительно общего внутреннего и внешнего положения, мы совместно пришли к следующему убеждению:

Если бы император принял решение сменить канцлера, то в высших государственных интересах важно создать полную гарантию спокойного внутреннего политического развития до конца войны. Только таким путем может быть достигнута та сплоченность, в которой народ так настойчиво нуждается на фронте и в тылу. К этой цели ведет полное доверие и согласие относительно внешней и внутренней политики до конца войны. Внутренне-политические затруднения последнего месяца об'ясняются отсутствием такого согласия.

Поэтому мы просим императора, перед принятием окончательного решения, поручить лицу, которому он предполагает поручить руководство имперскими делами, переговорить с рейхстагом“.

23 октября начальник кабинета ф.-Валентини, с своей стороны, сделал повую попытку у представителей четырех партий удержать Михаэлиса: последний чувствует себя хозяином положения и легко восстановит совместную работу с рейхстагом; к тому же он происходит из простой буржуазной семьи. При переговорах

о преемнике, князь Бюлов был решительно исключен начальником кабинета, и был задан вопрос, нельзя ли вернуть Бетман-Гольвега. Вождь национал-либералов категорически заявил начальнику кабинету, „что Михаэлису нельзя оставаться на своем посту", „что соглашение между ним и рейхстагом совершенно невозможно". Поданная нами записка дошла до императора. На ряду с попытками начальника кабинета, который не желал признать своей собственной ошибки в приглашении Михаэлиса, в этот день выступили иные силы, желавшие подготовить поражение рейхстага путем создания *нового большинства без социал-демократов*, так как последние при канцлере Михаэлисе не желали итти вместе с буржуазными партиями. В противовес этому, я указывал, что подобное решение означает гибель государства, так как война будет безнадежно проиграна, если социал-демократия, а вместе с ней и рабочие массы перейдут к пассивному сопротивлению; победа прусского милитаризма в настоящий момент приведет лишь к затягиванию войны. До сих пор социал-демократия не ставила таких условий своего сотрудничества, которых буржуазные партии не могли бы принять по собственному убеждению; если социал-демократия входит теперь в состав государства, буржуазные политические партии должны были бы сделать все, чтобы облегчить это великое политическое дело; а преследование планов, которые делают для социал-демократии совместную работу невозможной, является изменой отечеству. Представители других партий согласились с этими взглядами. Чтобы образовать работоспособное правительство, было решено, в случае если император спросит партийных лидеров о их мнении, указать ему на депутата Ференбаха, как на преемника канцлера. Через день были сделаны новые шаги у начальника кабинета, чтобы установить, что произошло после вчерашнего посещения, и еще раз заявить: партии большинства готовы, по желанию императора, указать преемника канцлеру. Если же начальник кабинета будет говорить об оставлении Михаэлиса, то следует

подчеркнуть, что тогда рейхстаг остается свободным от всякой ответственности, и она всецело падает на корону; выработанная программа имеет значение только при новом приемлемом для рейхстага канцлере.

В разговоре с начальником морского кабинета, который я имел на следующий день (25 октября), я разъяснил ему, что всякая попытка удержать Михаэлиса безнадежна и может только повредить трону; начальник морского кабинета протестовал против утверждения, что он виновен в приглашении Михаэлиса; он, вообще, познакомился с ним после его назначения. Начальник кабинета ф.-Валентини сообщил нам, что партии большинства получат ответ от императора, но разрешение кризиса произойдет лишь на следующей неделе; император не будет просить ни о каком предложении при назначении нового канцлера; но не исключена возможность, что перед его назначением произойдет желаемое совещание с партиями. Я вместе с другими стремился к *немедленному* разрешению канцлерского кризиса. Депутат Гаусман обратился за разъяснениями к государственному секретарю Гельфериху, который считался главным противником этого разрешения; ответ был неудовлетворителен. Повторные представления достигли того, что решение императора состоялось на следующий день.

В субботу 28 октября, поздно вечером, меня вызвали в баварское посольство, так как прибывший сегодня из Мюнхена баварский министр-президент граф Гертлинг желает тотчас же переговорить со мною по крайне важному делу; я выразил свою готовность. Граф Гертлинг сообщил мне, что император предложил ему пост канцлера; Михаэлис же должен остаться прусским министром-президентом, чтобы возможно скорее провести избирательную реформу; после того, как ему (Гертлингу) во второй раз предложили канцлерство, он не считал возможным его отклонить; но он сказал императору, что желает ранее ознакомиться с общим политическим положением и переговорить с влиятельными политиками; прежде всех он обратился ко мне. Я сообщил

графу Гертлингу выработанную большинством программу, с которой он тотчас же согласился; затем я выразил сильные сомнения по поводу отделения канцлерства от должности прусского министра-президента; если граф Гертлинг, как не пруссак, встретит затруднение в проведении прусской избирательной реформы, то может быть найден другой выход: для этой задачи можно назначить одного вице-президента совета министров без портфеля. Граф Гертлинг не присоединился к возражениям относительно разделения обеих должностей и попросил меня изложить их в записке, которую я ему передал на следующий день. Я видел в этом разделении умаление имперских интересов; так как прусский министр-президент влиятельнее канцлера, то этим будет принижено и положение канцлера; все предпринимавшиеся доселе попытки произвести это разделение приходили к быстрому крушению; при несомненно долженствующих возникнуть конфликтах в имперских делах канцлер был стеснен; при общем недоверии Михаэлис вообще не может проводить избирательную реформу; борьба между рейхстагом с его демократическим большинством и прусским ландтагом с консервативным—совершенно неизбежна, и „не спокойствие и устойчивость, а конфликты будут несомненным последствием разделения". Эта записка, переданная и императору, имела полный успех.

Против назначения Гертлинга уже в понедельник обнаружился целый ряд течений: „в протестантских кругах посмотрят на назначение канцлером графа Гертлинга, вождя центра и католика, как на весьма своеобразный подарок к юбилею реформации", католики будут сделаны ответственными за худой мир, который так или иначе неизбежен. Сомнения вождей политических партий были серьезнее. Граф Гертлинг, как баварский министр-президент, высказался против автономии Эльзас-Лотарингии, а также против отмены раздела 2 статьи 9 имперской конституции, по которому член рейхстага не может быть одновременно членом союзного совета, вследствие чего парламентаризация

была до сих пор невозможна. Социал-демократы и демократы приветствовали избрание канцлера из центра, но указывали, что положение требует более *левого* члена центра; в парламенте граф Гертлинг будет иметь опору только в правых и, может быть, в центре; таким образом он будет принужден опереться на верховное командование и „в конце концов сделаться его пленником". Национал-либералы заявляли, что кандидатура Гертлинга является победой партикуляризма и федерализма; таким образом осуществляются мечты Виттельсбахского дома; дворянским и консервативным кругам рейхстага будет отдаваться предпочтение.

30 октября Михаэлис сделал у демократов последнюю попытку спасти для себя пост прусского министра-президента; по его словам, это предложение сделал он сам, в виду своих тесных связей с прусскими консерваторами; при его оставлении последние будут не столь яро бороться с избирательной реформой. Граф Гертлинг был изумлен, когда узнал, откуда исходит предложение о разделении обеих должностей, и спросил у представителей демократии, пользуется ли он доверием их партий. Ответ был откровенно отрицательный, на что граф Гертлинг ответил, что он в таком случае не может принять канцлерства. Междуфракционный комитет поручил мне попросить графа Гертлинга самому передать императору причины его отказа от канцлерства, так как партия не имеет доверия к другим инстанциям, и в то же время благодарить графа Гертлинга за то, что он согласно желаниям партий вел с ними длинные политические переговоры. Когда я в 5 часов вечера посетил графа Гертлинга, я нашел у него настроение изменившимся, он заявил, что не пришел еще к окончательному решению, почему я и не мог выполнить данного мне поручения. Статс-секретарь ф.-Кюльман, вызвавший меня к себе от графа Гертлинга, настаивал, что граф Гертлинг должен принять канцлерство по международным основаниям, так как это подействует за границей в пользу мира; Гертлинг первый парламентарий, которого призывают на пост канцлера;

теперь он согласен его принять. На это я выразил готовность со всей решительностью отстаивать кандидатуру Гертлинга на следующих условиях: отделение должности канцлера от должности прусского министра-президента не должно иметь места; Гертлинг должен высказаться за возможно скорое преобразование Эльзас-Лотарингии в автономное союзное государство; один из представителей национал-либералов, а именно из правого крыла, должен быть назначен вице-президентом прусского министерства, чтобы обеспечить большинство прусской избирательной реформе; народная партия должна быть призвана в прусское министерство, лучше всего министерство торговли; наконец, необходимо отставить Михаэлиса от обеих должностей, равно как и Гельфериха. Кюльман нашел эти предложения приемлемыми. Прусское министерство тоже просило графа Гертлинга принять канцлерство. На междуфракционном заседании партий большинства отрицательное отношение к Гертлингу было еще очень сильно, но мне удалось добиться соглашения тем, что все четыре партии с удовлетворением приняли к сведению признание графом Гертлингом положений нашей программы, а также его обещание энергично выступить за полную автономию Эльзас-Лотарингии. Кроме того требовали, чтобы новый канцлер в скором времени выступил с декларацией перед рейхстагом; требовали и немедленной отставки Гельфериха. 1 ноября в переговорах между партиями было установлено, что как национал- либералы, так и демократы, должны получить одно место в канцлерстве и в прусском министерстве. Я тотчас же запросил *социал-демократов*, как они относятся к вступлению в министерство, так как необходимо было установить ясность во всех направлениях. Депутат Эберт заявил, что они не имеют оснований отягощать положение нынешнего кабинета, что несомненно случилось бы в случае их вхождения в правительство; поэтому они отклонили последнее, но потребовали гарантий в том направлении, чтобы народная партия вошла в прусское министерство и чтобы

представитель этой партии занял пост вице-канцлера; последнее есть conditio sine qua non. Тем временем от национал-либералов поступило заявление, что правый депутат фон-Фридберг, сторонник избирательной реформы, склонившись на неоднократные настояния, заявил готовность занять пост вице-президента прусского министерства. Об этом заранее условились с графом Гертлингом, и он не возражал.

Вечером первого ноября состоялось *назначение графа Гертлинга* канцлером и председателем прусского совета министров. Граф Гертлинг на следующий день сообщил мне, что с императором „все обошлось хорошо"; император передал ему обе должности и предоставил полную свободу в выборе сотрудников; он сказал императору, что, в виду общего политического положения, иной путь, кроме того, которым шли последние дни, был невозможен; однако, он был бы счастлив в день заключения мира просить об освобождении его от обеих должностей. Вопрос о *замещении поста вице-канцлера* вызвал большие затруднения, так как стало известным, что граф Гертлинг охотно оставил бы в должности Гельферих и резко высказался против приглашения демократа фон-Пайера. Когда это было отвергнуто всеми, граф Гертлинг хотел оставить пост вице-канцлера незамещенным. Социал-демократы, национал-либералы и демократы заявили единогласно, что канцлер Гертлинг без вице-канцлера Пайера может удержаться у власти лишь несколько дней; новый кабинет должен получить сильный демократический отпечаток. Социал-демократия сообщила канцлеру, что придает особое значение тому, чтобы пост вице-канцлера был замещен членом народной партии. Депутат ф.-Фридберг принял свой пост вице-президента прусского министерства, при условии, чтобы ландтагу не предлагалась церковная политика, которая шла бы в разрез с его убеждениями. Гертлинг заявил мне, что он в крайнем случае согласен предложить императору назначить Фридберга и демократа Дове, в качестве министра торговли. Я обратил внимание канцлера на недостаточность этого

предложения, так как социал-демократы заявили, что без Пайера кабинет будет носить реакционную окраску. Представитель народной партии подчеркнул, что политическое положение сделается неустойчивым при назначении правого кабинета. Чтобы положить конец затянувшемуся кризису и образовать сильный кабинет— партии большинства обратились 5 ноября к канцлеру с письмом, где говорилось:

„Напоминая о совещании 1 ноября сего года, в котором представители центра, национал-либеральной фракции, прогрессивной народной партии и социал-демократии указали на то, что на ряду с соглашением относительно политической программы, действующей до заключения мира, как для ее проведения, так и для взаимного доверия в работе правительства и парламента, необходимо назначить представителя национал-либеральной фракции прусской палаты депутатов вице-президентом прусского министерства, а также представителей народной партии в прусское министерство и на должность вице-канцлера,—представители названных партий сообщают в.-пр., что они попрежнему считают весьма важным урегулирование этого вопроса в указанном смысле. В качестве лиц, удовлетворяющих вышеуказанным условиям, представители фракции указали на чл. депутатов д-ра Фридберга, Фишбека и ф.-Пайера".

Как только было отправлено это *письмо*, положение неожиданно *осложнилось*; по словам вице-президента Фридберга, Гертлинг сообщил ему о его назначении, но в то же время сказал, что вице-канцлер теперь, вообще, не может быть назначен; он испросил для себя время обдумать этот вопрос. Я возразил, что, само собою разумеется, демократический вице-канцлер должен теперь же войти в кабинет, так как иначе и его партия, и социал-демократия перейдут в оппозицию. Кабинет Гертлинг-Фридберг не устойчив и не удовлетворяет политической ситуации. Депутат Штреземан и я поехали поздно вечером к канцлеру и заявили ему, что после всех обещаний и соглашений является совершенно немыслимым, чтобы новое правительство удержалось без выполнения этих обязательств. Канцлер сказал, что тогда его миссия не удалась, и партии одни несут ответственность за это. На следующий день Штреземан

и я снова раз'яснили канцлеру, что и Фридберг не займет поста вице-президента, если в кабинет не войдет демократический вице-канцлер. Оставление Гельфериха на его посту совершенно невозможно. Канцлер хотел отсрочить решение вопроса и сказал, что вечером он уезжает в Мюнхен, чтобы вернуться лишь 15 ноября. Граф Гертлинг назвал вышеприведенное письмо „пистолетом, приставленным к его груди". Партии большинства на это не пошли и единодушно поддержали социал-демократа Шейдемана, который заявил, что их надули; дело снова откладывается и попадает в тупик; Гертлинг и Фридберг вдвоем не образуют устойчивого кабинета; демократия абсолютно необходима для противовеса. Депутаты народной партии были в высшей степени оскорблены таким поведением. Депутат Гаусман сказал, что Гертлинг желает только использовать большинство, а не допустить его к управлению; граф смотрит на него скорее, как „на втирающегося нахала, чем как на желанного сотрудника".

По моему предложению между-фракционное совещание единогласно решило просить Фридберга сказать канцлеру, что он принимает пост вице-президента лишь при условии, что один из парламентских членов народной партии будет назначен в прусское министерство; а этот в свою очередь заявит затем, по поручению своей партии и социал-демократии, что он войдет в прусский кабинет лишь тогда, когда одновременно пост вице-канцлера империи будет замещен членом народной партии. Вечером того же дня я узнал от Фридберга, что он уже отклонил пост вице-президента, в виду отсутствия условий для продуктивной работы; национал-либералы чувствовали себя после этого совершенно свободными; они, вероятно, не будут более принимать участия в между-фракционных заседаниях; граф Гертлинг был очень возбужден и отложил на один день свой от'езд в Мюнхен. Я предпринял новую попытку спасти положение и прежде всего добиться снова единения между партиями большинства. Вся ситуация еще осложнилась, вследствие заявления

народной партии, что Гельферих цепляется за свой пост, после чего все четыре партии тотчас же единодушно заявили, что Гельферих „должен безусловно уйти“. Я вновь предложил за основу образования кабинета Гертлинг-Пайер-Фридберг. На этом базисе снова было достигнуто соглашение. В этот же вечер я, совместно с представителями других партий большинства, имел беседу со статс-секретарем графом Редерном, который сделал последнюю попытку спасти Гельфериха, но это было единодушно отвергнуто. Штреземан рассказал мне, несколько дней спустя, что после этого совещания статс-секретари фон-Кюльман и граф Редерн, поддержанные прусским министром фон-Брейтенбахом, убеждали Гельфериха „подать прошение об отставке, так как политическая ситуация безусловно этого требует“. Гельферих упорствовал, так как это, по его словам, означало бы уступку короны перед парламентом; в этом его поддержал товарищ статс-секретаря Гинрихс, в то время как Брейтенбах также рекомендовал уход Гельфериха. Это мне несколько уяснило позицию графа Гертлинга, однако на следующий день кризис разрешился в духе моих предложений: *кабинет Гертлинг-Пайер-Фридберг* был составлен. Начальник кабинета ф.-Валентини сказал тогда одному близкому лицу, что в эти дни главное было сохранить „доброе настроение императора“; вся эта парламентаризация один „маскарад“, который продолжится несколько месяцев; после войны все изменится, и император будет править один, как *ему* заблагорассудится. Вышло иначе.

Образование большинства из четырех партий выдержало испытание; спокойный ход государственных дел был обеспечен; некоторый удар был нанесен берлинской стачкой в конце января. Когда 5 февраля 1918 г. заседало между-фракционное совещание, национал-либералы удалились с мотивировкой, что, вследствие поведения социал-демократии в этой стачке, они не могут больше участвовать в заседании. Однако, социал-демократия дала в заседании удовлетворительное об'яснение своего поведения; социал-демократическая фрак-

ция не была осведомлена о демонстративной стачке, вызванной независимыми социал-демократами; с 24 января независимые развили в мастерских страшный террор и заставили прекратить работу; Ц. К. с.-д. партии отклонил просьбу бастующих войти в стачечный комитет; забастовщики выбрали тогда „комитет действия“ из трех независимых; предложение избрать и социалистов большинства было отклонено 198 голосами против 196. Новое предложение пригласить в стачечный комитет правление социал-демократической партии было, правда, принято 360 голосами против 330; тогда 29 января Шейдеман и Эберт отправились на собрание стачечного комитета, но главнокомандующий воспретил все собрание. Тогда Шейдеман обратился к статс-секретарю внутренних дел с просьбой о приеме депутации, которая хотела просить о свободе собраний; статс-секретарь заявил, по телефону, что он не может вести разговоры с забастовщиками о политических вопросах; Шейдеман возразил на это, что они не об этом его просят. Когда в 12 часов Шейдеман и Эберт, с двумя делегатами от рабочих, лично просили принять их, статс-секретарь, через канцелярского служителя, велел им сказать, что депутатов просят в кабинет, а рабочие представители не могут быть приняты. Попытка депутата центра Гизбертса, который, в качестве посредника, просил о приеме, была отклонена; соглашались принять только двух депутатов. После этого ответа вся делегация удалилась. Главнокомандующий воспретил всякую дальнейшую деятельность стачечного комитета. Такие меры правительства без нужды продлили забастовку. Когда, несколько дней спустя, представители правительства вступили в переговоры с профессиональными союзами и стачечниками, то быстро пришли к соглашению. Таковы были раз'яснения социал-демократов, после которых центр и народная партия не нашли оснований прекратить совещания между-фракционной комиссии или делать попытки создать новое большинство.

Политические обещания, которые граф Гертлинг дал, вступая на пост канцлера, не были исполнены. Вскоре

после того, как он принял эту должность, он заявил в прусском министерстве, как мне рассказывал впоследствии один министр, что он считает одной из своих важнейших задач «политически обезвредить» меня и с помощью депутата Гребера произвести медленный сдвиг центра вправо. Для этой цели плелись злостные интриги; в печати высказывались подозрения, что Гертлинг меня не принимает, так как я сделал ему ложное сообщение об одной своей венской поездке. По этому поводу между нами завязалась переписка, и граф Гертлинг должен был сам 4 марта 1918 г. сознаться, что с его стороны имело место недоразумение.

Постоянное вмешательство верховного командования в русско-германские мирные переговоры с его требованиями, противоречащими принятой нами программе, заставляло партии большинства выступать с частными представлениями. Особенно решительно выступали 12 марта 1918 г., когда я упорно настаивал на том, чтобы лояльно и честно проводить право на самоопределение поляков и литовцев. Резкие заявления партий произвели на канцлера сильное впечатление: на следующий день канцлер сообщил депутату Ференбаху, что он иначе представлял себе сотрудничество парламента и правительства; он должен подумать, не сложить ли ему свою должность; ему возражали, что до сих пор правительство бросало лишь слова, теперь должны последовать дела; должно быть сломлено противодействие проведению общей программы. На это сам Гертлинг пожаловался, что верховное командование «водит его за нос». Партии большинства сообщили канцлеру, что они будут, во что бы то ни стало, настаивать на проведении своей программы: канцлер должен вступить в борьбу с военными властями, особенно теперь, когда последние требуют, чтобы им был дан голос при решении восточных вопросов. Гертлинг отверг это требование военных, прибавив: если император не разделяет его взгляда, то он уйдет. В заключение беседы с Ференбахом, граф Гертлинг сказал тоном равнодушия: „не знаю, как долго я это выдержу".

Военные круги, поддержанные всенемецкой свитой, сделали в начале апреля новую попытку выбросить важное звено коалиционного правительства, статс-секретаря Кюльмана; при этом они не встретили в графе Гертлинге решительного противника. Медленный ход избирательной реформы подрывал еще более доверие к Гертлингу; к этому прибавились совершенно непонятные события на Украине, постоянные колебания в целях войны, когда на Западе при кровавом наступлении удавалось завоевать какую-нибудь новую деревню. Более, чем когда-либо прежде, все чувствовали, что имперское правительство находится всецело под политическим влиянием верховного командования. При обсуждении восточных вопросов (8 мая 1918 г.) я, поэтому, заявил в комиссии:

> «У правительства нет ни твердого плана, ни твердой цели. Оно, повидимому, меняет свои взгляды смотря по успехам на Западе. Я более не могу нести ответственность за эту политику, так как она затягивает войну, губит немецкое доброе имя за границей и вызывает радость у Антанты. Поэтому рейхстаг обязан исполнить свой долг и вмешаться, чтобы спасти Германию от страшного несчастья. Мы должны иметь правительство, дела которого соответствуют его словам».

Хотя никто не мог доказать неправильность моих утверждений, в моей собственной партии поднялась против меня сильная борьба, о которой социал-демократический «Vorwärts» писал (22 мая): «Если разумная политика Эрцбергера потерпит поражение, то социал-демократия избавится от самого опасного конкурента в борьбе за католические народные массы Германии». В действительности борьба против меня преследовала цель *взорвать коалицию* и тем самым заставить центр отказаться от мирной резолюции; это открыто признал и депутат Штреземан: по его словам, он участвовал в между-фракционном совещании, чтобы уничтожить мирную резолюцию. Лидер всенемцев граф Вестарп воспользовался этой борьбой для маленького запроса в рейхстаге о моей политической деятельности за границей; правительство ответило, что я, «с начала войны

успешно старался поддержать официальную осведомительную службу, чем приобрел себе почетные заслуги». Борьбу против меня внутри партии вели, главным образом, дворянские круги и лица, близко стоявшие к отечественной партии, но им не удалось поколебать мое положение во фракции и в партии.

Серьезная опасность угрожала *коалиции* от нового натиска всенемцев, под покровительством верховного командования. Статс-секретарь фон-Кюльман, в конце июня, по поводу речей английского генерала Сметса, сказал совершенно справедливо, что войну нельзя решить одною силою оружия. Это общее место вызвало сильное негодование, граф Вестарп и Штреземан требовали головы Кюльмана. Верховное командование в лице одного майора на конференции печати очень резко выступило против этой фразы статс-секретаря. Граф Гертлинг заявил ф.-Кюльману, частным образом, что он заступится за него в заседании рейхстага на следующий день; Кюльман удовольствовался тем, что в приготовленной им речи опровергал передержки графа Вестарпа. Однако, граф Гертлинг не сдержал обещания, данного статс-секретарю, так что речь Кюльмана, построенная стилистически, била мимо цели и произвела дурное впечатление. От Кюльмана ожидали торжественной защиты своих заявлений, базирующихся на мирной резолюции рейхстага,—вместо этого была стилистическая полемика. Наступил скрытый Кюльмановский кризис, хотя г. ф.-Пайер старался отрицать его.

Положение еще обострилось благодаря речи социал-демократического депутата Шейдемана 4 июля, которая ясно выражала недовольство тактикой правительства и угрожала отклонением кредитов. Вице-канцлер ф.-Пайер заявил, что эта речь заставляет его покинуть свой пост, так как он является в кабинете уполномоченным и социал-демократии. В заседаниях президиума фракции центра, в ответ на заявление, что теперь уже нет почвы для совместной работы партий большинства, так как социал-демократия уничтожила ее, я успешно провел ту точку зрения, что партии боль-

шинства должны работать вместе как прежде, так как расхождение в настоящий момент означает катастрофу для нашего отечества; речь Шейдемана была резка, но она не грешила против принятой нами программы; национальные мотивы обязывают центр остаться с большинством. Социал-демократия заявила в между-фракционном заседании, что она до сих пор никогда не голосовала за бюджет, за единственным исключением, когда в 1915 г. в бюджет вошли военные кредиты; она никогда не стояла за Гертлинга, в правительстве она участвовала только через посредство Пайера; но общее положение невыносимо; отношения между правительством и верховным командованием—просто скандал; у нас два министерства иностранных дел: одно во главе с Кюльманом, другое с Людендорфом; последнее затевает иностранные предприятия, о которых Кюльман ничего не знает; так, например, Людендорф хочет создать в Крыму вассальное государство Германии, чтобы получить 50.000 рекрутов; при этом совершенно не запросили министерство иностранных дел. Правительство чувствует себя бессильным провести свою точку зрения против верховного командования; социал-демократия продолжает поддерживать политику большинства; но правительство не сдержало своего обещания в вопросе о мире; право народов на самоопределение в окраинных государствах обратилось в карикатуру; медлительность Гертлинга в избирательной реформе лишило его доверия во всех рабочих кругах.

Я вполне присоединился к критике социал-демократами правительственной тактики в вопросе о мире: правительство не подумало сдержать своих многократных обещаний; ф.-Пайеру нужно ответить успокоительными раз'яснениями, которые дали бы ему возможность остаться у власти. Большинство рейхстага несет слишком большую ответственность перед народом, чтобы могло теперь раскалываться; иначе за внутренней политической катастрофой неизбежно последует военная. По этой основной линии было быстро достигнуто соглашение. Слухи об отставке Кюльмана все усиливались.

Необходимые переговоры между правительством и рейхстагом затруднялись тем обстоятельством, что канцлер давно уже находился в главной квартире в Спа. По моему предложению, вице-канцлер ф.-Пайер телеграфировал ему туда, что все новые попытки образования другого большинства безнадежны; старое большинство крепче, чем когда-либо; в отставке Кюльмана усмотрели бы капитуляцию Гертлинга перед натиском всенемцев. Кюльмана я лично просил не подавать прошения об отставке. Если же он тотчас по прибытии своем в главную квартиру сделал этот шаг, то это потому, что он получил такое впечатление, «будто вошел в ледяной погреб», он чувствовал себя совершенно изолированным. Канцлер просил его «остаться у власти, по крайней мере, восемь дней, пока рейхстаг не утвердит кредитов и не разойдется на каникулы»; тогда легче будет произвести смену. Кюльман отказался позволить злоупотребить собою для этой цели; он настаивал на немедленном принятии своей отставки, так как для успешной деятельности нет более никакой почвы; он открытый сторонник мира по соглашению, так как Германия без него не может жить; верховное командование не оставляет никакой надежды на такой мир, поэтому он предпочел, как откровенный и честный человек, уйти; он не цепляется за свой пост. 9 июля ф.-Пайер сообщил мне, что назначения преемника ф.-Кюльмана еще не последовало. Я заявил, что канцлер непременно должен приехать в Берлин, так как иначе рейхстаг потребует его присутствия; это создаст только новое волнение; и заявления канцлера должны быть таковы, чтобы вотирование военных кредитов прошло гладко; он должен, по вопросу о мире, снова сослаться на германский ответ папе; ибо в уходе Кюльмана несмотря на все хорошие слова видят перемену курса и системы. Вюртембергский посланник сказал мне тогда,—что он во всем происходящем ничего не понимает; все было спокойно, и вот само правительство устраивает кризис, да еще такой, в котором нет никакого смысла. Следовало непременно ожидать

канцлерского кризиса, если бы не последовало ясного подтверждения германского ответа папе. Когда граф Гертлинг сделал такое заявление, согласно условию, возникли уже упомянутые мною осложнения, вследствие его неясной позиции по отношению к Бельгии. До парламентских каникул еще раз удалось отсрочить кризис, но не разрешить его.

Доверие к политическому искусству графа Гертлинга быстро убывало во всех кругах, чему значительно содействовало промедление прусской избирательной реформы и политическое бездействие правительства в польском и литовском вопросе. Когда дополнительный договор с большевиками чествовали, как великое достижение германской политики, недоверие со всех сторон увеличилось. В конце августа в печати распространялось известие, что я настаиваю на немедленном созыве рейхстага, что́ я действительно считал необходимым после военных поражений на Западе. Вице-канцлер ф.-Пайер сообщил мне тогда, что правительство разрабатывает теперь определенную программу мира; теперь с Людендорфом легче разговаривать, чем прежде; все восточные вопросы, на которые я указывал уже целый год, будут разрешены до созыва рейхстага. Когда 12 сентября снова собралась междуфракционная комиссия, председатель назвал внутреннее положение „весьма серьезным“. В вопросе об избирательном праве правительство должно открыть свои карты, потому что „палата господ играет с народом омерзительную игру“. Социал-демократы указывали, что правительство все делает спустя рукава; на Востоке вместо права на самоопределение господствует чистая военная автократия; германская политика не честна.

Я мог лишь повторить то, что сказал уже раньше статс-секретарю ф.-Гинце: главная трудность для заключения мира состоит в том, что немецкой политике не верят за границей; она насквозь не честна; ни одно обещание не исполняется; в июле поэтому мы потерпели полное фиаско; на всем политическом горизонте видны одни лишь руины. Со стороны пра-

вительства подрывается работа миролюбивых кругов народа, и все же нужно непременно заключить мир этой осенью. Создание „международных правовых гарантий“, которых требует мирная резолюция рейхстага, должно теперь особенно выступить на первый план, но все это, как и создание союза народов, имеет ценность лишь тогда, когда мы получим правительство, заслуживающее доверия; поэтому нужно решить предварительный вопрос, согласны ли теперь *социал-демократы* вступить в *новое правительство* и при каких условиях; бедственное положение отечества требует от социал-демократии отказа от своей отрицательной позиции. *Необходимое преобразование правительства* должно — если это возможно—совершиться по соглашению с теперешним канцлером. Социал-демократы заявили, что парламентское большинство есть единственная „политическая ценность и величайшее счастье для Германии“; в коалиционный кабинет социал-демократия войти не может, но она готова немедленно же войти в однородно составленный *кабинет большинства*; все члены нового кабинета должны стоять на почве большинства и могут оставаться в рейхстаге; с половинчатыми мерами дальше итти нельзя. Другой социал-демократ указал, что граф Гертлинг не удовлетворяет требованиям момента; южно-германские правительства уже высказали это откровенно. В те дни мне два южно-германских министра-президента согласно заявили, что граф Гертлинг не может более вести имперских дел; самая важная задача внутренней политики—тотчас же искать ему подходящего преемника. Один видный депутат центра писал мне, что он советовал графу Гертлингу подать прошение об отставке, но не получил ответа. Великий визирь Талаат-паша передал мне выражение императора, что Гертлинг „слишком стар для такой работы“. Депутат Эберт из разговора с Гертлингом в начале сентября вынес впечатление, что последний не думает об уходе. Когда 14 сентября последовал односторонний дипломатический шаг Австрии в пользу мира, доверию к графу Гертлингу был нане-

сен сильнейший удар, который столь ясно выразился 15 сентября в совещании с партиями большинства, что граф Гертлинг закончил заседание словами „сохраните мне еще последний остаток доверия, чтобы я мог дальше работать". Великий визирь Талаат сказал мне 20 сентября, что события в Вене показали полное крушение германской дипломатии; Германия немедленно должна перейти к парламентской системе, если хочет вообще получить мир.

В середине сентября ко мне обратились *национал-либералы* с запросом, при каких условиях они могли бы снова участвовать в работах между-фракционной комиссии. С середины января эту партию уже не приглашали на заседания, так как она во всей стране начала борьбу против большинства и резолюции рейхстага. В конце января национал-либералы заявили, что они удаляются из-за участия социал-демократов в стачке. В марте они предлагали снова войти, если им предоставят полную свободу действий в иностранной политике; комиссия отклонила это; теперь они желали войти снова. Депутат Штреземан сообщил мне, что теперь он безусловно за соглашение с Англией. С разных сторон выражалось сомнение в искренности Штреземана; пока он присутствовал на заседаниях, он постоянно передавал все генералу Людендорфу и тем затруднял работу большинства. В конце концов выразили согласие на вхождение национал-либералов, если они дадут заверение, что без оговорок становятся на почву резолюции рейхстага от 19 июля 1917 г. Вопрос остался тогда еще не решенным.

Статс-секретарь ф.-Гинце, который ясно оценивал общее положение, с середины сентября выступал за участие в правительстве социал-демократов и за устранение всех препятствий к парламентаризму (отмену законоположения, по которому никто не мог одновременно входить в рейхстаг и союзный совет). Центр, в общем, держался единодушно в последнем вопросе; часть его, вместе со мною, была за отмену этого законоположения. Демократы требовали полной *парламен-*

таризации, точно также прибавляя, что они ни за что не войдут в правительство Гертлинга, так как оно запятнано „двусмысленностями“; никто не доверяет уже Гертлингу; он потерял всякий кредит; центр должен, наконец, решиться. Социал-демократия принесла в войне самую тяжелую из всех жертв: единство партии; теперь она рискует существованием собственной партии, если вступит в правительство; поэтому она должна иметь необходимые гарантии; требуется абсолютная ясность. Я заявил в призидиуме фракции центра, что не желаю свержения Гертлинга, но что является абсолютно необходимым, чтобы социал-демократы вошли в кабинет и в то же время могли остаться в рейхстаге. Если Гертлинг на это не согласится, то его нельзя оставить. Если, как намекали, они уйдут из между-фракционной комисси, то кабинет падет, так как тогда Пайер должен будет уйти. Мне удалось убедить президиум фракции в том, что все препятствия для парламентаризации должны быть устранены; высказались и за то, что социал-демократы должны войти в кабинет. Центр был в весьма неприятном положении. Он не хотел содействовать падению графа Гертлинга, вышедшего из его собственных рядов, но, с другой стороны, демократия и социал-демократия были убеждены, что без парламентаризации нельзя уже управлять государством; поэтому в между-фракционном заседании было решено составить протокол совещания и передать его канцлеру. Затем и демократы потребовали немедленной отмены параграфа конституции, препятствующего парламентаризации, „как предпосылки для создания сильного правительства, опирающегося на доверие большинства рейхстага, в целях организации национальной защиты и заключения справедливого мира“. Часть фракции центра голосовала за это предложение, вся фракция заявила, что в принятии такого законопроекта она не видит основания для раскола с прочими партиями большинства; и национал-либералы голосовали за предложение.

Эти требования находятся—так заявляли демократы—в противоречии с принципами, „которые граф Гертлинг

защищал во время всей своей политической карьеры. Высокая оценка личности этого государственного человека не позволяет прогрессивной народной партии требовать от него проведения подобной программы. Она всегда будет благодарна графу Гертлингу за его деятельность во главе империи". Социал-демократия присоединилась к этому заявлению, которое „является первой предпосылкой для преобразования имперского правительства, диктуемого серьезностью момента, и для возможного сотрудничества социал-демократии в управлении государством, так как лишь на этом пути немецкий народ сможет преодолеть великую опасность, которая ему грозит". Представители партии центра заявили, что канцлер попрежнему пользуется их доверием.

29 сентября многие советники политического отдела министерства иностранных дел сделали своему статс-секретарю ф.-Гинце словесные и письменные заявления, что продолжение кризиса немыслимо, и должно быть найдено немедленное решение. Статс-секретарь выразил готовность „сказать императору всю правду"; так как он „не пустил корни в парламенте", то он сам просил об отставке. Председатель фракции центра Гребер взял на себя сделать канцлеру сообщение о ходе между-фракционного совещания; последний заявил, что он доложит о положении императору, который и примет решение. По желанию партии большинства, я выработал, 30 сентября, следующую программу для образования нового правительства:

„ 1. Подтверждение ответа имперского правительства на папскую ноту от первого августа 1917 г. и полное признание резолюции рейхстага от 19 июля 1917 г.

2. Изъявление готовности вступить *в союз народов* на следующих началах: рейхстаг в своем заявлении 19 июля провозгласил „мир, соглашение и прочное примирение народов". Важным средством для достижения этой цели он признал „создание международных правовых гарантий". Путь к этому—построение широкого международного права, которое ставит отношение государств между собою на ту же почву права, как и отношение частных лиц в правовом [государ-

ство. Учреждение такого союза народов, обнимающего все государства, построенного на принципе равноправия всех народов и исключающего частные политические соглашения и тайные договоры, является действительным средством для обеспечения длительного мира, независимого существования и свободного экономического развития народов. Основания союза народов таковы: 1. Взаимное обязательство государств всякий спорный случай, не разрешимый дипломатическим путем, передавать на мирное посредничество. 2. Взаимное и одновременное разоружение. 3. Экономическое и правовое равноправие всех государств и их подданных; политика открытых дверей при устранении всякой экономической борьбы по заключении мира. 4. Свобода мировых путей сообщения, обеспеченная принципиальным признанием свободы морей, интернационализацией проливов и морских каналов; обеспечение частной собственности в открытом море; отмена призового права и права блокады. Однородные правила для транспортных средств, товаров и отправителей на всяких путях сообщения во всех государствах; международная защита морских кабелей. Ближайшей задачей союза народов является: международное регулирование рабочего права, рабочей защиты, рабочего страхования и права на международное передвижение. Рейхстаг отстаивает союз народов, построенный на этих началах, который гарантирует владения отдельных государств и предоставляет все свои политические, экономические, культурные и военные силы против всякого нарушителя мира и для выполнения общих задач.

3. Безукоризненно ясная декларация по бельгийскому вопросу (Восстановление Бельгии; соглашение о компенсации).

4. Доселе заключенные мирные договоры не должны являться препятствием для общего заключения мира; в Балтике, в Литве и Польше следует немедленно создать демократические народные представительства. Эти государства должны сами установить свои конституции и свое отношение к соседним государствам. В названных областях тотчас же вводится гражданское управление.

5. Создание самостоятельного союзного государства Эльзас-Лотарингии, с предоставлением ей полной автономии в согласии с требованием Эльзас-Лотаринского народного представительства.

6. Немедленное проведение избирательной реформы в Пруссии.

7. Единство имперского управления; устранение безответственных побочных правительств; назначение членов пра-

вительства из парламента для проведения единой имперской политики; строгое соблюдение конституционной ответственности при актах короны.

8. Для защиты личной свободы, права собрания и свободы печати немедленное изменение закона об осадном положении, ограничение цензуры вопросами военной стратегии и тактики, передвижениями войск, изготовлением военного материала. Создание политического учреждения для контроля за всеми мероприятиями, которые принимаются на основании закона об осадном положении. Отмена всех военных установлений, которые ставят своей целью влияние на политическую жизнь.

Все четыре фракции приняли эту программу. Образование коалиционнаго кабинета было отклонено и предложено создать однородное министерство из представителей партий большинства, после того как император принял прошение Гертлинга об отставке. 1 октября начальник гражданского кабинета фон-Берг принял лидеров партий и указал принца *Макса Баденского,* как лучшего кандидата на пост канцлера; но он советовал привлечь в кабинет и национал-либералов и консерваторов. Начальник кабинета произвел на партийных вождей самое неприятное впечатление: „в мундире, в ботфортах он шагал взад и вперед по комнате и тоном гвардейского лейтенанта говорил, обращаясь к стенам: пусть большинство не думает, что оно может управлять единолично; императора ни при каких обстоятельствах нельзя принудить к какимнибудь шагам; председателю фракции центра он сказал еще, что от императора нельзя требовать еще того, чтобы и я вошел в кабинет; я должен бы принести эту жертву для отечества". В министерстве иностранных дел я узнал, что император был весьма изумлен и возмущен, и велел мне передать, что Берг действовал совершенно самовольно; император просит меня войти в новый кабинет. Начальник кабинета вскоре после того был уволен; его место занял бывший статс-секретарь фон-Дельбрюк. Из других фракций ко мне обращались с настоятельными просьбами войти в правительство, и я в конце концов подчинился.

4 октября на меня возложили обязанности статс-секретаря, после того как утром из министерства иностранных дел мне передали просьбу занять там пост политического товарища статс-секретаря. Все вновь приглашенные статс-секретари (Гребер, Тримборн, Шейдеман, Бауер, я и позже Гаусман) сначала не могли быть назначены статс-секретарями, так как мы тем самым потеряли бы наш мандат в рейхстаге. Новые статс-секретари, совместно с канцлером, вице-канцлером ф.-Пайером и статс-секретарем иностранных дел д-ром Зольфом, образовали так называемый „*военный кабинет*“, в руки которого перешло руководство внутренней и внешней политикой.

Совместная работа наша шла чрезвычайно дружно; лишь один инцидент угрожал кабинетским кризисом. Тотчас по назначении принца Макса Баденского, в иностранной прессе было опубликовано его письмо 12 января 1918 г. к принцу Гогенлоэ в Швейцарию, в котором были резкие выражения против демократии и парламентаризма, мирная резолюция называлась „продуктом летнего зноя и слабости“, и высказывалась мысль, что Германия должна до конца использовать военное положение и обеспечить себе компенсации всякого рода. — Это письмо было тем досаднее для парламентских статс-секретарей, что как раз мирная резолюция была принята в программе в основу внешней политики. В разговоре с принцем Максом последний заявил мне, что он готов тотчас же уйти, если не пользуется доверием большинства; социал-демократы особенно чинили затруднения, между тем как мы, буржуазные статс-секретари, стали на ту точку зрения, что письмо это, хотя в высшей степени неприятное и прискорбное, не представляет служебного действия, а уход принца в настоящий момент причинит тяжкий вред отечеству; канцлерский кризис в настоящее время недопустим; с другой же стороны, выход социал-демократии из кабинета, в настоящий момент, столь же невозможен. Я предложил поэтому, чтобы будущие ноты Вильсону подписывались не канцлером, а статс-секретарем ино-

странных дел ф.-Зольфом; само письмо должно быть немедленно опубликовано в стране. Таким образом удалось притти к соглашению и быстро преодолеть кризис этих дней.

Главной задачей нового кабинета, на ряду с заключением перемирия, была реформа конституции, которая была быстро закончена. Новая октябрьская конституция отменила все законоположения, припятствовавшие введению парламентского режима, закрепила самый принцип парламентаризма в германской конституции и притом по английскому образцу. Союзный совет, который еще год тому назад чинил в этой области большие затруднения, принимал в делах почти исключительно формальное участие. По выработке конституции, мы, депутаты, могли быть назначены статс-секретарями военного кабинета, что вскоре и последовало. Мне было подчинено бюро военной прессы, которое более года вело против меня сильнейшую политическую борьбу, а также центральное управление для помощи тылу (Heimatdienst); статс-секретарь Гребер должен был разрабатывать вопросы конституции, Гаусман предварительные условия перемирия. Мы все сознавали горечь того, что лишь полное военное крушение дало нашему народу ту форму правления, которую давно уже имели все культурные народы Европы; мы знали также, что многие влиятельные круги даже в этот момент считали нас пригодными лишь для того, чтобы нести ответственность перед заграницей за грядущие бедствия; но долг перед несчастной родиной вытеснял все личные соображения.

XXII. Военный разгром.

Когда я в январе 1915 г. имел длинный разговор о военных операциях с бывшим начальником генерального штаба графом Мольтке, я был весьма удивлен, когда он сказал мне: с самого начала он считал ошибкой, что масса германской армии была брошена на запад; следовало бы сначала итти на восток, чтобы сокрушить русский вал, а на западе удовлетвориться отражением неприятельских нападений на германо-французской границе. Я тем более выражал мое изумление, что мне, как долголетнему военному докладчику в рейхстаге, было известно, что много лет уже существовал план „сломить Францию в шесть недель“ и лишь затем со всеми немецкими силами броситься на русских, даже если бы последние продвинулись до Вислы; только линия Вислы должна быть удержана во что бы то ни стало. Граф Мольтке возразил, что этот план существовал прежде, но тогда принимали, что русская мобилизация продлится, по крайней мере, два месяца со дня об'явления войны Францией; однако, после того, как в августе 1914 г. стало известно, что русская мобилизация почти закончена, нужно было бы итти предложенным им путем. Почему он не мог провести своей точки зрения, этого мне бывший начальник штаба не сказал. В общем, он высказывался весьма мало утешительно о военном положении и будущем немецкого народа. И генерал ф.-Фалькенгайн, уже несколькими неделями раньше, мне заявил, что война в целом „собственно проиграна“, благодаря исходу марнской битвы, который так долго скрывали от немецкого народа. Исход марнской битвы подействовал в германской главной квартире катастрофически; поду-

мывали о том, чтобы отвести германскую армию к Рейну; лишь энергией тогдашнего военного министра ф.-Фалькенгайна удалось провести приказ всей армии „остановиться на месте“ и окопаться. Все попытки снова вырваться из этого добровольного или вынужденного ограждения потерпели неудачу. Самые крупные военные успехи могли только расширить тюрьму немецкого народа, но не взорвать ее.

В качестве политика, я неоднократно заявлял в правительственных сферах, что весь наш способ вести войну слишком мало политичен. Я не понимал ни кровопролития при Ипре в конце 1914 г., ни исполинского штурма на Верден 1916 г., а считал правильнее осенью 1915 г. всю нашу силу бросить далее на восток, чтобы вступлением в Украину обеспечить продовольствие Германии; в политических и военных кругах я мотивировал это словами „поход на Киев делает излишним введение хлебной карточки.“ Когда началось весеннее наступление 1918 г. с блестящими успехами, которые не обманули меня насчет общего положения, я сказал одному значительному лицу в Мюнхене, что и этот поворот дел не принесет никакого разрешения, если до пасхального воскресенья Амьен не будет в прусских руках; тогда мне не верили, но осенью подтвердилась справедливость моего взгляда. Разумеется, влиятельным генералам было в высшей степени неприятно, когда „вмешивались“ в основные схемы войны, которые, однако же естественно должны всегда определяться политикой.

И *советы* военного характера, поступавшие ко мне из *широких слоев народа*, встречались без всякой благодарности. Уже в конце ноября 1914 г. я, представив обширный материал, просил о поддержке нового изобретения для постройки танков; военное министерство наотрез отклонило это в начале января 1916 г.; мои старания в комиссии в пользу постройки этих военных автомобилей ничего не помогали. Жалобы, с которыми обращались с фронта к каждому депутату во время войны и которые мы представляли военным властям, постигала

та же участь. В начале января 1917 года Людендорф сообщил мне на одну из таких жалоб, что по тщательном расследовании „упреки должны быть признаны во всех отношениях необоснованными и несправедливыми". То же самое случилось в сентябре 1917 г., когда ко мне поступили обстоятельные жалобы одного моего старого знакомого солдата ландвера, которые давали правдивую картину настоящего настроения на фронте. Людендорф возразил мне, что я ему могу поверить: он знает очень хорошо настроение в армии; оно совсем не таково, как его изображает автор письма; я бы лучше не давал вводить себя в заблуждение и укреплял мужество в народе, чтобы продержаться „в последней фазе войны". На мою другую жалобу тогда мне ответили из главной квартиры, что все это „чистый вздор", что „твердый, разумный и довольный человек редко обращается с жалобами к депутатам, а делают это малодушные и недовольные. Общее настроение в армии так хорошо, что мы не можем желать лучшего". В конце 1917 г. одна жалоба, представленная мною верховному командованию, которая основывалась на внимательных наблюдениях старого ветерана с железным крестом 1870 г., получила такую резолюцию: „этот человек, вероятно, не совсем здоров". Общепризнанные злоупотребления в армии или вовсе не устранялись, или это делалось с промедлением; всегда говорили, что „нельзя портить настроение". Все мои замечания, что это так называемое „настроение" не что иное, как призрак, встречали мало веры.

Особенно 1918 год был богат иллюзиями в военной области. Немецкий народ был, вообще, введен в заблуждение крылатым словечком, что „резервы маршала Фоша истощены германским наступлением". В первой половине августа я внезапно получил из главной квартиры подробное описание положения, где говорилось, вопреки всем официальным сообщениям:

„Свежие армии с нерастраченными силами, как американская, несмотря на все обратные утверждения немецкой прессы, все в большем числе выступают против народа,

который в течение четырех бесконечно тяжелых лет войны голодал и истекал кровью. Не имеет смысла вести войну до тех пор, когда мы, из-за недостатка в людях и военных средствах, должны будем сложить оружие на милость победителя. Тогда победители унизят нас так, как не был унижен ни один народ: если бы нынешние вожди народа заявили, что они согласны на переговоры с противниками, то их бы просто высмеяли у врагов. Нам нужно новое правительство, опирающееся на солидное большинство парламента, которое принципиально изъявило бы готовность на переговоры с серьезными уступками. Эти перспективы, конечно, не привлекательны, но все же они еще благоприятны, по сравнению с безусловной сдачей оружия. Скорейший мир теперь уже не только благочестивое пожелание, но условие нашего дальнейшего существования".

Таких слов я никогда еще не слышал из главной квартиры. Еще в середине июля 1918 г. по рассказам статс-секретаря ф.-Гинце, на вопрос его Людендорфу, уверен ли тот, что настоящим наступлением он может окончательно и решительно победить врага, тот ответил категорически: „да"; 13 августа, правда, Людендорф должен был сообщить г. ф.-Гинце, что он уже „не питает этой уверенности". На следующий день Гинце, на основании этого разговора, заявил в присутствии Гинденбурга и Людендорфа, что они оба изображали военное положение таким образом: „мы уже не можем надеяться сломить волю наших врагов военными действиями, и цель нашей войны в том, чтобы стратегической обороной постепенно парализовать военную волю врага". Император сделал тогда заключение, что „нужно выждать благоприятного момента для соглашения с врагами". Канцлер считал таким моментом первый военный успех на западе. По предложению императора была образована тогда комиссия пропаганды, которая затопила немецкий народ потоком речей и явственно обнаружила перелом в немецкой политике. За границей с тех пор знали, как я сказал в министерстве иностранных дел, что с военным положением в Германии дело обстоит неважно.

В Берлине видели путь к соглашению с неприятелем *в посредничестве нейтральной державы*, а именно Голлан-

дии. Я указал на то, что в Голландии по моим сведениям германское правительство у всех политиков потеряло кредит; одно влиятельное лицо по поводу русско-германских дополнительных договоров заявило, что немцы еще „показывают когти на смертном одре"; не удобнее ли обратиться к папе для такого мирного посредничества? Попытки достигнуть соглашения с неприятелями через Голландию были предприняты; они длились без всякого результата до последних дней сентября. В начале сентября в комиссии по иностранным делам при Союзном Совете баварский министр-президент, фон-Дандль, потребовал, чтобы в конце месяца Германия „со всей решительностью и честностью" попыталась вступить в мирные переговоры.

У наших *союзников* военная неудача в августе вызвала настоящую панику. Уже в середине августа мне сообщали из Вены, что вследствие нашего поражения на западе, Австрия, во что бы то ни стало, желает осенью добиться мира. 15-го августа, при свидании двух императоров в Спа, император Карл, при полной поддержке со стороны графа Буриана, потребовал немедленного заключения мира, но „Германия отнеслась к этому весьма холодно" и выразила лишь согласие начать переговоры через посредство нейтральной державы (Голландии). Для венского правительства этого было недостаточно. 13 сентября, с согласия графа Буриана, меня посетило доверенное лицо императора Карла и сообщило мне, что Австрия решилась немедленно сделать шаг к миру в форме прямого обращения к воюющим державам с предложением открыть сейчас же в Гааге переговоры об условиях мира. Меня спрашивали, что я думаю о таком шаге, и я ответил, что два дня тому назад руководящие германские власти заявили согласие немедленно начать мирные переговоры через Голландию; поэтому пусть Вена не делает одностороннего шага; пусть император Карл снесется тотчас же с императором Вильгельмом; еще можно договориться о последнем разногласии: что лучше—прямое обращение или обращение через посредство нейтральной

державы? Я советовал еще раз вступить в письменные или устные об'яснения с обоими королями. Министерство иностранных дел я тотчас поставил в известность об этой беседе; там держались взгляда, что Вена не сделает одностороннего политического шага. Я оспаривал правильность этой точки зрения и указал, что в Вене недовольны тем, что, несмотря на настоятельные просьбы, канцлер не приехал туда лично для переговоров; я советовал передать из Берлина в Вену, что, если Голландия, в качестве нейтральной державы, там неприемлема, Берлин согласен просить о посредничестве святого отца; я твердо убежден, что Австрия согласится с этим предложением; тем самым удастся избежать разрыва союза. И это мое предложение не привело ни к чему, так как берлинские официальные круги все еще поддавались оптимизму и думали, что Вена не совершит односторонним образом своего предположенного шага.

Обмен телеграмм между императорами обнаружил однако же твердую решимость Вены. Случилось то, что я предсказывал; 14 сентября вечером стала известной австрийская нота, вслед затем я заявил в министерство иностранных дел, что германское правительство, которое довело до морального разрыва союза, не может оставаться, так как оно неспособно руководить судьбами народа в это тяжелое время. Вечером этого дня, я вместе с другими вождями партий был приглашен к статс-секретарю ф.-Гинце, который осведомил нас о положении дел. Все депутаты партии большинства считали тактику германского правительства политической ошибкой: после того, как последовал венский шаг, Германия должна теперь открыто признать его и не давать расширяться трещине в четверном союзе. В виду серьезности положения, мы требовали немедленной беседы с канцлером, которая имела место на следующий день. Граф Гертлинг дал понять, что выступление Вены для Берлина очень неприятно, особенно в виду того, что у Германии с Веной общие цели. „Войну нужно прекратить, если Германия не хочет погибнуть," но после недавней военной неудачи

момент является неудобным для мирных переговоров; нужно „еще немножко подождать“, тогда непременно наступит психологический момент, когда можно выступить с надеждой на успех, через посредство нейтральной державы; Австрия не имеет намерения расторгнуть союзный договор. Я возразил, что выпущенная из ружья пуля не остановит своего полета; дальнейшее развитие может и должно повести к катастрофе; в военном отношении уже ничего существенно не изменится к нашей выгоде; мы должны открыто и энергично присоединиться к австрийскому шагу. Остальные вожди партий согласились со мною. Статс-секретарь ф.-Гинце сообщил директивы, данные германским представителям за границей для оценки венского шага. Они были таковы: союзная идея не понесла ущерба, мы признаем благородство мотивов Австрии; Германия не препятствует осуществлению этого плана, но она имеет мало надежды на успех; австро-венгерская нота будет тщательно изучена в Берлине; Германия будет следить с интересом за развитием событий. Я заявил, что эти директивы совершенно недостаточны, так как они заключают одни отрицания; к ним нужно прибавить другие и открыто заявить, что Германия согласна охотно и немедленно принять участие в переговорах, если дело дойдет до них. По желанию статс-секретаря ф.-Гинце я формулировал эти директивы следующим образом:

„Имперское правительство согласно охотно и немедленно принять участие в переговорах в нейтральной стране, как только таковые возникнут“. Канцлер выразил свое согласие, после того как представители всех партий большинства потребовали этого, и закрыл заседание с просьбой о доверии. Непосредственно перед этим представитель верховного командования при канцлере генерал ф.-Винтерфельд, только что прибывший из главной квартиры, сообщил нам, что Гинденбург и Людендорф дали ему торжественное заверение, что они не питают никаких иллюзий относительно положения дел; мы понесли тяжелые неудачи, мы потеряли много

людей, машин и материалов; настроение на фронте подавленное; наступления нельзя ожидать в более или менее близком будущем. На следующий день в заседании между-фракционной комиссии депутат Гребер потребовал немедленного созыва главной комиссии; каждый день означает—тяжелую потерю; чем более мы раздумываем над положением, тем тяжелее общее впечатление. Попытка тотчас же осведомить канцлера об этом общем мнении потерпела неудачу, так как выяснилось, что канцлера нельзя видеть до завтрашнего вечера. Поэтому между-фракционное совещание решило тотчас же оповестить через газеты о созыве главной комиссии.

Тем временем отношение к нашим союзникам заметно ухудшилось. В *Вене* были огорчены и раздосадованы холодным откликом на австрийское мирное предложение. Один австрийский депутат рейхстага всенемецкого направления сказал мне, что его родина просто не может продолжать войну; если бы Австрии был предложен сепаратный мир, то несколько политиков, конечно, протестовали бы против него, но народная масса убила бы всякого, кто стал бы говорить против сепаратного мира. Из Болгарии шли вести о предстоящем разрыве союзного договора. Особенные трудности возникали с Турцией; турецкая армия стояла перед Баку, где все прочнее укреплялись англичане; никто не мог поручиться, что турки не двинутся на Баку; раз это случится, то дополнительный Брест-литовский договор будет нарушен, и у большевиков снова будут развязаны руки. 26 сентября ко мне пришло печальное известие, что Болгария сделала первые шаги к сепаратному миру; своевременные предостережения нашего посла графа Оберндорфа, начальника военной миссии ф.-Массова и их неоднократные просьбы о подкреплении болгарского фронта оставлялись без внимания. В закрытом совещании 28 сентября правительство сообщило нам, что просьбу софийского правительства о перемирии нужно считать „слишком поспешным шагом“; король твердо держится союза, собрание не одобряет

шага Малинова; надеются, что Антанта не примет перемирия. Однако на следующий день правительство уже должно было сообщить, что Антанта согласна на переговоры с Болгарией, но пока не приостановила военных операций; она требует полного разрыва союза с Германией и ухода всех немецких войск. Депутаты спрашивали с полным правом: что же теперь будет, как правительство выйдет из этого положения? Государственный корабль плывет без кормчего; император должен вернуться в Берлин, где нужно принять решение. Успокоительные заявления вице-канцлера ф.-Пайера имели мало успеха.

Но впереди было еще худшее. Статс-секретарь ф.-Гинце, который 29 и 30 сентября был в главной квартире, телеграфировал оттуда, что Вену и Константинополь нужно предоставить самим себе, а Германия должна быть готова предложить президенту Вильсону начать переговоры, на основе его 14 пунктов, о немедленном перемирии и созыве мирной конференции в Вашингтоне. Правительственный кризис осложнился острой опасностью, *угрожающей немецкой армии*. 1 октября в министерстве иностранных дел мне показали ряд телеграмм из главной квартиры, смысл которых сводился к требованию Людендорфа немедленно отправить наше мирное предложение; „сегодня войска еще держались; что будет завтра, нельзя предвидеть“; нельзя медлить с мирным предложением до образования нового правительства, каждую минуту может последовать прорыв; „генерал Людендорф заявлял, что армии не могут ждать и 48 часов; все зависит от того, чтобы наше предложение было в руках Антанты, самое позднее, в среду ночью или в четверг утром. Лишь в том случае, если принцу Максу удастся еще ночью образовать правительство, можно ждать до следующего утра“. То же самое сообщал Гинденбург вице-канцлеру фон-Пайеру. 2 октября один майор из штаба верховного главнокомандующего делал перед лидерами партий доклад о военном положении, которое „в несколько дней совершенно изменилось;“ поэтому „верховное ко-

мандование должно было принять невыразимо тяжелое решение и об'явить, что в границах человеческого предвидения нет уже никакой надежды принудить врага к миру. Этот трагический исход был решен, во-первых, неожиданным появлением большой массы *танков*, а в конце концов вопросом о *резервах*. „Наши *последние резервы истощились*. Благодаря американской помощи, враг в состоянии возмещать свои потери. Продолжение войны поэтому *безнадежно*. Нельзя терять ни минуты времени. Каждые 24 часа могут ухудшить положение".

Эти известия произвели прямо ошеломляющее впечатление. Несмотря на то, что партийные вожди обязались на первых порах ничего не передавать во фракциях, всюду просачивались самые зловещие слухи. Принц Макс Баденский горячо противился немедленному началу мирных переговоров; он хотел сначала образовать новое правительство, произвести внутри важную реформу конституции и лишь тогда сделать мирное выступление; он указывал и верховному командованию на то, что придется наверняка расчитывать на потерю немецких колоний, Эльзас-Лотарингии и восточных провинций империи, если теперь начать мирные переговоры. Но Гинденбург заявил письменно 3 октября, „что верховное командование остается при своем требовании, пред'явленном в воскресенье, 29 сентября, о немедленной посылке мирного предложения"; положение обостряется ежедневно и может вынудить верховное командование к тяжелым решениям; каждый упущенный день стоит жизни тысячам храбрых солдат".

Так, не только под военным давлением, но *по военному приказу, была отправлена 5 октября первая нота президенту Вильсону, набросанная вчерне генералом Людендорфом*; в ней германское правительство принимало программу, выставленную в декларациях Вильсона „за основу мирных переговоров". В Берлине еще горячо спорили о том, не поставить ли вместо „основы" „исходную точку" или „программу переговоров". Ка-

бинет решил выслушать и других вождей армии; генерал Людендорф увидел в этом вотум недоверия и угрожал подать прошение об отставке. С призывом к поголовному ополчению, который раздавался в те дни, я в кабинете боролся так же, как и все военные круги, в том числе и Людендорф.

Первый ответ *Вильсона* от 8 октября требовал между прочим очищения оккупированных областей. 9 октября генерал Людендорф в заседании военного кабинета сообщил, что он беседовал с видными генералами Кулем, Лосбергом и Шуленбургом относительно заключения мира. Они согласились с ним. Присутствовавший начальник операционного отдела полковник Гейс уверял, что со стороны верховного командования было бы азартной игрой, если бы оно не ускорило мирного шага; может быть армия сумеет продержаться до весны, но может и каждый день наступить поворот. „Вчера положение висело на волоске, и прорыв едва не удался". Статс-секретарь Зольф на вопрос, обращенный к Людендорфу, сможет ли он сдержать фронт еще три месяца, получил ответ 10 октября: *нет*.

Таким образом *вторая германская нота от 12 октября*, одобренная верховным командованием, содержала обещание очистить занятые области и заявление, что канцлер говорит от имени германского правительства и немецкого народа, опираясь на огромное большинство рейстага.

Вторая нота Вильсона от 15 октября принесла значительно более суровые требования: прекращения подводной войны и гарантий сохранения мира; Антанта должна знать, с кем она ведет переговоры; Австро-Венгрия получит отдельный ответ. В совещаниях относительно этой *ноты* я не мог уже участвовать, так как был вызван к умирающему сыну, моему единственному сыну, который служил подпрапорщиком в Карлсруэ. Заявления Людендорфа в этих заседаниях были неопределенны, изменчивы, полны колебаний; но он стоял за то, чтобы продолжать переговоры о мире.

При третьей германской ответной ноте уже не удалось достигнуть полного согласия правительства с верховным командованием по вопросу о продолжении подводной войны; к несчастью, потопление пассажирского парохода „Лейнстер“ еще ухудшило дело.

Третья нота Вильсона от 23 октября давала понять, „что народы мира не питают и не могут питать никакого доверия к словам тех, которые доселе руководили германской политикой“.

Сообщенная мне телеграмма принца Гогенлоэ-Лангенбург, который жил в Берне, поставила актуально вопрос об *отречении императора* и отказе крон-принца. 31 октября в заседании военного кабинета принц Макс Баденский поднял этот вопрос, выразив свой взгляд, что отречение императора должно быть добровольным, чтобы сохранить государство и армию от тяжелых бедствий; нельзя оказывать никакого давления на императора. Мы, парламентские статс-секретари, были несколько изумлены тому, что был внезапно поставлен этот вопрос. Я защищал тот взгляд, что уход императора в настоящий момент был бы ошибкой; следовало бы сначала обождать ответа врагов. Вред от отречения в настоящий момент без сомнения больше, чем обещаемые им выгоды; кабинет не может оказывать давления на императора; если император отречется, то регент Пруссии должен сделаться одновременно правителем империи; во всяком случае нельзя руководствоваться настроениями, нужно ждать новых фактов. Почетнее для народа, императора и государства уступить давлению извне, чем сбросить императора. Один нейтральный республиканец несколько дней тому назад сказал мне, что, если теперь император отречется под давлением страны, то за границей будут говорить о немцах: „в победе—жестоки, в поражении—низки!“ Если отречение последует сегодня или завтра, то это уже слишком поздно, чтобы произвести действие на врагов, так как условия последних уже готовы. Статс-секретарь Зольф указал на то, что Вильсон требует лишь смены „системы“, а не лица. Никакого решения не было принято. Но я в беседе с канцлером назвал ошибкой то, что император в эти дни выехал

из Берлина в главную квартиру. Вопрос об отречении императора был выдвинут на первый план с середины октября в демократических газетах, в то время как социал-демократы сначала довольствовались введением парламентского режима и изменением конституции.

Людендорф вышел в отставку 26 октября; Гинденбурга удалось уговорить остаться.

27 октября император Карл сообщил в Берлин, что он сделал необходимые шаги для сепаратного мира.

Германская ответная нота Вильсону в тот же день подчеркивала, что новому народному правительству Германии подчинены и военные власти; генералы Гальвиц и Мудра, которые выражались о военном положении несколько оптимистичнее, не могли уже заставить военный кабинет отказаться от его решения. Одно надежное нейтральное лицо, дружески относившееся к Германии, уведомило меня в тот день, что, в случае неудачи переговоров о перемирии „в ближайшем будущем, после ужасного кровопролития, Германия обратится в пустыню и должна будет принять еще более суровые условия".

Перед получением последней ноты Вильсона, положение в Германии значительно ухудшилось *восстанием в Киле* и невозможностью быстро подавить эти беспорядки. Кабинет послал туда для переговоров статс-секретаря Гаусмана и дал ему в спутники докладчика по морским вопросам депутата Носке. Одновременно сообщили, что и независимые с.-д. выехали в Киль. Переговоры в Киле сначала не привели к желанной цели,—напротив, беспорядки перекинулись на целый ряд северных немецких городов. В этот момент новый генерал-квартирмейстер, генерал Гренер, сделал 6 ноября всем статс-секретарям подробный доклад о военном положении; при продолжении войны, он предвидел возобновление ее не только в Румынии, но и со стороны чехо-словаков; во что бы то ни стало, следовало избежать окончательного поражения армии; военное положение еще более обострилось; германское сопротивление может продлиться очень недолго. Во время заседания приходила одна тревожная телеграмма

за другой о беспорядках, вспыхнувших в Ганновере, Шверине, Гамбурге и т. д., так что канцлер к 12 час. заявил, что больше ждать нельзя; в пятницу 8 ноября, утром, должны непременно начаться переговоры с маршалом Фошем; германская делегация для переговоров о перемирии должна сегодня же выехать на запад; если до пятницы не получится ответа от Вильсона, германская делегация, выкинув белый флаг, сама должна начать переговоры о перемирии или же о капитуляции. Это решение было принято единодушно в военном кабинете, *при полном одобрении верховного командования.* Тогда, совершенно неожиданно для меня, канцлер предложил избрать меня делегатом военного кабинета для переговоров с Фошем; я отказывался, ссылаясь на то, что уже несколько недель тому назад для этого был намечен статс-секретарь Гаусман. Мои отказы не помогли; все статс-секретари настаивали на том, что я должен взять на себя тяжелую миссию к маршалу Фошу. Мне было предоставлено взять с собою представителя иностранного ведомства. Предложенный сначала копенгагенский посол граф Брокдорф-Ранцау не мог быть привлечен за краткостью времени; поэтому я выбрал лично мне знакомого посла в Софии, графа фон-Оберндорфа. Дальнейших решений, о составе комиссии и о перемирии, в кабинете не принималось. Несмотря на мои просьбы, мне не дали никаких инструкций, кроме самой общей, что перемирие должно быть заключено, во что бы то ни стало.

Непосредственно перед моим от'ездом пришла *четвертая нота Вильсона от 5 ноября,* которая сообщила о принятии всеми союзниками 14 пунктов и последующих деклараций Вильсона с двумя ограничениями—относительно свободы морей и размеров вознаграждений за военные убытки—и просила „отправить законноуполномоченных представителей германского правительства к маршалу Фошу, который осведомит их об условиях перемирия". Копия этого военно-дипломатического рекомендательного письма к маршалу Фошу была мне передана на вокзале перед самым от'ездом.

XXIII. Путь в Компьень.

Совершенно неожиданное назначение меня для ведения переговоров о перемирии, последовавшее 6 ноября 1918 г. в полдень, застало меня и почти все ведомства врасплох. Так как мне до трех часов не были вручены полномочия, то я заявил в имперской канцелярии, что без них я не уеду. Меня направили в министерство иностранных дел, где мне сказали, что там, вообще, ничего неизвестно о переговорах; требуемый мною документ никогда еще не выдавался во всей мировой истории. Я возразил, что и мировая война и способ перемирия не имели прецедентов, и получил обещание, что до пяти часов документ будет у меня в руках. Он был доставлен мне на вокзал в последний момент перед от'ездом. В документе стояло имя генерала ф.-Гюнделя, в качестве первого уполномоченного. Затем я получил подписанный канцлером бланк, которым я мог распоряжаться по своему усмотрению.

Специальный поезд увез меня с членами верховного командования в *Спа*, куда мы прибыли на следующее утро в 8 часов. Но там ничего не было приготовлено для членов комиссии по перемирию. Я разыскал представителя иностранного ведомства, который отсоветовал мне брать генерала ф.-Гюнделя, так как он не годится для подобных переговоров. Он вошел в сношения с имперской канцелярией в Берлине, чтобы предложить меня в председатели комиссии. Правительство обещало. Генерал ф.-Гюндель после этого, вообще, не участвовал в переговорах; его место занял знакомый мне генерал фон-Винтерфельд, бывший аташе в Париже.

Вскоре по прибытии в Спа, в зале для заседаний при верховном командовании происходило *совещание*, на котором присутствовали более двух дюжин офицеров; все они должны были ехать для переговоров во французскую главную квартиру. Я распорядился, чтобы, кроме меня, ехали только уполномоченные: граф Оберндорф, генерал ф.-Винтерфельд и капитан Фанзелов, так как появление большого числа офицеров во Франции в настоящий момент неуместно; все остальные или должны оставаться в Спа или быть наготове в главной квартире германского крон-принца. В конце совещания явился генерал-фельдмаршал *Гинденбург* и сказал мне, что впервые в мировой истории перемирие заключается не военными, а политиками; но он вполне с этим согласен, все равно верховное командование не может давать никаких политических директив. Армии нужен отдых, во что бы то ни стало. Он простился со мной со словами: „Поезжайте с богом и постарайтесь сделать, что только возможно для нашей родины".

После короткого завтрака мы выехали в полдень из Спа на пяти автомобилях. Я взял в качестве переводчика ротмистра ф.-Гельдорфа и стенографа д-ра Бауерта. Едва мы оставили Спа, как с моим автомобилем случилась тяжелая катастрофа: на крутом повороте он налетел на стену дома; следующий за ним автомобиль врезался в него. Несмотря на сильный удар, несчастья не произошло. Ни я, ни сидевший рядом со мною граф Оберндорф не были ранены многочисленными осколками стекла; только наш автомобиль и следующий были сильно повреждены. В оставшихся автомобилях мы продолжали поездку через Бельгию. Мы подвигались медленно, так как массы немецких войск непрерывно тянулись назад длинными эшелонами. В сумерках, в 6 час. вечера, мы прибыли в *Шиме*, где немецкий генерал сказал мне, что сегодня вечером я никак не могу ехать дальше; чтобы обеспечить отступление германской армии, пути заграждены, и на дороге повалены деревья; вообще, ехать очень опасно. Я настаивал на пропуске и получил его после телефонного

разговора с ближайшим германским штабом в *Трелоне*. Около 7 $^1/_2$ час. я приехал туда. Командующий генерал сказал мне, что сделаны все приготовления для переезда через фронт; саперная команда убрала на дороге все заложенные мины. Генерал очень хвалил боевой дух своих войск; шесть недель люди находились в непрерывном бою; одна дивизия насчитывала только 349 человек, другая 437; прямо изумительно, что такой небольшой отряд еще держался; офицеры и команда совершали сверхчеловеческие подвиги. Политические события в Германии и беспорядки в Киле были ему почти неизвестны. Он просил меня и с офицерами не говорить об этом. После короткой остановки мы поехали дальше и, так как дорога была свободна, гораздо быстрее подвигались вперед. В 9 ч. 20 мин. *мы пересекли германский фронт*, после того, как я ранее взял с собою еще трубача. Один земляк, шваб, отдал мне последний прощальный привет изумленным вопросом: „Куда вы едете?“. Я отвечал: „Мы заключаем перемирие“. Тогда он сказал по-швабски: „Как же, вы вдвоем сейчас же и заключите?“.

Переехав линию германского фронта, автомобили пошли чрезвычайно медленно. Уже несколько часов с обеих сторон перестрелка прекратилась. На первом автомобиле был поднят большой белый флаг. Трубач подавал непрерывно короткие сигналы. Этот путь был для меня еще более потрясающим, чем тот, который я проделал три недели тому назад к моему умирающему сыну. Приблизительно в 150 метрах от германского фронта показались первые французские солдаты. Два офицера вежливо проводили нас в близлежащую *Лятапель*. Когда я приехал туда, первый вопрос стекавшихся отовсюду солдат был: „Finie ja guerre“. Наш автомобиль встречали рукоплесканиями в знак радости, что война кончилась. Часто раздавались возгласы: „vive la France“. Солдаты и гражданское населеление относились спокойно и сдержанно; многие подходили к моему автомобилю; некоторые просили папирос; в качестве некурящего я не мог удовлетворить их жела-

ния. Названия улиц были еще немецкие; на большом здании развивался французский трехцветный флаг. Маленький городок был разукрашен флагами. Французы вступили только сегодня вечером. Меня проводили в небольшую виллу *Франпор*, в конце города; там я встретил трех германских парламентеров, которые предупредили о нашем прибытии. Наступление было приостановлено до 12 час. ночи. Немецкие военные автомобили, в которых мы приехали, остались в Лятапель до нашего возвращения. Мы получили французские авто, по одному на каждого уполномоченного; в спутники дали каждому французского офицера. Покидая виллу после 10 час. вечера, мы были сфотографированы при свете магния. Дальнейшее путешествие происходило в очень медленном темпе; мой спутник, принц Бурбонский (из боковой линии), не мог сказать мне, куда мы едем, но на мой вопрос сообщил мне, что нам остается ехать около 50 километров; я узнал от него и произношение имени маршала Fanche (Фоша), который родом бретонец. Как при переходе французского фронта, так и здесь, глаз мне не завязывали. Во время ночного путешествия мы проехали через *Гиз*, который был сильно разрушен; особенно были повреждены речные и железнодорожные мосты. Мы приблизились к *Сен-Кантену*, где заехали около часу ночи в один крестьянский двор, сильно пострадавший от обстрела: это был штаб одной из французских армий. Здесь для нас был приготовлен ужин. Два французских генерала, в числе их генерал Депенэ, сообщили нам, что маршал Фош согласен нас принять. Эти офицеры держались чрезвычайно холодно. Генерал Депенэ заметил не без колкости, что мы получили тот же самый ужин (суп, солонина и горох), какой во французской армии получает каждый генерал и каждый солдат. После часовой остановки путешествие продолжалось через *Шони*, которое было совершенно разрушено, не было ни одного сохранившегося дома, виднелись одни руины. При свете месяца развалины возвышались в воздухе, как призраки, не видно было

ни одного живого существа. В четыре часа мы прибыли на совершенно разрушенный вокзал *Тернье*; пройдя через развалины, мы сели в специальный поезд, где нам подали французский коньяк. Нам не сказали, куда мы едем, приказали только не открывать окон во время пути. Поезд тотчас тронулся и остановился утром в 7 час. в лесу. Я заметил, что в 100 метрах от нас на рельсах стоял поезд такого же состава, как наш. Где мы находились, я не мог установить, несмотря на все расспросы; персонал поезда говорил, что он родом из северной Франции и не знает этой местности. Но когда я в воскресенье утром выразил желание пойти к обедне, проводник вагона сказал мне, что этого нельзя: я должен был бы заявить о своем желании накануне; маршал уже был в церкви в Ретонде. Там больше не будут служить мессы, а другого священника нет поблизости. Так подтвердилось мое предположение, что местом нашей остановки был *Компьенский* лес.

В пятницу 8 ноября 1918 г. утром я мог начать переговоры с маршалом Фошем. Около 9 часов (по французскому времени) мне сообщили, что маршал готов принять нас в 10 час. Мы, четверо уполномоченных, с офицером-переводчиком, в простых дорожных костюмах, офицеры в походной форме, перешли в соседний поезд. В салон-вагоне был поставлен широкий стол, с каждой стороны по четыре стула. Мы первые вошли в вагон и встали за указанными нам местами. Вскоре появился маршал Фош, маленький человек, с суровыми, энергичными чертами, которые с первого взгляда выдавали привычку повелевать, в сопровождении своего начальника генерального штаба и трех английских флотских офицеров; он поздоровался по-военному, коротко, и поклонился. Я представил по-немецки моих спутников и передал полномочия, которые маршал Фош взял и представил нам своих спутников—англичан: первого лорда флота, сэра Уаймиса, его начальника штаба Уэйганда, адмирала Гопа и переводчиков, француза Лянерша и англичанина Бэгода. Следовательно, к переговорам о перемирии не были привлечены ни американцы, ни итальянцы.

янцы, ни бельгийцы, а только лишь главное командование союзников. Получив наши документы, маршал Фош со своими спутниками вышел в соседнее купе, чтобы их проверить. В них мне давались полномочия „заключить перемирие при условии согласия канцлера". Маршал Фош вернулся и спросил по-французски: „Что вас привело сюда, господа, чего вы желаете от меня". Я ответил, что ожидаю предложений относительно заключения перемирия на воде, на суше, в воздухе и на всех фронтах. Маршал Фош категорически ответил: „ У меня нет никаких предложений". Я указал на то, что мы явились на основании последней ноты Вильсона, которую посол, граф Оберндорф, прочел в английском оригинале, и я прибавил, что прошу о сообщении этих предложений. Тогда маршал Фош дал приказ своему начальнику штаба прочесть условия перемирия на французском языке: оба переводчика немедленно перевели их. Во время чтения, английский адмирал, сэр Уаймис, принял вид полного равнодушия и невнимания, но игра с моноклем и с большими роговыми очками не могла скрыть его внутреннего волнения. Маршал Фош сидел у стола с каменной неподвижностью, энергично покручивая свои усы. Во время чтения не делалось никаких замечаний. По окончании его, я просил дать мне возможность тотчас же по радио снестись с канцлером и главной квартирой и отсрочить дальнейшие переговоры до вечера. Маршал Фош отклонил гласную передачу сообщенных условий перемирия; я мог отправить их в зашифрованном виде или через специальных курьеров, по моему усмотрению. Посылка шифрованной телеграммы была невозможна, вследствие обширности текста условий. Я просил продлить срок в 72 часа, предложенный для принятия или отклонения условий до 96 часов, так как я могу снестись с германской главной квартирой лишь через курьера, которому нужно, по крайней мере, 12 часов на дорогу. Продление срока было отклонено, а также моя просьба о предварительном перемирии на то время, когда будут рассматриваться условия. Фош прибавил,

что он во всем связан соглашением с союзными главнокомандующими и с союзными правительствами. Он заявил категорически, что переговоры об условиях никоим образом не могут быть допущены. Германия может их принять или отвергнуть, третьего пути нет. Я, по крайней мере, добился того, что могли состояться частные совещания между свитой маршала Фоша и германскими делегатами сегодня вечером. В три четверти часа заседание было окончено. Срок истечения ультиматума был назначен в понедельник 11 ноября в 11 час. утра по французскому времени. Переводчика, ротмистра фон-Гельдорфа, я отослал с условиями и сообщением, что контр-предложения по главным пунктам не будут допущены. Несмотря на это, следует попытаться добиться смягчения в частных переговорах, чтобы в первую очередь обеспечить Германии сохранение внутреннего порядка и отвратить угрожающий голод. Особенно будем стараться добиться продления сроков и уменьшения материала, назначенного к выдаче; но одновременно с принятием перемирия, мы сделали заявление, что выполнение всех обязательств невозможно. Ротмистр Гельдорф уехал в час дня. Французское главное командование обещало облегчить ему переезд через линию фронта и полагало, что он будет на немецкой стороне через пять часов. Из этого мы заключили, что в эту ночь мы не мало проколесили по северной Франции. Ротмистр Гельдорф быстро добрался до французского фронта, но, несмотря на все сигналы и парламентеров, ему в течение 5 часов не удавалось перейти немецкую линию. Гельдорф пытался, как мне рассказывал на обратном пути французский майор, сделать это с опасностью для своей жизни, но наши солдаты „стреляли, как черти".

Тотчас же состоялось заседание четырех уполномоченных, на котором были установлены *основные линии* частного вечернего совещания: мы должны указать, что эти условия невыполнимы, что они не только сделают Германию беззащитной, но и предадут ее в руки большевизма, что анархия и голод будут непосредствен-

ными следствиями принятия этих условий перемирия. Во время этого совещания, у всех создалось впечатление, что противная сторона не верит нашим заявлениям. Один из противников даже откровенно высказал, что Германия желает заманить союзников в ловушку. Она хочет только выиграть время, чтобы собрать свою разбитую, отступающую армию; тогда она соберется с силами для нового удара. Уверения в честности немецких мирных намерений встречались с недоверием. Один видный неприятельский офицер подчеркнул, что союзники намереваются честно соблюдать заключение перемирия, но решением союзных правительств и военных командований маршалу Фошу во всех принципиальных вопросах связаны руки; вообще, можно разговаривать только о практическом осуществлении договора и о второстепенных подробностях. Нами особенно подчеркивалась краткость срока для очищения территории. К английским офицерам мы обращались главным образом по вопросу о снятии блокады. Но адмирал Гоп заявил, что он не в состоянии дать об'яснений по этому поводу. Мы указали, что теперь союзники повторяют ту же ошибку, что и старое немецкое правительство весною 1918 года по отношению к России, когда Германия считала себя победительницей большевизма, а оказалась побежденной, но англичане дали холодный ответ: „У кого ветер попутный, тот доплывет".

К вечеру результаты частного совещания, преследовавшего одну цель—как можно больше выторговать для немецкого народа—были закреплены в контр-предложениях. Мы особенно добивались продления срока для очищения оккупированных местностей, отмены предмостных укреплений (по Рейну) и нейтральной зоны, уменьшения назначенного к выдаче материала, почетного отступления немцев из восточной Африки и снятия блокады.

Немецкие *контр-предложения* были окончательно установлены мною в субботу утром и переданы маршалу Фошу. Около 7 часов вечера французский капитан принес мне радио канцлера с известием, что

император отрекся и крон-принц отказался от престола. Сейчас решается вопрос о регентстве; канцлер остается на своем посту. В полночь с субботы на воскресенье французское военное командование сообщило мне газетное известие, что в Германии образовалось новое народное правительство. Берлинский гарнизон предоставил себя в его распоряжение. Руководство государственными делами находится в руках социал-демократического депутата Эберта. Повидимому, три независимых социалиста войдут в прежнее правительство, состоявшее из партий большинства рейхстага. Но я так и не узнал, остается ли Германия империей или в ней провозглашена республика.

В воскресенье утром прибыли еще три германских офицера из главной квартиры. Английские флотские офицеры пригласили своих немецких коллег для нового совещания. Там они заявили, что в Германии со времени последнего совещания произошли столь большие политические перемены, что следует поставить вопрос, в состоянии ли вообще новое правительство выполнить условия перемирия. Мы сознавали на себе огромную ответственность: армия требовала перемирия, во что бы то ни стало; с другой стороны, мы не хотели подписывать договор, которого не могли выполнить. Мы пришли к решению, что если правительство нас уполномочит подписать перемирие, то, значит, оно в силах выполнить условия, поскольку это вообще возможно. Англичане сообщили затем, что в случае неисполнения условий, союзники сохраняют за собою право выполнить их насильственно и для этой цели занять и Гельголанд. В субботу утром состоялось *новое совещание* уполномоченных обеих сторон, и на нем мы настойчиво указывали на большевистскую опасность. Однако, мы увидели, что ни французы, ни англичане не принимают всерьез наших предположений; они по-прежнему были исполнены величайшего негодования. После завтрака ко мне вошли французские рабочие, занятые при специальных поездах, и сказали, что хотя им запрещено давать нам газеты, но они все-таки хо-

9. XI.

тят показать нам оглавление и, сияя от радости, показывали нам газеты с заголовками: „Кайзер отрекся". После обеда я с графом Оберндорфом сделал маленькую прогулку в лесу, воспользовавшись чудной осенней погодой. Мы видели еще ямы от немецких гранат 1914 г. Но нам было разрешено гулять лишь в пределах двух километров от нашего поезда. Лес был оцеплен. В воскресенье вечером мы получили, в общем, отрицательный *ответ маршала Фоша* на наши замечания к договору о перемирии, а вслед затем письменное напоминание начальника генерального штаба, Уэйганда, что утром в 11 час. истекает срок: мы должны позаботиться об ответе канцлера. Я мог сообщить, что ответ ко мне еще не приходил, но что я старался его ускорить.

В 8 часов вечера мне передали радио от верховного командования, в котором испрашивались облегчения по целому ряду пунктов; затем следовали лапидарные слова: *„не удастся проведение этих пунктов, все-таки заключите"*. Телеграмма была подписана генерал-фельдмаршалом Гинденбургом. Около половины одиннадцатого ночи я получил открытую телеграмму, что *я уполномочен подписать переданные условия перемирия*. Это меня чрезвычайно расстроило, так как открытой телеграммой был скомпрометирован результат двухдневных переговоров. Телеграмма была подписана так: Reichskangler Punctum. Переводчик спрашивал, означает ли Punctum имя нового канцлера и кто такой этот господин, он совершенно неизвестен французскому верховному командованию и парижскому правительству. Я об'яснил, что Punctum означает „точка". После того, как мы составили предположенный *протест*, я дал знать маршалу, что мне желательно было бы, чтобы еще сегодня ночью могло состояться второе заседание. Маршал Фош тотчас же из'явил согласие.

Заседание началось ночью, в 2 ч. 15 мин. Почти при каждой отдельной статье я пытался достигнуть дальнейших облегчений и особенно добивался уменьшения неприятельской оккупационной армии, но маршал Фош сообщил мне, что он желает занять 50 ди-

визиями левый берег Рейна. Самые горячие дебаты завязались вокруг статьи 20, которая заключала *продолжение блокады*. Более часа боролись за эту статью. Я долго доказывал, что это означает продолжение войны политику Англии уморить нас голодом, от которой более всего страдали немецкие женщины и дети. Я вместе с графом Оберндорфом назвал это некрасивым— замечание, которое вызвало у английского адмирала раздраженный ответ: „Некрасиво. Вы тоже без разбора топили наши суда". Однако, англичане ответили только, что они передадут правительству наше пожелание о снятии блокады. Серьезного улучшения мы добились, получив обязательство Антанты снабжать Германию с'естными припасами во время перемирия. Обсуждение отдельных статей затянулось до 5 час. 12 м. утра. По предложению маршала Фоша было решено поставить 5 часов, так что перемирие могло начаться шестью часами позже, т. е. в 11 час. утра по французскому времени.

Переговоры были прерваны, и я тотчас же сообщил по радио германскому верховному командованию о заключении перемирия. По предложению маршала Фоша была подписана последняя страница соглашения, так как изготовление других страниц и копий потребовало бы еще несколько часов. Начали подписывать в 5 ч. 20 м. Было изготовлено два экземпляра. Сначала подписались маршал Фош и адмирал Уэймис, затем германские уполномоченные. У наших храбрых офицеров, генерала фон-Винтерфельда и капитана ф.-Фанзелов, стояли слезы в глазах, когда они через силу взялись за перо. Затем я сделал еще одно заявление, с уверением, что мы постараемся честно выполнить возложенные на нас обязательства; я еще раз упомянул о наших контр-предложениях и указал на то, что многие обязательства невыполнимы. Свое заявление я заключил словами: „Народ в 70 миллионов может страдать, но не может умереть". Маршал Фош бросил в ответ: „c'est bien!" В 5 ч. 30 мин. обе делегации поднялись со стульев в знак прощанья. Рукопожатиями не обменялись.

Самым горьким из всех условий была для меня оккупация левого берега Рейна и удержание наших военнопленных. Главные смягчения, которых удалось добиться в трехдневных переговорах, сравнительно с первоначальным проектом, заключались в следующем: Эльзас-Лотарингия не причислялась к „занятым областям", но трактовалась, как часть Германии. Число подлежащих выдаче пулеметов было понижено с 30.000 до 25.000, число летательных аппаратов с 2.000 до 1.700; нейтральная зона на правом берегу Рейна, вместо 40 и 30 километров, определялась в 10; срок для очищения рейнских областей был повышен с 25 дней до 31. „Никто не должен подвергаться преследованию за участие в военных мероприятиях, которые предшествовали подписанию перемирия". Для защиты немецкой промышленности в занятых областях было прибавлено: „не могут быть приняты общие или государственные меры, последствиями коих было бы обесценение промышленных заведений или уменьшение их персонала." Число отдаваемых грузовых автомобилей было понижено с 10.000 до 5.000, а срок передачи повышен с 15 дней до 36, что было колоссально важно для обратной перевозки армии. Хотя одновременное освобождение наших военнопленных вместе с неприятельскими, несмотря на все наши старания, было отвергнуто, но возвращение домой интернированных в нейтральных странах продолжалось; возвращение германских военнопленных должно было быть урегулировано при заключении прелиминарного мира. От нас уже не требовали немедленного вывода войск из бывших русских областей, но установление срока союзники оставили за собой; в занятых областях могла еще производиться закупка продовольствия. Безусловная сдача восточно- африканских войск в течение одного месяца была заменена „отходом всех германских войск, сражающихся в восточной Африке в течение установленного союзниками срока". В каком заблуждении были союзники относительно числа наших подводных лодок, показывает их первое требование о выдаче 100 лодок—

число, которого не было в наличности. Затем потребовали выдачи всех несущих службу подводных лодок. Особенно важно достигнутое мною дополнение к ст. 26: „Союзники и Соединенные Штаты имеют в виду во время перемирия снабжать Германию продовольствием". Продолжительность перемирия была повышена с 30 дней до 36, и было добавлено, что, если бы не удалось возвратить в определенные сроки заложников и интернированных, то это лишь в случае злостного поведения, могло бы дать повод к расторжению перемирия. Было установлено учредить постоянную международную комиссию по перемирию, во главе с главным командованием союзников.

В понедельник, около 10 час. утра, в Компьенский лес прибыли новые офицеры из германской главной квартиры, а также два представителя центрального общества закупок; но для них уже не нашлось никакой работы. Все пожелания и требования, которые были переданы и накануне в телеграмме и теперь от имени верховного командования, мы пред'явили и отстаивали, в некоторых пунктах достигли даже большего, чем требовало верховное командование. Мы узнали от этих лиц, что император так же, как и крон-принц, бежал в Голландию и что разрешение на подписание перемирия, которое пришло ночью по радио с подписью „рейхсканцлер", было дано не канцлером, а верховным командованием, так как в воскресенье было невозможно добиться соглашения с Берлином. Верховное командование чувствовало себя не только в праве, но и обязанным дать разрешение по собственной инициативе. После того, как была отправлена телеграмма, канцлер из'явил согласие и одобрил принятые меры. Все бывшие в Берлине вожди партий и статс-секретари в течение воскресного дня выразили свое согласие. К половине 11 часа я получил *подлинный акт о перемирии*; карту, на которой была обозначена очищаемая зона, я тотчас передал капитану Гейеру, одному молодому офицеру, чтобы он доставил ее на аэроплане в главную квартиру в Спа, не теряя ни минуты

времени. Полет был выполнен безукоризненно. К 11 час. наш поезд отошел. Окна были занавешены; все вокзалы полны народу, так как о нашем возвращении все знали. На вокзалах царило большое оживление и радость, но слышались нередко и угрожающие возгласы по адресу немцев. Около 4 часов мы прибыли на вокзал в Тернье и были встречены сообщением, что наши автомобили еще не готовы; нас не хотели везти днем, может быть для нашей личной безопасности, а может быть из опасений шпионства. Принц Бурбонский сопровождал меня с обычной вежливостью, когда мы выехали в 6 час., развив большую скорость. Ночью в 2 часа мы достигли французского фронта; оттуда мы двинулись на семи автомобилях и ночью потеряли из виду пять, которые в течение следующего дня постепенно собрались в Спа.

Во вторник, 12 ноября, около 9 часов утра я прибыл в Спа, где представитель иностранного ведомства поздравил меня с крупными успехами наших переговоров; в главной квартире были поражены, что мы достигли таких успехов. В Спа образовался рабочий и солдатский совет; верховное командование подвергалось опасности быть арестованным этим советом; у офицеров срывали с плеч погоны. Гинденбург уже заявил, что он стоит за правительство Эберта и просит меня также предоставить себя в распоряжение нового правительства. Я сам мог наблюдать, что солдаты уже не отдают чести офицерам, а на автомобилях развиваются красные флаги. Через полчаса началась *конференция* у генерал-квартирмейстера Гренера, который выразил чрезвычайное удовлетворение по поводу результатов наших переговоров; они превзошли его самые смелые ожидания. По моему предложению образовалась немецкая *секция международной комиссии по перемирию* в Спа; я назначил ее председателем генерала ф.-Винтерфельда. Выполнение отдельных условий перемирия было возложено на соответствующие ведомства. Фельдмаршал Гинденбург благодарил меня „за чрезвычайно ценные услуги, которые я оказал отечеству“. Между тем около

часу прибыли в Спа со специальным поездом два делегата рабочего и солдатского совета из Ганновера; они хотели ехать дальше в Брюссель, чтобы провозгласить там всемирную революцию, и изумили меня „вполне достоверным известием", что маршал Фош вчера вечером расстрелян. Они были весьма смущены, когда я им сказал, что еще сегодня утром я говорил с маршалом Фошем. Цель германской революции, по их словам, заключалась в том, чтобы провозгласить Либкнехта президентом республики; эта цель еще не вполне достигнута, но в следующий раз дело удастся. Я отговорил делегатов ехать в Брюссель, где идут бои; так как в их распоряжении был локомотив, а я должен был, как можно скорее, вернуться в Берлин, то мы условились ехать вместе. В четыре часа мы выехали из Спа, которое разукрасилось бельгийскими национальными флагами. Все поезда были переполнены солдатами. Они стояли на подножках, сидели на крышах вагонов, — картина, которую можно было наблюдать в свое время в России. Простояв несколько часов на пограничной немецкой станции Гербесталь, я велел везти нас через Аахен в Берлин. В среду вечером, в 5 часов наш поезд прибыл в столицу, где я тотчас же имел совещание с шестью народными уполномоченными; я сообщил о принятых мною мерах. Народные комиссары решили, что комиссия по перемирию, которая работала „в самое трудное время для блага немецкого народа", должна существовать и дальше и нести ответственность за выполнение договора о перемирии.

Вернувшись в отечество, я нашел его совершенно изменившимся; даже на моем служебном автомобиле развивался красный флаг, который я тотчас же велел заменить черно-красно-золотым. В Берлине не было никакой охраны для поддержания порядка. Военный министр, который по моей просьбе пришел ко мне ночью на квартиру в штатском платье, заявил мне, что такой охраны нельзя и создать. С несколькими решительными людьми я тотчас же принялся за организацию небольших надежных войсковых частей. Все

страстно ожидали прибытия надежных солдат, ибо опасность, что новые беспорядки поставят у власти чисто независимое или коммунистическое правительство, угрожала каждый день и каждый час. Я был чрезвычайно занят работами в комиссии по перемирию, особенно в виду частых трений с отдельными ведомствами; однако, я нашел еще время посвятить себя воссозданию армии. Баварский министр-президент Эйснер, на первом с'езде представителей германских государств, назвал статс-секретаря д-ра Зольфа и меня „очагом контр-революции" и потребовал безусловного удаления нас из правительства.

Крестный путь в Компьень был самым тяжелым и горьким, что выпало мне на долю за мою служебную деятельность. Но во мне живет сознание, что я спас для моей дорогой родины все, что только можно было спасти.

XXIV. Перемирие.

Я вздохнул с облегчением, когда в декабре 1918 г. верховное командование сообщило мне, что отступающая германская армия в полном составе благополучно перешла через Рейн, ни одна воинская часть не попала в плен. Этим благоприятным, превзошедшим все ожидания, результатом мы обязаны предусмотрительности и спокойствию верховного командования, а также сухой и не особенно холодной осенней погоде, которая позволила делать длинные переходы.

7 декабря я получил известие из Спа, где в это время собралась международная комиссия по перемирию, что 12 и 13 декабря в Трире можно вступить с маршалом Фошем в переговоры о продлении перемирия, которое было заключено на один месяц. Оттуда же я узнал, что главное командование Антанты окончательно решило распространить блокаду и на правый берег Рейна, чтобы совершенно отрезать торговые сношения Германии с оккупированным левым берегом.

На следующий день мне доставили телеграмму французского главного командования, которое просило немецкое верховное командование указать уполномоченных для продления договора о перемирии. На совещании совета народных уполномоченных я указал на различие между этим и первым приглашением; прежде оно было послано правительству, которое и назначило уполномоченных, а не военным властям; с тех пор немецкое правительство пять раз пыталось добиться прелиминарного мира и ни разу не получило ответа. Приходится опасаться, что союзники считают теперешнее правительство неправомочным для пере-

говоров. Последняя телеграмма маршала Фоша не оставляет сомнения в том, что Антанта не признает теперешнего правительства; но Германия должна как можно скорее прийти к миру; из этого следует, что для продления перемирия не надо назначать новых уполномоченных; прежние уполномоченные будут вести переговоры на основании либо старых полномочий, либо новых документов, выданных верховным командованием. Сообразно с этим 10 декабря на совещании вместе с верховным командованием было прежде всего выяснено общее политическое положение; возвращающиеся войска стояли под Берлином; неоднократно заявлявшееся требование, чтобы они вошли в Берлин безоружными, в перемежку с рабочими, было отклонено. На вступающие войска нужно возложить обязанность произвести разоружение населения Берлина. За завтраком генерал-фельдмаршал извинился, что он может предложить лишь скудную трапезу; несмотря на свой весьма преклонный возраст, он получает то же, что и солдаты, из того же котла. Верховное командование желало, чтобы при продлении перемирия были уничтожены предмостные укрепления и нейтральная зона,—границу следовало установить по Рейну,—восстановлено свободное сообщение с оккупированными областями, уменьшена численность оккупационной армии, возвращены военнопленные и снята блокада.

Американская главная квартира в Трире сообщила мне, что она все приготовила для нашего приема. Поэтому я был изумлен, когда уже в 4 часа утра, тотчас по прибытии поезда в Трир, явился офицер американской „военной полиции“ с заявлением, что у него готово шесть автомобилей, чтобы перевезти нас в отель, а накануне я распорядился, что мы остаемся в поезде до 9 часов. К этому часу на вокзал явились правительственный президент и обер-бургомистр Трира с несколькими лицами, что было весьма неприятно дежурному американскому лейтенанту, так как он выразил желание, чтобы лица, не принадлежащие к составу делегации, держались отдельно. Мы выслушали это с

улыбкой и прошли через вокзал к автомобилям, эскортируемые справа и слева американскими солдатами; многие из моих спутников были „рады“ этому почетному эскорту, который провожал нас до отеля. Но скоро мы заметили, что это было не столько почетным вниманием, сколько несносным ограничением свободы. Когда я, вскоре по прибытии в отель, выразил желание сделать некоторые визиты в городе, мне заявили, что приказано никого не выпускать из дома. Одного правительственного советника, который хлопотал о нашем помещении, также не выпустили из дома, заявив, что разрешение может дать лишь американский капитан, но его нельзя было найти. Все указания на то, что этот господин не принадлежит к нашей делегации и не имеет ничего общего с комиссией по перемирию, не привели ни к чему. Поздно вечером ему было дано разрешение послать за необходимым на ночь бельем. Во всех коридорах и на лестницах были расставлены американские солдаты. Только хозяйка отеля получила позволение выйти из дома, чтобы сделать необходимые для кухни закупки; даже дети не могли посещать школы во время пребывания комиссии. Внизу в отеле были поставлены часовые, четыре человека были предоставлены к нашим услугам; даже кельнеры отеля не могли сноситься с нами. Американские солдаты держались чрезвычайно вежливо и заявляли мне, что им все эти меры кажутся „недостойными“. Телефоном я мог пользоваться для иногороднего сообщения; но соединиться с Берлином было невозможно, так как накануне ночью были перерезаны все провода. Этот явный факт интернирования заставил меня обратиться к американскому генералу, который стоял во главе гражданского управления, с просьбой о полной свободе передвижения внутри и вне города Трира. Я был изумлен, когда комендатура сообщила мне, что эти распоряжения сделаны самим маршалом Фошем и что я должен обратиться к нему. Я немедленно сделал это и потребовал „все свободы и права, которые доселе были обычны в международных сношениях между

представителями правительств.“ Прибывшие вечером из Спа члены тамошней комиссии по перемирию были также интернированы в своих отелях, как и мы. Американцам их служба становилась все противнее. Один солдат сказал: „Это подло, как с вами обращаются.“ Американцы открыли нам и причину этих мер: нас подозревают, что мы можем распространять большевизм. Трирский епископ письменно просил меня о заступничестве за священника, которому оккупационная армия препятствовала исполнять его пастырские обязанности. Когда я дал письменный ответ, что приму все необходимые меры, телеграмма была возвращена американской главной квартирой с пометкой, что маршал не разрешил сношений между германской комиссией и населением оккупированных областей. Трирскому населению между тем стало известно, что комиссия интернирована; когда мои знакомые проходили мимо отеля и кланялись мне, скрестив руки, чтобы показать, что мы пленники, американские часовые приказывали им тотчас проходить дальше. Затем отель и вся площадь перед ним были оцеплены американскими войсками. Более 24 часов длилось это недостойное положение.

На другой день пришло известие от *главного командования союзников*, что маршал в своем поезде на вокзале в Трире желает принять „четырех германских уполномоченных, которые 8 ноября в Ретонде передали ему полномочия германского правительства“. Когда я отправился к Фошу на вокзал, на подножке каждого автомобиля поместился американский солдат: наше интернирование еще продолжалось. Прибыв на вокзал, мы нашли тот же самый салон-вагон, в котором вели переговоры в Компьенском лесу. Переговоры тотчас начались, часто прерываемые шумом проходящих поездов. Фош велел прочитать нам протест против невыполнения условий перемирия и передал ноту, в которой главное союзное командование предоставляло себе право, если найдет это нужным, занять нейтральную зону на правом берегу Рейна, к северу от Кельн-

ского предмостного укрепления до голландской границы, чтобы создать новые гарантии исполнения договора. Перемирие должно быть продлено на один месяц. Протесты касались несвоевременного возвращения пленных, несвоевременного возвращения ценных бумаг и ценностей и несвоевременной выдачи подводных лодок и бронированных крейсеров. В переданной мною вечером записке я поправлял ряд ошибок противной стороны и, ссылаясь на мои заявления в Компьене, подчеркивал, что сроки с самого начала были поставлены слишком краткие, о чем я снова говорил и в своих устных об'яснениях, указывая особенно на то, что союзники, с своей стороны, не сдержали принятого ими обязательства снабжать Германию продовольствием, а теперь даже расширяли блокаду. Маршал Фош отклонил детальное обсуждение германских жалоб, но принял к сведению, „что германское правительство не в состоянии было выполнить условия и что по показаниям германской комиссии по перемирию страна и армия находились в состоянии переворота". Фош был особенно раздосадован тем, что число выданных локомотивов было незначительно. Однако, он обещал признать свободу спошений между левым и правым берегом Рейна, поскольку это совместимо с безопасностью союзных войск; он обещал при этом не быть придирчивым, что, к сожалению, не соблюдалось подчиненными властями. Маршал Фош согласился с моим желанием командировать в Спа для разрешения этого вопроса с обеих сторон экспертов-экономистов; однако, в вопросе о подвозе продовольствия он лично ничего не может сделать, но он снесется с соответствующим правительственным учреждением. Я заговорил тогда о недостойном интернировании комиссии: германские уполномоченные, присланные германским правительством в немецкий город, не могут иметь менее прав, чем немцы—жители этого города. На это Фош обещал полную свободу передвижения четырем уполномоченным комиссии, но не прочему персоналу, несмотря на мои представления. Когда американский лейтенант

сообщил мне вечером, по поручению своего полковника, что интернирование исходило не от американских властей, но основано на прямом приказе маршала Фоша, то я попросил его сказать своему полковнику: „Я и не ожидал этого от свободного американского народа".

Личные переговоры между союзниками и германскими уполномоченными имели на этот раз более примирительный характер, чем в Компьене, и протекали в более дружелюбном тоне. Вечером я был в состоянии дать подробный ответ на протесты союзников. Наибольшие трудности чинил со стороны французов военный начальник железных дорог, который требовал ежедневной выдачи 2000 вагонов и угрожал условленными штрафами, если более 5% представляемых локомотивов окажутся негодными для приема. Вечером комиссия была приглашена к правительственному президенту и обер-бургомистру. Ночью я получил ответ из Берлина, что я уполномочен на продление перемирия, но что Германия не виновата в неаккуратном выполнении условий компьенского договора; при этом германское правительство расчитывает, что нейтральная зона не будет оккупирована. 13 декабря 10½ ч. происходило второе заседание с маршалом Фошем в его салон-вагоне. Фош заявил, что американский контролер продовольствия Гувер может дать Германии продовольствие лишь в том случае, если она, под контролем союзников, предоставит находящиеся в ее гаванях суда, водоизмещением в 2,5 миллионов тонн. На мой вопрос, что означает слово контроль, английский адмирал Уаймис ответил, что немецкие суда должны быть употреблены совместно с судами союзников и что в общем тресте будет определено, как респределить грузы; необходимо как можно лучше использовать весь мировой тоннаж. На мое замечание, что, само собою разумеется, будет сохранена германская собственность на суда и что суда будут плавать с немецкой командой, мне это ясно подтвердили. Я выразил свое принципиальное согласие заключить

соответствующий договор с союзниками, если немедленно начнется снабжение Германии продовольствием; я просил тотчас указать место и время для встречи экспертов и делегатов обеих сторон. Адмирал Уаймис сказал, что переговоры не могут вестись в Спа. Союзники образовали для этих вопросов две комиссии, одну в Париже, которая закупает продовольствие, и другую в Лондоне, которая заведует распределением и транспортом. Место встречи еще не может быть указано.

Я снова настаивал на скорейшем решении. Маршал Фош заявил согласие тотчас переговорить с союзными правительствами и передать им мое пожелание; он готов так же передать союзным правительствам и поддержать мое второе пожелание о скорейшем заключении прелиминарного мира. Если я вчера жаловался, что Германия на свои пять предложений в этом смысле не получила ответа, то причина этого в том, что Вильсон лишь завтра прибудет в Париж, ранее нельзя было принять никакого решения. Переходя к подробностям нового договора, я сделал предложение, чтобы перемирие было продлено не на один месяц, но до заключения прелиминарного мира; Фош заявил, что в принципе он согласен, но не имеет для этого полномочий Антанты. Мы сговорились на такой формуле, что перемирие продолжается на один месяц, а при условии согласия союзных правительств,—до заключения прелиминарного мира. В дальнейших переговорах я заявил, что требуемая быстрая выдача транспортных средств невыполнима, как я уже сказал в Компьенском лесу. Максимальная наша выдача составляет ежедневно 100 локомотивов и 2400 вагонов, дальше этого дело не идет. Фош желал выслушать сначала своих экспертов и принял в принципе мое предложение, на что я еще раз заявил, что не могу согласиться на штрафы за несвоевременную выдачу. Вопрос был передан в подкомиссию, в которой генерал фон-Винтерфельд с весьма опытным майором фон-Беттихером провел большую часть моих предложений; к сожалению, он должен был под давлением обстоятельств согласиться на допущение

штрафов. Моих представлений, что занятие нейтральной зоны к северу от Кельна ничем не вызвано, маршал Фош не хотел и слушать; я должен был принять соответствующие условия. Однако же, — заметим, забегая вперед,—этой статьей союзники не воспользовались во все время перемирия. Я протестовал против конфискации линейного корабля „Баден", вместо неготового крейсера „Макензен", называя это актом произвола, но меня не захотели слушать. Адмирал Уаймис заявил, что английские делегаты в Компьене 11 ноября полагали, что „Макензен" готов к отправке. На это капитан Фанзелов возразил, что тогда он ясно указал на то, что „Макензен" лишь может выйти в море через 10 месяцев, тогда не требовали никакой замены „Макензена". Адмирал Уаймис заявил, что это было только устное заявление, и уперся на этом. Я заявил, что до сих пор полагал, что и устные обещания имеют значение. На мое предложение разрешить немецкое рыболовство в открытом море для улучшения нашего народного питания, адмирал Уаймис возразил, указав, что немецкие рыболовные суда необходимы для траления мин; если же они не пожелают тралить мины, то не должны ловить и рыб. Мы согласились на этих обеих задачах. Переданную по желанию Берлина просьбу разрешить беспрепятственный въезд и выезд левобережных делегатов на с'езд рабочих и солдатских советов в Берлине, маршал Фош и адмирал Уаймис наотрез отклонили. Переговоры о перемирии пришли тем самым к концу, удовлетворительному и для Германии, если считаться с ее положением. Финансовая комиссия представила проект соглашения, который, между прочим, содержал запрещение вывоза золота, иностранных ценных бумаг, а также отмену ликвидаций. Я принял это соглашение при условии взаимности, что мне было обещано неприятельскими делегатами. Когда я вечером сделал визит епископу Коруму, последний рассказал мне, что он заявил одному высокопоставленному французскому офицеру, посетившему его, что маршал Фош диктовал Германии перемирие на усло-

виях, которых постыдился бы каждый честный человек. Это уже не перемирие, а изнасилование; для левобережных провинций было бы величайшим несчастьем, если бы они попали под французское господство. Он, епископ, несмотря на свои 80 лет, в ближайшие дни поднимается на кафедру, чтобы пробудить у немецкого народа веру в себя. В восемь часов вечера мы выехали из Трира, чтобы сделать сначала доклад верховному командованию; там были удовлетворены ходом переговоров. Напротив, были весьма мало довольны положением в Берлине, особенно тем, что приказ о сдаче оружия еще не был опубликован.

Второе продление перемирия было вызвано тем, что союзники расходились во взглядах на условия прелиминарного мира, а с другой стороны, при этих переговорах, на Германию могли быть возложены новые тягости. 9 января 1919 г. маршал Фош пригласил меня в Трир, и притом на тех же условиях, как и в декабре. Последнее я отклонил и заявил, что приеду туда лишь при условии полной свободы передвижения и сношений на все время переговоров; на это последовал благоприятный ответ. Перед своим отъездом в пятницу, 10 января, я имел совещание с народными уполномоченными. Продолжавшиеся несколько дней уличные бои мешали пройти во дворец канцлера. На Фоссовой улице мне преградили дорогу, но по предъявлении документов сказали, что я могу пройти в канцлерский дворец с опасностью для собственной жизни. Опасность была бесспорная; в то время, как я шел в Вильгельмштрассе, пули шлепались справа и слева от меня, так что назад я должен был вернуться садом. На совещании с народными уполномоченными я предложил директивы для моего поведения в Трире, они были одобрены; полномочий я не испрашивал. Перед отъездом я обсудил со всеми соответствующими ведомствами вопрос о выполнении условий перемирия. В переговорах с морским управлением оказалось, к моему великому удивлению, что, несмотря на мои определенные указания, уже после заключения перемирия в

Компьене, продолжались работы по окончанию подводных лодок, что англичане могли установить во время своей поездки по немецким верфям. Особенные затруднения доставила нота французского финансового комиссара от 4 января, которая преследовала цель полного финансового порабощения Германии; на нее я ответил тотчас же простым отказом, так как она не имела оснований ни в условиях перемирия, ни в трирском финансовом соглашении; в субботу 11 января я выехал со специальным поездом, но мог достигнуть вокзала лишь окольными путями, так как вокруг последнего шел сильный бой. Я слышал в поезде трескотню пулеметов и взрывы ручных гранат, раненых сносили на вокзал. Я поехал сначала в южную Германию, где имел 13 января совещание с южными железнодорожниками, чтобы лично осведомиться о том, как обстоит дело с выдачей железнодорожного материала. Южно-германские железнодорожные управления заявили, что сделали последние и крайние усилия, чтобы выполнить обязательства, возложенные на них условиями перемирия. Они „готовы дать посланным Антанты полную возможность разобраться в деле“,— предложение, которое я неоднократно, но тщетно, делал маршалу Фошу из Берлина. 14 января в Касселе была встреча с верховным командованием, где мы пришли к соглашению в том, что если бы союзники потребовали образовать общий фронт против большевиков, я могу подписать такое соглашение. Представители прусского железнодорожного министерства заявляли, что теперь безусловно необходима приостановка в выдаче транспортного материала, если желательно сохранить наш транспорт.

По прибытии в Трир нам на этот раз дали полную свободу передвижения. Ночью я получил сообщение о боях в Берлине, согласно которому правительство с большими силами начало разоружение и очищение Берлина. 15 января, в 10 час. утра, возобновились переговоры на трирском вокзале. С английской стороны вместо адмирала Уаймиса явился адмирал Браунинг,—

перемена, которую я не особенно приветствовал (У Браунинга не было левой кисти руки, которая была заменена серебряным протезом). Маршал Фош открыл заседание замечанием, что в Трир прибыли финансовые делегаты Антанты для переговоров по финансовым вопросам. Я заметил, что готов немедленно начать заседания финансовой комиссии. Далее он потребовал образования подкомиссии экспертов по вопросу о предоставлении *немецкого торгового флота* для доставки продовольствия в Германию. Я отвечал, что немецкие эксперты еще не прибыли, но можно открыть свободный обмен мнений по этому вопросу. По обычаю маршал Фош велел составить ряд меморандумов о неисполнении условий перемирия. Он должен был, правда, признать, что в доставке материала сделаны заметные успехи, но вместо дополнительной доставки, в виде штрафа за опоздание 500 локомотивов и 1900 вагонов, до мая 1920 г. потребовал, большого количества новых сельско-хозяйствен. машин всякого рода (58.000 штук); далее: подчинения находящихся в Германии русских военнопленных междусоюзнической комиссии, занятия вновь построенного при Киле маленького предмостного укрепления, выдачи всех подводных лодок с прекращением новой постройки их, немедленного возвращения увезенного из северной Франции и Бельгии материала и немедленного составления условий выдачи всего немецкого торгового флота в распоряжение союзных правительств в целях снабжения продовольствием Германии и Европы. На принятие или отклонение условий Фош дал срок в 24 часа. Я признал этот срок недостаточным. В ответе на французские представления я подчеркнул, что немецкий народ хочет мира и притом как можно скорее; демобилизация германской армии почти закончилась; большая часть германского военного снаряжения выдана Антанте; в передаче транспортного материала мы сделали все, что было в силах; все военнопленные Антанты отправлены на родину—до 8 января включительно Германия отправила свыше 24.000 офицеров и почти 1,2 миллиона

солдат. Возвращение неприятельских ценностей было произведено в таком об'еме, что это должно было бы вызвать уважение у самого сурового врага. Для ускорения выдачи я устроил особое центральное бюро. Условия, поставленные флоту, почти целиком выполнены. Лишь то, что я всегда считал невыполнимым, не было сделано; все немецкие железнодорожные мастерские эти недели работали исключительно для союзников. Германия лойяльно выполнила принятые на себя обязательства, но ежедневно умножаются случаи серьезных жалоб на поведение союзников, которое противоречит заключенным соглашениям. Сюда относится особенно прекращение сношений между оккупированными областями и остальной Германией, незакономерные аресты собственников и директоров промышленных предприятий, которые законно владеют машинами, вывезенными из Франции и Бельгии; жестокая высылка немцев из Эльзас-Лотарингии находится в противоречии с договором. Мероприятия французского финансового комиссара являются системой, которая до сих пор применялась только большевиками в России; ими нарушается немецкая частная собственность. Я не могу выполнить то, что мне диктует французский финансовый комиссар. Подвоза продовольствия все еще нет, несмотря на все обещания; голод и отчаяние отнимут у немецкого народа остаток жизненных сил. Два требования мы должны пред'явить с особенной настойчивостью: немедленного возвращения германских военнопленных и немедленного заключения мира; никто не имеет права оттягивать мир. „Против сегодняшней силы победителя я выставляю вечное право немецкого народа на жизнь и развитие. Это право священно и неприкосновенно. Не тот будет в истории именоваться великим, кто препятствует миру, но тот, кто приносит прочный мир, сближающий народы". Маршал Фош отверг целый ряд представленных мною жалоб, но признал во время беседы, что пред'явленный мною детальный материал к этим жалобам не был ему знаком. Горячие прения завязались по вопросу о том, как ши-

роко нужно понимать обещанную безнаказанность за участие в военных мероприятиях. Маршал Фош хотел понимать под этим только шпионаж, а не покупку материала, реквизированного в занятых в свое время областях. Я не мог согласиться с этим взглядом, и вопрос был передан в подкомиссию, где он, после долгих усилий, получил решение, удовлетворительное для обеих сторон: арестованные (за исключением одного) были отпущены, и новых арестов больше не производилось. Жаркие дебаты возникли по поводу жестокой высылки немцев из Эльзас-Лотарингии. Маршал Фош заявил, что французское правительство здесь не при чем, так как дело идет о чисто военных мерах; он должен отклонить все выраженные пожелания; когда он думает о том, что немцы сделали в Лиле и северной Франции с тамошним населением, то он должен просить не поднимать больше этого вопроса. Я напомнил о существенном различии, принимаются ли такие меры во время войны или теперь, во время перемирия, на что маршал Фош возразил, что Франция не живет в мире с Германией. „Есть лишь война или мир, третьего для меня не существует". „Третье и есть перемирие, которое также имеет свои права", возразил я. Фош заявил категорически, что он не только не желает говорить со мной об этом, но и не позволит ничего изменить в предписаниях для Эльзас-Лотарингии. С выражением глубокого сожаления должен был я принять этот отказ, хотя от него страдали невинные, а Франция не имела никакой выгоды. Моего упрека, что французское правительство мероприятиями своего финансового комиссара поддерживает большевизм, маршал Фош не хотел признать и сказал, что он вообще не желает разговаривать об юридических вопросах. Я поспешно заявил, что совершенно согласен с этим. Таким образом нота французского финансового комиссара теперь надолго попала под сукно. Так как все еще затягивалось возвращение германских пленных, находившихся в Турции и в южной России, я указал на то, что этим совершается худшее преступление, чем то, которое турки совершили над

армянами, ибо бедных немцев ожидает верная смерть. Генерал Уэйганд сказал, что он надеется через несколько дней дать мне удовлетворительный ответ; трудно об'единить на чем-нибудь всех союзников; еще не получен ответ одной союзной державы. После обеда и вечером происходили заседания финансовой комиссии, которые открыли нам утешительную перспективу на снабжение Германии продовольствием.

Срок для нового совещания с маршалом Фошем был весьма короткий. В четверг утром у меня еще не было никаких известий из Берлина, кроме одного, что условия перемирия, которые я протелеграфировал туда тотчас же по их получении, все еще не получены.. Я старался вступить в телефонную связь с правительством, так как маршал Фош велел мне передать что он безусловно должен уехать в течение дня. Телефонная связь действовала весьма худо, с трудом мне удалось получить первую инструкцию, согласно которой я должен был сделать следующее заявление: „Германское правительство принимает к сведению требования маршала Фоша, но заявляет, что они практически невыполнимы". Путем неоднократных вопросов я установил, что должен был при подписании договора написать это заявление перед своим именем; если маршал Фош опротестует это добавление, то я не должен подписывать, а прервать переговоры; если же маршал Фош спросит, считает ли германская делегация перемирие продленным такого рода подписью, то я должен отвечать, что не имею ничего прибавить, и выехать в Берлин. Если маршал Фош заявит о возобновлении враждебных действий в пятницу утром, то я должен прервать переговоры и выехать. Каждую из этих возможностей я должен был выжимать у берлинских властей. На мой новый запрос, какие же условия в Берлине называются невыполнимыми, я должен указать на выдачу сельско-хозяйственных машин и, особенно, короткие сроки доставки. На дальнейший свой вопрос, могу ли я подписать, если добьюсь уступок по этим пунктам, я получил утвердительный ответ. Все другие условия Фоша не считались

невыполнимыми, как мне было об этом ясно заявлено. Эта телефонная инструкция при постоянно меняющейся позиции берлинских властей была не особенно удачным политическим шагом.

Затем я отправился в 11 час. к маршалу Фошу на вокзал, где сообщил противникам только что полученное известие об убийстве Либкнехта и Розы Люксембург. Это сообщение произвело на всех присутствующих глубокое впечатление. Я тотчас заявил, что выдача сельско-хозяйственного материала до 1 марта 1919 г. невыполнима; она разрушила бы немецкое сельское хозяйство и сделала бы невозможной будущую жатву. Фош сказал, что во Франции то же самое положение и там большой недостаток в этих машинах, но „Франция не крала никаких машин". Я из'явил согласие вернуть увезенные машины, но новое требование невозможно и невыполнимо; в короткий срок со вчерашнего дня не могли даже установить, сколько машин каждого рода вообще имеется в Германии; я не могу указать и сроков для выдачи. Фош настаивал на своем и потребовал обязательства, чтобы мы немедленно доставили 50% требуемого материала, об остальном поговорим после. Я сказал, что и это невозможно. Тогда Фош сбавил на одну треть. Я указал, что не могу взять на себя и такого обязательства, тем более, что оно для Франции не имеет практического значения, ибо к 1 марта Франция не нуждается ни в сенокосилках, ни в жнейках, ни в сноповязалках. Фош предложил тогда, чтобы до 1 марта 1919 г. была выдана треть общей суммы с сохранением права обмена между отдельными сортами; конечным сроком выдачи должно быть 1 мая и то только в „принципе". Я предложил 1 июня, на этой основе мы могли прийти к соглашению. Вокруг выдачи новых подводных лодок долго шла упорная борьба с представителями флота. Англичане при осмотре верфей узнали, что, вопреки моим распоряжениям, уже во время перемирия продолжалась постройка подводных лодок; они потребовали теперь эти 64 лодки, если только их можно доставить. На это мы заявили протест

против такого неприкрытого насилия, так как по компьенским условиям мы не обязаны выдавать эти подводные лодки. Маршал Фош выступил посредником и стал явно на немецкую сторону. В то время, как до сих пор говорили только по-английски и по-немецки, маршал Фош просил вести переговоры по-немецки и по-французски. Я об'яснил ему нашу точку зрения. Мы обязались выдать все подводные лодки, „несущие службу", это мы и исполнили, но мы не брали на себя обязательства выдавать наполовину неготовые или неслужившие лодки. Фош заявил, что и по его мнению должны быть отданы только готовые лодки; Германия имеет право разобрать или перестроить неслужившие лодки. И английский адмирал Браунинг должен был, после уговоров маршала Фоша, подтвердить, что мы имеем право сами разобрать эти суда. Я указал еще на то, что мы разберем материал из полуготовых лодок и можем употребить его для вознаграждения Франции и Бельгии. Мы успешно, стало быть, поддержали наш протест. На мое вновь выраженное пожелание разрешить свободу сношений между левым и правым берегом Рейна, маршал Фош уступил в вопросе о транспорте товаров и багажа. Но пассажирского сообщения он не мог допустить, по его словам, потому, что несколько времени тому назад большевики пытались из Дюссельдорфа проникнуть в оккупированную область. На немедленное освобождение германских военнопленных Фош заявил себя неуполномоченным.

Теперь мы договорились относительно всех пунктов, за исключением требования союзников предоставить немецкий торговый флот для транспорта продовольствия. Вследствие неожиданного запоздания, эксперты по этому вопросу, так же как и по продовольственному, приехали из Кельна только в половине 5 часа вечера. Тотчас же начались переговоры. Французы и американцы настаивали на немедленном соглашении относительно предоставления немецкого торгового флота. Сговорились на том, что в столь короткий срок не может быть установлено

окончательного детального соглашения, — необходимо только принципиальное согласие. Маршал Фош со своей стороны требовал от меня окончательного решения этого вопроса в двухчасовой срок. Я заявил, что это немыслимо: дело не может быть выяснено сегодня. На это маршал Фош отвечал, что тогда и перемирие не может быть продлено, и спросил меня, что я могу предложить. Я из'явил принципиальное согласие на предоставление немецкого флота для снабжения Германии и Европы продовольствием во время перемирия; подробности должны быть установлены в особом соглашении. Тогда Фош спросил меня, нахожусь ли я в курсе дел относительно организации снабжения продовольствием, и сообщил мне, что за это время дело организовано по новому; в Лондоне образована единая центральная организация, которая взяла на себя урегулирование снабжения союзников, нейтральных и Германии. Этой комиссии должен быть предоставлен весь мировой торговый флот: союзники и нейтральные уже сделали это. В этот трест должен войти и немецкий торговый флот, ибо вследствие недостатка тоннажа необходимо максимально использовать все суда. Трест должен иметь право распоряжаться судами, так как приходится заботиться о странах (Австро-Венгрия, Сербия, Швейцария), которые не имеют собственного флота. Доставку продовольствия взяли на себя Соединенные Штаты. Я заявил, что сочувствую этому интенсивному использованию мирового тоннажа; мое предположение идет в том же направлении, но я должен настаивать на полноправном участии Германии, так как в этот трест войдет и ее собственность. Фош согласился с этим, но хотел тотчас же установить все подробности договора. Я снова указал на полную невозможность этого, и подчеркнул еще раз, что в интересах необходимого снабжения Германии продовольствием я готов заключить соглашение в общей форме. Фош прервал заседание на полчаса, чтобы обсудить мое предложение. Через 20 минут он велел мне сказать, что детальное согласие может быть подписано все-таки сегодня, так как экс-

перты союзников вполне единодушны во всех вопросах. После полуторачасового совещания, маршал Фош вернулся вместе со своими экспертами и заявил о своем согласии с моим проектом, с некоторыми оговорками. Согласно этому проекту, в течение перемирия немецкий торговый флот должен быть поставлен под контроль и флаг союзных держав для обеспечения продовольствием Германии и остальной Европы. Германский уполномоченный будет принят в трест. Было оговорено высшее право распоряжения судами; немецкие команды могут быть сменены — постановление, принятое в защиту от большевизма; за использование судов было обещано определенное вознаграждение. Подробности должны быть урегулированы в особом соглашении. Мою просьбу о скорейшем возвращении военнопленных маршал Фош согласился передать союзным правительствам и обещал ходатайствовать перед ними и теперь же допустить облегчение сношений и товарообмена между оккупированными и неоккупированными областями. В этом вопросе для него существует только одно ограничение: безопасность его войск.

Немецкие судовладельцы подняли против меня неслыханно ожесточенную борьбу из-за данного мною с тяжелым сердцем согласия на предоставление немецкого торгового флота. Между тем несомненно, что без этого соглашения перемирие вообще не было бы продлено, и Германия не получила бы продовольствия, необходимого для питания немецкого населения до новой жатвы. Меня упрекали в том, что Германия добилась бы лучших результатов, если бы этот вопрос трактовался независимо от договора о перемирии, умалчивая, что маршал Фош вполне определенно отклонил этот выход, к которому я сам стремился. То, что позднее было установлено в особом соглашении экспертами союзников совместно с немецкими, вообще это было максимум, чего можно было добиться от Антанты; по всему ходу переговоров в этом не могло быть ни малейшего сомнения.

Вернувшись в Берлин, я нашел там величайший переполох по поводу требования *сельско-хозяйственных машин*. Статс-секретарь иностранных дел граф Брокдорф-Ранцау особенно резко высказывался против заключения перемирия, исключительно из-за этого нового условия. По этой же причине все статс-секретари объявили мне во время утреннего заседания, что договор неисполним; его не следовало подписывать. На мой вопрос, известно ли кому-нибудь, сколько сельско хозяйственных машин можно действительно выдать, последовало общее молчание. После обеда я пригласил к себе представителей министерства земледелия и германской машинной промышленности и узнал, не услышав противоречий с другой стороны, что немецкая индустрия в состоянии доставить в краткий срок требуемые машины, правда, не такое большое количество паровых плугов; но в виду возможности замены, это не представляло для Германии особых трудностей. При этом с самого начала было установлено, что от германского сельского хозяйства не будет отнято ни одной машины, что к выдаче будут допущены только машины таких фирм, которые и раньше работали на заграницу, и что из предложения этих фирм 50% будут оставляться для внутреннего употребления. Таким образом исчезли все возражения. Если в действительности передача происходила очень медленно, то это лишь потому, что союзническая приемочная комиссия держала себя чрезвычайно мелочно, и Франция не сдержала обещания о предоставлении сырых материалов, например, с лотарингских горных заводов.

Третье продолжение перемирия началось в Трире 14 февраля 1919 г. предварительными переговорами с отдельными подкомиссиями. Судоходная, финансовая и продовольственная комиссии, которые были заняты вопросом о снабжении продовольствием из-за границы, получили от меня указание действовать в том направлении, чтобы все три договора были подписаны одновременно и чтобы работа всех трех комиссий рассматривалась, как одно целое. Во всяком случае выход

немецкого торгового флота в море может состояться только тогда, когда доставка продовольственных припасов будет твердо обеспечена финансовой комиссией. По доходившим до меня известиям, американское командование давало понять, что оно готово воспользоваться немецкими пассажирскими пароходами для возвращения своих солдат на родину, теперь же мне было сообщено через посредников, что этот план неисполним. И другое сообщение, что на этот раз американцы примут участие в переговорах о продлении перемирия, оказалось несоответствующим действительности.

В 3 часа пополудни, на вокзале в знакомом салон-вагоне, маршал Фош открыл первое совещание заявлением, что союзные правительства отклонили простое продление перемирия до заключения прелиминарного мира, и требуются новые переговоры. Им предшествовал целый ряд жалоб со стороны союзников относительно неисправного выполнения заключенных доселе договоров. Претензии относились исключительно к несвоевременной выдаче транспортных средств и сельско-хозяйственных машин. Новые требования Антанты касались выполнения прежних обязательств, прекращения германского наступления против поляков в Познани, Восточной Пруссии и Верхней Силезии, и в очищении Познани, значительной части Средней Силезии и всей Верхней Силезии от германских войск. Перемирие могло быть продолжено только на „короткий неопределенный срок", с предупреждением за три дня до разрыва. Требования относительно очищения Познани и Верхней Силезии имели такое огромное значение, что я отказался вступать в переговоры по этому поводу без санкции только что открывшегося национального собрания. Для меня это требование не было неожиданным. Еще до от'езда я просил многих прусских министров позаботиться о мирном соглашении с поляками. Я получил ответ: „Пруссия не ведет переговоров с мятежниками", на что я заметил, что будет гораздо неприятнее сделать это под давлением противника и

притом отдать больше, чем при непосредственном соглашении с Польшей. Опасение мое было вполне основательно. Маршал Фош хотел иметь окончательный ответ уже вечером 16 февраля и отверг всякое продление срока, хотя я просил начать переговоры пораньше. Оставляя за собой право вернуться к отдельным пунктам, я прежде всего формулировал общие германские жалобы: перемирие делается новым источником недоверия, ненависти между народами и даже отчаяния. Германия купила его огромными жертвами. Она выдала ценностей почти на 5 миллиардов марок. Демобилизация в Германии окончена; под ружьем осталось всего 200.000 человек. Возвращение вывезенных неприятельских ценных бумаг на сумму около 800 миллионов марок почти закончено. И другие условия перемирия Германия старалась исполнить ценою тяжелых жертв. „Но в мировой истории, как пример величайшей жестокости, останется тот факт, что наши пленные все еще томятся в руках союзников". Несмотря на все обещания, оккупированные области попрежнему отрезаны, промышленники и ликвидаторы арестовываются. Немецкий народ не может жить обещаниями союзников; доставка продовольствия все еще откладывается. К маршалу Фошу я обратился с личным призывом, напомнив ему, что Бисмарк в 1871 г.. по просьбе Жюля Фавра, доставил голодающему Парижу из немецких запасов имеющееся у него продовольствие, что с благодарностью признал и Фавр, который сказал: „Если бы Пруссия не дала нам муки, мы умерли бы с голоду". Постепенно отчаяние овладевает всем немецким народом. „Отчаяние—мать большевизма. Большевизм—это телесное и душевное заболевание на почве голода. Лучшее лекарство – хлеб и право". Многократно просимый нами мир все еще не дается нам. Маршал Фош отвечал мне, что тяжело больные и раненые военнопленные будут в скором времени возвращены и что никто не будет арестован за факт владения чужими машинами. Дальнейшие уступки в выдаче пленных Фош отклонил, сославшись на то, что в этом вопросе решает не он, а союзники.

Для установления *польской демаркационной* линии была назначена подкомиссия, которой, к счастью, удалось помешать очищению частей Верхней и Средней Силезии, чего ранее требовали от нас.

Адмирал Браунинг спросил, правда ли, что германский торговый флот не выйдет в море. Я заявил, что моя точка зрения совершенно ясна: судоходное, продовольственное и финансовое соглашения для меня представляют одно целое; только когда будут заключены все три соглашения, суда могут выйти, но не раньше; иначе может наступить такой случай, что финансовое соглашение не будет достигнуто, тогда Германия не получит продовольствия, но суда ее окажутся в распоряжении союзников. Нам даже не сообщены условия фрахта. Все остальное я отложил на конец совещания и передал в течение дня ответ на жалобы союзников в ряде меморандумов. На следующий день, в субботу, Фош велел сказать, что он должен безусловно иметь ответ правительства в воскресенье, до 12 час. дня. Из Берлина и Веймара, где находились правительство и национальное собрание, я не получил ответа, так как посланные мною телеграммы не были доставлены своевременно. Когда я в воскресенье утром пошел в собор на богослужение, мне встретился под порталом маршал Фош со своим штабом.

В начавшемся затем совещании с германскими экспертами и комиссарами были высказаны опасения по поводу слов, что комиссия по перемирию должна работать „согласно указанию главного командования союзников“: не возлагается ли этим новое тяжелое бремя на Германию и не означает ли это для нее своего рода диктатуры, при которой Фош один будет устанавливать смысл договора. Если такое намерение существует, то я ни за что не должен заключать его. Я заявил, что твердо надеюсь на возможность соглашения. После обеда я получил телефонное сообщение из Берлина, что правительство решило уполномочить меня подписать новое соглашение. Мне сообщалось далее, что министр иностранных дел, граф Брокдорф-Ранцау, оста-

вил свой пост. По возвращении в Веймар я узнал, что поводом к этому было новое требование очищения польских областей, против смысла которого Брокдорф-Ранцау высказался накануне в национальном собрании; когда он получил мою телеграмму из Трира, он среди ночи разбудил президента и канцлера и весьма возбужденно заявил им, что договор о перемирии с этим условием не может быть продлен. Но остальные министры и представители партий большинства, после долгого совещания, высказались за подписание. В конце концов,граф Брокдорф-Ранцау сохранил свою должность.

Непосредственно перед возобновлением переговоров с маршалом Фошем, прибыли директора двух крупных судостроительных заводов Германии с сообщением, что американский посланник Конгер сегодня сказал им, что для него будет непонятно, если Германия не подпишет нового соглашения. По его словам, американцы и англичане добились того, что на Германию не будет возложено нового бремени. В 5 часов начались заключительные переговоры с Фошем, как всегда, на вокзале. Тотчас было установлено, что вызвавшая столь сильную критику фраза не вносит никаких изменений в работу комиссии, и что истолкование договора и распределение прав будет происходить на прежнем основании. На мой вопрос, почему перемирие не продлено на определенный срок, например, на месяц, и на указание мое, что скоро, нужно надеяться, начнутся переговоры о предварительном мире, Фош ответил, что не может сказать на этот счет ничего определенного: он полагает, что это возможно. Я заметил, что считал бы совершенно естественным, что если, вследствие неудовольствий и промахов, дело дойдет до разрыва перемирия, то я своевременно буду лично уведомлен об этом. Маршал Фош обещал мне это, хотя сказал, что не может изменить официального срока в три дня. Мои отдельные пожелания и предложения, относительно проведения договора, Фош принял, чтобы предоставить их на заключение союзников, но отказался прямо внести эти предложения в договор. При установлении польской

демаркационной линии, старания оставить за Германией немецкие города Бирнбаум и Венчен увенчались успехом в отношении последнего; остальное было передано в комиссию. Передав протест германского правительства против навязанных условий относительно Познани, мы приступили к подписанию перемирия, причем точно было установлено с обеих сторон, что немецкие суда должны выйти в море лишь тогда, когда будут заключены соглашения о доставке и оплате продовольствия. Маршал Фош обещал созвать для этого комиссию в самом скором времени. Краткий срок в три дня между предупреждением и расторжением договора, по поводу которого мне, по возвращении в Веймар, высказывались наибольшие опасения, практически оказался безвредным; напротив это было последнее продление перемирия, которое протекало без перерыва и без новых тягостей о заключения мира и его ратификации.

Переговоры посланной мною в Познань комиссии для выполнения договора об очищении области не привели ни к какому результату, вследствие позиции, занятой поляками и союзниками. Я отозвал комиссию, но и это не имело никаких дурных последствий, которых можно было опасаться.

В конце марта 1919 г. ко мне поступило через Спа заявление союзников, что, на основании первого договора о перемирии, в котором союзники выговорили свободный проход через *Данциг* и Вислу, в Данциге должна была высадиться польская армия генерала Галлера; отказ подчиниться этому требованию рассматривался, как нарушение перемирия со стороны немцев. В ответной ноте я возражал, что только союзнические войска имеют свободный проход через Данциг, но не польские. Проход польских войск через Данциг представляет большую опасность для порядка в Западной Пруссии. Но я обещал всячески облегчить высадку армии Галлера в Штеттине, Кенигсберге, Мемеле или Либаве и просил сообщить мне о составе армии Галлера и дать гарантии, что не повторятся те же происшествия, как при проезде министра-президента Паде-

ревского, который злоупотребил нашим гостеприимством и тем подал сигнал к восстанию в Познани. Ранее я отказался вообще вести переговоры в Познани о высадке этих войск, несмотря на то, что тамошний французский посланник Нуланс отправил мне краткосрочный ультиматум. 28 марта маршал Фош просил меня прислать в Спа, куда прибудет и он сам, уполномоченного для решения этого вопроса. Я был назначен кабинетом в качестве немецкого уполномоченного. Фош передал мне, что он сам будет 3 апреля в Спа, где даст все справки и требуемые гарантии. 2 апреля утром я прибыл в Спа и остался в своем поезде. На следующий день рано утром приехал маршал Фош, которому я выразил свое желание переговорить с ним с глазу на глаз. Фош тотчас же удовлетворил мое желание. Я подробно обрисовал маршалу Фошу общее положение Германии, указал на мои старания в течение целых месяцев выполнить условия перемирия, но прибавил, что совершенно невозможно разрешить проход польским войскам через Данциг. Маршал Фош старался рассеять мои опасения на счет Данцига замечанием, что союзники еще не приняли решения о будущей судьбе Данцига. Я возразил ему, что именно этот проход и предопределяет будущее решение, и предложил маршалу Фошу переправить войска сухим путем из оккупационной области через Среднюю Германию и Познань. На железнодорожной карте я уже велел отчеркнуть себе соответствующие линии. Когда я вышел из его салон-вагона, мы были уже вполне согласны относительно выбора сухопутного пути. Главные трудности представляло формулирование вступительных фраз протокола. Маршал Фош непременно настаивал на том, чтобы было выражено право союзников на проход через Данциг; я пытался вычеркнуть эту фразу из протокола, но маршал Фош остался неумолим. В подкомиссии было очень быстро достигнуто соглашение по всем важным пунктам, а главным образом были обещаны требуемые мною гарантии относительно продолжительности транспорта, расходов, безопасности и порядка

в пути. Берлинский кабинет хотел вычеркнуть право союзников на обратный проход через Данциг. В конце концов я предложил подписать соглашение, так как по существу мое предложение было принято, но вместе с тем подать заявление, что мы не можем стать на точку зрения союзников. Маршал Фош принял этот выход. В переговорах, которые происходили в вилле Нефбуа, бывшей постоянной квартире германского императора, я добился еще того, чтобы для передвижения дополнительных отрядов был выбран путь через Штеттин, а не через Данциг, так что во всем дополнительном соглашении вообще не упоминалось слово „Данциг", кроме вводной фразы юридического содержания. Переговоры о соглашении происходили в той самой комнате, где император подписал акт об отречении. Городское управление Данцига передало мне горячую благодарность за устранение угрожавшей опасности. Прибывший по моему желанию в Спа данцигский обер-бургомистр оказал не малые услуги при заключении договора.

Это было мое последнее свидание с маршалом Фошем. Работа в комиссии по перемирию, которую я вел до моего назначения министром финансов, была необыкновенно сложная, но не бесплодная. Энергичными мерами и напряженной деятельностью, в целях выполнения принятых обязательств, я мог все же достигнуть того, что на немецкий народ не было возложено нового бремени. Со стороны почти всех сотрудников, особенно уполномоченных, я встретил верную помощь. Один из них, генерал ф.-Винтерфельд, в начале февраля 1919 г., из протеста против продолжающихся насилий Антанты, просил об отставке, которую я неохотно дал генералу, оказавшему большие услуги отечеству.

XXV. Борьба за заключение мира.

Уже из Компьенского Леса я телеграфировал 10 ноября 1918 г. германскому правительству, чтобы оно тотчас же обратилось к президенту Вильсону с просьбой о заключении *прелиминарного мира*. В течение одного месяца было послано не менее пяти официальных просьб, обращенных непосредственно и косвенно к президенту и союзникам. Ответа не было. Только раз пришло короткое сообщение, что Германия должна обратиться непосредственно ко всем союзным правительствам, но и это обращение не имело успеха. В феврале 1919 г. была некоторая надежда, что скоро начнутся переговоры о предварительном мире. Американские уполномоченные уведомили меня об этом и в то же время сообщили, что этот предварительный мир содержит прямо ужасающие условия для Германии; хотя президенту Вильсону пришлось отклонить самые худшие предложения Антанты, но, так как по приезде своем в Париж он отказался от публичного обсуждения вопроса о мире, то тем самым он отнял у себя главную опору для осуществления своих требований. К этому присоединяется и второе обстоятельство: когда Вильсон делал свои различные заявления в 1918 г., Германия была еще силой, с которой весь мир должен был считаться; с военным поражением Германии, с полным разложением четверного союза и с переворотом, увеличившим слабость Германии, у Вильсона была разбита ценная опора; предварительный мир будет необычно суров для Германии. Один из членов американской главной квартиры велел мне передать, что этот мир обратит немецкий народ в „вечное рабство“. Повидимому, среди союзников в феврале месяце было решено заключить с Германией предварительный мир,

ибо я получил от главного командования союзников сообщение приготовиться к продолжительному пребыванию в Трире при переговорах о последнем продлении перемирия. Но потом снова передумали; было предложено и принято продление перемирия на неопределенный срок с трехдневным предупреждением о расторжении.

Предварительные работы по заключению мира были возложены на бывшего германского посланника в Вашингтоне, графа Бернсдорфа, и на меня. Мы работали в полном согласии. Прежде всего взялись за тяжелый труд об'единения различных ведомств, представители которых отчасти разделяли еще безответственные иллюзии; затем приступили к выбору экспертов для разных экономических и финансовых вопросов. Попытка отдельных немецких государств добиться самостоятельного представительства при мирных переговорах встретила с моей стороны успешное противодействие; я не признал и баварской привилегии. Имперскому правительству пришлось много поломать голову при выборе мирной делегации. Я с самого начала отказался войти в нее, во-первых, в виду печального опыта несправедливости и неблагодарности, встреченных мною после заключения перемирия, а затем исходя из мысли, что главное решение в принятии или отклонении мирного договора зависит не от мирной делегации, а от берлинского правительства. За то я все время, с самого начала 1919 г., настаивал на том, что Германия должна расположить нейтральные и враждебные страны в пользу идей правового мира; особенно необходимо выработать германский проект лиги наций и заинтересовать в нем международное общественное мнение. К сожалению, соответствующие инстанции слишком медленно и поздно выполнили это пожелание, расчитывая на то, что при мирных переговорах в Париже представится еще много поводов рассуждать об этих вещах. Напротив, я все время стоял на той точке зрения, что, когда союзники в результате трудной работы об'единятся в Париже на определенных предложениях, в высшей

степени невероятно, чтобы германские представления были приняты во внимание. События показали, что я был прав.

Когда с созывом германского национального собрания в первой половине февраля 1919 г. приступили *к образованию нового правительства*, я полагал, что это правительство должно найти возможно более широкую базу в национальном собрании и что поэтому и центр должен участвовать в правительстве; я стоял следующей точке зрения: только правительство, построенное на таком сильном большинстве, может иметь необходимый авторитет, чтобы говорить и действовать от имени германского народа. Такое правительство является и для противников гарантией того, что все, добровольно подписанное им, будет исполнено германским народом. В этом взгляде меня укрепило сообщение, полученное из английских источников, что именно английское правительство придает значение тому, чтобы центр участвовал в образовании власти. После долгих споров, фракция центра, большинством всех голосов против пяти, решила принять участие в коалиционном правительстве с демократами и социал-демократами. Правительство считало одной из своих главных задач заключение скорого, прочного мира. Различные слухи о том, что мирные предложения будут скоро переданы нам, постоянно оказывались преждевременными. Мы жили в течение месяцев ожиданиями и опасениями.

Когда, наконец, после Пасхи *мирная делегация* могла выехать в Версаль, в кабинете были точно установлены директивы для ее поведения. После того, как неприятельские условия мира стали известны в Берлине, они подействовали в первое мгновение ошеломляюще. Но затем пронесся крик негодования по поводу нарушения торжественных обещаний справедливого мира на основах вильсоновских принципов. Кабинет имел долгие совещания по поводу ответа на мирные предложения перед специально созванным 12 мая в Берлине заседанием национального собра-

ния. Единогласно сошлись на том, что министр-президент Шейдеман должен характеризовать мирное предложение, „как невыносимое и невыполнимое“; однако же он не должен произносить слово „неприемлемое“. Но демократические члены кабинета потребовали утром, 12 мая, опираясь на постановление своей фракции, чтобы правительство произнесло в этот день и слово „неприемлемое“. Я высказался, при поддержке двух министров-демократов, против слова „неприемлемое“, заметив: министр-президент Шейдеман, произнеся слово „неприемлемое“, будет иметь сегодня грандиозный успех, но правительство должно подумать о том, что последует через три или четыре недели. Слова „невыносимое и невыполнимое“ достаточно сильны; если же они,—поддержанные мощным народным движением,— не произведут впечатления на противника, то и слово „неприемлемое“ ничего не изменит в условиях. Демократические члены кабинета настаивали на своем требовании и дали понять, что в случае отказа неизбежен правительственный кризис. Но последнего в настоящий момент следовало избежать во что бы то ни стало; смена кабинета в те дни повлекла бы за собой необозримые последствия. Если бы сторонники слова „неприемлемое“ вышли из кабинета, то смена правительства лишила бы внутренней силы все немецкие контр-предложения; а сторонники „неприемлемого“ не пожелали бы одни взять на себя всю ответственность. Поэтому было предложено употребить слово „неприемлемое“ для предлагаемого *теперь* проекта мира. Необходимо переждать результатов переговоров в Версале до принятия окончательного решения. На этой основе было достигнуто общее соглашение в кабинете. Министр-президент Шейдеман своим „неприемлемым“ пожал предсказанное мною бурное одобрение. Во фракционных заседаниях центра я настоятельно советовал коллегам при предстоящей агитации в народе не упирать на это „неприемлемое“, так как до окончательного решения нужно обождать результата переговоров. С немецкими представителями

прессы (за исключением двух, которые хранили абсолютное молчание) и с заграничными журналистами, со дня сообщения мирных требований, я не разговаривал относительно позиции германского правительства и моей собственной, а указывал лишь на то, что нужно знать результаты переговоров; все прочие утверждения — чистый вымысел. Во всяком случае я не предавался иллюзии, что, судя по ходу парижских переговоров, можно добиться больших смягчений, но все же надеялся на такую форму договора, который, будучи принят нами, скрепя сердце, сделал бы невозможным возобновление военных действий.

До отъезда мирной делегации, с нею было условлено, что уехать из Версаля или прервать переговоры она может лишь с согласия кабинета. Затруднения в прямых сношениях между кабинетом и мирной делегацией вызывали многочисленные расхождения. Делегация в Версале стояла на той точке зрения, что ее отдельные ноты к мирному проекту представляют своего рода авангардные стычки и должны рассматриваться, как опыт разведки, чтобы установить, где можно ожидать уступчивости от противника; таким путем можно было бы влиять на общественное мнение во вражеских странах. Содержание нот было хорошее, но последней цели они не могли достигнуть уже потому, что вражеская цензура делала невозможным подробную передачу германских нот. Сама мирная делегация в Версале была почти герметически замкнута от мира, тогда как правительство в Берлине получало важные известия из нейтральных и вражеских стран, а главное могло точно обозреть внутреннее положение. 23 мая между делегацией и несколькими министрами происходила беседа в Спа. В ней участвовал и я. По моему предложению, там было решено, что теперь следует возможно скорее передать союзникам все германские контр-предложения в целом и не представлять больше никаких отдельных нот; редакцией контр-предложений должна была заняться делегация в Версале, не делая никаких изменений по существу в решениях

кабинета. В то же время было достигнуто согласие относительно финансовой части контр-предложений, по которой взгляды сильно расходились. Сначала я не мог согласиться с предложением беспроцентной уплаты 100 миллиардов золотых марок. В большое моральное действие предложения этой огромной суммы, на что надеялась делегация, я не очень верил, так как говорил себе, что и неприятельские математики умеют считать и скоро установят, что, в действительности, дело идет о предложении гораздо меньшей суммы; при расчете процентов, слово „беспроцентная" противники легко могут пропустить мимо ушей и тогда является опасность, что будут говорить: Германия сама предложила 100 миллиардов золотых марок. И предпосылки этого предложения, которые выдвигала на первый план финансовая делегация, а именно, что только территориальная неприкосновенность государства и возможность экономического развития делают мыслимым выполнение такого условия, — эти предпосылки будут скоро забыты; можно даже считаться с тем, что все это предложение будет названо блефом, который ослабит серьезность прочих германских предложений. Но под влиянием общего мнения, как кабинета, так и мирной делегации, я отказался от своих возражений, при условии, чтобы главным образом, были энергично и сильно подчеркнуты предпосылки такого предложения. Из переговоров я вынес впечатление, что если не все, то большинство присутствующих мирной делегации склоняются к мысли, что мирный договор не может быть подписан.

Это и целый ряд других обстоятельств заставили меня целые дни и ночи всесторонне взвешивать все „за" и „против" подписания мирного договора; никогда в своей жизни я еще не боролся так долго с самим собою, пока не пришел к окончательному решению. В беседе с министром-президентом Шейдеманом, в конце мая, я развил ему мысль, что для меня совершенно невозможно стать на точку зрения неподписания мира; если кабинет примет это решение, то я, как министр,

подам прошение об отставке. Я изложил ему мотивы своей позиции, и мы условились, чтобы я записал свои основания „за“ и „против“ подписания мира. Эта заметка была мною лично и совершенно конфиденциально передана только членам кабинета и президенту республики. В то же время я настаивал, что вопрос о подписании или неподписании должен быть тщательно обсужден в кабинете ранее, чем наступит, как это следовало ожидать, краткосрочный ультиматум противника; тогда уже не будет времени для спокойных размышлений и твердых действий; нужно заранее попытаться создать ясность в этом чреватом последствиями вопросе во всем его об'еме. Главное содержание моей записки таково:

I. Если мир будет подписан:

Страшно тяжелое бремя ложится на немецкий народ.

1. *Международно-политическия последствия.* Состояние войны прекращается. Блокада снимается, открываются границы, в страну снова поступают продовольствие и сырые материалы, немецкий купец может покупать товары на основах частного кредита. Экспорт может возобновиться. Военно-пленные вернутся на родину. Польша вынуждена будет отказаться от своих завоевательных планов. Единство государства будет сохранено.

2. *Внутренно-политические последствия.* Налоговая тяжесть будет чрезвычайно обременительна, но увеличившийся подвоз продовольствия, товаров и сырых материалов создаст успокоение и некоторое равновесие; можно снова приняться за работу все в большем масштабе. Вместе с удовлетворением потребностей страны, снова появится внешняя торговля. Большевизм утратит притягательную силу. Охота к труду и производительность труда снова повысятся. Увеличившаяся добыча угля улучшит транспорт. Продовольствие, товары и сырые материалы являются предпосылками для

охоты и возможности к труду, которые необходимы для выполнения мирного договора. Можно предположить, что настоящее правительство останется у власти. Справа и, отчасти, со стороны либерального бюргерства вспыхнет ожесточенная борьба против правительства. Не исключена возможность, что дело дойдет до военного столкновения. Выступление реакции будет, вероятно, итти с востока. Следует считаться и с тем, что весь восток воспротивится вооруженной силой проведению мирного столкновения. Оттуда будут сделаны попытки восстания против правительства. Но движение, вероятно, разобьется о безусловную жажду мира у огромного большинства народа, а также об явное улучшение общего положения, благодаря миру.

II. Если мир не будет подписан:

1. *Международно-политические последствия.* Состояние войны возобновится и притом, вероятно, немедленно, с предупреждением на три дня о разрыве перемирия. Союзники, и при том включая американцев, будут наступать широким фронтом, как далеко, сказать невозможно, но, по крайней мере, до линии, которая пройдет через Кассель, параллельно Рейну. Главным образом, будет занята Рурская область. Кроме того, есть известие, что союзники хотят образовать коридор от Франкфурта к Праге, чтобы отрезать северную Германию от южной. Блокада будет усилена. Границы будут герметически заперты. Нейтральные страны уже получили указание от союзников прекратить всякий ввоз и вывоз в Германию и из нее. Население, способное носить оружие, так как мы будем в состоянии войны, будет отведено в плен. Остальное население в обширных оккупированных областях будет поставлено в условия военного права; следует ожидать, что союзники применят суровые репрессалии. Реквизиции будут производиться самым жестоким образом. С востока в страну вторгнутся поляки.

2. Внутренне-политические последствия. Общий недостаток в Германии продовольствия, товаров и сырых материалов. От границ Германии с востока и запада население будет стекаться внутрь страны, и страшно усилит голодовку. С занятием Рурского угольного бассейна прекратится подвоз угля, и через несколько недель следует ожидать общей катастрофы и голода в больших городах. Рост большевизма, который увидит, что его время пришло. Грабежи и убийства станут обычным явлением. Среди общейсмуты прервутся почтовые сношения. Отсюда — расчленение Германии. Правительственные учреждения не смогут работать, так как они теряют всякий авторитет, и не будут получать указаний сверху. Остановка всей государственной машины. Недостаток продовольствия и предметов первой необходимости вызовет сумасшедший скачек цен; следствием этого будет полное обесценение денег. Тогда фактически в Германии установится положение дел, как в России. Из страха перед этим террором, многочисленные буржуазные элементы, как в России, бросятся в об'ятия крайней левой. Другая часть отойдет вправо. Начнется кровавая гражданская война, прежде всего в Берлине и в крупных городах.

Германское государство *распадется*. Отдельные независимые государства не смогут противостоять давлению и предложению союзников заключить мир. Если уже теперь в Баварии, в Рейнских областях и на востоке заметны такие тенденции, то тем скорее это наступит, когда полное крушение Германии станет действительностью. Рейнская республика, по крайней мере, была создана в несколько дней. Если эти тенденции осуществятся, то союзники так крепко привяжут к себе отдельные немецкие государства, что Германия фактически перестанет существовать. Но и более мелкие немецкие области сделаются самостоятельными и постараются примкнуть к нашим противникам. Германия исчезнет тогда с политической карты, и на ее месте возникнет пестрая масса маленьких государств,

что всегда являлось мечтою Франции. Тем самым почти вся Германия попадет в территориальную зависимость от союзников, а то, что останется тогда от Германии — внутренно совершенно разрушенная и истощенная страна — должно будет, если пожелает иметь мир, взять на себя новые тяжелые жертвы. Даже, если считать последствия союзнического наступления менее катастрофическими, Рейнская область будет, во всяком случае, потеряна для Германии, единство Германии, следовательно, будет разрушено, и после короткого наступления *будет навязан еще худший мир*. Расчет на то, что союзники возьмут на себя управление поверженной Германией, ошибочен. Это состояние бессилия Германии было бы желательно для могущественного течения внутри союзников (Франция и Англия). Союзники поэтому расчленят Германию и предоставят отдельные части самим себе.

Последствия вызванного неподписанием договора наступления союзников будут, кратко резюмируя их, таковы:

I. *Разрушение* Германии, расчленение ее на отдельные государства. Ненависть отдельных государств против Пруссии, которой приписывается ответственность за германскую катастрофу, сделает это отделение постоянным.

II. После краткого промежутка *мир все-таки будет заключен*, но не Германией, а отдельными государствами, которым поставят условие отказаться от образования единства. Этот мир будет *еще хуже*, чем настоящий.

III. Падение правительства и замена его *независимыми и коммунистами*. Разложение бригад запасных, беспорядок во всей стране.

Согласно моему желанию, 3 и 4 июня 1919 г. происходили всесторонние тайные обсуждения в кабинете. В вопросе о подписании мира я стоял сначала совершенно одиноко; двое социал-демократов скоро присоединились ко мне. Демократические члены за-

явили, что подписание мира вызовет гражданскую войну на востоке и заставит их выйти из кабинета. При неподписании мира Германия может расчитывать на мирные течения в других странах; „неприемлемое“ 12 мая уже предуказало наш путь; и при подписании наступит катастрофа. Правительство не может превратить свой народ в рабов. Напротив, один коллега, социал-демократ, подчеркнул, что „неприемлимое“ 12 мая, как было условлено, последовало из тактических соображений. Не подписывая мира, мы не отвращаем зла, а приводим Германию к хаосу. Я заявил, что не думаю о том, чтобы свободно подписывать мирный договор; даже если бы он содержал только ряд незначительных изменений, на подписание его нужно смотреть, как на подчинение силе. Главным соображением должно быть то, что все остальное подчиняется сохранению *единства государства*; если теперешнее правительство не подпишет, то нужно ждать, что его очень быстро сменит такое правительство, которое подпишет и должно будет подписать все. Мысль предложить Антанте взять на себя управление Германией не является решением вопроса; Антанта не согласится на это, но, как при конкурсе, выберет хорошие и надежные счета и бросит хлам. Антанта будет стремиться к соглашению не с Германией, а с отдельными государствами внутри ее. Слишком рано надеяться на мирные и дружественные нам течения в нейтральных странах, так как неподписание означает продолжение войны со строжайшей цензурой, и потому такие течения не могут появиться на поверхности; лишь по подписании мира они могли бы выявиться. Если подписание вынуждено силой, то мы не виновны в обмане; нужно только открыто сказать, что подчиняемся силе; если бы кто-нибудь, связавши мне руки и поставив револьвер к груди, потребовал у меня подписать клочек бумаги, где я обязался бы в 48 часов взобраться на луну, то всякий разумный человек, чтобы спасти себе жизнь, подписал бы это, но открыто сказал бы, что он не может исполнить этого требования. Так же и с мирным

договором. И прежнее „неприемлемое“ не является препятствием; некоторых изменений удалось достигнуть; „неприемлемое“ последовало из тактических соображений. „Неприемлемое“ было сказано исключительно при условии, что оно не означает последнего окончательного решения. Один социал-демократ согласился со мной, сказав: „Кто говорит сегодня „нет“, делает героический жест; кто говорит „да“, того покрывают позором и называют трусом, но все же он должен сказать „да“. Не подписывая, мы теряем запад, тогда как восток, хотя бы он отпал от нас, может снова быть возвращен.

В результате разговора согласились, что решение должно быть принято в отдельных фракциях партий большинства. Уже ранее начались, а с этих пор особенно участились, длительные совещания за и против подписания. С 13 июля *фракция центра* целые дни обсуждала этот вопрос, почти все члены фракции взяли слово и подчеркивали, что здесь не может быть давления большинства, что каждый депутат перед богом, своей совестью и немецким народом сам несет ответственность за свое голосование. Когда один член фракции хотел внести в обсуждение соображения партийной политики и партийной тактики, ему единодушно заявили, что теперь дело идет не о том, как может быть спасен немецкий народ и как обеспечить существование германского государства. Вся фракция единогласно была того мнения, что о военном сопротивлении нечего и думать. Огромное большинство фракции уже в этих совещаниях склонялось к мнению, что, при известных условиях и с протестом, можно подписать мир. В президиуме я мог добиться соглашения в том смысле, что мир должен быть подписан, если из договора будут вычеркнуты условия, оскорбительные для чести страны (суд над немцами перед трибуналом Антанты, признание своей исключительной виновности в войне). С социал-демократами скоро было достигнуто соглашение на этой основе; иначе было с демократами: последние остались на своей старой точке зрения.

Среди этих совещаний последовало прибытие *мирной делегации* из Версаля с краткосрочным ультиматумом Антанты. Ее прибытию ночью предшествовал своеобразный инцидент: военные арестанты вырвались из веймарской тюрьмы и старались проникнуть после полуночи в плохо охраняемый дворец и в квартиры министров, при угрожающих возгласах по адресу министров и президента Эберта. Лишь благодаря тому, что не спали некоторые шофферы, которые должны были привести с вокзала делегатов, удалось в последний момент запереть ворота дворца. Мятежники стали стрелять тогда из ружей в находящиеся под моей квартирой спальни министров Носке и Бауера. Они требовали, чтобы Носке и другие министры были повешены. После короткой борьбы арестанты были схвачены правительственными войсками, после чего мирная делегация могла ехать во дворец. Вопреки моему совету, данному некоторым ее членам, она по дороге из Версаля в Веймар уже составила записку, в которой рекомендовала не подписывать мирного договора. Ободренные этим демократы остались при своей позиции и хотели, чтобы в ответ на ультиматум Антанты германское правительство предложило четыре пункта: 1. Данциг, западная Пруссия и округ реки Петцы должны быть подчинены лиге наций. 2. Через два года должен последовать пересмотр мирного договора. 3. Если в течение четырех месяцев не будет достигнуто соглашение о максимальной сумме компенсации, то сумма эта должна быть установлена нейтральной инстанцией. 4. Германия должна с 1 января 1920 г. войти в лигу наций. Я считал этот новый шаг перед Антантой совершенно безнадежным. Мнение социал-демократической фракции вначале было еще неясно; Шейдеман сначала рассчитывал на большинство в пользу своей тактики неподписания; но скоро оказалось, что на его стороне стояло лишь меньшинство около 20 человек. В виду отсутствия единства в кабинете и в партиях большинства, совещания участились; они продолжались не только в течение дня, но и всей ночи напролет до ран-

него утра, часто до пяти часов. В ночь с 18 на 19 июня (день „тела господня“) кабинет под председательством президента республики собрался на решающее заседание; все „за“ и „против“ еще раз были тщательно обсуждены. При голосовании министерство разбилось на две равные части—7 голосов против 7; за подписание, кроме меня, голосовали оба министра центра Гизберте и Бель и четыре социал-демократа; против подписания—три демократа, министр иностранных дел граф Брокдорф-Ранцау и три социал-демократа; было решено сделать еще одну попытку соглашения между партиями большинства. Это происходило в четверг. После обеда было совещание с главными министрами отдельных германских стран; здесь и было принято настоящее решение. После того, как два обще-германских министра (Дернбург и граф Брокдорф-Ранцау) привели доводы против подписания мира, баварский министр-президент указал, что в правительстве есть и другие взгляды, желательно выслушать и их. Вслед за этим я развил свою точку зрения. В дебатах тотчас же выяснилось, что правительства южной и средней Германии, подчеркивая, что они уступают силе, решительно требовали, чтобы мир был подписан; хотя существующие правительства при неизбежном наступлении Антанты не подпишут сепаратного мира, но несомненно, что при тяге к миру у всего народа, при невозможности сопротивляться вторжению и при невообразимых последствиях этого вторжения, через несколько дней должно образоваться новое правительство, которое будет просто вынуждено подписать мир. Тогда единство империи погибло. Эта точка зрения подтверждалась многочисленными заявлениями, поступившими от влиятельных кругов со всех концов Германии. Один из членов парламентской оппозиции сообщил мне в те дни, что, например, в Гамбурге, целый ряд купцов заявили, что при возобновлении войны, они, с одной стороны, чтобы защитить себя от угрожающего большевизма, а с другой, чтобы предотвратить уничтожение своего родного города, решились поставить Гамбург под английский

протекторат. Из всех правительств лишь некоторые члены прусского правительства, да и то сдержанно, высказывались за неподписание.

В четверг *вечером* в новом совещании *партий большинства* была сделана попытка достигнуть соглашения. Демократы остались при своей точке зрения. Скоро оказалось, что взгляды партий не сблизились, а разошлись еще дальше. Министр-президент Шейдеман, быстро переговоривши со мною и некоторыми министрами, положил конец безнадежному совещанию, заявив, что теперь он доложит президенту *об отставке кабинета*. В ночь с четверга на пятницу мы еще раз обсуждали общее положение с коллегами демократами, особенно с тогдашним министром финансов Дернбургом, и пытались образовать новый кабинет таким образом, чтобы правительство было составлено из центра и социал-демократов, но чтобы два или три демократа от своего лица вошли в кабинет, при благожелательном нейтралитете своей фракции. Мы думали при этом о Дернбурге, графе Бернсторфе и других, принадлежащих к демократии видных лицах, и надеялись, что на этой основе может быть достигнуто соглашение, тем более, что в демократической фракции, как стало известно, ряд депутатов высказался за подписание мира. Ранним утром, в пятницу, мы расстались, ожидая, что на этой основе может быть образовано новое министерство. Однако демократическая фракция постановила, что ни один из ее членов не должен вступать в новое правительство; все дальнейшие переговоры для изменения принятого решения были безнадежны. Таким образом, центр и социал-демократы были обязаны образовать кабинет из своей среды, и притом как можно скорее, так как срок, поставленный Антантой, уже истекал. Представитель фракции центра в ответ на многочисленные возражения против образования правительства с одними социал-демократами, сказал: „Что станется с немецким народом, если мы откажемся, и национальное собрание не сможет образовать правительство? Наш национальный долг, ответственность перед

богом и немецким народом, судьбы которого нам доверены, стоять с этим народом в дни его глубочайшего унижения и спасти, что еще можно спасти. Поэтому мы должны, если другие отказываются, попытаться образовать правительство с одними социал-демократами большинства".

Так решила и фракция. В качестве нового министра-президента, по парламентским обычаям, следовало бы остановиться на Давиде или Носке. Президент поручил образование кабинета Бауеру — бывшему министру труда. В предшествующих совещаниях мне предлагалось взять на себя новое министерство путей сообщения для об'единения отдельных дор г; я согласился с этим предложением. Но теперь наступил для меня лично очень неприятный поворот. Новый министр-президент и президент республики настоятельно просили меня занять место *министра финансов*, указывая, что моя энергия всего нужнее на этом посту. Теперь самой настоятельной задачей является привести в порядок финансы, ввести новые налоги, а особенно провести отчуждение капиталов в виду государственного бедствия. Сначала я колебался и переговорил с моими политическими друзьями. Там мне предсказывали, какая безудержная травля поднимется против меня, как министра финансов, главным образом особенно со стороны имущих кругов, тем более, если я попытаюсь перевести в государственную кассу военные и революционные прибыли и произвести из'ятие капиталов. Но, вопреки всем личным сомнениям, бедственное положение отечества решило мой выбор. В полном сознании предстоящей мне неблагодарной задачи, я взял на себя должность министра финансов. Три депутата центра вступили со мною в правительство, которое, таким образом, составилось из семи социал-демократов и четырех министров центра.

В дни кабинетского кризиса, после отставки старого правительства, я имел собеседования с французскими и итальянскими дипломатами, убеждая их в том, что Антанта не должна навязывать нам условий,

оскорбительных для национальной чести. Я уже тогда предлагал предать виновников войны верховному германскому трибуналу, так как невозможно выдать немцев на суд врага. И мне подали надежду, что в этих пунктах можно расчитывать на уступки. В воскресенье 22 июня, новое правительство заявило национальному собранию, что оно согласно подписать мирный договор, не признавая, однако, тем самым, что немецкий народ является зачинщиком войны, и не принимая на себя обязательств по статьям 227—230 (выдача). Обе партии большинства внесли предложение: „Национальное собрание одобряет поведение правительства в вопросе о подписании мирного договора". Вследствие позиции независимых, которые требовали подписания мира без всяких оговорок, один из секретарей, принадлежащий к составу центра, установил, что предложение правительственных партий имеет за собой очень ненадежное большинство. Тогда завязались переговоры между независимыми и двумя партиями большинства. Я не принимал в них участия. Они выдвинули новое предложение: „Национальное собрание согласно на подписание мирного договора". Председатель фракции центра спросил меня, приемлемо ли это предложение для правительства, на что я тем более мог ответить утвердительно, что правительство уже высказало свою точку зрения. Предложение было принято 237 голосами против 138, при 5 воздержавшихся, и новому правительству было высказано доверие 236 голосами против 89, при 68 воздержавшихся.

Продолжали надеяться, что Антанта пойдет на уступки. В это время пришло известие о потоплении германского военного флота в Скапском заливе (Scapa Flow) и о произведенном в Берлине сожжении французских знамен, завоеванных в Париже 1870—71 гг. Как мне сообщали через несколько дней французские, английские и итальянские дипломаты, это уничтожило всякую надежду на уступки.

В воскресенье ночью пришел ответ, что срок переговоров истек, и в понедельник, к 7 час. вечера, в

Версаль должно быть дано недвусмысленное заявление о подписании или неподписании договора.

Таким образом создалось новое положение, при котором оставалось одно из двух: или *безусловно* принять, или отклонить договор. Социалисты большинства высказались за безусловное принятие. Фракция центра продолжала еще совещаться, когда в нашей новой республике вспыхнул первый офицерский бунт. Ибо поведение офицерства в те дни не может быть иначе квалифицировано. Во время заседания фракции центра генерал ф.-Меркер, которому была поручена охрана национального собрания, явился к председателю фракции центра и, по поручению офицеров запаса, заявил ему, что, в случае подписания мира, офицеры запаса не поддерживают правительства и больше не ручаются за поддержание внутреннего порядка. По моему желанию, во фракции центра выступил военный министр Носке, который до того момента считал необходимым подписание мира, и заявил весьма взволнованно, что, в случае принятия мира, офицеры запаса покинут свои посты и поддержание внутреннего порядка сделается невозможным. Казалось, пришел *последний час Германии*: анархия при подписании, анархия при отклонении. Дальнейшее обсуждение было невозможно, так как в 12 час. дня президент республики пригласил вождей партий к себе. Поэтому приступили к голосованию. Голосами всех против 14, центр отказывался голосовать за подписание мирного договора. Это решение было не только неожиданным, но поразило, как громом, другие партии; теперь все должны были выступить с поднятым забралом. На совещании с президентом республики мне была подана только что полученная телеграмма генерал-квартирмейстера Гренера (к нему я не имел никакого отношения), в которой последний сообщал, что он, если не как офицер, то как немец, считает подписание мирного договора совершенно необходимым. Благодаря этому, стало ясно, что позиция офицерства в том виде, как ее изобразил генерал Меркер, по меньшей мере, не разделяется

всеми. Явилась надежда, что при твердой воле правительство может избежать внутренней анархии. Соотношение голосов в Национальном собрании было настолько неопределенно, что подписание или отклонение мира могло быть решено одним или пятью голосами: все зависело от случайного наличного состава палаты, и это в вопросе о жизни и смерти нации. Через президента республики я запросил вождей оппозиции, согласны ли они принять власть, отклонить подписание мира и продолжать войну. Вожди оппозиции сначала пытались нащупать почву в центре—не выскажется ли несколько большее число депутатов за принятие мира, чтобы в национальном собрании получилось надежное большинство, не думая о том, что социал-демократы, независимые и меньшинство центра не могут вообще составить правительство, если даже они и соберут большинство за подписание мира. Демократы определенно заявили, что они не могут принимать участия в правительстве, в которое не входят социалисты большинства; оратор германской народной партии тоже отказался от участия в новом правительстве; представитель германской национальной народной партии заявил, что его фракция готова вступить в переговоры о том, чтобы взять на себя образование правительства, но лишь при том условии, что ей будет обеспечена достаточная поддержка в парламенте. Последнее было совершенно немыслимо. Эти переговоры происходили 22 июня около 1 часу пополудни,—в 7 час. вечера в Париж должно было прибыть решение. Таким образом выяснилась явная невозможность для оппозиции создать правительство для отклонения мира. Я предложил президенту республики, чтобы правительство и представители партий большинства удалились для обсуждения положения, а оппозиция осталась в зале, чтобы посоветоваться в свою очередь и установить свое отношение к правительству. В то время, как члены центра еще совещались, явился послом д-р Науман из министерства иностранных дел и заявил, что оппозиция готова

заявить в Национальном собрании, что она признает патриотические мотивы, заставляющие принять продиктованный врагами мир; следует избежать нового голосования относительно принятия или отклонения мира. Телеграмма генерала Гренера и это заявление оппозиции, а также соглашение в том смысле, что Национальное собрание будет голосовать только по вопросу о сохранении правительством права подписать мир, перебросили мост, благодаря которому центр остался в правительстве. Удалось избежать нового правительственного кризиса. Вследствие поведения оппозиции, образовавшейся в субботу, кабинет к $1^1/_2$ час. был снова на своем посту. В результате переговоров, Национальное собрание уполномочило министерство подписать мир без всяких условий; этому результату оппозиция посодействовала отнюдь не менее, чем партии большинства. В жуткие часы в понедельник утром и днем, я видел, как дрожали колени у многих героев, которые впоследствии не находили слов, чтобы достаточно резко очернить меня и кабинет. Какой-то долговязый депутат кричал так, что дрожали стены Национального собрания: „Где мой автомобиль! Где мой автомобиль! Я должен сейчас же ехать! Сегодня ночью появятся французские летчики!“ Подобные сцены не были единичными. И поведение германской национальной народной партии диктовалось подобными же мотивами; сначала в понедельник днем она предложила еще поименное голосование, тогда президент спросил: „Берет ли германская национальная народная партия ответственность за новую задержку решения своим требованием поименного голосования?“ Из палаты раздался возглас: „Теперь 3 часа, в 7 часов наступает враг“. Во время начавшегося страшного шума предложенне о поименном голосовании, насколько я мог слышать, было отклонено; во всяком случае германская национальная народная партия не настаивала на этом предложении, так как оно не было проголосовано. Непосредственно перед голосованием вождь демократов Фридрих Науман сказал мне:

„Сегодня вы нам необходимы, но мы вас сбросим через несколько месяцев, когда положение изменится". Я отвечал ему: „С меня довольно, что в этот самый тяжелый для Германии час, я принес себя в жертву отечеству". Задуманное в этот вечер покушение на меня со стороны запасных не удалось; через несколько дней обстреливали ночью мой рабочий кабинет в министерстве финансов, а другая комната, в которой предполагалась моя спальня, была разрушена ручной гранатой; при третьем покушении в Моабите рука божия явно защитила меня, и я был только легко ранен. Но ни эта „благодарность", ни вся ненависть врагов не колеблет моего убеждения, что подписание мира было тогда единственным путем к спасению немецкого народа.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Крушение германского империализма	3
I. Пропаганда	11
II. Вступление Италии в войну	32
III. В Ватикане	52
IV. У императора	59
V. В Константинополе	66
VI. Армянский вопрос	80
VII. Святые места в Иерусалиме	85
VIII. Болгария	89
IX. Румыния	100
X. В Вене	108
XI. Римский вопрос	119
XII. Массонство	123
XIII. Эльзас-Лотарингия	137
XIV. Польша	145
XV. Литва	156
XVI. Бельгия	169
XVII. Подводная война и выступление Америки	180
XVIII. Попытки к миру	198
XIX. Мирная резолюция рейхстага	222
XX. Мирное посредничество папы	240
XXI. Переход к парламентскому режиму	253
XXII. Военный разгром	281
XXIII. Путь в Компьень	295
XXIV. Перемирие	311
XXV. Борьба за заключение мира	337

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА—ПЕТРОГРАД,

МОСКВА, Софийка, уг. Рождественки, д. 4/8. Тел. 1-51-21.

Авдеев, Н. Революция 1917 года. Стр. 222. (Истпарт.) Ц. 60 к.

Анишев, Ан. Повесть о Красной Армии. 5 лет. Стр. 138. Ц. 50 к.

Антанта и Врангель. Сборник статей. Стр. 271. Ц. 90 к.

Бисмарк, О. Вильгельм II. Воспоминания и мысли. С пред. М. Павловича. Стр. 175. Ц. 75 к.

Большевитские тайные типографии в Москве и Московской области, (Истпарт). Стр. 114. Ц. 50 к.

Белов, В. Белая печать. Стр. 126. Ц. 30 к.

Его же. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутьи. Стр. 148 Ц. 60 к.

Виллиам, Г. Распад добровольцев („Побежденные"). Из материалов белогвардейской печати. Ц. 1 р. 25 к.

Витте, С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. I. Стр. 471. Ц. 2 р. 25 к.

Его же. Воспоминания. Николай II. Т. II. Стр. 518. Ц. 2 р. 25 к.

Гуль, Р. Ледяной поход (с Корниловым.) Предисл. Н. Л. Мещерякова. Стр. 166. Ц. 50 к.

Дневник П. А Крапоткина. С пред. А. А. Борового. С портретом. Стр. 292. Ц. 1 р.

Зиновьев, Г. Об антисоветских партиях и течениях. Стр. 55. Ц. 20 к.

Его же. Очередные вопросы. Наши задачи. Государство и партия. Стр. 93. Ц. 25 к.

Иоффе, А. А. От Генуи до Гааги. Сборник статей. Стр. 43. Ц. 15 к.

Лелевич, Г. В. В дни Самарской учредилки. Стр. 47. Ц. 6 к.

Лепешинский, П. На повороте. Воспоминания. Стр. 237. Ц. 45 к.

Луначарский, А. Бывшие люди. Очерк истории партии эс-эров. Стр. 81. Ц. 20 к.

Каменев, С. Меньшевики первой русской революции. Стр. 143. Ц. 20 к.

Крыленко, Н. С. За пять леть. Обвинительные речи (1918–1922). Стр. 525. Ц. 1 р. 20 к.

Курлов, П. Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира корпуса жандармов. С пред. М. Павловича. 1923 г. Стр. 396. Ц. 75 к.

Лопухин, А. А. Отрывки из воспоминаний (По поводу воспоминаний гр. С. Ю. Витте). С пред. М. Н. Покровского 1923 г.

Максаков, В. и Нелидов, М. Хроника революции. Вып. I (Истпарт). Ц. 70 к.

Материалы для истории анти-еврейских погромов в России. Т. II. Под ред. и со вступ. статьей Г. Я. Красного-Аданеми. Стр. 547. Ц. 3 р. 50 к.

Мировой фашизм. Сборник статей. Предисл. Н. Л. Мещерякова (печатается).

Мемуары германского кронпринца. С пред. В. Кряжина. Стр. 272 Ц. 75 к.

Моризе. У Ленина и Троцкого. Стр. 282. Ц. 70 к.

Ногин, В. На полюсе холода. Стр. 163. Ц. 80 к.

Носке, Г. Записки о германской революции (От восстания в Киле до заговора Каппа). 1922. Стр. 186. Ц. 60 к.

Ольминский. Три года в одиночной тюрьме. Стр. 191. Ц. 60 к.

Его-же. Из прошлого. Сборник статей. Стр. 84. Ц. 25 к.

Палеолог, М. Царская Россия. Перев. и пред. Павловича. М. 1922 г. Стр. 314. Ц. 1 р.

Паозерский, М. Ф. Русские святые перед судом истории. Стр. 156. Ц. 40 к.

Его же. Чудотворные иконы. Стр. 50. Ц. 50 к.

Сандомирский, Г. Фашизм. Пред. Н. Л. Мещерякова. Стр. 174. Ц. 80 к.

Стеклов, Ю. Степан Халтурин (1857—1882). С портретом. Стр. 70. Ц. 10 к.

Уэллс, Г. Международная катастрофа и ее последствия. С предисл. Р. Арского. Стр. 128. Ц. 50 к.

Фашизм в Италии. Сборник статей с пред. Н. Л. Мещерякова. Стр. 99. Ц. 20 к.

Федосеев, Н. Один из пионеров революционного марксизма в России (Сборник воспоминаний). Стр. 184. Ц. 40 к.

Фишер. В России и в Англии. Стр. 104. Ц. 20 к.

Фурманов-Чапаев. Сборник статей (Истпарт). Ц. 1 р.

Штейн, Б. Е. Генуэзская конференция. Стр. 126. Ц. 20 к.

Шейдеман, Ф. Крушение Германской империи. С пред. М. Павловича. Стр. 326. Ц. 75 к.

Типография ПЕПО, Лештуков пер., д. № 13.

Петроблит № 3920. Отпечатано 7000.